
Внимание! Файл скачан с портала – <http://natahaus.ru/>
This file was downloaded from natahaus.ru portal

Файл взят с сайта <http://www.natahaus.ru/>

где есть ещё множество интересных и редких книг,
Данный файл представлен исключительно в
ознакомительных целях.

Уважаемый читатель!

Если вы копируете данный файл,
Вы должны незамедлительно удалить его
сразу после ознакомления с содержанием.
Копируя и сохраняя его Вы принимаете на себя всю
ответственность, согласно действующему
международному законодательству .
Все авторские права на данный файл
сохраняются за правообладателем.
Любое коммерческое и иное использование
кроме предварительного ознакомления запрещено.

Публикация данного документа не преследует
никакой коммерческой выгоды. Но такие документы
способствуют быстрейшему профессиональному и
духовному росту читателей и являются рекламой
бумажных изданий таких документов.

Все авторские права сохраняются за правообладателем.
Если Вы являетесь автором данного документа и хотите
дополнить его или изменить, уточнить реквизиты автора
или опубликовать другие документы, пожалуйста,
свяжитесь с нами по e-mail - мы будем рады услышать ваши
пожелания.

9(И4)Фр.

ББК 63.3(2)

Ф 84

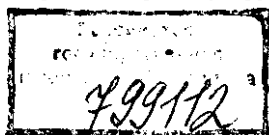
Перевод с немецкого
Вальяно Д.Н.
Хаэт Т.П.

Французские короли и императоры. Се-
Ф 84 рия «Исторические силуэты». Ростов-на-Дону:
«Феникс», 1997.— 576 с.

Кому хоть отчасти интересующемуся историей не знаком образ Людовика XIV, «короля-солнце», «абсолютного» монарха во всем его великолепии? Или коронование покорившего почти всю Европу императора Наполеона I? В ряду французских королей и императоров немало живописных и незаурядных персонажей, фактически определивших ход не только французской истории, но и истории Европы.

Через призму личностей правителей автор детально анализирует проводимую ими внутреннюю и внешнюю политику, военные кампании и развитие государственности, превращая фундаментальное научное исследование в захватывающий рассказ об истории Франции XV—XIX веков.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ISBN 5-222-00194-6

ББК 63.3(2)

Französische Könige und Kaiser der Neuzeit

© С.Н. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, München, 1994

© Перевод: Хаэт Т. П., Вальяно Д. Н., 1997

© Оформление: издательство «Феникс», 1997

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Людовик XII (1498—1514)	
<i>Найтхард Булст</i>	29
Франциск I (1515—1547)	
<i>Альфред Колер</i>	66
Генрих II (1547—1559)	
<i>Райнер Бабель</i>	91
Франциск II (1559—1560)	
<i>Райнер Бабель</i>	115
Карл IX (1560—1574)	
<i>Райнер Бабель</i>	124
Генрих III (1547—1589)	
<i>Илья Мик</i>	149
Генрих IV (1589—1610)	
<i>Эрнст Хинрикс</i>	181
Людовик XIII (1610—1643)	
<i>Альберт Кремер</i>	217
Людовик XIV (1643—1715)	
<i>Клаус Малеттке</i>	237
Людовик XV (1715—1774)	
<i>Петер Клаус Хартманн</i>	292
Людовик XVI (1774—1789/92)	
<i>Петер Клаус Хартманн</i>	335

Наполеон I (1799/1804—1814/15)	
<i>Ханс Шмидт</i>	381
Людовик XVIII (1814—1824)	
<i>Ханс Ульрих Тамер</i>	466
Карл X (1824—1830)	
<i>Ханс-Ульрих Тамер</i>	493
Луи-Филипп (1830—1848)	
<i>Михаель Эрбе</i>	509
Наполеон III (1848/52—1870)	
<i>Михаель Эрбе</i>	533
Авторы	570

Предисловие

Даже если трактовать высказывание Трайчке: «Историю делают люди» в очень узком смысле, как это свойственно более молодому направлению в историографии с его структуралистскими тенденциями, то и тогда окажется, что именно французские короли и императоры нового времени во многом определили пути развития Франции и всей Европы. Галерея характеров правителей предстает в контексте их политической деятельности, внутренней и внешней политики; перед нами разворачивается сама история Франции, разделенная, словно на главы, на периоды правления того или иного монарха, начиная с Людовика XII, т.е. с 1498 г., и до 1870 г., когда в лице Наполеона III был свергнут последний французский самодержец.

Когда издательство С.Н. Веск обратилось ко мне с предложением стать ответственным редактором такого рода сборника, я, несмотря на занятость, согласился без особых колебаний; меня привлекла эта задача. Издательством было предусмотрено, что книга будет построена по типу выпущенной А.Шиндингом и В.Циглером книги «Императоры нового времени». Итак, мы имели образец формального построения труда. Как и там, мы сознательно отказались от обширных комментариев. Мы просили авторов излагать текст в доступной, легко читаемой форме, ориентируясь на широкий круг читателей, и осветить как характер соответствующего правителя, так и проводившуюся им внешнюю и внутреннюю политику, развитие госу-

тюф» (1664—1669), «Скупой» (1668), «Мещанин во дворянстве» (1670), «Мнимый больной» (1573) и др., и Жан Расин (1639—1699), создавший классические трагедии «Андромаха» (1667), «Британник» (1669), «Береника» (1670), «Ифигения» (1674) и т.д. Пожалуй, именно Расин в наиболее чистом виде воплощал французский классицизм с его простотой и гармонией, изысканным языком и поэтикой. Конец 17 века начался со «ссоры старых и новых» — это было новоротным пунктом, началом разрыва с классическими идеалами. У последних классиков, Ла Брьюера и Фенелона, уже чувствуется дух рационализма.

Музыка времен Людовика XIV — это прежде всего сочинения Ж.Б.Люлли (1632—1687) и М.А.Шарпантье (1634—1704); затем Дж.Ф.Рамо (1683—1764). Вслед за христианским и монархическим 17 веком пришел 18 век, когда ведущие умы все чаще с позиции разума ставили под сомнение доселе неприкосновенные авторитеты — религию, монархию, существующий социальный порядок. Злоупотребления и неполадки в церкви, в самой монархической власти, среди дворянства давали повод для едкой критики и опровержения традиционных авторитетов. В передовых в интеллектуальном отношении слоях общества очень скоро получили широкое распространение антихристианские, антимонархические и космополитические идеи, а с 1750 г. начались яростные нападки на монархический режим и поддерживавшую его церковь. Все это разлагало господствующий порядок и формировало революционное сознание, сделавшее возможным пожар революции 1789 г.

В эту эпоху — эпоху Просвещения — искусство уступило свои позиции. В литературе, как и в других областях, теперь особый интерес вызывали политические и социальные вопросы. Образовательные слои общества исповедовали философию французского Просвещения с ее критикой метафизики и авторите-

ции, с ее эмпиризмом и деизмом, который часто граничил с материализмом и атеизмом.

Если в 1715—1750 гг. борьба философов, когда Монтескье (1689—1755), например, в своем «Духе законов» требовал разделения власти, носила еще весьма умеренный характер, то в период 1750—1789 г. она вылилась в яростное противодействие старому режиму. Выдающимся писателем и философом Просвещения был Вольтер, мастер слова и критик религии (1694—1778). Развернули свою деятельность энциклопедисты во главе с д'Аламбером (1717—1783) и Дени Дидро (1713—1784), проповедовавшие победу разума и атеизма. Особую роль сыграл Жан-Жак Руссо (1712—1778), который полагал, что человек по своей природе хорош, и только цивилизация и собственность его портят. Он требовал обновления общества путем заключения «общественного договора» — с этой концепцией, отмеченной сильным влиянием кальвинистского учения о народовластии, он познакомился у себя на родине, в Женеве. Книги Руссо стали своего рода библией для революционеров, особенно для Робеспьера, повлияли на Декларацию прав человека, их воздействие заметно и в более поздних социалистических и коммунистических теориях.

II. Правители Франции 19 века

«Абсолютная» королевская власть не могла долее справиться с катастрофическим состоянием экономики; привилегированные слои сопротивлялись проведению самых необходимых реформ; и в начале мая 1789 г. Людовик XVI созвал Генеральные Штаты. Это стало началом конца старого режима: очень скоро три революционных акта сильно изменили облик Франции. 17 июня 1789 г. депутаты третьего сословия, объединившись с частью депутатов от духовенства и дворянства, провозгласили себя Национальным собранием как

стране фактически упразднение церковной земельной собственности, усиление способных к развитию предприятий, увеличение земельной собственности городской знати и известное уменьшение и измельчание имущества дворян». Однако в конечном счете распределение французской земельной собственности в 19 веке было не менее неравномерно, чем это имело место при старом режиме.

В общем и целом Великая революция 1789 г. мало изменила положение низших и средних слоев населения. Больше всего пострадали духовенство и церковь, тогда как дворянство лишь отчасти понесло урон, а в эпоху Реставрации условия вновь стали для него благоприятными. При Наполеоне дворянское сословие сильно пополнилось за счет нового дворянства. В наибольшем же выигрыше в результате революции оказалась крупная буржуазия. Это в особенности относилось к городу, но и к деревне тоже. В связи с системой цензов, до 1848 г. регулировавшей избирательные права, этот слой знати и при монархии оставался определяющей группой населения, пока Наполеон III после короткой парламентско-демократической интерлюдии Второй республики не застраховал свое авторитарное правление от возможного давления со стороны этой высшей буржуазии использованием чисто бонапартистского метода плебисцита.

Найтхард Булст

Людовик XII 1498—1514

Родился 27 июня 1462 г. в Блуа; герцог Орлеанский с 1465 г.; король Франции с 7 апреля 1498 г.; помазание в Реймсе 27 мая 1498 г.; умер 31 декабря 1514 г. в Париже, похоронен в Сен-Дени.

Отец: герцог Карл Орлеанский (1394—1465), сын Людовика I Орлеанского (ум. в 1407) и Валентины Висконти, дочери герцога Миланского Джангалеаццо Висконти (1351—1402).

Мать: Мария Клевская (ум. в 1487), дочь Адольфа Клевского (1370—1448) и Марии Бургундской (ум. в 1482).

Первый брак с Жанной Французской (1464—1505), дочерью короля Людовика XI, заключен 8 сентября 1476 г., аннулирован 22 декабря 1498 г. как бесплодный; второй брак с вдовой короля Карла VIII, Анной, 1477 г.р., герцогиней Бретани, заключен 8 января 1499 г.; смерть Анны — 9 января 1514 г.; две дочери: Клотильда, род. 15 октября 1499 г., ум. 20 июля 1524 г., брак с герцогом Франциском Ангюлемским, королем Франциском I, преемником Людовика XII, 18 мая 1514 г.; Рене, род. 25 октября 1510 г., ум. 12 июня 1575 г., брак 20 июля 1527 г. с герцогом Феррарским, Эрколе д'Эсте. Третий брак с Марией (1496—1533), сестрой короля Англии Генриха VIII, 9 октября 1514 г., бездетный. Незаконный сын

от связи с горожанкой, Мишель де Бюсси, род. в 1485 г., архиепископ Буржский (1505—1511) и кардинал. Сестры Людовика: Мария (1457—1493), замужем за виконтом Нарбоннским, Жаном де Фуа; Анна (1461—1491), аббатисса де Фонтевро (1477—1491).

Герцог Орлеанский

Парламентское собрание 1506 г. присвоило ему почетный титул «Pere du peuple» — «Отец народа»; его царствование принято считать великим; это не помешало современному биографу Бернару Кийе (1986 г.) называть его ничем не примечательным, а самого короля — посредственностью.

Что же за человек был этот король, при рождении которого 27.06.1462 г. в отцовском замке в Блуа нелепостью показалось бы предсказание, что ему предстоит занять трон французских королей: ведь он находился на третьем месте в ряду престолонаследников после брата короля и своего собственного отца. Сам Людовик XI выказывал явное раздражение по поводу рождения этого «престолонаследника», и в узких кругах открыто ставил под сомнение законность столь позднего отпрыска, хотя и не заявлял об этом никогда официально.

Отцу его Карлу, герцогу Орлеанскому (ум. в 1465), к моменту рождения Людовика уже 22 года женатому на Марии Клевской, было почти 70 лет, и крепким здоровьем он не отличался. Он был внуком короля Франции Карла V, таким образом, Людовик XII, как и царствующий король Людовик XI, был правнуком Карла V. Такое происхождение давало ему право претендовать на трон при условии, что король Людовик XI и его брат умрут, не оставив после себя наследников. Людовик XII, как и его предшественник, умрет раньше Людовика, не оставив законных сыновей. У короля

Людосвик XII (1498—1514)

Людовика был прямой наследник — единственный сын, родившийся 30.06.1470 года, будущий Карл VIII (1483-1498). Почти не имея надежд на французский трон, Людовик, по-видимому, рассчитывал на другую возможность — на перешедшее к нему после смерти его отца в 1465 году право претендовать на герцогство Миланское. Как сын Валентины Висконти, дочери Миланского герцога Джангалеаццо Висконти, к которой после смерти ее брата Филиппо Марини (умершего в 1447 г., не оставив сыновей) должно было перейти по наследству герцогство, Карл Орлеанский считал себя законным наследником Милана, и его сын Людовик вслед за ним. Не считая вступления на французский трон, одним из самых страстных стремлений Людовика было, по-видимому, получение этого наследства.

Неприязнь Людовика XI к Орлеанскому дому имела две причины: во-первых, их виды на трон и, во-вторых, их сильное влияние как крупных поместных князей, противостоявших власти короля. Эта неприязнь подсказывала ему действительно дьявольскую идею — нанести удар по будущему Орлеанскому дому. Вскоре после рождения Людовика у короля 23.04.1464 родилась дочь с физическим уродством, и прежде чем этот факт стал всем известен, ему удалось сговориться с ничем не подозревавшим отцом Людовика о будущей свадьбе детей. Не приходилось ожидать, что этот брак будет счастливым, он вполне мог остаться бездетным. Позднее, когда состояние несчастной принцессы уже ни для кого не было тайной, мать и свекор попытались расстроить эти планы. Но король остался неумолим и, несмотря на сопротивление, принудил таки в 1476 г. заключить этот брак. Не в его силах было, однако, заставить герцога Орлеанского с ним примириться. Жанне, искренне любившей своего супруга, ухаживавшей за ним, не боясь заразиться, когда в 1483 г. он заболел оспой, — это было начало длин

ной вереницы свалившихся на него болезней — так никогда и не удалось победить нелюбовь герцога. Вид новобрачных на роскошном брачном пиру — юный герцог не притрагивался к еде и, ни на кого не обращая внимания, рыдал от злости и бессилия, а невеста лила слезы от обиды и разочарования — не сулил ничего хорошего. Только угрозы короля могли заставить юного мужа посещать — впрочем, очень редко и ненадолго — покой жены, жившей отдельно от него в замке Линьер. Вступив на трон, он уже через несколько месяцев затеял дело о признании брака недействительным, чтобы жениться на королевской вдове Анне, герцогине Бретонской. На суде он, несмотря на возражения своей жены, утверждал, что в течение всех двенадцати двух лет совместной жизни между ними так и не было супружеских отношений.

Жизнь герцога, отстраненного королем от политической деятельности и пытавшегося найти утешение в роскоши и распутстве, казалось, полностью определили многочисленные любовные интрижки, охота и другие «подобающие его положению» развлечения. Однако когда брат Людовика XI умер, не оставив наследников, а Карл так и остался единственным сыном короля, позиции герцога Орлеанского заметно усилились: теперь он становился вторым претендентом на престол, непосредственно вслед за прямым наследником, Карлом. Быстро дряхлевшему Людовику XI было очень хорошо понятно, какую угрозу представляет это для несовершеннолетнего престолонаследника. В октябре 1482 г. он обязывает герцога присягнуть на верность престолонаследнику и дать клятву, что он откажется от регентства, на которое имел полное право претендовать. После смерти короля его должны были получить дочь и зять Людовика XI, Анна и Пьер де Боже. Разумеется, Людовик Орлеанский так же мало чувствовал себя связанным клятвой, данной на Евангелии, как и позднее, когда уже вззошел на трон. Мно-

гочисленные договоры он нарушал так же часто, как и остальные их участники.

Король видел потенциальную опасность для своего сына прежде всего в традиционно хороших отношениях Орлеанского дома с герцогом Бретонским Франциском II, врагом Людовика и союзником герцога Бургундского Карла Смелого, а также с братом Людовика Карлом — в их споре за владение Нормандией в 1467 и 1468 г. От этого он и пытался защитить своего сына, связав Людовика Орлеанского клятвой.

Его опасения не были беспочвенными. Как только после смерти короля 30.08.1483 г. давление на герцога ослабло, он в союзе со старыми противниками умершего монарха начинает развивать политическую активность — вначале тайно — против наследника и его временных опекунов, де Боже. Насколько он был охвачен нетерпением, можно видеть из того, что еще в августе 1483 г. он начал тайные переговоры с герцогом Бретани, стремясь освободиться от тягостного бремени, взваленного на него Людовиком XI, т.е. от жены Жанны.

После признания недействительным брака с Жанной он хотел жениться на Анне, единственной дочери герцога и наследнице герцогства Бретонского. Герцог охотно согласился на это предложение. Свое намерение он осуществил только через 15 лет, поскольку де Боже удалось добиться брака Анны с их подопечным, Карлом VIII, что обеспечивало короне право на герцогство Бретонское.

Так и во второй попытке завоевать власть и политическое влияние еще неопытный молодой герцог потерпел поражение. Противникам удалось щедрой раздачей земель, титулов, ренты и других милостей знатым поместным дворянам, лишенным Людовиком XI их власти и могущества, обуздать первые проявления открытой вражды к сыну умершего короля. Сам Людовик Орлеанский тоже попользовался этой щед-

ростью. Войска, отданные под его начало, крупная рента в 24 000 фунтов, такой источник постоянных доходов, как прием в основанный королем Людовиком орден святого Михаила, были почетными привилегиями, которые внешне отдавали дань его положению первого принца крови, не открывая, впрочем, доступа к обсуждению государственных дел. Такую возможность Людовик надеялся получить от Генеральных штатов, которые имели право вывести юного короля из-под влияния де Боже и назначить королевский совет из нескольких человек, подобранных им самим, и регентство под его управлением. По крайней мере, такими могли быть его ближайшие цели, когда он еще в сентябре 1483 года требовал — и добился — созыва Генеральных штатов. Однако он и связанная с ним оппозиция (предполагаемые будущие члены королевского совета — герцог Иоанн II Бурбонский, старший брат Пьера де Боже, Франсуа Орлеанский, граф Дюнуа, граф Комменж, а также епископы Периге и Кутанса) позволили де Боже добиться такого порядка проведения выборов в Генеральные штаты, что в конечном счете все интересы оппозиции на заседаниях Генеральных штатов с января по март были обречены на провал. Не к выгоде Людовика оказалось и то, что практически в последний момент место заседаний штатов было перенесено из Орлеана в верный королю Тур. Председательство герцога Орлеанского на собраниях парламента носило чисто формальный характер, поскольку было действительно лишь в отсутствие короля. Когда же в январе 1485 г. провалилась и кампания Людовика, к которому присоединился герцог Бретонский, с целью собрать Генеральные штаты в обновленном составе, Людовик Орлеанский уже не видел иного пути для осуществления своих притязаний, кроме прямого столкновения, вплоть до вооруженной борьбы, с королем. Однако на этом пути он добился так же мало успеха, как и прежде. Его

союзники имели каждый свои обязательства, а временами преследовали различные цели, что вовсе не способствовало успеху. В их числе были граф Дюнуа, принц Орлеанский, герцог Бретонский и Ален д'Альбре, а также его иноземные сторонники — английский король и австрийский эрцгерцог, Максимилиан. Максимилиан и Ален д'Альбре, как и сам Людовик, пытались с помощью брака с Анной, дочерью герцога бретонского, заполучить Бретань.

Военный конфликт начала XVI века, получивший название «бессмысленной войны» — «*insana militia*», (fr. *Guerre folle*), закончился для Людовика плачевно: он едва не погиб 28.07.1488 г. в битве при Сент-бен-дю-Кормье, маленьком бретонском городке. Мало вооруженная и значительно уступавшая противнику в численности армия союзников потерпела поражение от королевского войска, находившегося под командованием 27-летнего Людовика II Тремуйского, герцога де Бенон и де Гуин и принца Тальмондского, которому позднее, в итальянском походе, предстояло стать одним из наиболее выдающихся и преданных Людовику военачальников. Личная храбрость и компетентность в военном деле самого Людовика, сумевшего за прошедшие годы накопить военный опыт, не вызвали сомнений. Только осторожность де Тремуйского спасла его от рассвирепевшего швейцарского ландскнехта, который уже теснил его с оружием в руках.

Людовик был без суда брошен в тюрьму и следующие три года провел в заключении в ужасных условиях. Тюремщики изводили его грубым обращением, пока наконец он не был переведен в Бурж, в самое темное подземелье. Тот факт, что он единственный из всей оппозиции так долго содержался под стражей, подтверждает, какую опасность представлял он в глазах Божьих для короля, все еще находившегося под их влиянием; ведь при дворе нашлись ходатаи за его освобождение. За это, однако, он

он был благодарить только свою нелюбимую жену Анну. После напрасных попыток смягчить свою сестру, Анну де Боже, она обратилась непосредственно к своему брату, Карлу VIII, — и добилась успеха. Ровно три года после взятия под стражу, 27.06.1491 г., Карл решился, не спрашивая согласия Анны, освободить Людовика, вернуть ему свою милость и восстановить отобранные у него права.

В противоположность Анне, не скрывавшей враждебного отношения к герцогу, король сохранял к Людовику скорее дружеские чувства. Ведь именно Людовик посвятил его в рыцари во время коронации, а по принятому тогда кодексу дворянской чести это связывало их личными узами. Освобождение без каких-либо условий и ограничений и примирение с королем, прискакавшим из Тура в Фирцон, куда он приказал привезти к нему заключенного из соседнего Буржа, должно было стать для Людовика благодетельным потрясением.

Вместе с возвращенной благосклонностью короля, а также получением Нормандии, переданной ему вместо Иль-де-Франс, Людовик не только вернул свои прежние позиции принца крови, но и получил то, чего так долго и напрасно добивался — король был теперь открыт его советам и влиянию. Впрочем, за это требовалась определенная плата: следовало оставить всякие попытки избавиться от Жанны. Это выглядело как окончательный отказ от женитьбы на Анне. Теперь, после смерти отца, последовавшей вскоре за сокрушительным поражением под Сент-Обен-дю-Кормье и подписанием униженного мирного договора, она стала герцогиней Бретонской. И когда Карл перед лицом усилившихся притязаний со стороны Максимилиана в свою очередь стал добиваться брака с Анной, чтобы иметь возможность присоединить к королевству Бретань, Людовик, как советник короля, вел от его имени с Анной переговоры по этому вопросу.

ы жениться на Анне, Карл должен был расторгнуть заключенный еще при жизни отца союз с дочерью Максимилиана Маргаритой; она еще в 1488 г. шестилетнем возрасте прибыла во Францию, где воспринималась как будущая королева. Кроме того, Анна, отрянувшая на разрыв мирного договора от 1488 г., подала свою руку Максимилиану и даже отпраздновала помолвку. Успех Карла имел для Людовика, помимо, еще и то неблагоприятное последствие, что Маргарита как правительница Нидерландов могла стать серьезной противницей Людовика XII. Брак между Карлом VIII и Анной был отпразднован в декабре 1498 г. Вопрос, поставил ли Людовик одним из условий брачного договора то, что в случае смерти короля Карла может снова выйти замуж только за его наследника или преемника, остается открытым. Что Людовик все еще мечтал о браке с Анной и, несмотря на болезнь, надеялся пережить короля, бывшего же него на 8 лет, в принципе возможно, хотя и маловероятно. Его отрицательное отношение к ней, несмотря на все, что она сделала для его оседлости, сохранилось. Однако в остальном все его отношение к ней глубоко переменялось. Хотя турниры, пиры, охоты и распутство, как и связанные с ними финансовые проблемы, не исчезли из его жизни, они отошли на задний план и не мешали ему серьезно и активно управлять Нормандией. Так, именно благодаря его дипломатическим усилиям англичане отказались от уже запланированной высадки в Нормандию.

10.1492 г. Анна произвела на свет здорового сына, которого окрестили Шарль-Орланд. Предстоявший итальянский поход Карла, в результате которого он надеялся присоединить королевство Неаполитанское, был для Людовика возможностью реализовать свое желание своего собственного дома на герцогство Миланское, находившееся в руках Лодовико

Сфорца, прозванного «il Мого». Однако расчетливо заключенный Лодовико союз с Карлом VIII, который тот обязался соблюдать во время похода на Неаполь, расстраивал эти планы. Рост могущества Людовика в случае захвата герцогства Миланского не мог не тревожить короля и его советников. Болезнь помешала Людовику сопровождать в походе короля дальше, на юг Италии, и позволила ему задержаться в своем ленном владении Асти. Карл поставил его не во главе войска, а только во главе флота — задача для Людовика непривычная и явно не доказывавшая благосклонности короля. Когда Лодовико Сфорца попытался в нарушение договора захватить Асти, важный форпост на пути из Франции в Италию, Людовик оказал ему сопротивление. Ободренный успехом, он единым натиском, почти без кровопролития взял Новару, где население радостно приветствовало его. Однако он не сумел воспользоваться шансом и свергнуть узурпатора Лодовико, ненавистного жителям, и тому удалось вновь собрать войско и запереть Людовика в Новаре.

Хотя в Неаполе Карлу VIII сопутствовал успех и он вышел победителем из битвы с войсками Ломбардской лиги при Форново 6.07.1495 г., он больше месяца медлил, прежде чем прийти на помощь осажденному Людовику. Последствия осады становились все ощутимее: в городе распространялись болезни, запасы продовольствия быстро истощались, питьевой воды не хватало. Карл был в окрестностях Асти уже 27 июля, но только 8 сентября он двинул, наконец, войско на Лодовико, не проявляя, впрочем, особой спешки. Лишь 28 сентября Людовик смог покинуть город, после того как Карл и Лодовико договорились о снятии осады и беспрепятственном выводе войск. За это герцогу Миланскому была возвращена Новара. Поведение Карла, сравнившегося с самим Людовиком в предательстве, привело к тому, что вражда между ними

обострилась. Однако в последующие годы Людовику нельзя было поставить в вину какие бы то ни было нелояльные действия по отношению к королю. Внезапная смерть единственного сына Карла после недолгой болезни в декабре 1495 г. внесла свой вклад в начавшееся отчуждение. После того как в 1496 и 1497 г. умерли, едва родившись, еще двое сыновей королевы Анны, а в начале 1498 г. она разрешилась от бремени мертвой девочкой, Людовик ощутимо приблизился к вождественному трону, тем более, что здоровье короля явно ухудшилось. Только предельно тактичным поведением, полным отказом от всего, что могло восстановить против него королевскую чету и его противников при дворе, Людовик избежал нового обострения отношений.

С кончиной Карла VIII 7 апреля 1498 г. путь к трону для Людовика был свободен. Никто больше не мог помешать ему развестись с нелюбимой женой Жанной, а также попытаться завоевать герцогство Миланское, законным властителем которого он себя считал. Наконец, теперь к нему переходили права Анжуйского дома: право на королевство Неаполитанское.

Король

Весть о смерти короля в Амбуазе застигла Людовика вблизи Блуа. Никто не пытался серьезно оспаривать его право на трон. Наоборот, многие, прежде действовавшие против него, поспешили уверить в своей преданности. Тех, кто с полным основанием мог ожидать, что им придется исчезнуть с политической сцены, он покори́л своим великодушием и таким образом превратил в надежную опору трона. Так случилось с Луи де ла Тремуем, с Анной и Пьером де Боже, которым угрожала потеря родового поместья Бурбоннэ, поскольку у них не было наследника мужского пола.

Он разрешил им ввести в права наследования дочь. Даже в королевском совете не произошло никаких коренных изменений, несмотря на то, что место его главы перешло теперь к зятю Людовика Жану де Фуа, мужу его сестры Марии. Политика, которую Людовик мог бы выразить словами: «Король Франции не помнит несправедливостей, причиненных герцогу Орлеанскому», способствовала беспрепятственному переходу трона от главной ветви Валуа к побочной Орлеанской ветви.

Еще при жизни Карла VIII, после смерти престолонаследника Шарля-Орланда, когда вероятность того, что трон перейдет к нему, возросла, Людовик начал интенсивно изучать действующее право, историю и обычаи жителей королевства. Его главнейшим советником в этом был Жорж д'Амбуаз (1460—1510), которому близость к Людовику уже в 1487 году принесла гонения и даже тюремное заключение. Вновь милостиво принятый ко двору, он стал одним из самых ревностных защитников томившегося в плену Людовика. Ему же в конце концов удалось и подвигнуть Карла помочь осажденному в Новаре Людовику. После того как он в 1493 г. при поддержке Людовика получил один из богатейших приходов Франции, архиепископство Руанское, Нормандия, где правителем был Людовик, стала первым общим полем деятельности для герцога и его первого советника, на которого Людовик в 1494 г. возложил обязанности своего заместителя (*lieutenant*) в Нормандии. Из-за очень тесных отношений, существовавших между ними, едва ли возможно различить, когда и в какой степени Жорж д'Амбуаз влиял на короля и направлял его действия, а когда он главным образом прилагал усилия, чтобы воспрепятствовать его желаниям и решениям.

Финансовое положение страны, которое застал Людовик, было отчаянным. Итальянская авантюра Карла VIII опустошила казну. Но все же Людовик

отказался от шага, который был бы вполне понятен в этой ситуации — не стал обременять население новыми налогами. Напротив, он даже пошел на их снижение на 200 000 ливров. А пышная церемония погребения Карла VIII была не просто тонким политическим расчетом, но выражением искреннего чувства. Не могло не вызвать к нему расположения и то, что он потратил на нее собственные средства, не трогая и без того опустевшую казну, на что, впрочем, имел бы полное право. И на помазание священным елеем в Реймсе 27.05.1498 г., на торжества по случаю коронации, на парадный въезд в Париж он не взимал никаких дополнительных налогов. Его предшественнику, например, Генеральные штаты для этой цели предоставили в 1484 г. 300 000 ливров.

Среди участников праздника не было жены короля Жанны Французской. Ее отсутствие ясно показало, что должно произойти. Расторжение брака с Жанной казалось необходимым и с точки зрения государственной политики. Во-первых, Людовик был заинтересован в браке, в котором имел бы детей. Во-вторых, нужно было в результате брачного союза короля с вдовствующей королевой Анной предотвратить угрозу потери герцогства Бретонского. Между тем Анна уже вернулась к себе на родину и вновь заняла место законной властительницы Бретани.

Поскольку нужно было создать хотя бы видимость уважения к действующим законам, единственным путем было признание папой брака недействительным. Жанна отклонила первое предложение короля разойтись по взаимному согласию и подтвердила под присягой, что ее брак был осуществлен в действительности. Исход начавшегося 10.08.1498 г. процесса был предрешен. Состав суда с тремя выбранными папой судьями, председателем, кардиналом и епископом Ле Мана Филиппом Люксембургским, бывшим еще в Генеральных штатах в Туре одним из представителей

интересов Людовика Орлеанского, а затем ближайшим советником брата Людовика, Жоржем д'Амбуазом; епископом Альби, Луи д'Амбуазом, и еще одним преданным папе епископом не оставлял никаких сомнений в исходе процесса. После того как король под присягой отрицал показания своей жены о том, что их брак был полностью осуществлен, 17.12.1498 г. суд объявил об отмене этого брака. Чтобы обеспечить Жанне подобающую ее положению жизнь и определенный доход, Людовик оставил ей герцогство Берри и плен. Она основала в Бурже, где жила впоследствии, орден Благовещения (1501), в который вступила сама, и где незадолго до смерти приняла обет.

Ответной услугой Людовика папе Александру VI стала передача графства Валантинуа и Диуа сыну папы Чезаре Борджиа. После женитьбы на Шарлотте д'Альбре он был посвящен в рыцари ордена Святого Михаила, и — знак высшего отличия — усыновлен королем, с правом носить в качестве члена королевской семьи имя «de France» и иметь в своем гербе три королевские лилии. Жорж д'Амбуаз, сыгравший важную роль в суде и переговорах с папой, был произведен в кардиналы. В 1501 г. он стал папским легатом во Франции, что дало ему наивысшую церковную власть в стране. Папа еще до аннулирования первого брака дал особое разрешение на брак Людовика и Анны, который из-за их близкого родства, по каноническому праву, был запрещен. Свадьбу отпраздновали уже 8.01.1499 г. В подробном брачном договоре было указано, что впредь господство над Бретанью и все связанные с ней постоянные доходы будут принадлежать только самой Анне, а после ее смерти сохранится независимость Бретани от королевства. Согласно бретонского сословного представительства король добился обещанием не посягать на их исконные права. Как и при похоронах Карла VIII и при собственной коронации, Людовик не только отказался от

оплаты расходов на свадебные торжества за счет налогов, но даже издал по этому случаю указ о еще одном разовом снижении налогов на 10% и заставил вернуть деньги, уже собранные слишком расторопными сборщиками. Прежде чем короновать Анну, он выждал до 1504 г., чтобы сгладить скандал, который вызвало признание его первого брака недействительным.

В этом браке Анне довелось родить еще четверых детей, однако выжили лишь дочери, Клотильда (род. 15.10.1499) и Рене (род. 25.10.1510), из двоих сыновей, родившихся в 1503 и 1512 гг., один прожил лишь несколько часов, а другой родился мертвым. Образ жизни короля после женитьбы на Анне постепенно изменился. Казалось, он оставил свои многочисленные любовные связи. Была ли причиной этого его любовь к жене, или же состояние здоровья (современные хроники часто называют короля, обремененного многочисленными недугами, «немоцным»), сказать трудно. В целом принято считать этот брак довольно гармоничным, хотя дело и не обходилось без ссор. Причиной их явились, во-первых, желание Людовика выдать замуж их дочь Клотильду за племянника (двоюродного) короля Франциска Ангулемского (он должен был стать первым претендентом на трон в случае смерти Людовика XII при отсутствии наследников мужского пола) и, во-вторых, возобновление прежней политики в отношении Италии, которая еще при Карле VIII наталкивалась на сопротивление Анны.

Первый год правления Людовика, до вступления 18.07.1499 г. французских войск в герцогство Миланское, отмечен началом коренных внутривнутриполитических преобразований. Король с усердием взялся за это дело — он желал править в стабильной, экономически процветающей стране, в которой соблюдаются право и порядок. Этот год, а также следующий, ознаменовал-

ся рядом мероприятий, в которых явно видна воля к коренным улучшениям в области права и управления, а также финансов и хозяйства страны. Помимо разработки совершенно новых идей были интенсивно продолжены и расширены начатые еще при Карле VIII мероприятия. В июле 1498 г. был учрежден задуманный Карлом VIII «Grand Conseil» [Большой совет] — имевшая чрезвычайные полномочия верховная судебная инстанция, состоявшая из двадцати постоянных членов, десяти представителей духовенства и десяти светских представителей. Все спорные случаи, не подлежавшие компетенции обычного суда, должны были направляться в этот совет. Таким стало, например, дело вальденсов, подвергшихся в Дофине гонениям со стороны архиепископа Эмбруннского; оно было передано в «Grand Conseil» и после длительного рассмотрения окончилось оправданием вальденсов. С возникновением областных верховных судебных трибуналов, феодального суда в Нормандии, в Руане (1499) и парламента в Провансе, в Эксе (1501) общее число парламентов увеличилось на семь. В подробнейшем указе, изданном непосредственно после заседания Дворянского собрания в марте 1499 г. и содержащем 162 статьи о «Justice et Police» [правосудии и правоохранительных органах] королевства, Генеральные штаты вновь ставили перед королем те же вопросы, что и пятнадцать лет назад; тогда, несмотря на одобрение Карла VIII и его советников, они в большинстве случаев так и остались на бумаге. Так, путем уменьшения числа и повышения квалификации высших чиновников предполагалось повысить эффективность юстиции и управления и уменьшить непомерные расходы на содержание аппарата, что должно было облегчить налоговое бремя и ускорить судопроизводство. При этом впервые в качестве минимального требования к квалификации судьи фигурировала университетская степень. Тут же говорилось и о таких

немаловажных частных вопросах, как правомерность допроса обвиняемого под пыткой, что в прошлом нередко бывало источником произвола и злоупотреблений. С другой стороны, торговля должностями приводила к тому, что высшие посты часто занимали далеко не самые подходящие из кандидатов. Указ также предусматривал запрет этой практики. Он был принят и утвержден Парижским парламентом только в 1512 г., однако к некоторым вопросам снова приходилось возвращаться в более поздних документах. Что касается распределения должностей, сам король нарушал предписание, продолжая назначать своих кандидатов на высшие должности, хотя Указом предусматривалось, что они являются выборными. Продолжалось получение мест за деньги, с помощью связей, в том числе родственных.

На тот же 1498 г. пришлось, пожалуй, самые напряженные усилия Жоржа д'Амбуаза по реорганизации монашества и университетов. Так называемые вечные студенты, жившие в свое удовольствие, отныне лишались преимуществ. Устанавливался определенный срок обучения в каждой области; и теперь только этим временем ограничивался период, когда студенты не подлежали ведению постоянно действующих судов. Специальный ордонанс, выписанный на имя главы ордена Премонстратенсера — в последующие годы и другие ордена получили соответствующие предписания, — обязывал орден соблюдать свой устав, поскольку роскошь, нарушения обета целомудрия и прочие вольности получили широкое распространение. В обоих случаях потребовалась вся полнота королевской власти, чтобы сломить сопротивление заинтересованных учреждений и их представителей.

Серия королевских указов первого года правления касалась хозяйственных и финансовых вопросов. Указы о денежном обращении, чеканке монет, таможенных пошлинах, торговле и т.п. говорят о том,

сколько усилий было приложено, чтобы умножить богатство страны и ее жителей, — четкими предписаниями, унификацией монетной и таможенной систем, регламентацией судопроизводства. В результате, как пишет Клод де Зейсель в своей «Похвале королю Людовику XII» (1508), прирост населения привел не к обнищанию, а к росту благосостояния, постоянных доходов и изобилию.

К числу мер правительства по наведению в стране единого порядка относится также создание единого Кодекса обычного права, действовавшего на некоторых территориях вместо римского права, существовавшего в южных областях Франции. Тут тоже д'Амбуаз явился, по-видимому, главной движущей силой. Он участвовал в утверждении Турских кутюмов (обычаев) представителями трех сословий в 1505 г. Если эта грандиозная попытка и не была завершена в период правления Людовика, все же существенный прогресс был достигнут. Новые своды законов, которые начал составлять еще Карл VIII — от его ордонанса 1494 г. и до самых последних документов, — за время правления Людовика пополнились двадцатью пятью статьями.

Следствием такой политики явилось спокойствие внутри страны, укрепление экономики Франции. Во многих областях отмечался даже экономический подъем. Не будем вдаваться в подробности, насколько тут сыграла роль благоприятная ситуация во всей Европе на рубеже 15—16 вв., насколько этот подъем был обусловлен описанными и другими мерами, осуществленными Людовиком. Особого, однако, внимания, заслуживает то, что в течение всего этого периода удалось поддерживать налоги на уровне 1 500 000 ливров. По сравнению с двумя предшественниками Людовика, при которых налоги постоянно росли, это было достижением, и народ его оценил. Улучшение дорожной сети благоприятствовало торговле, товарообмен между областями

ми расширялся. Увеличилось разнообразие выращиваемых в сельском хозяйстве культур, расцвели ремесла.

Конечно, общий стиль правления Людовика не отличался от стиля его предшественников. Он, требовавший созыва Генеральных штатов в 1483 г., когда к власти пришел Карл, с сознанием полной своей правоты ссылавшийся на те же Генеральные штаты в указе от 1499 г., во время собственного правления избегал обращаться к этому инструменту, чтобы обсуждать проблемы с народом. Вместо Генеральных штатов он ограничивался собраниями представителей знатного дворянства, собраниями сословий с более ограниченным кругом участников. С делами по управлению государством он справлялся с помощью ближайших советников. Помимо Жоржа д'Амбуаза, это был прежде всего маршал Жие, Пьер де Роан, проведший реформу в военном деле, которая во многом обусловила победу в Италии, пока он не впал в немилость в 1504 г. Он был опекуном Франциска Ангулемского, возможного преемника короля. Его заступничество за своего подопечного и навлекло на него монаршую немилость. Еще добавилось соперничество с Жоржем д'Амбуазом, чье влияние на короля ограничивал маршал, активно вмешивавшийся во внутривполитические дела. Оба они намного чаще других принимали участие в заседаниях королевского совета вместе с братом Жоржа д'Амбуаза, епископом Луи д'Амбуазом, даже чаще, чем канцлер, Ги де Рошфор, который перешел на службу к Людовику от его предшественника. После смерти Жоржа д'Амбуаза в 1510 г. пробил час человека, прежде уже воспользовавшегося падением маршала, навсегда удалившегося от двора по окончании процесса (1506), на котором он был оправдан по всем важнейшим пунктам обвинения. Этим человеком был Флоримон Роберте, нотариус королевы Анны, Карла VIII и, наконец, Людовика XII, после смерти которого он перешел на службу к Франциску I.

Если окинуть взглядом весь период правления Людовика XII, существенно более богатой со- бытиями - хотя и не достижениями - была его внешне- политика. Именно она представляла для Людовика основной интерес. Она же характеризует образ этого короля, оставшийся в истории. Саму страну война по- падила, но в Италии она взяла с французск их войск кровавую дань, и длинным был список дворянских семей, потерявших на итальянских полях сражений хотя бы одного из близких. В значительно- й мере и расходы, связанные с этой войной, почти не затрону- ли само королевство - чтобы оплатить до- рогостоя- щую военную кампанию и содержание войск а, хвати- ло средств богатого герцогства Миланского. После того как Людовику удалось реализовать свои вну- триполи- тические задачи и осуществить те меры вну- треннего переустройства, которые ему представляли- сь наибо- лее важными, он смог, наконец, использовать - всю мощь экономического и военного потенциала Фран- ции, что- бы возратить герцогу Орлеанскому его зако- нные вла- дения, отвоевать Милан и изгнать Лодовико- Сфорца. За пятнадцать месяцев, прошедших со вре- мени при- хода Людовика к власти до вступления 18. 07. 1499 г. французских войск в герцогство Миланск- ое, Людо- вик предпринял важнейшие дипломатическ- ие шаги, которые должны были способствовать успеху похода. Планы Людовика едва ли могли оставить равнодуш- ным любое европейское правительство, тем более что речь шла об укреплении и территориальном расшире- нии французского королевства за счет ита- льянских земель. В самой Италии оказывались зат- ронутыми интересы Папской области и Венеции, стре- мившейся расширить сферу своего влияния как за сче- т Милана, так и за счет папы. Вполне логично Венеци- я предло- жила Франции сотрудничество. Швейцария, как «со- пределное государство», оказалась вовл- еченной в события сразу по двум причинам. Во-перв ых, швей-

царские солдаты, несмотря на многочисленные запреты, сражались почти во всех европейских армиях: и с французами, и с Лодовико Сфорца, и в войсках папы и Максимилиана; во-вторых, Швейцария имела собственные территориальные притязания, например, на Локарно и Беллинцону в Тичино. Император Максимилиан, как сюзерен Милана, тоже был лично задет нападением Людовика на Лодовико Сфорца. В 1494 г. он женился на Бьянке Сфорца, племяннице Лодовико. Совершенно неожиданно — и крайне своевременно для Лодовико, которого открыто называли виновником этой смерти, — через несколько месяцев после свадьбы Максимилиана умирает брат Бьянки, Джованни Галеаццо, чьим опекуном был Лодовико. Если кто-либо из рода Сфорца имел основания претендовать на герцогство Миланское (чего Людовик XII, естественно, не желал признавать), то это был Джованни Галеаццо. Император не замедлил пожаловать Лодовико леном, и теперь он получал законное право на титул герцога Миланского — *de facto* он стал им уже в период опекуновства. Пятой державой, так или иначе затрагиваемой итальянским конфликтом, были испанские королевства Кастилия, Каталония и Арагон, объединившиеся после женитьбы Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского в личную унию. В 1496 г. после двойной свадьбы своих детей они заключили союз с Максимилианом. Испанский наследный принц Хуан женился на Маргарите Австрийской, прежней невесте Карла VIII, а дочь Хуана, которая впоследствии сошла с ума и получила прозвище «Безумная», обвенчалась с Филиппом Красивым. Маргарита и Филипп были детьми Максимилиана от первого брака с рано умершей Марией Бургундской (1457—1482), единственной дочерью и наследницей герцога Бургундии Карла Смелого (ум. в 1477). Им принадлежало бургундское наследство матери. Эта двойная женитьба, однако, никоим образом не имела

целью династического слияния Габсбургов с «католическими королями», как называл Фердинанда и Изабеллу папа после успешного завершения Реконкисты и отвоевания Гранады, последнего исламского владения в Испании; не была она вызвана и стремлением объединить испанское королевство с германской империей. Никто, пожалуй, не мог бы тогда предположить, что Карлу, сыну Филиппа и Хуаны, — будущему Карлу V — предстоит унаследовать оба государства. Наследник испанского престола Хуан умер через пять месяцев после свадьбы; у Изабеллы и Фердинанда больше не было прямых наследников; таким образом, все наследственные права их дочери Хуаны по причине ее болезни отошли сначала к ее отцу Фердинанду, а затем, после его смерти в 1516 г.

Изабелла умерла еще в 1504, — к ее сыну Карлу (род. в 1500). Так как отец Карла, Филипп Красивый, умер в 1506 г., намного раньше своего отца Максимилиана, Карлу в 1519 г. после смерти деда досталось и все габсбургское наследство. Державой, хотя и не имевшей прямого отношения или каких-либо собственных интересов в Италии, но после 100-летней войны всегда считавшейся потенциальным врагом Франции, была Англия, управляемая королями из династии Тюдоров, Генрихом VII (1485—1509), затем Генрихом VIII (1509—1547).

Одним из первых шагов, предпринятых с целью дипломатической подготовки к итальянскому походу, было возобновление договора (1498), заключенного в 1492 г. в Этапле с Генрихом VIII, что обеспечивало Франции тыл. Еще важнее было заручиться поддержкой Максимилиана, сюзерена Милана. После неудачного похода Максимилиана на французскую Бургундию, на которую он заявлял свои права, положение его значительно ухудшилось, все наемные солдаты оставили войско, так что каких-либо военных действий с его стороны французская армия не ожидала.

Кроме того, Людовик застраховал себя от агрессии со стороны Максимилиана, заключив союз с государствами в его тылу. Нейтралитет Англии Людовик постарался подкрепить еще и заключением союза с королем Шотландии Иаковом IV, а в 1498 г. вступил в союз с королем Дании Гансом. Еще более важным стало объединение с сыном Максимилиана Филиппом, которому в это время Людовик принес вассальную клятву как своему сеньору во Фландрии, Артуа и Шароле. Он заключил договор и с испанским королем (июль 1498). Все эти соглашения и договоры мало к чему обязывали, но Людовик получил и конкретную помощь. Затяжные переговоры с Венецией завершились, наконец, подписанием в Блуа 9.02.1499 г. договора о совместном военном выступлении против Милана.

Когда спустя несколько недель французы смогли добиться от Швейцарии разрешения вербовать ландскнехтов для своего войска (папа и его сын, также стремившиеся расширить свои владения в Италии, уже давно считались союзниками Франции), Лодовико Сфорца оказался не только в политической, но и в военной изоляции. Великим полководцем он не был, а потому не имел шансов на успех при нападении объединенных французских и итальянских военных сил. Французскими войсками командовал Джан Джакомо Тривульцио, изгнанный Лодовико миланец, который еще в 1495 г. успешно оборонял от Лодовико Асти, где тогда находился Людовик.

Не встретив большого сопротивления, войска взяли Милан ровно через два месяца после вступления на территорию герцогства. Лодовико бежал в Германию. Когда ему в начале следующего года удалось, укрепив свое войско немецкими и швейцарскими наемниками, отвоевать Милан и Новару, Людовик направил против него Жоржа д'Амбуаза как ответственного за итальянскую кампанию и Ла Тремуя, главно-

командующего. В Новаре в войсках обоих противников сражались швейцарские наемники. Им вовсе не хотелось биться друг с другом, и в итоге Ла Тремуя удалось 8.04.1500 г. захватить в плен Лодовико. Пленника привезли во Францию, где он и умер, вероятно, в 1508 г., в Лош. В Милане еще после захвата его в первый раз 11.11.1490 г. Людовик обнародовал указ, которым назначался военный и гражданский правитель, а также Сенат как высший судебный и законодательный орган. Хотя итальянцы и французы поровну входили в его состав — по 13 человек, — у французов всегда была возможность в случае конфликта принять решение в свою пользу. Тем не менее герцогство получило известную автономию. Такая ситуация сохранялась в течение тринадцати лет, после чего Людовику пришлось оставить Милан. Разумеется, чтобы фактический захват герцогства получил юридическое обоснование, нужно было, чтобы император пожаловал его в лен — пока же Лодовико, даже и содержащийся в заточении, оставался законным герцогом Милана.

Отношения между Францией и Священной Римской империей оставались напряженными, к тому же Людовик еще в 1500 г. заключил договор с Ладиславом, королем Венгрии и Богемии, и с польским королем Яном I Альбрехтом. Этот договор в первую очередь имел целью совместную борьбу с турками, и не был направлен против империи, однако его можно было расценить и как попытку взять ее в кольцо. В противоположность многим, тому же Максимилиану например, которые вели долгие разговоры о крестовом походе, но не предпринимали конкретных действий, Людовик вполне серьезно отнесся к войне с турками, что он и доказал еще в первом, неудачном походе, состоявшемся в 1499 г. А ведь, казалось бы, общие интересы Людовика и Максимилиана, связанные с крестовым походом, могли явиться основанием

для их сближения. Возможно, подготовкой второго крестового похода против турок Людовик как раз и хотел обеспечить почву для достижения согласия с Максимилианом. Во всяком случае, это стало по-настоящему важным делом для него и Анны. Они были готовы для достижения успеха ввести в бой крупные отряды сухопутных войск и кораблей. Казалось, ситуация складывается вполне благоприятно. В августе 1500 г. между Людовиком и Максимилианом было заключено перемирие на шесть месяцев, продленное затем до конца 1502 г. Хотя все государи христианской Европы на словах примкнули к крестовому походу, практическая помощь от них не приходила. Когда в 1501 г. французский флот попытался захватить турецкую крепость на острове Лесбос, на его стороне сражались только генуэзцы. Венецианцы воздержались, так же как и Мальтийский орден, хотя он и обещал подкрепление. В этих условиях крестовый поход провалился. Флот на обратном пути попал в шторм и был почти полностью уничтожен.

Несмотря на активную дипломатическую и военную деятельность, Людовик вовсе не упускал из виду вторую итальянскую цель — возвращение королевства Неаполитанского, которое еще Карл VIII завоевал, но потом упустил. Неясно, имело ли королевство для Людовика такое же большое значение, как в свое время для Карла, или его советники были заинтересованы в этом вопросе больше, чем сам король. Несомненно одно: Милан, который он рассматривал как свое фамильное наследство, был для него важнее Неаполя. Этим, наверное, объясняется то, что Людовик так быстро примирился с его потерей. Зная, что захват королевства Неаполитанского задевал испанские интересы, и будучи заинтересован в союзнике, Людовик заключил 11.11.1500 г. в Гранаде тайный договор с королем Фердинандом Арагонским о совместном захвате земель. Франции оставался Неаполь и Север-

ная Гаэта, а южная часть Италии вместе с Сицилией должна была подчиниться испанскому господству. Перед совместным наступлением испанцев и французов король Неаполя Фридрих капитулировал. После падения Гаэты и Капуи он сдался в плен французскому главнокомандующему и предпочел отправиться во Францию к Людовику, а не к своему близкому родственнику Фердинанду в Испанию. В обмен на немалую пенсию, выделенную ему Людовиком (50 000 ливров) и передачу графства Майнцского Фридрих в мае 1502 г. согласился с положениями Гранадского договора и отказался от своего королевства.

При этом Людовик не отступился от своей главной цели. За какие-то четыре года он завершил свои основные внешнеполитические начинания, если не считать так и не полученной инвеституры в Милане. Его завоевания выглядели хорошо защищенными договорами. Ни одно из европейских государств не собиралось выступить против территориальных приобретений Франции.

Но видимость бывает обманчивой. Случайно или по чьей-то злой воле возник конфликт между солдатами завоевательских войск в королевстве Неаполь. Стычка быстро разгорелась в настоящую войну. В феврале 1503 г. в вошедшей в историю битве 11 испанских и 11 французских рыцарей, среди которых упоминаются и такие знаменитые имена, как Ла Палисс, д'Юрфе и, прежде всего, рыцарь Баярд, на глазах у тысяч зрителей искали разрешения спора. После долгого сражения они разошлись, так и не выявив победителя. В боях, продолжавшихся весь 1503 год, французам, несмотря на выдающуюся личную доблесть их предводителей, впрочем, плохо координировавших свои действия, после поражения в Сериньоле и Гарильяно, где их разбил испанский капитан Гонзало из Кордовы, пришлось отступить к Гаэте — их последнему оплоту на границе с Папской областью. Однако

и Гаэта продержалась недолго. Французы капитулировали.

В заключенном вскоре — в марте 1504 г. — на трехлетний срок договоре о перемирии Людовик признал свое поражение и потерю Неаполя. Виновные в катастрофе впали в немилость и были сосланы в Милан, за исключением, разумеется, Жоржа д'Амбуаза. Ему Людовик поручил командование мощными деблокирующими войсками, которые, однако, подошли слишком поздно.

Между тем произошли события, крайне неблагоприятно отразившиеся на положении Франции. Все ее прежние достижения, ее господствующее положение в Европе были поставлены под вопрос. После долгой болезни 18.08.1503 г. скончался папа Александр VI. В его лице Людовик потерял важного союзника. К тому же его смерть ясно показала, до какой степени ход событий определяла отдельная личность, занимавшая центральное положение в расстановке сил. Внезапная кончина папы смогла очень быстро привести к коренным изменениям в на первый взгляд стабильной системе.

Среди претендентов выделялся прежде всего кардинал Жорж д'Амбуаз. За его спиной стояла армия — французские деблокирующие войска в районе Неаполя, большинство кардиналов также были на его стороне (по крайней мере, так полагал он сам). Однако его противники в конклаве оказались настолько сильны, что он не смог противостоять враждебным партиям, в первую очередь римских и немецких кардиналов, и его надежды на победу не оправдались.

Решающую роль в сокрушительном поражении Жоржа д'Амбуаза сыграл человек, долгое время проживший во Франции, считавшийся ее другом, — Джулиано делла Ровере, ставший впоследствии папой Юлием II.

В этот раз все сошлись на кандидатуре Пия III, которого по причине болезни воспринимали лишь как временного исполнителя. Жорж д'Амбуаз также выразил свое согласие в обмен на обещание продлить его пребывание в должности папского легата и на кардинальский сан для своего племянника. Когда Пий действительно умер через несколько недель, конклав уже на следующий день избрал новым папой Юлия II (1503—1513), и Жоржу д'Амбуазу пришлось довольствоваться пожизненным званием папского легата.

Таким образом, папой оказался избран человек, в течение 10 лет своего понтификата преследовавший прежде всего две цели: строительство и укрепление Папской области (чему Людовик к своему неудовольствию способствовал еще во время своей уступки и военной поддержки Александра VI и Чезаре Борджиа) и изгнание из Италии «варваров», т.е. французов и немцев. В противоположность Людовику, использовавшему для финансирования похода в первую очередь средства герцогства Миланского и не нуждавшемуся в одобрении трех сословий, чтобы отправить войска в поход, Максимилиан в своих действиях был жестко ограничен. Не заручившись согласием сословий Германии, он не мог выступить против французского короля на севере Италии. По той же причине он уступил напору своего сына, Филиппа Красивого, и искал длительного союза с Людовиком. Почвой для договора, заключенного 22.09.1504 г. в Блуа, должен был стать брачный союз. В обмен на инвеституру герцогства Миланского Людовик обещал руку своей дочери Клотильды внуку Максимилиана Карлу. В будущем этой паре должны были быть предоставлены права на Бургундию и Бретань, а также другие области.

Эта сделка, в которой Франция отдавала почти все территориальные приобретения Людовика, многими исследователями расценивалась как разрушитель-

ная для государства. Часто — и не без оснований — за этим видят волю Анны, вынудившей тяжелобольного к тому времени короля пойти на такие уступки. Она не слишком дорожила объединением Франции с Бретанью, а кроме того, с помощью этого договора расстраивался другой брачный проект, против которого она всегда возражала, вероятно, из личной неприязни. Имеется в виду брак Клотильды с племянником короля и его возможным преемником Франциском Ангулемским. Хотя в предшествующие годы уже велись переговоры о возможном соединении Карла и Клотильды, но известно было и тайное заявление Людовика о том, что Клотильда должна выйти замуж за Франциска. Однако и Максимилиан не собирался отказываться от условия, которое он поставил Людовику, и тянул с предоставлением обещанной инвеституры до середины апреля следующего года.

В 1504 году со смертью жены Фердинанда, Изабеллы Кастильской, появилась новая возможность сближения с Испанией. По условиям брачного договора Фердинанда и Жермены де Фуа, племянницы Людовика, король Франции отдавал свои права на все равно потерянное королевство Неаполитанское своей племяннице, за что испанский король выплачивал ему солидную сумму — 900 000 флоринов.

Чтобы избежать выполнения обязательств договора в Блуа после получения инвеституры Милана, нужно было инсценировать что-нибудь помасштабнее. Король добился решения созванного в Туре в мае 1506 г. сословного собрания (не путать с Генеральными штатами) объявить недействительным соглашение о заключении брака между Карлом и Клотильдой, вместо этого сочетать Клотильду и Франциска Ангулемского. Немецкой стороне такое нарушение договора объяснили тем, что государственные интересы не допускают отмены прежней клятвы короля более поздними договорными обязательствами.

Попытки ограничить таким образом ущерб, наносимый французской дипломатии нарушением этого договора, увенчались успехом, и императору не удалось предпринять каких-либо военных санкций против Людовика — ни в Италии, ни в Бургундии. Однако некоторые перестановки в кругу сильных мира сего весьма усложнили положение Людовика. Место Филиппа Красивого после внезапной смерти заняла его сестра Маргарита, помнившая все нанесенные ей обиды и отнюдь не питавшая к Франции дружеских чувств. Как правительница Нидерландов и опекуница своего племянника Карла она оказалась способной вести политику, независимую от политики своего отца Максимилиана, ставя интересы Нидерландов выше интересов империи. Смена в 1509 г. правителя на английском престоле (вместо Генриха VII, с которым у Франции были установлены добрые отношения, королем стал Генрих VIII, вновь начавший войну) укрепила круг противников Франции.

Восстание генуэзцев против французского господства в феврале 1507 г., для подавления которого на помощь Людовику прибыл король Фердинанд с четырьмя галерами, усилил разногласия с Максимилианом, поскольку Генуя считалась территорией империи. После того как распространилось известие о быстром подавлении восстания и торжественной встрече в Савоне Людовика с королем Фердинандом и его французской женой, Максимилиан решил, что должен предупредить парламент в Констанце (апрель — август 1507) об опасности, грозящей империи со стороны Людовика XII. Он объявил, что французский король якобы стремится заполучить корону императора. Вряд ли он сам в это верил. Во всяком случае, он добился — хотя и не в тех размерах, на которые рассчитывал — помощи для своего коронационного шествия. Поскольку из-за того, что Венеция и французы закрыли свои границы, путь дальше был невозможен,

Максимилиан велел, с согласия папы, провозгласить себя в начале 1508 г. в Тренте «избранным римским императором». Последующий военный поход на Венецию провалился из-за нехватки денег и войск.

Годы после 1506 — 1507 были ознаменованы постоянной сменой союзников и партнеров среди многочисленных партий, прямо или косвенно втянутых в итальянский конфликт. В итоге, Людовик оказался в полном проигрыше. Первый большой союзный договор этих лет, изменивший прежнюю расстановку сил, был заключен в декабре 1508 г. между Максимилианом и Людовиком XII. Это была так называемая Камбрейская лига, к которой примкнули папа и король Фердинанд, а также короли Англии и Венгрии. Она была направлена против Венеции, прежнего союзника Франции, растущее влияние которой начинало беспокоить Людовика. Он имел основания упрекать Венецию в недостаточной надежности. Были определены конкретные цели: Равенна для папы, Брешия для Людовика XII, Верона для императора и Отранто для Фердинанда. Вполне вероятно, однако, что для Людовика в первую очередь был важен сам союз с императором — в большей степени даже, чем территориальные приобретения. Как нередко случалось в прошлом, непосредственное бремя войны пришлось нести Франции. Максимилиан вовсе не участвовал в войне, а Людовик XII в четвертый — и последний — раз отправился в Италию, где из-за усиливающейся подагры его пришлось нести на носилках. В отличие от предыдущих походов солдаты-пехотинцы были в основном французского происхождения, поскольку Швейцария, возмевшая собственные политические амбиции, на этот раз возражала против вербовки ее солдат во французскую армию. После победы французов над венецианской армией при Агнаделло в мае 1509 г. Венеция стремилась изолировать Францию, привлекая на свою сторону остальных союзников территориальными

ми уступками, отдавая, например, прежде завоеванные территории. Вопреки протестам французских и немецких кардиналов папа Юлий согласился отменить интердикт против Венеции (24.02.1510 г.), что явно шло вразрез с интересами Камбрейской лиги и знаменовало начало образования нового союза, на сей раз направленного против Людовика. Король Фердинанд папу привлек на свою сторону инвеститурой королевства Неаполитанского. Швейцарцы примкнули к папе в ожидании увеличения своих территорий за счет северной части герцогства Миланского. Папа обеспечил им духовную поддержку. Швейцарцы обязались представить папе войско из 6000 ландскнехтов. Генрих VIII, добивавшийся, чтобы папа помазал его на царство, тоже примкнул к противникам Людовика. Хотя император пока оставался на его стороне, Юлию II все же удалось с трех сторон окружить герцогство Миланское и мобилизовать на юге против Людовика испанского короля, который стремился заполучить Наварру, а на севере — английского короля, уже готового начать с Францией новую войну.

Итак, Людовик впервые оказался практически в полной изоляции и был вынужден обороняться, хотя Максимилиан все еще считался его сторонником. Так как властолюбивый и корыстный папа не пользовался популярностью среди французского духовенства, собрание французского клира (сентябрь 1510 г.), созванное Людовиком в Туре, поддержало короля и одобрило его действия против папы. Кроме того, собрание выделило ему еще 240 000 ливров из церковной казны. Средством воздействия короля на папу был подробнейший указ, вновь объявлявший на созванных в Констанце и Базеле церковных соборах о галликанских (католических) принципах и возобновлявший действие буржских прагматических санкций (июнь 1510 г.). На собрании духовенства в марте следующего года было выдвинуто требование созыва всеобщего

церковного собора, который состоялся с согласия императора в Пизе 1.11.1510 г. Помимо такого наступления на папскую власть, ставившего под вопрос саму законность папского титула Юлия II, он оказался вынужденным обороняться от французской армии, которую привел Шарль де Шомон, племянник умершего кардинала Амбуазского. После смерти Шомона его место занял Гастон де Фуа, племянник короля, оказавшийся гениальным полководцем.

Ответом папы стала так называемая Священная лига, объединявшая его с Венецией и Испанией (4.10.1511 г.). Как явствует из самого названия этого союза, конфликт вышел за рамки чисто военного противостояния. Юлий II в ответ на созыв французского собора собрал Всеобщий церковный собор на апрель 1512 г. Чуть позже и английский король примкнул к Священной лиге, официально провозгласившей своей целью только возвращение территорий Папской области. За этим, однако, стояло стремление изгнать французов из Италии, самым же заветным желанием было добиться падения Людовика XII. Одновременно союзники лиги, Испания и Англия, планировали захватить Женеvu и напасть на Францию с севера. Победа, одержанная в апреле 1512 г. под Равенной благодаря умелым действиям Гастона де Фуа во главе германо-французской армии, слишком дорого обошлась французам. Под натиском швейцарцев после смерти Гастона де Фуа они были вынуждены отступить. В отвоеванном Милане герцогом стал Максимилиан Сфорца, сын Лодовико. Максимилиан, сориентировавшись в новой ситуации, переметнулся на сторону противников Людовика и в ноябре 1512 г. примкнул к Священной лиге. Людовик остался один. Война, в которую оказалась втянута Франция, окончательно истощила силы. Французские войска всюду терпели поражения: от испанцев (декабрь 1512 г.) в Наварре окончательно потерянной для королевства и для дома

Альбре; от англичан (август 1513 г.) в Гинегатте ; от швейцарцев (июнь 1513 г.) в Новаре, спустя месяц после предпринятой Людовиком еще одной попытки вернуть герцогство. Наконец, на востоке грозили вторжением швейцарцы. Маргарита надеялась с их помощью вернуть бургундское наследство своего отца Карла Смелого. 7 сентября 1513 г. большое войско швейцарских наемников подошло к Дижону, угрожая занять его. Опасались дальнейшего их продвижения на Париж.

В этой мрачной ситуации, сложившейся в 1513 г., произошло и одно благоприятное для Людовика событие: смерть Юлия II в феврале 1513 г. Его преемником стал Лев X, миролюбивый и не столь властолюбивый, как два его предшественника. Он, правда, собрал еще раз членов лиги — Максимилиана, Генриха VIII, Фердинанда и швейцарцев, чтобы обсудить вопрос о том, как воспрепятствовать возвращению Людовика в Италию, после того как тому удалось в марте 1513 г. добиться выхода Венеции из Священной лиги и вновь заручиться ее поддержкой. Все же папа был в принципе готов к достижению согласия с Людовиком, тем более, что он после поражения в Новаре оставил Италию. Соглашение с папой могло явиться основанием для всеобщего примирения с другими членами Священной лиги.

В конце декабря 1513 г. состоялось примирение между папой Львом X и Людовиком XII. Со стороны Людовика XII потребовалась уступка — отказ от решений церковного собора в Пизе, который Юлий II объявил недействительным, и признание решений собора, созванного Юлием II в папском дворце в Латеране. Лев X способствовал объединению Максимилиана и Венеции. Война Франции и Испании закончилась перемирием. Последний участник Священной лиги, Генрих VIII, несмотря на усилия Маргариты, не желавшей терять этого союзника против Франции, объ-

единился с Людовиком. Из простого мирного договора эти отношения переросли в более тесный союз. Людовик, овдовевший в январе 1514 г., изъявил желание жениться вновь, в надежде произвести на свет наследника. Его выбор пал на Марию, молодую, красивую сестру Генриха VIII. Свадьба состоялась 9 октября. А 31 декабря король умер. Поговаривали, что брак ускорил кончину больного короля. Злые языки утверждали, что это был рассчитанный ход со стороны Генриха VIII.

После смерти Анны была, наконец, отпразднована долго откладывавшаяся свадьба между Клотильдой и Франциском Ангулемским. Поскольку наследника после Людовика не осталось, и Мария не ждала ребенка, Франциску было суждено взойти на трон и стать королем Франциском I.

Если попытаться вкратце подвести итоги царствования Людовика XII, то окажется, что все, что ему удалось завоевать в результате итальянских походов, было потеряно. Можно сказать, что деятельность Людовика потерпела крах. Но такой приговор, несомненно, не полностью отражает положение дел. Более справедливо отнеслись к нему потомки в 16 столетии, выдвинув на первый план совсем иное: экономический расцвет, пережитый Францией при Людовике, а главное, мир в стране. Время правления этого короля, справедливого, экономного, когда речь шла о его собственных нуждах, и щедрого в других случаях, не случайно часто с ностальгической грустью вспоминали в последующие десятилетия в истерзанной внутренними войнами стране. Не удивительно, что современники восхваляли его, как и его придворный историограф Клод де Сейссель. Историки позднейших эпох, начиная с Мишле, заговорившего о «королевской тупости» [*royale stupidite*], считали своим долгом подчеркивать известную ограниченность Людовика. Безусловно, очень часто противники его были

Людовик XII

гораздо менее щепетильны в выборе средств, более изобретательны в достижении целей и изощренны. Все же вряд ли справедливо считать этого короля слабохарактерным, не слишком далеким, ограниченным и негибким. Во времена тяжелейших бедствий, в 1512 — 1514 г., Людовик XII вывел страну из, казалось, безвыходного положения, когда его противники покушались даже на его трон. Франциску I наследство досталось уже в полном порядке.

Альфред Колер

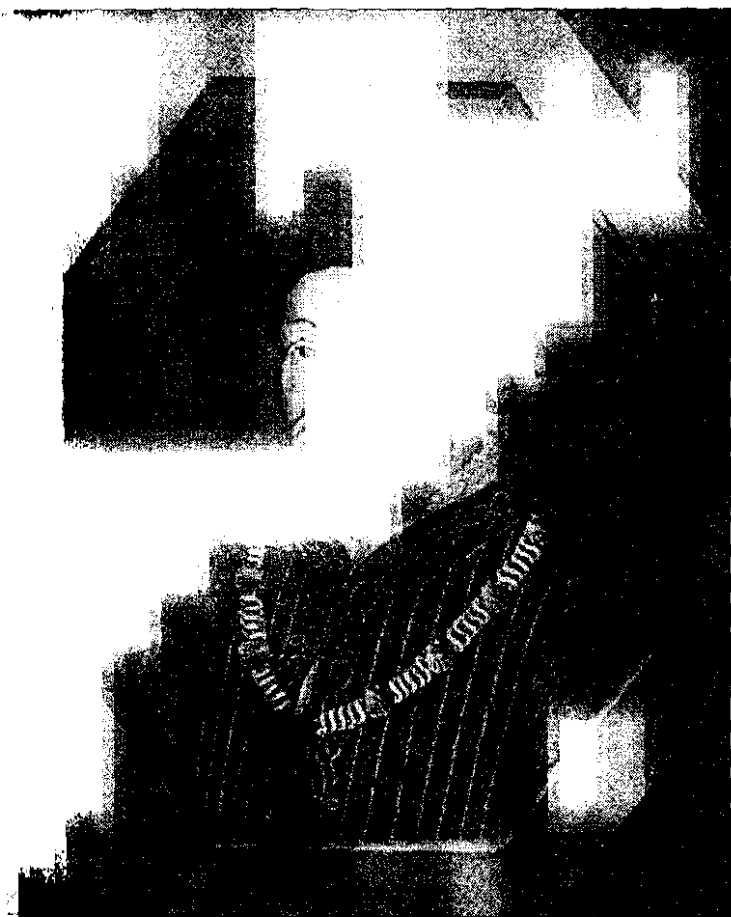
Франциск I 1515—1547

Родился 12 сентября 1494 г. в Коньяке, с 1515 г. король Франции вслед за Людовиком XII (1462—1515), умер 31 марта 1547 г. в Рамбуйе. Похоронен в Сен-Дени. Надгробие датируется серединой 16 в.

Отец: Карл, граф Ангулемский (1459—1496), сын Иоанна Ангулемского (1404—1467). Мать: Луиза Савойская (1476—1531), дочь герцога Филиппа I Савойского (1438—1497). Сестра: Маргарита (1492—1549) в первом браке замужем за Карлом IV Алансонским (1489—1525), во втором браке за Генрихом II д'Альбре, королем Наваррским (1503—1555).

Франциск I в первом браке (1514) был женат на Клотильде (1499—1524), дочери Людовика XII, во втором браке (1530) на Элеоноре (1498—1555), дочери Филиппа Красивого, герцога Бургундского, короля в испанских королевствах. Дети: Луиза (1515—1517), Шарлотта (1516—1524), Франциск (1517—1536), Генрих II (1519—1559), король Франции вслед за отцом, с 1533 г. женат на Екатерине Медичи (1519—1589), Мадлен (1520—1537), в 1537 г. вышла замуж за Якова V Шотландского (1512—1542), Карл, герцог Орлеанский (1522—1545) и Маргарита (1523—1574), которая в 1559 г. вышла замуж за Эммануэля Филиберта Савойского (1528—1580).

Франциск I (1515—1547)

Франциск I вошел в историю как выдающийся политик, который укрепил французскую монархию и успешно защищал ее от габсбургской сверхдержавы. Начало его более чем тридцатилетнего правления ознаменовалось большим внешнеполитическим и военным успехом в Италии, победой у Мариньяно. Франциск I по праву считается также большим меценатом, другом и покровителем искусств и наук. Несомненным является его большой интерес к искусству и культуре Италии; он также владел языком этой страны. По словам И.Мейера, король был «ренессансным принцем с такими характерными чертами, как страсть к искусству... А в политике? Король Франциск вряд ли склонен к тому, чтобы ограничивали его власть; он был абсолютным монархом и убежден, что воплощает Францию... Подобным же образом, но ссылаясь на эпоху, высказывается Р.Гердан: «Правление Франциска I, как известно, означает поворотный момент во французской истории. С одной стороны, оно заложило основу для абсолютной монархии и религиозных войн, с другой стороны, оно вновь вернуло подобающее место женщинам и искусствам в эпоху, когда Франция открылась для Ренессанса». Все биографы подчеркивают, что Франциск I способствовал развитию искусств, а в равной мере и усилению королевской власти, при этом он заботился и о европейской политике. Еще в 1611 г. историк Флоримон де Ремон вложил в уста короля следующие слова: «Необразованный король — это коронованный осел».

Многие гуманисты посвящали ему художественные произведения. Английский хронист Эдвард Холл описывал Франциска I как «красивого принца с веселыми карими глазами, крупным носом, полными губами, широкой грудью и плечами, стройными ногами и длинными ступнями». Другие современники отмечали хорошую фигуру короля, бледный цвет лица, приятный голос, приветливость, красноречие и обаяние.

последних дней он сохранил полный достоинства облик. Так, за год до смерти Франциска венецианский посланник Кавалли писал: «Его облик до такой степени королевский, что человек, даже если он никогда не видел его лица, при первом взгляде сразу понял бы: «Это король!» Каждое его движение так благородно и величественно, как ни у одного подобного ему принца». Историки также подчеркивали эти достоинства Франциска I. Так, А.Бурд писал: «С рыцарским духом, друг турниров и войн, одержимый несколько поверхностным понятием о чести, его таланты скорее блестящи, чем основательны. Панегиристы подчеркивали его большую красоту; он всегда хочет правиться; его живой ум способствует большой свободе суждений, он ведет себя изысканно и как покровитель искусств и науки».

У Франциска I не было постоянной резиденции, он кочевал по всей стране вместе с двором и домашним хозяйством. Этот вид кочевой «королевской власти» не был нетипичным для того времени, однако он отражал недостаточную функцию Парижа как столицы. Придворное общество при Франциске I удвоилось по сравнению с эпохой Людовика XII и возросло на 600—1000 человек. Когда двор был в полном составе, для его передвижения требовалось примерно 18 000 лошадей. И это прежде всего потому, что вели настенные ковры, мебель, золотую и серебряную посуду, палатки и многое другое. Из-за постоянных проблем с расквартированием король при возможности жил в собственных замках. Это было удобнее, поскольку тогда он имел в распоряжении прислугу в непосредственной близости от себя. Если, например, Франциск останавливался в аббатстве или на постоянном дворе, его свита была вынуждена искать себе приют поблизости или ставить палатки.

Тяготы придворной кочевой жизни довелось испытать на себе и Бенвенуто Челлини после его приез-

да к Франциску I. В автобиографии он по этому поводу пишет: «Теперь мы должны были следовать за двором, и это было непрекращающееся мученье. Ибо за королем постоянно следует кортеж из двенадцати тысяч лошадей, и это самое меньшее; потому что, когда в мирное время весь двор в сборе, то это составляет более восемнадцати тысяч человек, и среди них более двенадцати тысяч всадников. Иногда мы приезжали в такие места, где едва ли было два дома, и на манер цыган ставились хижины из холста, и мне часто приходилось много страдать». В течение всей жизни Франциск I регулярно объезжал свое королевство, до последних дней не страшась никаких тягот. За этим стояла сознательная политика. «В век возрастающего национального единства и централизации для короля было чрезвычайно важно знать свое королевство из первых рук и установить личный контакт со своими подданными» (Кнехт). Мы знаем, что в 1516 г. Франциск I объездил весь Прованс, в 1517 и 1520 гг. — Пикардию, в 1518 г. — Анжу и Бретань, в 1519 г. — Пуату и Ангумуа, в 1521 г. — Бургундию. Был также обычай торжественного вступления короля в отдельные города, так называемый радостный въезд.

Во время своих турне Франциск I посещал церкви и монастыри, инспектировал крепости, замки и гавани. При случае он давал волю страсти к охоте. Английский посланник Энтони Броун писал об этом Генриху VIII в августе 1527 г.: «Сообщаю Вашему Величеству, какому времяпрепровождению предается французский король: большую часть времени он проводит на охоте, и в день, когда охотится, он трапезничает где-нибудь в лесу в восемь часов утра вместе со своей свитой и егерями, пахнущими дичью, и таковая лежит перед ними на столе... И после того как он решил, какую дичь он хочет убить, он садится на коня и пускается вскачь и никогда не промахивается, делая смертельный выстрел... Ложе короля всегда сле-

...уст за ним на охоте, и когда дичь убита, он отправляется в близлежащий дом, где устанавливается его кровать, и отдыхает там три или четыре часа...»

Содержание придворного штата стало обременительным и дорогостоящим. Поэтому Франциск I ускорил строительство замков. Это относится к замкам Луары, Фонтенбло, а также к Лувру в Париже. Блуа, замок, принадлежавший его первой жене Клотильде, он распорядился расширить. Моделью фасада служила работа Браманте в Ватикане. В Шамборе, расположенном южнее Блуа, был построен замок в стиле итальянского Ренессанса. Это относится к отделке крыши, а также к плану, который был позаимствован у виллы Поджио в Кайано, построенной Джулиано да Сан Галло для Лоренцо Медичи. Возможно, архитектором Шамбора был Доменико да Картона, ученик Джулиано да Сан Галло. Во всяком случае, известно, что он в 1531 г. предложил королю деревянную модель. Замки Луары, правда, проигрывали от того, что находились очень далеко от Парижа. Строительная деятельность короля распространилась и на этот город. Он начал строительство в Лувре, а также воздвиг в Булонском лесу Мадридский замок и Сен-Жермен-ан-Ле.

С 1528 г. Франциск I усиленно занялся перестройкой средневекового замка Фонтенбло. Парижский каменщик Жиль де Бретон построил новый вход, «золоченую дверь», длинную галерею и два жилых корпуса. В работах участвовал также итальянский архитектор Себастьяно Серлио. С 1531 г. внутренняя отделка выполнялась итальянцем Джованни Баттисто Россо из Флоренции и Франческо Приматиччо из Мантуи, учеником Джулиано Романо.

Франциск I долго не задерживался в замках Луары и Фонтенбло. Обычно он один месяц в году жил в Париже, в большинстве случаев зимой или весной. Париж сохранил свое огромное политическое и власт-

но-правовое значение уже потому, что там заседал парламент, который ратифицировал любой законодательный указ.

Если посмотреть на придворное окружение Франциска I, то становится ясно, что женщины играли важную роль в жизни короля, хотя многое, что об этом было написано, является чистым вымыслом. Вне всяких сомнений, Франциск I поднял статус женщины при своем дворе. «Король веселится?» Этот образ-клише, который сохранился по сей день, имеет истоки в историографии 16 и 17 веков. В действительности же частную жизнь короля постичь трудно. Зато неоспоримо, что его любовницы имели политическое влияние, которого не следует недооценивать. Это относится не столько к его первой возлюбленной мадам де Шатобриан, сколько к Анне д'Эйли, герцогине д'Этамп, о которой английский посланник Энтони Браун писал в 1527 г.: «Как слышно, он (Франциск) всем дамам предпочитает девушку, которую зовут Эли и красота которой, на мой взгляд, не очень достойна упоминания». Герцогиня была в центре дамского общества, в кругу которого король развлекался каждый вечер.

С самого детства Франциск I постоянно находился под влиянием женщин, прежде всего своей матери Луизы Савойской. Луиза была выдана замуж в 12 лет, а в 18 лет стала вдовой, она не только воспитала своего сына, но и позже, во время его отсутствия во Франции (1515 и 1524/25 гг.) исполняла обязанности регентши. До самой смерти (1531) она была влиятельной фигурой при дворе, уравнивала противоречия придворных групп и деятельно участвовала в политике.

Клотильда Французская, первая жена Франциска I, подарила королю трех сыновей и четырех дочерей, из которых только двое пережили отца (Генрих и Маргарита, вышедшая замуж за герцога Савойского). Ког-

да Элеонора, старшая сестра Карла V и вторая жена Франциска I, в июле 1530 г. прибыла во Францию, король находился под сильным влиянием своей любовницы герцогини д'Этамп. Элеоноре пришлось довольствоваться второстепенной политической ролью. Этому способствовало и то обстоятельство, что она была бесплодна.

Маргарита Ангулемская, сестра Франциска I, с 1527 г. королева Наваррская, очень любила своего брата, личные связи стали еще теснее после смерти их матери (1531). Маргарита разделяла идеи кружка Монтанского, связанное с именем Гийома Бриконне, епископа Мона, религиозное движение, руководствовавшееся идеями Лефевра д'Этампля, было близко к воззрениям Павла и Августина и к реформаторскому учению о милосердии. По этой причине его приверженцев часто подозревали в лютеранстве.

Если рассматривать ближайших советников короля, то бросается в глаза, что они были людьми различных политических взглядов. Антуан Дюпра, архиепископ Санский, кардинал и канцлер короля, глава правосудия, «суперинтендантства финансов», был воистинствующим католиком. В 1528 г. на провинциальном Синоде в Сансе он добился приговора лютеранам и запрещения книг. В 1533 г. он просил короля о преследовании протестантов. Кардинал де Турнон, архиепископ Амбреский и Буржский, разделял религиозные и политические взгляды Дюпра и матери короля Луизы. Турнон был чрезвычайно образованным человеком, основателем Турнонского коллежа и покровителем поэтов и гуманистов. В вопросах внешней политики он представлял антиимператорское направление, которое однако не обходилось без сближения с протестантскими принцами Империи. Как осторожный дипломат, он, например, внес большой вклад в заключение брака между Генрихом II, сыном короля, и Екатериной Медичи.

Анн де Монморанси был товарищем юности короля и до 1535 г., когда впал в немилость, занимал должность гроссмейстера. Он не был расположен к гуманизму и протестантству. Во внешней политике он был сторонником альянса между Франциском I и императором. Немилость к Монморанси длилась недолго: успешно защитив Прованс (1536 г.) от войск Карла V, он был назначен коннетаблем Франции.

Гийом дю Белле, сеньор де Ланжей, вступил в должность гроссмейстера после своего личного врага Монморанси. Он стремился подключить протестантов к борьбе против императора. Он тоже внес большой вклад в поддержку антигабсбургской коалиции в Империи (между Гессеном, Вюртембергом и Баварией), которая в 1534 г. отвоевала Вюртемберг. Гийом дю Белле, гуманист, дипломат, юрист, меценат и историограф, был лично знаком с ведущими протестантскими теологами своего времени: Меланктоном, Бусером, Буллингером, Гедеоном и Йоганнесом Штурмами. В 1533 г. Сорбонна упрекнула его брата Жана, епископа Парижского, в пособничестве еретикам. К взглядам Гийома дю Белле и адмирала Шабо де Бриона, сторонника союза с Англией и имперскими принцами, была близка сестра Франциска Маргарита.

К влиятельнейшим аристократическим семьям принадлежали Гизы, младшая ветвь Лотарингского дома. Жан де Гиз, кардинал Лотарингский, архиепископ Реймсский, был первым представителем своего дома, игравшим роль при дворе Франциска I, не занимая там никакой должности.

Франциск I не только собирал вокруг себя выдающихся гуманистов, но и поддерживал науки. По итальянскому образцу он основал Академию классических языков, «королевских преподавателей» — королевские кафедры греческого и древнееврейского языков, позже дополненные такими дисциплинами, как математика, латынь и арабский. Это конкурировавшее с

Сорбонной учреждение было предшественником «Коллеж де Франс». Однако королю не удалось привлечь в свою академию такого выдающегося гуманиста, как Эразм Роттердамский. В начале своего правления в 1516 г. король заключил конкордат с папой Львом X, который предоставил ему ряд важных прав по отношению к французской церкви. Так, он имел право созывать Синод, распоряжаться церковными доходами, предоставлением приходов, взиманием церковных десятин.

Набожность Франциска I была традиционной, чисто внешней. Но в своем неприятии еретиков и «лютерин» он был непреклонен и не только в процессе так называемого «дела о пасквилях». Франциск I был противником Реформации, которая с 1519 г. проникла в его королевство и уже в 1521 г. была официально осуждена Сорбонной. В «деле о пасквилях» противостояние короля, его советников и парламента с этим движением достигло первой наивысшей точки и имело далеко идущие последствия.

В ночь с субботы 17 на воскресенье 18 октября 1534 г. в Париже и других городах обнаружили листовки со следующим заголовком «Правдивые статьи об ужасных, больших и нетерпимых злоупотреблениях папистской мессы, изобретенной непосредственно против Святой Тайной Вечери Господа нашего, единственного посредника и единственного Спасителя Иисуса Христа». В памфлете, направленном против святой мессы, наряду с традиционным жертвенным понятием оспаривалось реальное присутствие Христа в облатке. Эти «пасквили» были совместным произведением Антуана Маркура, уроженца Лиона, бывшего проповедником в Невшателе, и Пьера Вире, невшательского печатника, который издал произведения Фареля.

Причины, побудившие Франциска к жестким мерам в союзе с парламентом, часто связываются с ле-

гендой, что «пасквиль» был прибит к двери его спальни. Было арестовано по меньшей мере двести человек и казнено как минимум 25. В эдикте от 17.06.1535 г. Франциск I официально положил конец «делу о пасквилях», отмежевываясь от всякого рода «сакраментариев». Правда, тогда с этим было связано также понятие «лютеране». Это широкое применение понятия во Франции привлекает внимание, хотя французское протестантство от Фареля до Ламбера было гораздо ближе к цвинглианизму, чем к лютеранству. «Дело о пасквилях» так сильно омрачило отношения с лютеранскими принцами Священной Римской империи, что король был вынужден в открытом письме от 1.02.1535 г. защищать свою позицию и отражать упреки, инспирированные габсбургской пропагандой. Франциск I подчеркнул, что он не арестовал и не убил ни одного подданного Империи. Только враги приписывают ему, что всех жителей Империи он считает еретиками. Это намек на пропаганду Карла V, которая отмечала, что король терпел при своем дворе людей в турецкой одежде, а немцев преследовал. Назвать французского короля другом османов (имелись в виду его усилия для заключения союза с султаном) в Священной Римской империи было особо эффективным пропагандистским трюком. Однако было несомненным длительное воздействие этого раздражения (вплоть до Шмалькальденской войны 1545—1547 г.) против протестантских принцев, когда готовность к союзу с католическим королем Франции достигла низшей точки.

Внутри страны Франциск I достиг укрепления королевской власти, увеличив эффективность имевшихся учреждений. Усилие короны ощутили уже современники. Это означало, например, что высшие правительственные чиновники полностью зависели от королевской воли. Так, в 1544 г. Франциск I отстранил от должности своего канцлера Гийома Пуайе, хотя

кону это было недопустимо. После мятежа Карбурбонского (1523) он также оставил вакантной, чем на десять лет должность коннетабля, пока не предоставил ее в 1536 г. де Монморанси, который держал ее до самой смерти (1576). Измена Бурбона королю, кроме всего прочего, желанную возможность присоединить к доменам короны этот последний большой лен. Антиаристократической направленности политики соответствовало также ограничение полномочий губернаторов провинций, как правило, принадлежавших к высшей знати. Только в пограничных провинциях аристократия продолжала занимать посты, но с сугубо военной функцией.

Наибольшие изменения Франциск I осуществил в части финансовой администрации. Осуждение в 1527 г. высшего финансового чиновника Жака де Саме послужило для короля поводом, чтобы подчинить королевскому контролю казначейство, центральное управление, куда стекались все доходы королевства: доходы от государственных доменов, подати (талья), налоги на продукты (эды), соляной налог (габель) и доходы от продажи должностей. Для упрощения взимания податей королевство было разделено на 16 финансовых округов.

«Раннеабсолютистское правление» Франциска I было несовместимо с властью дворянства и существованием больших ленов. Уже при его предшественнике Людовике XII закончились междоусобные войны. Только Франциск I лишил могущества последних из владельцев ленов герцогов Бурбонских. Как же Карл Бурбонский после женитьбы на Сюзанне-де-Борго присоединил к своей собственности остальных семейных владения жены. После смерти матери (1522 г.) король, не дожидаясь решения суда, присвоил принадлежавшие к приданому земли. Следствием этих самоуправных действий короля был мятеж Карла Бурбонского. Десять лет спустя, в 1532 г.,

Франциск I присоединил к короне Бретань и сделал решительный шаг к воссоединению королевства, что с тех пор он пытался осуществить также и военными средствами, когда в 1534 г. в первый раз предпринял формирование французской пехоты. Однако большая часть пехоты впредь набиралась в Швейцарской конфедерации и в Священной Римской империи. Представители французского дворянства при Франциске I все больше превращались в свиту короля и добывались должностей при дворе. К тому же итальянские войны, хотя и на короткое время, открыли для них новое поле деятельности. Призыв вассалов «всех до одного» больше не осуществлялся, а основой французской кавалерии стали сформированные из дворян «отряды по наведению порядка, или жандармерия», включавшие «легкую кавалерию».

В сфере внешней политики перед королем стояла двойная задача: соблюдение прав французской короны и взятие реванша за унижение французского войска в Италии. Вмешательство в Италию уже в год его прихода к власти было символичным. Девиз Франциска I гласил: сохранение европейского значения династии путем возвращения утраченных в Италии позиций. Победой над швейцарцами у Мариньяно 13/14.09.1515 г. он добился осуществления этого. Одновременно снова пришли в движение европейские государства. В Испании, например, возник вопрос, какие последствия для Неаполя будет иметь эта победа французов.

В результате длительных переговоров 29.11.1516 г. Франциск заключил с Швейцарскими кантонами Фрайбургский, или Вечный, мир, который надолго обеспечивал ему право использовать швейцарских наемников. Еще до Мариньяно 2.04.1515 г. Франциск I подписал со своим будущим соперником Карлом V договор о дружбе. По ленно-правовым вопросам габсбургское посольство, присутствовавшее в Париже по

чаю коронации Франциска I, пришло к соглашению с французской стороной.

Последующие годы прошли под знаком растущих разногласий между домами Габсбургов и Валуа. Они достигли первой кульминационной точки в борьбе за императорский титул. Как Франциск I, так и Карл боролись за этот титул всеми доступными средствами. Для Франции императорская власть означала правовую бесспорность ее позиций в Италии. Французская пропаганда даже подчеркивала франко-немецкую общность, как говорилось в одной из брошюр: «Не существует причины, по которой немцы должны избегать или не принимать дружбы французов, потому что французы по своей природе, привычкам и обычаю среди всех людей самые мягкие и кроткие, а также всегда вели себя дружественно и гостеприимно, когда к ним приезжали купцы и другие торговцы, и в большинстве случаев немцы и французы с давних времен имели общую сущность и с самого начала их существования протягивали друг другу руку...» (Колер). Французы попытались использовать в своих целях «идею крестового похода», страх перед турками и боязнь расходов немецких принцев. Они в мрачных красках рисовали турецкую угрозу христианству, особо отмечали, что власть султана после его побед над персами стала еще больше, чем когда-либо раньше, и говорили о неисчислимых бедах, которые обрушились на христиан в результате завоеваний турок на Балканах. Кроме того добавляли, что новое нападение может быть успешно отражено только крупными военными силами и подчеркивали, что король Франциск уже теперь как нельзя лучше к этому подготовлен (Лауриер).

Решение курфюрстов в пользу габсбургского кандидата привело к перегруппировке сил в Европе и к важному конфликту между домами Габсбургов и

Валуа. Начиная с Людовика XII, в 1514 г. женившись на Марии Тюдор, младшей сестре Генриха VIII, с Англией установилось династически-политическое согласие, которое, однако, вскоре подверглось испытанию, когда Франциск I отказался вернуть приданое Марии. Летом 1520 г. состоялась встреча Франциска I и Генриха VIII в «Золотом лагере» у Кале. Она символически отразила все еще очень хорошие отношения. Политика английского короля попеременно обращалась то к Карлу V, то к Франциску I. Венецианский посланник во Франции обрисовал англо-франко-габсбургские отношения на примере ситуации 1536 г. так: «Причина, которая делает очень полезным для Франции союз с английским королем, заключается в его богатстве, таким образом он является более приятным и желанным союзником. Этот союз объединяет общая враждебность, так как хорошо известно, что самым большим врагом королей Англии и Франции является император. Англия, которая сознает, что оскорбила его, день ото дня ждет войны. Оба короля связаны также и своим удобным положением, так как Англия и Франция могут вторгнуться и занять Фландрию...» (Бауманн).

В начале затяжного конфликта между Франциском I и Карлом V в 1521 г. Генрих VIII переметнулся на сторону императора, правда, тайно. В ноябре 1521 г. он достиг соглашения с Карлом и папой; в 1523 г. он намеревался вести войну против Франции совместно с Карлом, который требовал у Франции вернуть Бургундию. Переход папы Льва X на сторону Карла сделал возможным то, что императорская армия под командованием Пескары и Колонны (со стороны папы) 19.11.1521 г. отобрала у французов Милан, чтобы снова водворить туда герцога Франческо Сфорца. Следующее тяжелое поражение 27.04.1522 г. потерпел у Ла Бикокка французский генерал Лотрек; это была первая значительная победа немецких ландскнехтов

над швейцарскими наемниками. Личное присутствие французского короля в Италии, как в 1515 г., казалось все более необходимым.

В ходе конфликта с сюзереном по поводу собственности своей покойной жены Карл Бурбонский, коннетабль Франции, был готов перейти на сторону Карла V. В августе 1523 г. император пообещал отдать ему в жены Элеонору. Карл хотел проводить военные операции от Испании, Генрих VIII — в Нормандии. Для этого Бурбон должен был организовать восстание внутри Франции. Когда заговор был раскрыт, Карлу Бурбонскому удалось бежать. Новое задание на службе у императора он получил, руководя походом на Южную Францию. После успешного начала, связанного со вступлением в Экс (9.08.1524), он потерпел поражение у Марселя.

Уже в 1523 г. профранцузски настроенный кардинал Содерини побуждал Франциска I к вторжению в Италию, однако не получил одобрения папы Адриана VI. Лишь после неудачного похода императорского войска на Южную Францию Франциск I вторгся в Италию, перерезал армии Карла V линию отступления и молниеносно взял Милан, куда он вступил 26.12.1524 г. Будучи в союзе с новым папой Клементом VII и Венецией, французский король теперь был твердо убежден, что может повторить свой военный успех 1515 г. Однако сражение при Павии 24.02.1525 г. имело для него катастрофический исход: он попал в плен. Король осадил императорского генерала Антонио Леива, отступил к Павии и, вопреки справедливым предостережениям своих офицеров, слишком рано атаковал со своих еще не защищенных позиций. После начальных успехов превосходящей французской артиллерии Леиве удалось во время вылазки из города оттеснить уже ослабленную пехоту и выиграть сражение. Франциск I сдался в плен Карлу де Ланнуа, вице-королю Неаполя, та же судьба постигла часть

сражавшегося вместе с ним французского дворянства. Ланнуа написал Карлу V: «Теперь Бог дал Вам возможность, и никогда вы не примете свою корону лучше, чем сейчас. Эта страна (Италия) в настоящее время столь же мало может опереться на Францию, как и Наварра, наследник которой тоже взят в плен. По моему мнению, Вы должны теперь прибыть в Италию» (Бранди). Однако император не приехал. Ланнуа подготовил транспортировку французского короля в Испанию, отпустив де Монморанси, который обеспечивал подготовку кораблей. 19.06.1525 г. Франциск I прибыл в Барселону; с 20.07.1525 г. он находился в Мадриде.

Прием короля при дворе Карла V был отнюдь не дружественным; его долгое время игнорировали, пока в Толедо не приехала сестра Франциска Маргарита. Однако переговоры в Испании в середине октября и переговоры, проведенные в Лионе императорским посланником де Праетом, были сначала безрезультатными. Франциск, правда, был готов отказаться от Италии и от ленного суверенитета во Фландрии и Артуа, к тому же он предложил выкуп в сумме 3 миллионов солидов, однако Карл не отступил от своего требования о передаче Бургундии. В конце ноября французский король согласился удовлетворить это требование при условии, что передача Бургундии должна состояться после его возвращения во Францию. В качестве гарантии он предложил свой брак с Элеонорой, сестрой императора, а также намеревался отдать в заложники двух своих сыновей. 19.12.1525 г. обе стороны договорились. Франциск пообещал выполнить требования императора. Его освобождение должно было произойти при условии оставления обоих сыновей, через несколько недель после возвращения во Францию он должен был ратифицировать договор, а парламент в течение четырех месяцев утвердить его ратификацию.

Мадридский мир был «уже мертв, когда 14.01.1526 г. ему торжественно присягнули, и он был столь легковерно принят бургундскими рыцарями. Когда Гаттинара должен был поставить на него печать, он уклонился, сославшись на свой долг по отношению к императору» (Бранди). Впрочем, Франциск I уже 16.08.1525 г. велел нотариально засвидетельствовать свой секретный протест, объявлявший недействительным все то, к чему его принудили во время плена вопреки его чести и долгу. Накануне подписания Мадридского мирного договора он повторил этот протест в присутствии своих посланников, кардинала Турнона, президента парламента Жана де Сельва и де Монморанси.

После возвращения во Францию в мае 1526 г. в Коньяке императорскому посланнику объяснили, что король считает Мадридский договор вынужденным, поэтому не чувствует себя им связанным. В то же самое время 22.05.1526 г. Франциск в Коньяке заключил союз с папой, герцогом Миланским, Флоренцией и Венецией. Это была первая широко задуманная антигабсбургская коалиция с тех пор, как Карл стал императором. Ее целью было изгнание испанцев из Неаполя, возвращение Милана исконной династии и освобождение сыновей Франциска I. Следствием всего этого было продолжение войны в Италии. Однако успехи и неудачи коалиции взаимно уравновешивались: во время «Римского мешка» папа Клемент VII был свергнут и капитулировал. Наоборот, успешными были венецианско-генуэзские морские операции у побережья Южной Италии, которые при решающем участии генуэзского капитана Андреа Дориа нанесли испанцам чувствительное поражение у Амали (28.04.1528). Раздраженный разногласиями с французским командованием и ссорой из-за трофеев, Дориа через несколько недель перешел на сторону императора. По этой причине была не только снята осада

Неаполя, но под прикрытием генуэзского тыла Леиве удалось наголову разбить у Ландриано войска коалиции (21.06.1529). Франциск I вынужден был пойти на мир с императором, 3.08.1529 г. в Камбре он подписал мирный договор, который обязывал его отказаться от всех притязаний на Италию. Итальянские союзники Франции должны были признать власть Карла V над Италией. Кроме того, Франциск I согласился на выплату 200 000 солидов, предусмотренных в Мадридском мирном договоре. Он лишился суверенных прав на Аргуа и Фландрию. Карл V со своей стороны отказывался от силового разрешения «бургундской тяжбы». Наконец договорились о заключении брака Элеоноры с французским королем. Казалось, теперь итальянский вопрос между Габсбургом и Валуа был разрешен, император надеялся на поддержку своей политики в Империи и против османов. Однако эта надежда вскоре рухнула. После избрания Фердинанда I римским королем (1531) французский король возобновил в Империи контакты с противниками, отказавшимися принять королевский сан младшего Габсбурга. Кроме Шмалькальденских принцев Гессенского и Саксонского, это были прежде всего католические герцоги Баварские. В Шейерском договоре в Баварии (май 1532) Франциск I присоединился к Заальфельдскому союзу этих принцев от октября 1531 г. и пообещал субсидии для конфликта с императором. Таким образом, французский король одобрил завоевание Вюртемберга и тем самым содействовал потере важнейшей верхненемецкой позиции габсбургского дома. Для Франциска I второе звено для дистанцирования от политики императора находилось опять же в Италии — в лице папы Клемен-та VII, отношения которого с императором снова испортились с 1531 г. Французская дипломатия использовала эту размолвку, чтобы сблизиться с папой, предложив ему брачный проект, касавшийся Екате-

ицы Медичи, одиннадцатилетней племянницы Кле-
мента VII, и Генриха, второго сына Франциска I, гер-
цога Орлеанского. Секретная договоренность состоя-
лась в июне 1531 г.; в качестве приданого папа
назначил Пизу, Ливорно, Модену, Реджио, Парму и
Бьяченцу. Наконец в октябре 1533 г. в Марселе папа
лично благословил брак. Было ли это шагом Фран-
циска I для возвращения Неаполя? Во всяком случае,
смерть герцога Франческо Сфорца 1.11.1535 г. побу-
дила Франциска I возобновить свои наследственные
притязания на важнейшее верхнеитальянское княжес-
тво. Еще раз французский король искал военное ре-
шение в Италии, одновременно и в ответ на большую
активность Карла V в Средиземноморье, которая до-
стигла кульминации в туниССкой военной операции
(1535). Это должно было неизбежно привести к более
тесному взаимодействию Франции с Османской импе-
рией. «Гармония» Франциска I с османами вела свое
начало от левантйских торговых интересов Франции,
получившей привилегированное положение в восточ-
ной торговле со времени завоевания османами маме-
люкского султаната Египта (1517). Впоследствии было
заключено политическое соглашение между Францией
и Великой Портой в Константинополе (1523), кото-
рое сначала не вылилось в официальный союз. Это
произошло в 1536 г. и принесло французскому коро-
лю поддержку османов в западной части Средиземно-
го моря. Таким образом удалось компенсировать не-
удачу генуэзского флота в 1528 г.

Франко-османское взаимодействие на Средиземном
море нужно рассматривать как следствие франко-габ-
сбургского затяжного конфликта, который вынудил
Францию искать союзника вне европейского сооб-
щества государств. Роль связующего звена сыграли
североафриканские берберские государства. Так, Ха-
иреддин Барбаросса, глава алжирского пиратского го-
сударства, построил флот и был назначен Портой ка-

питан-нашой. В мае 1534 г. Франциск I заключил с ним договор. В следующем году Карл V принял меры против пиратских плаваний Барбароссы. Тем не менее, войну против императора в 1536 г. Франциск I начал в Верхней Италии. Французские войска нанесли молниеносный удар по Савойе и Пьемонту. Франциск I завладел этими территориями и остановился на границе герцогства Миланского. Карл V использовал в качестве повода завоевание Турина в 1536 г., чтобы перед итальянской общественностью в Риме, где он тогда находился, объявить французского короля нарушителем мира. На второй день после Пасхи (17.04.1536) в речи перед папой и кардиналами император попытался (правда, безуспешно) побудить Павла III к отказу от его нейтральной позиции.

Во время длившегося до 1538 г. военного конфликта происходили сухопутные и морские операции. Поход Карла V на Марсель был типичным. Правда, французы во второй раз (с 1524 г.) смогли выдержать осаду императорской армии и флота. Анн де Монморанси лишил императора малейшей возможности расквартировать армию на суше. Таким образом, она была отброшена на свои исходные позиции в Ломбардии. Франко-османское взаимодействие флотов было малоэффективным. Угроза итальянскому побережью объединила папу, императора и Венецию. Павел III в июне 1538 г. в Ницце лично посредничал при заключении десятилетнего перемирия между Карлом V и Франциском I, которое санкционировало *status quo* в Италии, то есть Франция получила Пьемонт, а Милан оставался габсбургским. В Ницце 14/16.07.1538 г. во время приватной встречи Франциск I и Карл V снова пообещали друг другу сотрудничество в обороне от османов и в религиозных вопросах в Империи. Установилась ли благодаря этому дружба «христианских государей»? Как недоверчиво обе стороны воспринимали отношения с османами, наглядно показа-

по «убийство посланников у Павии». 3.07.1541 г. испанские солдаты, подчинявшиеся Васто в Милане, скватили на По и убили французского посланника Ринконе, который возвращался в Стамбул вместе со своим генуэзским сопровождающим Фрегозо. В процессе скандала Франциск I обвинил императора в покровительстве. Подоплекой инцидента являлся тот факт, что в 1538 г. не было никакого мира, и все спорные вопросы оставались нерешенными. Это касалось прежде всего французских притязаний на Милан. Непосредственно после смерти Франческо Сфорца зимой 1535/36 г. Франциск I вел с Карлом V переговоры о том, может ли его дом получить в лен наследство Висконти — Сфорца. Однако император выставил непомерные условия: наделение леном Карла, герцога Орлеанского, третьего сына французского короля, и сохранение императорских укреплений в герцогстве Миланском. По сути, Карл V не хотел оставлять территориальные приобретения 1529 г. в качестве апанажа французскому принцу, скорее всего, он тогда был полон решимости закрепить Милан за своим домом, особенно за своей линией, как это доказывает секретная инвеститура его сына Филиппа в 1540 г. Однако и потом император оспаривал герцогство в ходе династического проекта, когда в мирном договоре в Крепи от 20/22.09.1544 г. был обусловлен в течение года брак герцога Орлеанского с инфантой Марией (дочерью императора) или с Анной Австрийской (дочерью Фердинанда). В качестве апанажа были предусмотрены Милан или Нидерланды. Император выбрал первое, но герцог Орлеанский умер 9.09.1545 г. Франциск I тщетно требовал другого решения.

Согласованное тогда династическое решение было частью мирной программы, разработанной после похода Карла V против Франциска I. Эта война для Франциска I была самой опасной из всех столкновений с Габсбургом. По договоренности с английским

королем, император вгрозил во Францию. На Шпейерском рейхстаге 4.04.1544 г. имперские сословия, а также протестантские принцы пообещали императору военную помощь порядка 28 000—29 000 человек на шесть месяцев. Сам Карл V располагал значительными военными силами. Уже в 1543 г. состоялся договор о совместном англо-габсбургском походе. «Императору было очень важно подавить Францию. Он хотел в Париже диктовать условия мира побежденному королю, как он диктовал когда-то в Мадриде пленному. Генрих сначала стремился только к увеличению прибрежной полосы. Булонь, как он позже открыто заявил посланникам своего союзника, была ему важнее Парижа» (Кардон). Франциск I использовал преимущества внутренней линии, кроме того, он избегал сражений и надеялся остановить продвигающиеся императорские войска у крепостей. Император не мог обойти крепости, не подвергаясь опасности быть отрезанным от своих коммуникационных линий для отступления. Шестинедельная осада крепости Сен-Дизье с 4.07 по 17.08 стоила императорской армии потери драгоценного времени и выявила недостатки в снабжении. Только в первой фазе похода доставка провiantа и снаряжения происходила почти бесперебойно, однако в дальнейшем жалование и продовольствие перестали поступать.

Французский король набрал 18 000 швейцарских наемников и дислоцировал часть своих войск (10 000 человек) у Парижа, а другую, большую часть (35 000 человек) — восточнее Парижа, у Жаалона. Там же находились дофин Генрих и герцог Карл Орлеанский. Генриху было поручено главнокомандование, а его отец из-за болезни оставался в замке Сен-Мор-ле-Фоссе. После взятия Сен-Дизье продвижение императора казалось лишь стратегическим маневром для окончания войны. Так, Карл V обошел хорошо укрепленный Шалон, чтобы по правому берегу Марны

предвинуться на Эперней. С помощью переговоров французский король пытался удержать императора от наезда на Париж. Ведущую роль в этом играл доминиканец Габриель де Гусман, испанец по происхождению, который, будучи исповедником королевы Марии Медичи, пользовался ее полным доверием. По его инициативе в императорском лагере с середины августа велись переговоры герцог Франциск Лотарингский, граф де Боссюе, сеньор де Лонгвиль, заместитель императора Шампани, маршал Аннебо, Африкен де Монморанси, Обепин и Байяр. Они изложили императору мирный проект, позже утвержденный в Крепи. В начале сентября поход можно было считать неудавшимся, поэтому император по договоренности со своим английским союзником принял французское мирное предложение, что позволило ему сохранить лицо.

Французский король вел переговоры и с Генрихом VIII со времени его высадки в Булони. В конце августа туда отправилась французская делегация во главе с кардиналом дю Белле. Вскоре капитулировал Вервен, французский комендант Булони. Только в июне 1546 г. осуществился мирный договор, который на следующий год оставлял англичанам Булонь в качестве залога. Это произошло в тот момент, когда император в Крепи вместе с Медонским секретным соглашением потерял свое значение и действительность. Секретное приложение к договору обязывало французского короля обеспечить Собор и поддерживать религиозную политику Карла V в Империи. Император еще раз попытался вытеснить французского короля на роль «прислужника» в своей всемирной политике. Однако этого ему не удалось. Желание Франциска I сотрудничать сильно ослабело со времени краха династического проекта, который был связан с апанажем Милана.

Два последних года правления Франциска I прошли под знаком прогрессирующей болезни. Болезнь

короля была давнего происхождения. Еще в 1538 г. Мартин дю Белле говорил о жизненно опасном «апостеме», абсцессе, опухоли в животе. Вопреки старым взглядам сейчас считают, что Франциск I страдал опухолью, которая ущемила мочепускающий канал и была, вероятно, осложнением перенесенного в молодости триппера. Согласно протоколу вскрытия, у короля были «язва желудка, испорченные почки и сгнившие внутренности, изъязвленная глотка и немного поврежденное легкое», писал императорский посланник Сен-Морис 10.04.1547 г. В конце 1546 г., за три месяца до смерти Франциска I в Рамбуйе, врачи попытались справиться с увеличивающейся опухолью в животе. Это вмешательство на короткое время принесло облегчение, но в конечном результате только ускорило смерть короля.

Райнер Бабель

Генрих II **1547—1559**

Родился 31 марта 1519 г. в Сен-Жермен-ан-Ле, второй сын короля Франциска I, герцог Орлеанский, с 1536 г. дофин, с 1547 г. король Франции. 25 июля 1547 г. помазание и коронация в Реймсе, умер 10 июля 1559 г. в Париже.

Отец: Франциск I, король Франции (1494—1547), сын Карла Ангулемского (1450—1496) и Луизы Савойской (1476—1531). Мать: Клотильда Французская (1499—1525), дочь короля Людовика XII Французского. Шесть братьев и сестер: Луиза (1515—1518); Клотта (1516—1524); Франциск (1518—1536); Анн (1520—1537), с 1537 г. замужем за королем Шотландским; Карл, герцог Ангулемский (1522—1545); Маргарита (1523—1574), с 1559 г. замужем за Эммануэлем Филибертом Савойским.

8 октября 1533 г. женился на Екатерине Медичи (1499—1589), дочери Лоренцо Урбино (1492—1519) и сестры Мадлен (1501—1519) из французского дома Тур-д'Овернь. Дети: Франциск (1544—1560), с 1560 г. король Франции; Елизавета (1546—1568), с 1569 г. жена короля Филиппа II Испанского; Клотильда (1547—1575), с 1558 г. жена герцога Карла III Ютарингского; Людовик (1549—1550); Карл Максимилиан, с 1559 г. дофин, с 1560 г. король Карл IX Французский, с 1570 г. женат на Елизавете, дочери

императора Максимилиана II; Эдуард Александр Генрих, герцог Анжуйский (1551—1589), в 1560 г. дофин, в 1573 г. король Польши, с 1574 г. Генрих III, король Франции, женат на Луизе де Водемон; Маргарита (1553—1615) с 18 августа 1572 г. замужем за Генрихом Бурбоном, королем Наваррским (с 1589 г. король Франции Генрих IV); Франсуа-Эркюль, герцог Алансонский, потом Анжуйский (1555—1584), с 1574 г. дофин; Виктория (1556); Жанна (1556). Внебрачные дети: от Филиппы Дучи — Диана Французская (1538—1619) с 1553 г. замужем за Горацио Фарнезе, с 1557 г. за Франсуа де Монморанси; от Джейн Флемминг — Генрих, герцог Ангулемский (1551—1568).

«История Генриха II, которую я Вам представляю, рассказывает о правлении того Вашего предшественника, который начал свои труды при счастливейших обстоятельствах, а закончил при несчастнейших», — так в конце 17 века писал придворный историограф в своей работе, посвященной королю Людовику XIV.

С тех пор о Генрихе II писали немногие историки. Менее одаренный и блестящий, чем его отец Франциск I, он предстает как человек, всецело находившийся во власти фаворитов, таких как коннетабль де Монморанси и любовница Диана де Пуатье. Генрих II был подвержен чужому влиянию и лишен подлинного политического чутья.

Правление Генриха II прервалось, когда он 30.06.1559 г. получил на турнире рану, от которой несколько дней спустя скончался в возрасте сорока лет. Этот турнир был частью празднеств по случаю двойной свадьбы — дочери Генриха Елизаветы с Филиппом Испанским и его сестры Маргариты с герцогом Савойским. Очевидно, тогда было скреплено перемирие старых противников, которое незадолго до этого окончательно завершило десятилетие непрерывной борьбы Като-Камбрезийским миром.

Генрих II (1547—1559)

Генрих по многим причинам стремился к этому миру: важнейшими из них были невыносимое финансовое бремя войны и усиление протестантизма во Франции, на подавлении которого король хотел сконцентрироваться в первую очередь. Прежде чем он впал в агонию, на смертном одре продиктовал письмо папе, в котором сообщал об аресте некоторых членов парижского парламента, подозревавшихся в «лютеранской ереси», и уверял главу церкви в своей непримиримой вражде ко всем формам конфессионального отклонения — поступок, который кажется тем более знаменательным, что был, возможно, последним проявлением королевской воли.

Мир в Като-Камбрези обошелся дорого. Едва ли не все, что Франция получила в почти непрерывных и кровопролитных войнах за четверть века, должно было быть возвращено; она на долгое время теряла роль доминирующей европейской державы в борьбе против дома Габсбургов. Немало современников считали это неправильной и унижительной политикой, чем нередко соглашались и современные историки.

Каковы были его настоящие идеи и как он пытался их осуществить?

Родившийся в 1519 г. Генрих был средним из трех сыновей короля Франциска I и, таким образом, не являлся наследником трона. Временем, которое определило формирование его характера, были приблизительно пять лет, проведенных вместе со старшим братом в Испании в качестве заложника, чтобы сделать возможным возвращение во Францию отца, попавшего в императорский плен после сражения при Павии (1525 г.) Большую часть этого времени — до заключения и осуществления мира в Камбре — оба королевских сына провели в неблагоприятных, даже унижительных условиях в многочисленных кастильских крепостях, так как испанцы стремились сделать невозможными попытки бегства или освобождения. Свя

тание с этим пленением унижение Генрих не забыл никогда и питал непреодолимую ненависть к Карлу V, как его инициатору.

Через несколько лет после возвращения во Францию Генрих женился на Екатерине Медичи, дочери герцога Урбинского Лоренцо ди Медичи и его супруги Мадлен из древнего французского рода Ла Тур д'Овернь. Рано оставшаяся сиротой, Екатерина была родственницей и подопечной папы; брак, следовательно, оказался в центре широко задуманного франко-папского плана альянса, предусматривавшего кроме церковных уступок в отношении некоторых кардинальских назначений и повышения Франциском церковных дегити завоевание сферы влияния, образованной из Милана, Пармы, Пизы и Монферра, где должны были править молодые супруги. Смерть Клемента VII несколько месяцев спустя расстроила этот план и снова лишила Франциска I поддержки в Италии. Политическая выгода от брака с Екатериной исчезла, и многие современники, если даже и не сами супруги, считали это теперь ошибкой, тем более, когда Генрих после внезапной смерти брата, дофина Франциска, в 1536 г. выдвинулся на первое место в порядке престолонаследия. К этому времени уже началась связь Генриха с Дианной де Пуатье. До самой смерти славившаяся красотой вдова Луи де Брезе, которая была на двадцать лет старше Генриха, оставалась рядом с ним, оказывая влияние на мысли и действия дофина, а потом и короля. Екатерина Медичи в течение всех этих лет находилась на заднем плане и ничем не проявляла свои выдающиеся политические способности, которые сделали ее главной фигурой королевства во время следовавших друг за другом правлений ее трех сыновей. Пожалуй, только неизменная готовность к покровительству антибургски настроенным итальянским землякам, которые как «изгнанники» находили прибежище при французском дворе, заставляла ее тесно соприкасаться

с политическими вопросами. Так как Диана де Пуатье была достаточно умна, она требовала от своего возлюбленного в рамках возможного уважительного отношения к жене. Высокообразованная, но физически малопривлекательная Екатерина снискала если не любовь, то, возможно, благожелательность и уважение Генриха.

Мало что связывало дофина с отцом. Франциск I даже при жизни дофина Франциска оказывал предпочтение своему младшему сыну Карлу, похожему на него по своему душевному складу. С тех пор как Генрих, став дофином, начал высказывать собственное политическое мнение, пропасть углубилась. Особенно отчетливо это проявилось в отношении Генриха к мирному договору в Крепи, по которому Франция теряла все приобретения, сделанные с определенного момента, в частности Савойю (включая Пьемонт), завоеванную в 1536 г. Была обещана военная помощь против турок и в одном секретном условии давалось согласие французов на созыв общего Собора для улаживания конфессиональных споров. Договор предусматривал брак младшего сына Франциска I с представительницей дома Габсбургов. По договору предполагался отказ от традиционных законных притязаний французской короны на Милан, а также от прежних претензий на Неаполитанское королевство и графства Асти, Фландрское и Артуа. Император в качестве ответного хода отказывался от Бургундии.

Дофин в присутствии свидетелей заявил, что он против этого мирного договора, проявив тем самым стремление к сохранению целостности монархии.

Смерть Карла Орлеанского в 1545 г. помешала исполнению договора, однако и впоследствии Генрих сохранял дистанцию по отношению к отцу и его политике. Прежде всего, он не прерывал контактов с немецкими протестантами и из политического расчета вызвал у них определенные надежды на введение про-

тестантизма во Франции в тот момент, когда Франциск I начал преследование их французских единоверцев интенсивнее, чем когда-либо раньше.

31.03.1547 г. умер король Франциск I. Многие близкие ему люди должны были теперь отступить: его влиятельнейшая любовница герцогиня д'Этамп была незамедлительно удалена от двора, адмирал д'Аннебо лишен части своих военных должностей и исключен из узкого круга Совета, у канцлера Оливье была отобрана королевская печать.

Многие некогда могущественные люди вернулись назад, например, впавший в немилость коннетабль Анн де Монморанси. Монморанси сумел завоевать дружбу дофина, когда тот во многих походах накапливал военный опыт под его руководством. Восстановленный в звании коннетабля Франции, Монморанси впредь обладал как бы вице-королевской властью и до смерти Генриха наряду с ним был доминирующей фигурой.

Его злейшими соперниками в борьбе за влияние на короля были два старших сына герцога де Гиза. Гизы обладали большой самонадеянностью из-за принадлежности к лотарингскому герцогскому дому, младшей ветвью которого они являлись. Герцог Франциск Омальский, который после смерти своего отца принял титул герцога де Гиза, был блестящим военным и одаренным политиком. В политическом отношении ему не уступал младший брат Карл, который еще в молодые годы стал архиепископом Реймским и при поддержке Генриха сразу после смерти короля был возведен в сан кардинала.

В течение всей эры Генриха в Монморанси и братьях Гизах воплощались не только две борющиеся за власть и влияние на короля силы, но и две противоположные концепции внешней политики. Резкий и неприступный коннетабль, суровый и даже жестокий на поле брани к врагам своего короля, был склонен к осмотрительности и даже к принципиальной готовности

бороться за мир. Гизы же были обычно на стороне партии отважных действий и оправданного риска, между прочим, еще и потому, что испытание как полководца было для герцога Франциска лучшим способом уменьшить расстояние между собой и влиятельным Монморанси.

Правление Генриха II с самого начала проходило под знаком внешней политики. После договора в Крепи в 1546 г. был заключен мир с Англией. Причиной того, что после смерти Генриха VIII (умершего за несколько месяцев до Франциска I) конфликт снова разгорелся, была на первый взгляд проблема шотландского престолонаследия. В Шотландии после смерти короля Якова V регентшей при своей маленькой дочери Марии Стюарт стала Мария де Гиз, сестра герцога и кардинала Лотарингских. Брачный союз наследницы трона с тогда еще несовершеннолетним Эдуардом VI Английским был бы крайне неблагоприятным для Франции и даже опасным, потому что Шотландия традиционно являлась важнейшим союзником против старого врага — Англии. В этой ситуации Генрих принял решение взять инициативу в свои руки и заключить брак своего старшего сына Франциска с Марией Стюарт. После того как летом 1548 г. шотландская наследница трона была доставлена ко французскому двору, Генрих объявил себя покровителем Шотландии и поддержал регентшу, послав войска. Вероятность войны с Англией в немалой степени зависела от позиции Карла V, а он не хотел пожертвовать миром с Францией ради желаемой Сомерсетом коалиции. Англо-французский договор 1550 г., который не только давал мир Шотландии, но и предусматривал возвращение Булони за выплату определенной суммы, был первым значительным успехом молодого короля в области внешней политики и вдохновляющим знаком на будущее.

Но что же Генрих наметил себе на это будущее? Лице его протест против мира в Крепи определенным образом указывал на курс, которого дофин последовательно придерживался, контактируя с врагами Карла V и Империи. Правда, протестантские принцы Империи, которые когда-то нашли в лице Франциска I опору против своего императора, после Шмалькальденской войны были сильно стеснены в своих действиях. Если Генрих, как это казалось, хотел возобновить борьбу против Габсбурга, то отправные пункты находились скорее в Италии, хотя прочно укоренившемуся габсбургскому влиянию как в герцогстве Миланском, так и Неаполитанском королевстве и на Сицилии противостояло только французское присутствие в аннексированном в 1536 г. Пьемонте. Единственным надежным союзником Франции на Апеннинском полуострове мог остаться герцог Феррарский, жена которого Рене Французская была внучкой короля Людовика XII.

Однако на помощь Генриху пришло совершенно неожиданное событие: убийство Пьеро Фарнезе, герцога Пармского. (Фарнезе, незаконный сын папы Павла III, был посажен на престол в зависимом от Ватикана герцогстве Пармском.) Губернатор Милана дон Ферранте Гонзага воспользовался ситуацией и быстро оккупировал герцогство испанскими войсками. Но это склонило на сторону Франции до сих пор проимператорски настроенного Павла III, возлагавшего ответственность за убийство сына на сторонников Карла V. Альянс, который предложил Генрих через Карла Лотарингского, находившегося в Риме по случаю возведения в сан кардинала, не был заключен из-за отрицательного отношения Венеции. То, что Генрих все-таки повел через Альпы на Пьемонт войска, пока его не вынудил вернуться разразившийся в Южной Франции налоговый бунт, свидетельствует о его твердом желании доказать французское присутствие в Италии.

Когда вскоре после этого умер папа Павел III, ситуация коренным образом изменилась. Его преемник Юлий III вступил в конфликт с Францией. Разногласия возникли из-за отказа Франции участвовать в Тридентском Соборе, созванном для решения конфессиональных вопросов. Генрих не без оснований полагал, что его участие усилит положение императора. Наряду с этим возник еще один папско-французский конфликт вокруг Пармы, которую Юлий III хотел отнять у Фарнезе.

Генрих решил использовать ситуацию для усиления своего влияния в Италии. В мае 1551 г. он выдал замуж за Горацио Фарнезе свою внебрачную дочь Диану и принял под защиту герцогство Пармское. Спешно посланная армия вытеснила папско-императорские войска, стоявшие в Парме под командованием дона Ферранте Гонзага, при этом она была поддержана военно-морскими силами султана, старого союзника Франциска I. Таким образом, папа попал под давление, он пошел на уступки и приказал возвратить Парму Оттавио Фарнезе. То, что он в первые месяцы 1552 г. отложил Тридентский Собор, было связано также с событиями по ту сторону Альп.

Когда французская интервенция успешно развивалась на итальянском театре военных действий, положение там тоже нормализовалось. С давних пор французская дипломатия вела тайную деятельность в Империи против императора. Ключевой фигурой в этой игре был Мориц Саксонский, курфюрст из Веттинского дома. Наделенный после окончания Шмалькальденской войны как союзник императора титулом курфюрста своего эрнестинского кузена, Мориц с некоторого времени держался на расстоянии от Карла V. Досада по поводу продления плена его тестя, ландграфа Гессенского, а также опасения, что ему, находящемуся на стороне императора, придется в ближайшей перспективе защищать свои новые владения,

ставили его задуматься о смене стороны. Вместе с несколькими другими принцами он в октябре 1551 г. заключил в Лохау союз, который в феврале следующего года был ратифицирован Генрихом в Шамборе.

Союз предусматривал совместные действия Генриха с немецкими принцами против Карла V. Эти действия были обоснованы справедливой борьбой против имперского испанского рабства». Франция принимала участие в союзе как защитник «свободы» немецких принцев. Генрих обязался предоставить широкую военную и финансовую помощь. Чтобы обеспечить стратегически французский поход на Империю, немецкие партнеры по договору крайне сомнительным, с точки зрения императорского права, способом вверили ему лотарингские имперские города Мец, Туль и Верден, а также Камбре, как имперский викариат. Кроме того, имперские принцы пообещали при следующих выборах императора поддержать приемлемого для Франции кандидата или кандидатуру самого короля Франции.

В феврале 1552 г. начались военные действия. Королевская армия подошла к Рейну, а в Меце, Туле и Вердене были поставлены французские гарнизоны. Даже независимое от Франции герцогство Лотарингское было подчинено французскому влиянию, его несовершеннолетний герцог был формально отдан под опеку короны и послан для дальнейшего воспитания во французскому двору. Франция теперь владела стратегическими линиями между Маасом и Рейном, важными во многих отношениях: для наступления на Империю, для охраны собственной территории от нападений с Востока, а также для перекрытия коммуникационных путей разделенной в пространстве габсбургской сферы влияния на юге Империи и в Нидерландах.

Намерение, которое Генрих связывал с походом, не смогло осуществиться, и причиной этого было похищение принцев. Мориц, который в военном отношении уже почти загнал в угол императора, не довел

дела до конца и начал сближаться с умеренным бра-
том императора Фердинандом, римским королем и ре-
гентом австрийской страны. Генриху пришлось начать
отступление, тем более, что спешно набранная импе-
раторская армия угрожала со стороны Нидерландов
северо-восточной Франции.

Мец вскоре был осажден крупными императорски-
ми силами, однако герцог Франциск де Гиз успешно
оборонялся. После того как мероприятие Генриха, из-
вестное под названием «Немецкий вояж», не достигло
намеченной цели, утверждение французского присут-
ствия в форме протектората в городах Мец, Туль и
Верден осталось единственным ощутимым результатом
альянса, заключенного в Лохау и Шамборе.

Теперь многолетняя конфронтация между Валуа и
Габсбургом протекала в основном в двух местах. В
Италии, где успех в Мече сильно поднял француз-
ский престиж, французские войска угрожали Милану
со своей базы в Пьемонте. Продолжение согласия с
Портой сделало возможными совместные франко-ту-
рецкие морские операции. Наибольшее значение, ко-
нечно, имела позиция города-республики Сиена, от-
куда летом 1552 г. был изгнан испанский гарнизон и
была адресована Франции просьба о защите. Сиена
имела стратегическое значение: она угрожала южно-
му флангу проимператорской Флоренции, владела
важными портами вдоль берегов Мареммы и, кроме
того, граничила с Папской областью. Таким образом,
она после Пармы представляла собой превосходный
отправной пункт для ликвидации габсбургского гос-
подства в Италии. Другой важной опорной точкой для
Франции была генуэзская Корсика, оккупация кото-
рой стала возможной около года спустя благодаря до-
стигнутому вместе с турецким флотом господству
Франции в западной части Средиземного моря, прав-
да, ценой перехода до сих пор нейтральной Генуи в
испанско-габсбургский лагерь.

На северо-востоке Франции после снятия осады Меца Генрих, поддержанный в этом Монморанси, пресек новую императорскую инициативу на границе Франции. Тем временем Карл V сумел полностью восстановить свои военные силы, сосредоточенные в Нидерландах. Осада и взятие в апреле 1553 г. французской пограничной крепости Теруанн и окончательное овладение Эдена развеяли иллюзии о недееспособности императора. Медленно пришло в действие французское сопротивление, так как Генрих и Монморанси после окончания осады Меца, неправильно оценив ситуацию, не держали вместе свои войска. Вовремя удалось снять осаду Дуллана, расположенного всего в 20 км от Амьена, однако чересчур осторожная тактика Монморанси помешала энергичному контрудару. С большим воодушевлением прошло французское наступление в феврале 1554 г., и был даже захвачен Брюссель. Однако после первоначальных успехов и здесь французы потерпели неудачу в результате мастерской отвлекающей тактике императорского полководца герцога Эммануэля Филиберта Савойского. Неожиданный успех у Ранги, недалеко от Теруанна, который мог бы поставить Карла V в затруднительное положение, Монморанси не использовал.

И вообще в 1554 г. Генриха постиг ряд неудач. Не только свершился брак между сыном Карла V Филиппом и сводной сестрой короля Эдуарда Английского наследницей трона Марией Тюдор, брак, который Франция всеми средствами старалась предотвратить, но и началось неблагоприятное развитие событий в Италии. В мае 1554 г. Пьеро Строцци, губернатор Сиены, был наголову разбит в битве у Марциано герцогом Тосканским Козимо Медичи, и тем самым был открыт путь для осады города флорентийско-императорскими войсками. Ровно год спустя в мае 1555 г. папа Римский Адриан VI потерял Сиену и вместе с ней основную опору французского влияния в средней Италии.

Эти события склонили Генриха к переговорам, которые были желательны для Карла V, потому что ему нужно было бороться с внутренними трудностями и решать вопрос о наследовании. Переговоры велись при посредничестве папы, а также королевы Англии. В Адре, недалеко от Кале, собрались лучшие дипломаты из обоих лагерей. Французскую делегацию возглавлял кардинал Лотарингский, императора представлял Гранвель.

Стороны предъявили максимальные требования и проявили столь слабое желание к компромиссам, что посредники безрезультатно разъехались. Французскую неуступчивость, по меньшей мере частично, можно объяснить тем, что главой церкви стал явно антигабсбургски настроенный папа Павел IV. Обоснованность этого расчета подтвердилась следующей осенью, когда кардиналу Лотарингскому удалось осуществить оборонительный союз между Францией, папой и герцогом Феррарским.

Но прежде всего именно отречение Карла V дало событиям новый поворот и сделало возможными дальнейшие переговоры. Габсбургская сфера влияния была поделена между Филиппом, получившим Испанию, Нидерланды и итальянские владения, и братом Карла Фердинандом.

В этих изменившихся обстоятельствах обе стороны в начале 1556 г. в аббатстве Восель договорились о пятилетнем перемирии при временном сохранении статуса владений Мец, Туль и Верден. Корсика и другие позиции, по крайней мере, временно оставались за Генрихом. Переговоры в Воселе провел адмирал Колиньи, племянник Монморанси; видимо, коннетабль содействовал решению Генриха об этом перемирии. Гизы же пребывали в решительной оппозиции: кардинал Лотарингский, проложивший путь к новой силовой акции в Италии, увидел, что заключенный при его посредничестве альянс дезавуирован. От герцога

Гиза, со времени осады Меца не имевшего серьезных поручений и отодвинутого на задний план, по сравнению с Монморанси, в последний момент ускользнуло назначение генерал-лейтенантом итальянского театра военных действий.

Однако и Восель не был последним словом французской политики. Новое изменение ситуации исходило опять от Италии. Папа плохо воспринял перемирие и постарался склонить Францию к разрыву с Испанией. Ситуация драматически обострилась, когда папа отлучил от церкви Карла V и Филиппа II из-за покровительства двум отлученным от церкви представителям римской аристократической оппозиции. Под впечатлением испанской акции — герцог Альба вторгся с юга в Папскую область — король решился на радикальное изменение прежнего курса. Вмешательство в пользу папы было теперь необходимо с точки зрения королевского престижа — французский монарх продолжал носить почетный титул защитника церкви. При оценке поведения Генриха нужно учитывать, что ему трудно было избежать действий, вытекавших из этого морального долга, он не хотел нанести ущерба репутации своей короны. Наряду с этим, правда, имелся слабый шанс одним ударом покончить с испанским присутствием в Неаполитанском королевстве и помочь добиться власти одному из младших сыновей французского короля. Герцог де Гиз был назначен генерал-лейтенантом итальянского театра военных действий. В феврале 1557 г. он вошел в Рим. До этого он набрал в Пьемонте большую армию и договорился с герцогом Феррарским, последним важным союзником Франции в Северной Италии, после того как герцог Пармский сменил ориентацию.

Однако начатые тогда военные операции не принесли желаемого успеха. Армия Гиза значительно уступала силам Альбы, эпидемии ослабили военную мощь французов, неблагоприятное финансовое по-

ложение Франции привело к беспорядку в снабжении и оплате войск, и поведение папы способствовало всевозможным недовольствам. Сверх того, не пришел обещанный Портой флот, который был нужен для блокирования испанских коммуникационных линий. Когда была прорвана французская осада Весте Цивителла, стало очевидно, что нечего и думать об успешном вторжении в Неаполь. Несколько успехов французских войск в Северной Италии не смогли существенно улучшить общее положение.

Гиз уже находился в трудной ситуации, когда произошли катастрофические события на французской северной границе. Там в августе 1557 г. Эммануэль Филиберт Савойский нанес сокрушительное поражение Монморанси: многие военачальники, которые не находились с Гизом в Италии, либо погибли, либо, как сам Монморанси, попали в плен к испанцам. Вдобавок испанцам удалось взять крепость Сен-Кантен, которую мужественно защищал Колиньи. Последствия этого события были драматическими: сердце королевства, сам Париж, находился под сильной угрозой.

Под давлением обстоятельств Генрих распорядился срочно отозвать герцога Гиза и его войска. Это отречение от итальянских союзников разрушило фундамент французского влияния на Апеннинском полуострове, так как ввиду угрожающей близости Альбы, авангард которого уже появился у Рима, папе ничего не оставалось, как искать соглашения с Филиппом II. Испанское господство в Италии после этой пробы сил утвердилось еще основательнее, чем раньше.

На севере, где положение еще раз обострилось из-за вступления в войну Англии на стороне Испании, что, правда, уже давно предвиделось, руководство военными операциями теперь полностью находилось в руках герцога Гиза, на которого как на генерал-лейтенанта королевства на время отсутствия Монморанси были возложены обязанности коннетабля.

Неудачи на границе с Нидерландами безотлагательно требовали решительных и быстрых действий. Как и прежде всего где нужно было осуществить французское контрнаступление, чтобы добиться оптимального успеха? В королевском Совете скоро возобладало мнение, что возвращение Сен-Каптена должно быть отложено в пользу другого мероприятия, обещающего со временем значительное стратегическое преимущество с важным психологическим эффектом, — отвоевания Кале, который уже более полутора столетий находился в руках англичан. Там Англия могла быть затронута самым чувствительным образом, и оттуда можно было держать под угрозой испанские военные силы в Нидерландах. Генрих принимал деятельное участие в решении проводить операцию при неблагоприятных климатических условиях в зимние месяцы, тогда как Гиз не советовал этого делать. Тем не менее Гизу удалось привести к счастливой развязке это предприятие: 8.01.1558 г. он принял капитуляцию английского гарнизона.

Отмеченное большими торжествами взятие Кале было последним серьезным успехом вооруженных сил Генриха в этой войне. Дальнейшее военное противостояние из-за финансового истощения обеих сторон все больше и больше приобретало черты ничейной борьбы.

Генрих понимал, что тяжелое финансовое положение и другие внутренние проблемы, и в первую очередь беспрепятственное распространение протестантизма, требовали концентрации всех сил и не позволяли дальше допускать примата внешней политики. К тому же он страдал от разлуки с Монморанси и, вероятно, был недоволен растущим влиянием Гизов.

Коннетаблю, все еще находившемуся в плену, было поручено провести зондирующие беседы, которые в конце концов вылились в переговоры о мире. С самого начала Генрих питал мало иллюзий по поводу того,

что именно испанцы и англичане потребуют от него. Он твердо решил сохранить только Кале, а также Мец, Туль и Верден. Даже завоеванный в 1536 г. Пьемонт он готов был отдать.

Так как соглашение с Испанией на основе взаимных реституций вскоре оказалось возможным, непосредственным препятствием для заключения договора являлась претензия Англии на Кале. Смерть Марии Тюдор в ноябре 1558 г. привела к прекращению переговоров и способствовала долгосрочному ослаблению английских позиций. Сводная сестра Марии, ее приемница Елизавета отклонила брачное предложение Филиппа и готовилась вести островное королевство в протестантский лагерь. Испания же больше не была обязана защищать английские интересы.

Когда посредники в феврале 1559 г. снова встретились недалеко от Камбре, Франция и Англия согласились на условное оставление Кале за Францией сначала на восемь лет. С Испанией договорились о полном обмене завоеваниями. Герцог Савойский получил обратно свою родину, включая Пьемонт, за исключением нескольких важных крепостей (Турин, Кьери, Кивассо, Пиньеролло, Вилланова д'Асти). Графство Монферра Франция уступила герцогу Мантуанскому; Монтальчино, последнее прибежище несгибаемых сиенцев, — герцогу Тосканскому, а Корсику — генуэзцам. Принадлежность городов Мец, Туль и Верден не подвергалась обсуждению, так как здесь речь шла о делах Империи. Мир был скреплен двойным брачным союзом: овдовевший после смерти Марии Тюдор Филипп II женился на дочери Генриха Елизавете, а Эммануэль Филиберт Савойский — на сестре короля Маргарите.

Первый параграф не содержал территориального вопроса, но подчеркивал желание договаривающихся сторон содействовать общему Собору для устранения конфессионального раскола. До сих пор преобладал

страх Генриха перед доминирующей ролью императора на Соборе, что требовало от него поведения, предельно осторожного. В своей собственной сфере влияния он с самого начала продолжал религиозную политику своего отца и бескомпромиссно преследовал протестантов. Уже в октябре 1547 г., то есть несколько месяцев спустя после вступления на трон, специальной палате Парижского парламента было поручено преследование протестантов. Вскоре за большое число вынесенных смертных приговоров ее стали называть «Огненной палатой». Ряд предписаний уточнял подлежащие преследованию составы преступления и соответствующие меры. Таков был изданный в Шатобриане около 1551 г. эдикт, который призывал всех подданных короля доносить на приверженцев реформаторской религии, грозил огромными штрафами за поддержку протестантов и запрещал любой контакт с Женевой, центром Реформации кальвинистского толка и прибежищем все возрастающего количества французских эмигрантов. Пока продолжалась война, проведение в жизнь королевской прерогативы было сопряжено с большими трудностями; напротив, учение Кальвина находило все больше сторонников в окружении короля, а также в среде высшего чиновничества и даже высшего духовенства. После окончания войны Генрих со всей решимостью выступил против дальнейшего развития событий. Дело дошло до знаменательной сцены, когда он в начале июня 1559 г. присутствовал на совместном заседании палат Парижского парламента, так называемого Меркуриала. Ряд представителей этой палаты, невзирая на последствия, присоединившись в своей симпатии к делу Реформации, потребовали улаживания религиозных распри на свободном общем Соборе и открыто критиковали королевскую религиозную политику. Двое из них, Анн де Бур и Пьер дю Фар, по приказанию разгневанного короля, несмотря на традиционную неприкосновенность, были

арестованы на месте, некоторые другие — позже, обвинены в ереси.

Усиление реформистского движения, которое ярко проявилось в этом событии, было важной, но не единственной причиной отказа от амбициозной внешней политики. Несмотря на значительное и устойчивое экономическое процветание в период правления Генриха II, во Франции из-за растущих военных расходов все больше и больше увеличивалась государственная задолженность, которую вряд ли можно было ликвидировать. Доходы от королевских доменов, также от традиционных поземельных налогов «тальи» «габели» и «эд», как и от новых, таких как введенный в 1549 г. «тальон», скоро стали далеко не достаточными, чтобы покрыть расходы короны.

Средство, к которому Генрих прибег для покрытия своих финансовых нужд энергичнее, чем все предшественники, была рента, то есть продажа доходов от определенных привилегий, которые в течение установленного времени служили процентами за ту сумму, подлежащей возврату суммы.

Но еще важнее были большие займы, которые Генрих брал у банкиров города Лиона. Практика финансового займа таила много опасностей: так как в случае необходимости от случая к случаю нужные деньги не всегда своевременно находились в распоряжении, при скоплении многих займов делавшаяся ситуация становилась запутанной, и из-за увеличения процентов возврат денег оказывался под угрозой. Именно этот механизм уже привел Испанию к большим трудностям. Генрих решил справиться с этим с помощью финансово-политической меры. С 1563 г. король и соответствующие банкиры создали как банковский консорциум, «большую лионскую партию», которая выступала как общий кредитор для всех краткосрочных займов. При 16% в год договорились о возврате суммы в 5% от общего долга, приуроченной

жившейся четыре раза в год Лионской ярмарке. Этот способ гарантировал регулярную и обозримую плату процентов, а также постоянное погашение этого долга, однако он мог действовать только до поры, пока не производилось причисление новых долгов или, по крайней мере, они не превышали определенных границ. Возникшая из-за войны финансовая необходимость слишком быстро привела в беспорядок отнюдь не глупую систему «большой партии» и способствовала тому, что до конца правления Генриха II долги выросли до фантастической суммы в 43 тысячи фунтов, почти в три раза превышая государственный доход.

Средством для увеличения доходов короны была продажа королевских должностей, которую Генрих широко практиковал; многие перемены в административной структуре королевства, осуществленные в эту эпоху, были вызваны финансовыми нуждами. Недостаток денег был причиной создания парламента в 1552 г., равно как и введение в том же году новой системы для финансовых судов, а вскоре того же и для парламента. Отныне там должность судьи давалась два раза, и каждый из ее обладателей исполнял свои функции шесть месяцев. Иногда такие частые административные преобразования были разумными по существу: когда в 1551 г. вмес- ражданскими и уголовными судами» была сосредоточена судебная инстанция, это привело к значительной разгрузке парламента, наводненных объемами низших судебных инстанций.

В общем же давление внешних обстоятельств в эпоху Генриха II вызвало ускоренное изменение французских учреждений, и даже если есть основания предполагать, что многие меры были подготовлены еще при Франциске I, тем не менее это создало базу для формирования современного государства. Так, в 1547 г. были назначены четыре государственных секретаря,

они должны были заниматься подготовительной обработкой решений внутренних и внешних дел. В этой связи находится также дробление королевской финансовой администрации и назначение «первого советника» в Совете, предвосхитившего «главного министра» следующего столетия. После соляного бунта в 1548 г., который разразился во время поездки Генриха в Пьемонт, было учреждено регентство, состоявшее из Екатерины Медичи, Совета и многочисленных «генерал-лейтенантов». В Компьенском эдикте 1555 г. были предусмотрены «докладчики в государственном Совете», которые, регулярно разъезжая по определенным районам, представляли центральную власть в провинциях. Возможно, еще больше оправдало себя использование чрезвычайных комиссаров, приставленных к военным губернаторам захваченных, оккупированных или аннексированных территорий (Пьемонт, Тоскана, Корсика, Мец, Туль и Верден): здесь уже наметилось появление столь значительной в 17 веке должности интенданта. Таким образом в 1559 г. Франция, бесспорно, получила надежную административную структуру, которая сослужила ей добрую службу в самую мрачную эпоху. По словам историка администрации Мишеля Антуана, этот фундамент позволил ей «противостоять злейшим бурям».

Было ли это все собственным творением Генриха, или на эти шаги его толкало окружение, кто мог стоять за кулисами в качестве движущей силы? На эти вопросы нет достоверных ответов. Даже если не он был инициатором описанных административных реформ, все равно своей позитивной ролью в их претворении он показал, что у него хватало и политического смысла и способности к рассуждению.

Но достаточно ли этого, чтобы оценить эпоху Генриха II положительно? Несомненно, это сделать не легко, тем более, что у него менее, чем у его отца, было развито столь привлекательное качество увле-

ченного искусством ренессансного государя. Современники в один голос сообщают о его предпочтении физическим упражнениям и спорту, хотя он, конечно, не был лишен понимания искусства. Он покровительствовал видному архитектору Филиберу де л'Орму, который, кроме всего прочего, построил для Дианы де Пуатье замок в Ане, заботился о восстановлении королевских замков Фонтенбло и Сен-Жермен и поручил Пьеру Леско переделать в соответствующую духу времени резиденцию средневековый парижский Лувр, однако его меценатская деятельность не шла ни в какое сравнение с деятельностью отца.

Несмотря на менее выраженную эстетическую склонность, Генрих был очень восприимчив к символическим формам выражения своего авторитета и достоинства. Это, например, воплотилось в церемонии королевских «выходов». Мотив монаршего величия лег в основу многих аспектов его правления. Даже если обратить взор на внешнюю политику, можно заметить, какую роль играли идейные моменты в ее обосновании и претворении. Внешняя интервенция в большинстве своем прикрывалась идейной мотивацией: речь шла при этом о «защите» — защите немецкой свободы, сословной свободы, защите Пармы или Сиены от габсбургского владычества в Италии. Конечно, это маскировало собственные стратегические интересы, связанные с ними притязания и из-за скверной тактики частично доводилось до абсурда (хотя бы сговор с турками), однако нельзя не учитывать, что в них присутствовал значительный элемент понимания Генрихом своей роли. Ибо в то время как французская корона исполняла роль защитника от возмутителя спокойствия — стремившегося к созданию мировой монархии габсбургского дома, она одновременно претендовала на положение поддерживающей порядок силы внутри христианского мира и выдвигала собственные всемирные притязания.

Амбициозная политика Генриха потерпела крах. То, что осталось Франции, было незначительным, главный же соперник Испания вышла из столкновений усиленной во многих отношениях. Некоторые из соратников Генриха, например, честолюбивый герцог де Гиз, переживали это тяжело и не скрывали от короля своего разочарования по поводу поворота событий.

Правление Генриха подошло к концу не без некоторых положительных результатов. Одним из них была реорганизация административных структур. С территориальной точки зрения, несмотря на все усилия, Франция получила только Кале и лотарингские города Мец, Туль и Верден. Однако, по иронии судьбы именно конец дорогостоящей и изнурительной захватнической политики в Италии и относительная консолидация французской территории в стратегически уязвимых местах, обеспечили Франции на будущее хорошую исходную базу и способствовали тому, что после эпохи Генриха IV, а потом Ришелье, габсбургская Испания была окончательно опережена. Только нельзя допускать ошибку, относя полностью к достижениям Генриха продолжавшие позитивно действовать аспекты. С его точки зрения, названные приобретения были важными шагами, но всего лишь элементами более обширного общего плана, от которого он вынужден был отклониться под давлением обстоятельств.

Возможно, еще не сказано последнего слова о Генрихе II и об итоге его правления, новые источники и исследования дадут более углубленные сведения. Каким явится тогда образ Генриха, станет ли он менее противоречивым, покажет будущее.

Райнер Бабель

Франциск II 1559—1560

Родился 19 января 1544 г. в Фонтенбло. Через брак с Марией Стюарт в 1558 г. номинальный король Шотландии, король Франции после смерти Генриха II 10 июля 1559 г.; 18 сентября 1559 г. помазание и коронация в Реймсе, умер 5 декабря 1560 г. в Орлеане.

Отец: Генрих II, король Франции (1519—1559), второй сын Франциска I. Мать: Екатерина Медичи (1519—1589), дочь герцога Лоренцо Урбинского (1492—1519) и его жены Мадлен из французского дома де Ла Тур д'Овернь (1501—1519). Братья и сестры: Елизавета (1546—1568), с 1559 г. жена короля Филиппа II Испанского; Клотильда (1547—1575), с 1558 г. жена герцога Карла III Лотарингского; Людовик (1549—1550); Карл Максимилиан, герцог Орлеанский (1550—1574), дофин с 1559 г., с 1560 г. Карл IX, король Франции, с 1570 г. женат на Елизавете, дочери императора Максимилиана II; Эдуард Александр Генрих, герцог Анжуйский, в 1560 г. дофин, в 1573 г. король Польши, с 1574 г. Генрих III, король Франции, женат на Луизе де Водемон; Маргарита (1553—1615), с 18 августа 1572 г. замужем за Генрихом Бурбоном, королем Наваррским (с 1589 г. Генрих IV, король Франции); Франсуа-Эркуюль, герцог Алансонский, потом Анжуйский (1555—1584), с

1574 г. дофин; Виктория (1556); Жанна (1556); незаконнорожденные брат и сестра: Диана Французская (1538—1619), с 1553 г. замужем за Горацио Фарнезе, с 1557 г. за Франсуа де Монморанси; Генрих Ангулемский (1551—1586). 24 мая 1558 г. женился на Марии Стюарт, дочери короля Якова V Шотландского и его жены Марии Лотарингской из дома Гизов, без потомства.

Франциск II, король Франции и благодаря браку с Марией Стюарт номинально также король Шотландии, был болезненным и психически неустойчивым подростком неполных шестнадцати лет, когда несчастный случай на турнире с отцом в июле 1559 г. привел его на трон Франции. В смысле общепринятого правового понимания король был совершеннолетним, поэтому, несмотря на его болезненное состояние, вопрос о регентстве не стоял. Однако не возникало никаких сомнений в том, что выбор его ближайших советчиков ввиду естественной слабости его авторитета приобретал особо важное значение.

Теперь наступил час Гизов, герцога Франциска и его брата Карла, изысканного и острого на язык кардинала Лотарингского. При Генрихе II оба представителя младшей ветви лотарингской герцогской семьи неоднократно уступали коннетаблю де Монморанси; в лице новой королевы Марии Стюарт, дочери Якова V Шотландского и их сестры Марии де Гиз, они нашли значительную поддержку. Кроме того, королева-мать Екатерина Медичи разделяла их недовольство инспирированным Монморанси миром в Като-Камбрези и в последние месяцы жизни Генриха II, сблизилась с ними.

Таким образом, с приходом к власти Франциска II при дворе произошли значительные изменения. Франциск II не стал заниматься государственными делами, препоручив их братьям Гизам. Тем не менее слишком

Франциск II (1559 — 1560)

LE TRÈS CHRÉSTIEN FRANÇOIS II DE
CE NOM ROY DE FRANCE ET DE COSSE.

Monsieur de Guise

большого унижения старый фаворит Генриха II де Монморанси, имевший влиятельных сторонников, не испытал. Правда, он потерял реальную власть, но сохранил престижное звание коннетабля Франции, которое теоретически подразумевало верховное главнокомандование королевской армией во время войны, и был также утвержден на управление Лангедоком.

Звезда же Дианы де Пуатье закатилась. Давний друг и любовница Генриха II покинула двор и вдобавок была вынуждена уступить Екатерине Медичи свой расположенный на Луаре замок Шенонсо в обмен на менее роскошный Шомон. Тот, кто продвинулся благодаря ее протекции, должен был уступить место приближенным Екатерины Медичи или Гизов.

Однако последним приходилось считаться не только со старыми соперниками, как Монморанси и его единомышленники. Аристократы, бывшие в родстве с королевским домом, а при прекращении прямой линии имевшие право на престолонаследие (так называемые «принцы крови»), при существующей слабости монархии представляли серьезную опасность для ведущих министров. Два представителя Бурбонского дома были в этом отношении опаснейшими соперниками Гизов: Антуан, герцог Вандомский и благодаря браку с Жанной д'Альбре король Наваррский, и его младший брат Луи де Конде. По причине их особого отношения к королевскому дому они легко стали центром различных оппозиционных группировок и оба не делали никакой тайны из своей склонности к протестантизму.

Именно в сфере религиозной политики Гизы побудили Франциска II к продолжению непреклонной линии его предшественника. Генрих II еще в Экуанском эдикте от 2.06.1559 г. распорядился наказывать смертью через сожжение преступление ереси; теперь были добавлены другие меры, которые затронули жизненный нерв существовавшей в подполье протестантской церкви: дома, служившие местом собраний, должны были

быть разрушены, допущение или организация тайных заговоров карались смертной казнью. Собственники феодальных владений с судебными полномочиями при недовольном преследовании религиозных отступников лишались судебных прав. Церковные власти поощряли доносы на протестантов тем, что объявляли об отлучении от церкви в случае незаявления о ереси. Одновременно волна обысков увеличила количество арестов приверженцев нового учения. Религиозный антагонизм начал проникать и в низшие слои населения: взаимные провокации и кровавые столкновения между католиками и протестантами становились все чаще.

Впоследствии была неизбежна радикализация французского протестантизма, к которому из-за увеличивающегося притока дворян примкнули активные элементы. Устранение «чужеземных» фаворитов, в которых видели виновников непримиримой политики короны, и более активное участие во власти отечественного дворянства являлись основной целью движения, во главе которого вскоре стал Луи де Конде. В отличие от своего скорее нерешительного по характеру брата, Конде был склонен к энергичным и смелым действиям. С его одобрения и одобрения в феврале 1560 г. в Нанте состоялась тайная встреча под руководством уроженца Перигорда, провинциального дворянина по имени Ла Реноди, обратившегося в Женеве в протестантство. Это собрание, считавшее себя легитимным представителем всей нации, вынесло решение о вооруженной акции, направленной только против герцога Гиза и кардинала Лотарингского, но не против короны.

Дорогостоящие приготовления к такому предприятию не могли остаться незамеченными. Когда появились первые сообщения о заговоре, король и его свита покинули незащищенный Блуа и отправились вниз по Луаре. Двор отступил в замок Амбуаз, который был немедленно подготовлен к обороне герцогом Гизом.

16 марта Ла Реноди сделал попытку штурмовать Амбуаз. Верные королю войска разогнали плохо организованных нападающих, среди которых находилось много необученных военному делу ремесленников, и захватили большое количество пленных. Сам Ла Реноди погиб в сражении, но те, кто выжил, как государственные изменники были осуждены уголовным судом. В последующие дни Амбуаз превратился в место многочисленных казней; по сообщениям современников, даже стены и ворота замка были увешаны телами казненных.

Хотя вооруженное восстание потерпело полный крах, события в Амбуазе не остались без последствий. В непосредственном окружении короля все громче раздавались голоса, возлагавшие ответственность за восстание на Гизов, и в интересах государства советовали с большей терпимостью относиться к протестантам. Вскоре последовали робкие шаги в этом направлении: еще при первых сообщениях о заговоре 2.03.1560 г. на королевском Совете было выработано распоряжение, обещающее амнистию тем протестантам, которые были готовы изменить религию. Ромо-рантенский эдикт ограничивал компетенцию светских судов в религиозных вопросах и только на церковные суды возлагал задачу выносить решения о ереси как составе преступления.

Эта тенденция к более гибкой политике была инспирирована и поддержана Екатериной Медичи. Королева-мать начала отходить от своей прежней сдержанности и играть роль ловкой, при необходимости даже беззастенчивой защитницы интересов монархии и тем самым собственного дома. В самом ли деле она, как надеялись и верили многие протестанты, испытывала тайную симпатию к учению Кальвина, представляется сомнительным; но совершенно определено, что непримиримость в религиозных вопросах абсолютно не соответствовала ее прагматической при-

оде. То, что теперь побуждало ее вмешиваться в политические события, было ясное осознание опасности, которой подвергалась корона, будучи на стороне Гизов.

Назначение Мишеля де л'Опиталя, гуманистически образованного и проникнутого духом религиозного равенства юриста, на место умершего в феврале 1560 г. канцлера Оливье, было делом рук Екатерины. Также когда адмирал Колиньи, племянник Монморанси и умеренный представитель протестантов, настаивал созвать нотаблей королевства для разрешения внутренних проблем, она поддержала его. Гизам, которые, как и раньше, подвергались ожесточенным нападкам протестантской пропаганды, не оставалось ничего другого, как занять примирительную позицию, потому же их положение было подорвано и внешнеполитическими неудачами: в Шотландии в феврале 1560 г. регентша Мария де Гиз, поддержанная своими братьями, потерпела решающее поражение от протестантов, действовавших с английской помощью.

Инициированное Колиньи собрание состоялось 10.08 в Фонтенбло. Многие нотабли открыто критиковали непримиримую политику Гизов; представители высшего духовенства даже рекомендовали созвать национальный Собор в том случае, если Общий Собор для устранения конфессионального раскола потерпит неудачу. Гизы поняли, что должны пойти на уступки. Кардинал Бонарингский, правда, в своем возражении резко высказывался против далеко идущих уступок протестантам, однако больше не ставил под вопрос временную и ограниченную религиозную терпимость. Его предложение созвать как можно быстрее Генеральные штаты королевства получило полное одобрение.

Правда, Наварра и Конде, два видных представителя высшей аристократии, в Фонтенбло не присутствовали. Как Екатерина, так и Гизы с самого начала не сомневались в причастности Конде к восстанию Ла

Реноди. Конде во время штурма Амбуаза и даже после него находился при дворе, однако под впечатлением сначала скрытых, а потом и открытых намеков на его связь с восставшими покинул его и отправился со своим братом в юго-западную Францию.

Пока Бурбоны не были выведены из игры, едва ли можно было подавить неоднократно вспыхивавшие восстания в отдельных провинциях, прежде всего в Провансе и Дофине. Екатерина Медичи и Гизы уговаривали короля со всей категоричностью вызвать Наварру и Конде ко двору, чтобы они оправдались по поводу брошенного им упрека в государственной измене. Виновные едва ли могли проигнорировать этот приказ. Филипп II Испанский по просьбе Екатерины сосредоточением войск на пиренейской границе сделал больше, чем следовало, для того, чтобы запугать короля Наваррского.

31.10.1560 г. Наварра и Конде прибыли в Орлеан, где должны были собраться Генеральные штаты. Франциск II встретил Конде резкими упреками, он был арестован и предстал перед специальным судом. В конце ноября двум «принцам крови» был вынесен смертный приговор за государственную измену. Правда, не все судьи согласились с приговором, что дало возможность канцлеру л'Опиталю противодействовать желанию Гизов немедленно привести его в исполнение. На самом деле Екатерина Медичи боялась, что казнь Конде ввергнет корону в еще более глубокие противоречия с французскими протестантами и снова отдаст ее в руки Гизов. Для нее было важным политическое приручение «принцев крови» и их сторонников, не подталкивая их к дальнейшей радикализации, тем более, теперь было ясно, что дни ее старшего сына сочтены. В левом ухе короля образовался свищ, с которым врачи не смогли ничего сделать, и болезнь не давала никаких шансов на выздоровление. Предполагаемым наследником Франциска II был его десяти-

етний брат Карл, и над королевством нависла тень регентства, в котором должны были принимать решающее участие «принцы крови». Следовательно, для королевы-матери было важно использовать оставшееся время, чтобы перегруппировать силы и помешать монархии утонуть в водовороте фракционных и партийных битв. И менее всего ей хотелось, чтобы на смену Гизам пришел бурбонский регент.

Король Наваррский был оставлен на свободе, однако он находился в постоянном страхе не только за жизнь брата, но и за свою собственную. Екатерина использовала эту неуверенность первого «принца крови». В присутствии Гизов она обвинила Наварру в государственной измене и напрямик отказала ему в праве быть регентом при несовершеннолетнем наследнике. Чтобы подкрепить заверения в своей невинности и в обмен на неопределенные обещания звания «генерал-лейтенанта королевства», Наварра предложил отказаться от своих прав на регентство в пользу королевы-матери, на что Екатерина тотчас же охотно согласилась.

Одновременно Екатерина оказала важную услугу Гизам: благодаря сделанному умирающим королем заявлению, что он действовал по собственному решению, герцог Гиз и кардинал Лотарингский были освобождены от ответственности за арест и осуждение Конде, что делало возможным по крайней мере внешнее примирение с Бурбонами.

К концу правления Франциска II Екатерине ловкой тактикой удалось добиться своей цели — сохранить независимость короны в условиях усилившейся распри между католиками и протестантами, сторонниками Гизов, с одной стороны, и «принцев крови» с другой.

Райнер Бабель

Карл IX 1560—1574

Карл IX, родился 27 июня 1550 г. После вступления на трон старшего брата Франциска в 1560 г. — дофин, при регентстве Екатерины Медичи с 5 декабря 1560 г. — наследник, помазание и коронация 15 мая 1561 г. в Реймсе; умер 30 мая 1574 г. в Венсенне.

Отец: Генрих II, король Франции (1519—1559), второй сын Франциска I. Мать: Екатерина Медичи (1519—1589), дочь герцога Лоренцо Урбинского (1492—1519) и его жены Мадлен из французского дома де Ла Тур д'Овернь (1501—1519). Братья и сестры: Франциск (1544—1560), с 1559 г. Франциск II, король Франции; Елизавета (1546—1568), с 1559 г. жена короля Филиппа II Испанского; Клодильда (1547—1575), с 1558 г. жена герцога Карла III Лотарингского; Людовик (1549—1550); Эдуард Александр Генрих, герцог Анжуйский (1551—1589), в 1560 г. дофин, в 1573 г. король Польши, с 1574 г. Генрих III, король Франции, женат на Луизе де Водемон; Маргарита (1553—1615), с 1572 г. замужем за Генрихом Бурбоном, королем Наваррским (с 1589 г. Генрих IV, король Франции); Франсуа-Эркюль, герцог Алансонский, потом Анжуйский (1555—1584), с 1547 г. дофин, Виктория (1556); Жанна (1556). Незаконнорожденные сестра и брат: Диана Французская (1538—1619), с 1553 г. замужем за Горацио Фарнезе, с

Карл IX. (1560—1574)

1557 г. — за Франсуа де Монморанси; Генрих Англемский (1551—1586). Брак 26 ноября 1570 г. с Елизаветой, дочерью императора Максимилиана II. Дети: дочь Елизавета-Мария (1572—1578), внебрачный сын от Мари Туше Карл де Валуа, герцог Англемский (1573—1650).

Когда сегодня произносится имя Карла IX, короля Франции, то прежде всего вспоминают о той кровавой бойне 1572 г., которая получила печальную известность под названием Варфоломеевской ночи. Резня, жертвой которой пало так много его протестантских подданных (и немало католических), наложила неизгладимый отпечаток на историческую память о втором сыне Генриха II, независимо от того, какова была его личная ответственность за это событие.

Хотя и Карл IX умер относительно рано, о нем в источниках можно найти больше сведений, чем о его старшем брате Франциске. Как и этот последний, Карл был слаб здоровьем, но, как и брат, страстно любил конную охоту. Кроме того, ему нравился ручной труд, и, уединившись, он с удовольствием работал в кузнице, которую он соорудил для себя в Лувре. В то же время Карл обладал определенным интересом к искусству, пробовал себя в стихах в стиле Ронсара и сочинил трактат об охоте на оленя. По природе добрый, он мог проявлять великодушие и приветливость, и, по рассказам современников, его образ жизни был скорее строгим и непритязательным. Однако крайняя нервная лабильность делала его сверх меры раздражительным и была причиной неконтролируемых вспышек гнева. Ужасное событие Варфоломеевской ночи, казалось, совершенно его изменило: оно уничтожило то, что было в нем привлекательного и достойного любви. Современники, которые после этого общались с ним, рассказывали, что он избегал смотреть в глаза

находился в меланхолии и едва говорил. «Следует опасаться, — отметил в то время венецианский посланник, — что он из строгого правителя превратится в жестокого государя».

В первое десятилетие правления он находился в тени других, главным образом своей политически высокоодаренной и амбициозной матери. С двадцати лет он начал проявлять собственную политическую волю, правда, подверженную гнетущему авторитету матери, которая сумела отстоять интересы монархии и своих сыновей во время всех смут.

В трудные дни после смерти старшего сына в 12.1560 г. Екатерине удалось взять бразды правления в свои руки. Как «правительница» Франции (типа регентши она избегала) она председательствовала на заседаниях Совета, осуществляла контрольные права и законодательные инициативы, определяла внешнюю политику и принимала решения о назначениях и денежных наградах. Антуан Наваррский, ближайший претендент на регентство, получил более высокий титул генерал-лейтенанта короны, что обеспечивало ему главнокомандование королевскими войсками. Герцог Гиз со своим братом кардиналом Лотарингским, при Франциске II истинный обладатель власти, вольствовался присвоенным ему еще при Генрихе званием «гроссмейстера короны», но репутацию и авторитет среди непримиримых католиков при дворе никто у него не мог отнять. Оба Гиза сохранили свое влияние в королевском Совете. Их племянница Мария Стюарт была отправлена в Шотландию.

В религиозном плане Франция теперь больше, чем когда-либо раньше, подвергалась испытанию на прочность. Несмотря на все эдикты о преследовании, протестантизм доказал свою жизненную силу. Число французских протестантов точно установить нельзя, современные данные, говорящие о четверти населения, безусловно, сильно преувеличены. Однако в

1560 г. существовало уже более 200 протестантских общин, разбросанных по всей Франции, в основном на западе и юге.

Следовавший гуманистическим идеалам канцлер Мишель де л'Опиталь при открытии Генеральных штатов в Орлеане в декабре 1560 г. потребовал от Екатерины Медичи умеренности в религиозных вопросах и призвал вспомнить об основах христианства, общих для всех религиозных партий.

Сначала Екатерина верила в возможность примирения противоречий и в противовес общему церковному Собору, имея в виду его папистские предрассудки и нерешительность, подсказала идею национального Синода, что поддержал и одобрил такой ярко выраженный представитель католицизма, как кардинал Лотарингский. Синод собрался в 1561 г. в рамках следующего заседания Генеральных штатов и стал известен как «коллоквиум в Пуасси». В Пуасси заседало духовенство, тогда как представители двух других сословий — дворянства и буржуазии — остались в недалеко расположенном Понтуазе. Самый известный после Кальвина священнослужитель Теодор де Беза представлял позиции французских протестантов, с католической стороны, кроме высших прелатов королевства, таких, как кардиналы Лотарингский и Турнон, в свите папского легата находился генерал-ордена иезуитов Лене. Но уже вскоре дискуссии, состоявшиеся в присутствии малолетнего короля и Екатерины, обнажили непримиримые противоречия: вопреки первоначальному замыслу коллоквиум в Пуасси способствовал углублению, а не преодолению пропасти между конфессиями.

Вероятно, нежелание ссориться с явными силами будущего побудило регентшу к слишком большой уступчивости, невзирая на протесты и угрозы католической державы — Испании, которая имела все основания опасаться влияния французских кальвинистов.

на Нидерланды. Она не раз проявляла благосклонность к протестантской знати и позволила ввести в обучение своих детей определенные элементы нового учения. Непосредственным выражением этой позиции был новый религиозный указ, который сразу изменил отношения: после окончания коллоквиума в Пуасси поздней осенью 1561 г. в Сен-Жермене были созваны делегаты всех королевских верховных судов, чтобы членами Совета обсудить права, которые должны быть предоставлены протестантам. На заключении этого собрания основывался эдикт, изданный 17.01.1562 г., разрешавший приверженцам нового учения свободу богослужений вне стен города, а внутри них дававший право собраний в частных домах. В головокружительном темпе — по сравнению с последними эдиктами Генриха II и Франциска II — изменялось положение протестантов от бескомпромиссного лишения прав до далеко идущей терпимости.

Уступчивость Екатерины по отношению к протестантам мобилизовала католиков и даже объединила таких старых противников, как коннетабль де Монморанси и герцог Гиз, которые с бывшим фаворитом Генриха II маршалом де Сент-Андре летом 1561 г. образовали триумvirат с целью защиты католичества монархии и Франции. Вскоре после этого католицизм был подкреплен переходом в другую веру короля Наваррского, которого к смене сторон побудила перспектива неопределенно упомянутого в беседе Филиппом II возврата части королевства, на которую претендовала Испания, или замены такой, как корона Сардинии. Гизы, кроме того, завязали контакты с протестантскими немецкими принцами лютеранского толка, прежде всего с герцогом Вюртембергским, чтобы с этой стороны воспрепятствовать поддержке гугенотов.

Конфронтация между враждебными религиозными партиями теперь еще больше обострилась. Она усугубилась после одного события: герцог Гиз в деревне

под названием Васси, принадлежавшей к вдовьему владению его племянницы Марии Стюарт, натолкнулся на протестантское богослужение. Его попытка разогнать сходку как незаконную не удалась и привела к злополучной эскалации, которой Гиз, конечно, не хотел, однако в ходе столкновения со свитой герцога было убито более шестидесяти протестантов (1.03.1562 г.).

После сообщения об инциденте Гиз был радостно встречен в Париже населением, в большинстве своем глубоко враждебном гугенотам. Принц Конде, ставший после перехода в другую веру своего брата Наварры вождем французских протестантов, занял угрожающую позицию и открыто вербовал солдат. Гиз, Монморанси и Сент-Андре позаботились о возвращении находившегося в Фонтенбло двора в Париж, где у Екатерины была ограничена свобода действий из-за католически благонадежного населения и где Конде был лишен возможности завладеть королем и до некоторой степени обеспечить себе легальность.

Теперь уже никто не был в состоянии урегулировать кризис. В начале апреля 1552 г. антагонизм между протестантами и католиками впервые разразился вооруженным способом: протестантские войска захватили город Орлеан и другие важные позиции в долине Луары. Кровавые акции католиков против протестантов и наоборот сопровождали гражданскую войну, которая два года шла во Франции. Королевские войска под командованием Наварры и триумвиров Гиза, Монморанси и Сент-Андре, усиленные немецкими ландскнехтами и швейцарскими наемниками из католических кантонов, противостояли численно гораздо меньшим, но высокоорганизованным вооруженным силам протестантов, в которых значительную роль играли добровольцы из дворян. Мало-помалу к ним примыкали английские и немецкие вспомогательные соединения.

В ходе операций обе стороны в одинаковой степени несли потери и терпели поражения. Антуан Наваррский в ноябре 1562 г. погиб во время осады Руана, командование королевскими войсками принял Монморанси. Вскоре после этого у Дре погиб Сент-Андре, и коннетабль попал в плен к гугенотам, Конде же, по проищу судьбы, — к католикам. Герцог Гиз в феврале 1563 г. пал жертвой покушения.

Смерть Гиза лишила королевское войско способнейшего полководца, однако предоставила Екатерине, которая с начала гражданской войны едва ли могла развить собственные инициативы, свободу маневра. Регентша, то ли осознавая несокрушимую силу французского католицизма, то ли по другим причинам — этот вопрос остается открытым — уже давно отказалась от своей осторожной близости к протестантизму. Однако она крайне нуждалась в сделке с протестантами, которых нельзя было одолеть вооруженным путем без Гиза и Монморанси и которые под руководством адмирала Колиньи, племянника Монморанси, смогли еще раз добиться внушительных успехов в Нормандии. Да и протестантские воины все больше желали наступления мира. Переговоры вылились в эдикт о мире, названный Амбуазским. Предписания его во многих отношениях были менее благоприятными, чем в январском Сен-Жерменском эдикте. Он сохранял свободу вероисповедания, но право на отправление культа полагалось только имевшим полные феодалские права дворянам в их владениях; в городской черте, то есть для большинства городских протестантов, оно было сильно урезано, так как впредь лишь один город в каждом низшем административном округе мог иметь один протестантский храм вне его стен.

Эдикт вызвал недовольство у многих протестантов. Конде он стоил немалой доли его репутации среди единоверцев. Однако и с католической стороны

были большие возражения и уступки считались чересчур далеко идущими. Непримиримое противостояние между религиозными партиями, как видно, не было сглажено войной, и политика Екатерины, как и раньше, основывалась на непрочных предпосылках. Тем не менее шаткий мир начал укрепляться и позволил Екатерине отмежевать гугенотов от их союзника Англии, которая за помощь потребовала Гавр, и даже при содействии протестантских войск освободить город от английской оккупации.

Конец вражды при всей хрупкости мира давал шанс осторожно, но целенаправленно восстановить позиции короны. Четко осознавая, что означала для авторитета короны демонстрация королевского величия, в марте 1564 г. Екатерина с Карлом IX, объявленным к тому времени совершеннолетним, отправилась в двухгодичное путешествие по провинциям Франции. Эдикт в Кремье (12.07.1564 г.), который касался влияния короля на состав муниципальной администрации, был немаловажным шагом на пути укрепления авторитета короны. Еще больше это относится к изданному в феврале 1566 г. в Мулене «Ордонансу», который, по настоянию канцлера де л'Опиталья, включил важные элементы судебной реформы. Прежде всего королевские суды (парламенты) должны были определять свою позицию по указам и распоряжениям короны только в рамках отсрочивающего реконстрационного права, но не могли осуществлять интерпретационное или контрольное право, несовместимое с авторитетом монарха как высшего законодателя. Это было ограничивающее уточнение полномочий парламентов, которое объясняется их сильным сопротивлением при регистрации январского эдикта 1562 г.

Когда в 1566 г. в Нидерландах иконоборческие эксцессы вызвали протестантское восстание против испанского владычества, во Франции события тоже оживились. Филипп II в 1567 г. послал в Нидерлан-

ды грозного герцога Альбу. Когда Екатерина и Карл IX увидели крупные вооруженные силы, которые вдоль границ их королевства двинулись на север, приступили к собственному вооружению и набрали на королевскую службу 6000 швейцарцев, это привело не только к раздору с Альбой, но и пробудило недоверие французских протестантов, видевших в этих войсках непосредственную угрозу для себя. Они решились на новые действия: как когда-то в Фонтенбло, протестанты хотели захватить короля. Когда двор, находившийся в замке Монсо на востоке от Парижа, узнал об этих планах, он немедленно вернулся в Мо, откуда под прикрытием спешно подтянутых швейцарцев отправился в Париж. В пути их поджидали войска Конде, который желал поговорить с королем. Правда, Конде не рискнул напасть на сильное прикрытие короля и дал Карлу IX беспрепятственно добраться до Парижа. Все эти события были унижительны для юного монарха и Екатерины. Переговоры, которые они все же начали с гугенотами, вскоре заглохли: те обосновывали сначала свои действия общими жалобами на католическую партию, прежде всего на Гизов, на вербовку швейцарцев и ссылками на якобы существующее обещание короля Филиппу II истребить французских протестантов, мало того, гугеноты предъявили требования о контролируемой Генеральными штатами или дворянством монархии. Получив резкий отказ, они ограничились единственным требованием восстановления Сен-Жерменского эдикта, но им холодно сообщили, что только в компетенции короля утверждать, изменять или отменять эдикты.

Протестантская армия попыталась отрезать Париж, обороняемый Монморанси, от линий снабжения. Вылазка королевских войск не привела к ясному решению, не в последнюю очередь потому, что в ходе сражения был смертельно ранен сам коннетабль. Конде и Колиньи направились с войсками на восток, где они

в начале 1568 г. встретились с деблокирующей армией в составе около 10 000 человек, посланной из Пфальца кальвинистским курфюрстом Фридрихом III. Войско двинулось к Луаре и к житнице страны Шартру, по пути в него влились подкрепления из Южной Франции и Дофине. В это время королевские войска были сконцентрированы в Париже и вокруг него. В конечном счете финансовое истощение обеих сторон привело к переговорам. 23.03.1568 г. в Лонжюмо Конде подписал договор с короной, который в полном объеме восстанавливал Амбуазский эдикт и предусматривал другие гарантии.

Правда, и на этот раз, возможно, еще меньше, чем после окончания первой гражданской войны, могла идти речь о подлинном усмирении страны. Наступившее состояние можно определить, как отсутствие организованной военной конфронтации. Религиозный антагонизм со всеми своими социально-структурными подводными течениями, недостаточно нам известными еще и сейчас, вылился, как и раньше, в локальные акты насилия и проник во все общество еще глубже, когда непримиримые католики начали создавать братства, связывавшие религиозную практику с антипротестантскими целями. Они были как бы первыми формами проявления и ядром Католической лиги, возникшей годы спустя.

В королевском Совете снова усилилось влияние кардинала Лотарингского. Этот высокоодаренный прелат из дома Гизов когда-то был теологом, считавшим вполне возможным компромисс если не с реформистами, то с умеренными протестантами лютеранского толка. Во время своего пребывания в Риме и на сессиях Тридентского собора, после окончания коллоквиума в Пуасси он превратился в решительного поборника новой церковной линии и отныне в королевском Совете боролся за абсолютный запрет протестантского вероисповедания и проведение в жизнь решений

Собора. После убийства брата он стал бесспорным главой непримиримых католиков во Франции и при этом опирался на свою могущественную семью, постоянно выражавшую свою ненависть к тем, кого считала организаторами убийства герцога Гиза, в первую очередь Колиньи. Заверениям адмирала в своей невиновности Гизы не верили и даже осмелились открыто считать несущественным оправдательный приговор, вынесенный королем.

Нельзя достоверно установить, как складывалось соотношение сил при королевском дворе после мира в Лонжюмо, однако в новых исследованиях весьма решительно на кардинала Лотарингского возложена ответственность за продолжение или возобновление радикальной антипротестантской политики (Сутерланд). События в Нидерландах всего лишь через несколько месяцев после Лонжюмо снова взорвали ситуацию внутри Франции. Там летом 1568 г. Альба казнил как бунтовщиков графа Эгмонта и Хорна. Французские протестанты, поспешившие на помощь своим единоверцам, были остановлены королевскими войсками, их предводителей приговорили к смерти. Теперь, казалось, и во Франции представился случай, следуя рекомендации Альбы, устранить вождей протестантской партии. Эти планы действительно серьезно готовились, судя по всему, при энергичном содействии кардинала Лотарингского. Конде и Колиньи, заподозрив неладное, покинули место своего пребывания и удалились в хорошо укрепленный протестантский город Ла-Рошель. Это было началом новых столкновений между войсками протестантов и королевской армией, во главе которой стоял младший брат Карла IX герцог Анжуйский. Этот любимый сын Екатерины Медичи уже в 1567 г. в возрасте 16 лет был назначен генерал-лейтенантом короля с широкими полномочиями не в последнюю очередь для того, чтобы на этой должности противостоять притязаниям Конде как

первого «принца крови». Анжу благодаря своей должности главнокомандующего королевской армией, а также тому обстоятельству, что он был предполагаемым наследником все еще бездетного короля, стал естественным центром притяжения всех непримиримых католиков во главе с кардиналом Лотарингским и Гизами и крайне опасным конкурентом для королевской власти.

Операции этой третьей гражданской войны в течение одного десятилетия развивались для королевской армии весьма неплохо. В марте 1569 г. у Жарнака произошло сражение, в ходе которого Конде был взят в плен и убит капитаном гвардии герцога Анжуйского. Колиньи удалось ускользнуть с частью протестантской армии. К адмиралу, к которому теперь перешло руководство французскими протестантами, прибыло подкрепление в лице его единоверца Вольфганга фон Цвайбрюккена, который привел из Германии армию, тогда как спешивший из Нидерландов Вильгельм Нассау-Оранский, великий противник Альбы, не мог больше платить жалование войскам и Екатерина убедила его вернуться, когда он уже перешел границу Франции. В сентябре королевские войска еще раз добились злушительной победы над Колиньи, потерявшим при этом большую часть своей пехоты.

Правда, как и в предшествующих войнах, обнаружилось, что протестанты, даже если и не побеждали, не умели быть побежденными. Воодушевление королевской армии угасло при осаде укрепленных районов вокруг Ла-Рошели; к этому добавились разногласия их младших командиров, что дало Колиньи неожиданную передышку. Летом 1570 г. протестантская партия на западе Франции восстановила свои силы и укрепила позиции.

По мере того как переговоры становились неизбежными, падало при дворе влияние кардинала Лотарингского. В сложившейся ситуации Екатерина

могла удалить из центра власти ставшего слишком могущественным представителя фракции, поддерживаемой Испанией и папой и ставившей интересы всемирного католицизма выше интересов Франции и ко-
роны, и подорвать влияние его семьи. 14.07.1570 г. переговоры с Колиньи закончились перемирием; Карл IX издал эдикт, который наряду со свободой вести разрешал исполнение протестантских куль-
товых обрядов во всех городах, где оно было дозво-
но до войны, а также в двух городах каждого из губернаторств». Права землевладельческого дворян-
ства сохранились в объеме Амбуазского эдикта. Но-
вым было то, что протестанты получили гарантию
их прав, которая далеко выходила за рамки про-
стого изъяснения королевской воли: на два года им
были предоставлены четыре стратегически важные
крепости, которые при необходимости могли служить
им убежищем.

С концом этой третьей гражданской войны в пре-
делах нескольких лет правление Карла IX достигло
поворотного момента. До сих пор вся политическая
энергия Франции находила выход во внутренних рас-
прих. В католической Европе тон задавала Испания,
ни на минуту не оставлявшая сомнений в том, какой
она хочет видеть нормализацию внутренних дел в
королевстве лилий, и имевшая важную поддержку в
кругу радикальных католиков. Екатерина Медичи
постоянно пыталась избежать трений с Филиппом II,
которого она опасалась больше, чем кого-либо дру-
гого. После смерти своей дочери Елизаветы, бывшей
с 1559 г. замужем за испанским королем, она тщетно
надеялась, что ее зять женится на ее младшей доче-
ри. Но король Испании выбрал старшую дочь импе-
риатора Максимилиана, которую Екатерина хотела за-
получить для Карла IX. Король Франции должен
был удовольствоваться младшей дочерью Максими-
лиана Елизаветой, что Екатерина сочла явным ос-

корблением. План брака Маргариты Валуа с королем Португалии был столь же малоуспешным.

Конец третьей протестантской войны открыл новую перспективу для политически выгодного брака Маргариты. Если Колиньи был фактическим вождем гугенотов, то символом и интегрирующей фигурой являлся другой — Генрих Наваррский. Этот ближайший родственник королевского дома, который однажды взойдет на трон Франции как король Генрих IV, был сыном короля Антуана и ярой протестантки Жанны д'Альбре, когда-то принесшей в приданое потомку Бурбонов маленькое пиренейское королевство. С привлечением ко двору молодого Генриха Наваррского можно было лучше контролировать гугенотов и, кто знает, возможно, в будущем даже обратить в католичество их главу. К этому вскоре добавилось еще одно брачное предложение огромного политического значения: Елизавета Английская намекнула на свою заинтересованность в браке с младшим братом короля герцогом Анжуйским. Предложение, конечно, польстило Екатерине Медичи, хотя она не могла полностью положиться на искренность Елизаветы. Возможность этого брака и тем самым союза с Англией в будущем оставалась важным элементом в расчетах французской политики, так как здесь открывалась перспектива создать противовес испанской сверхдержаве.

Последующий ход событий в значительной степени определялся тем, что молодой король начал все больше вмешиваться в происходящее. Правда, его желание никогда не было определяющим фактором политической динамики: слишком много интересов, слишком много концепций сосредоточилось в раздираемой противоречиями Франции. Карл IX, как и Екатерина, стоял за независимую от партий монархию, но они не всегда выбирали одинаковые средства: Карл с юношеским честолюбием был готов пойти на риск. Екатерина же всегда была осторожной и с

молчаливой. Оба могли рассчитывать только на ограниченную лояльность непримиримой католической оппозиции вокруг Гизов, сделавшей герцога Анжуйского своим предводителем. Но их противник с протестантской стороны тоже не был абсолютно свободен в своих действиях, так как и у протестантов имелось мощное крыло, которое трудно было держать под контролем. Знаменитая Варфоломеевская ночь августа 1572 г. явилась в определенной степени следствием этих отношений, при которых никто не мог быть истинным хозяином положения.

Но проследим за событиями по порядку. Теперь уже двадцатилетний Карл IX за долгие годы внутренних смут и тягостной зависимости от благосклонности Мадрида выработал стойкую неприязнь к Испании и, казалось, твердо решил вернуться при первой же возможности на прежний путь антигабсбургской политики. Она представилась, когда папа, не заручившись согласием Филиппа II и императора, сделал Козимо Медичи великим герцогом Тосканским. Опасаясь возможной реакции этих двух Габсбургов, имевших большие интересы в Италии, Козимо безуспешно искал поддержки у немецких принцев. Когда находившийся в то время в Ла-Рошели брат Вильгельма Оранского Людвиг Нассауский сообщил Карлу IX об этих обстоятельствах, король проявил заинтересованность: он предложил Козимо проект союза в обмен на перспективу территориального преимущества в Нидерландах, посвятив в это свою мать. Первая попытка самостоятельно осуществить антигабсбургскую политику быстро потерпела неудачу из-за осторожной позиции флорентийцев, однако Карл продвигался дальше по намеченному им пути: судя по всему, в июле 1571 г. в Фонтенбло произошла встреча между ним и Нассау, в ходе которой обсуждался план завоевания и раздел Нидерландов между Англией, Францией и Вильгельмом Оранским.

Эта политика, даже при условии, что Англия пойдет на альянс, казалась крайне смелой; без поддержки Елизаветы она была просто авантюрой. Брак с герцогом Анжуйским никак не заключался. Герцог в случае брака с Елизаветой отказывался менять религию. У его младшего брата Алансона, которого Екатерина ввела в игру вместо него, таких сомнений не было. Однако и эта попытка окончилась впустую, так как английская королева не собиралась отдавать свою руку только за красивые слова. Она потребовала Калле, что было слишком высокой ценой для Екатерины и Карла. Возвращение ко двору летом 1571 г. адмирала Колиньи имело две причины: во-первых, Екатерина и Карл ожидали от его присутствия положительного влияния на переговоры о браке с Наваррой, во-вторых, облегчения взаимопонимания с Англией. Колиньи предпочел бы не ограничивать свободу своих действий близостью к центру королевской власти. Что касалось войны против Испании и помощи Нидерландам, он скептически относился к связи с политикой короны и охотнее бы сам связался с Англией. Однако Нассау при контактах с Карлом IX слишком далеко продвинул дела, и требовалось присутствие Колиньи при дворе, чтобы держать под контролем события и активное крыло протестантов. Как бы ни старался Карл IX в эти дни объяснить свою собственную политическую линию, ему должно было быть ясно, что без твердой надежды на помощь Англии завоевание Нидерландов было неосуществимо. Объявление войны Испании, вероятно, сделало бы невозможным столь важный по внутриполитическим причинам брачный союз Генриха Наваррского и Маргариты Валуа, против которого непримиримые католики вели борьбу.

Это была ситуация без ясной перспективы, к которой добавилось объявление войны Испании Вильгельмом Оранским, немецким покровителем и вождем нидерландских протестантов. Карлу IX не удалось до

IX пор создать предпосылки для активного вмешательства в этот конфликт. Англия в новой ситуации была готова к заключению союза, однако ее действия носили чисто оборонительный характер и не обязывали Елизавету поддерживать наступление.

На зондирование Альбы в отношении французской позиции в этом конфликте Карл IX отреагировал ласковым заверением в благожелательном нейтралитете; в мае он также дезавуировал операции Людовика Нассауского, которые привели к оккупации Монса и Валансьена.

Колиньи в июле 1572 г. решил сам выступить в поход против Альбы во главе протестантской армии. Чтобы помешать этому, Карл IX дал согласие на акцию, при которой протестантский контингент под командованием сеньора де Жанлиса должен был занять Камбрези, но так, чтобы тайная поддержка короля не стала явной. Эта операция нужна была в первую очередь для выигрыша времени. Однако самодурство Жанлиса, который вопреки заданию попытался снять осаду с Монса и при этом был взят в плен, привело к драматическому обострению ситуации. Карл IX снова попытался снять с себя ответственность и даже поздравил Альбу с успехом, но его попытки скомпрометировали найденные у Жанлиса документы и вырванные под пыткой признания.

Намерение Колиньи вести борьбу против Альбы в одиночку с королем или без него теперь стало очевидным. Екатерина Медичи умоляла своего нерешительного сына не поддаваться уговорам адмирала. В конце июля королевский Совет категорически отверг эту мысль о войне с Испанией. Разумеется, во время этих бурных событий и дискуссий дело доходило до яростных перепалок, и многие, иногда неправильно понятые высказывания, что бы они ни значили, принимались как доказательство угрожающего намерения Колиньи и его сторонников.

У противников адмирала создалось впечатление, что события грозят выйти из-под контроля и следует опасаться восстания гугенотов, в распоряжении которых имелись войска общей численностью около 15 000 человек. Опасность, исходившая от неконтролируемого адмирала, в окружении Екатерины Медичи, которому принадлежали Анжу, молодой герцог Гиз и многие члены королевского Совета, способствовала возникновению убеждения, что устранение адмирала является единственным средством спасти положение. В пятницу 22.08.1572 г. сразу после того как состоялась долгожданная свадьба Генриха Наваррского и Маргариты Валуа, произошло покушение на Колиньи. Адмирал был серьезно ранен, но остался жив.

Карл IX был потрясен этим происшествием и назначил немедленное тщательное расследование. Находившиеся в Париже протестанты пришли в величайшее волнение.

Ситуация, которую с помощью убийства Колиньи, надеялись взять под контроль, крайне обострилась. Испуганные перспективой, что король, узнав об их причастности к покушению, откроет их заговор, люди из окружения Екатерины Медичи, судя по всему, ухватились за мысль одним ударом обезглавить всю протестантскую партию, то есть устранить всех вождей, собравшихся в Париже с Колиньи. Вероятность удара со стороны протестантов помогла убедить неуверенного и легко внушаемого Карла IX дать разрешение на эту кровавую акцию, ограниченную кругом от 20 до 30 жертв.

Только события развивались иначе, чем было запланировано. На рассвете 24.08.1572 г. началось уничтожение руководителей гугенотов. Колиньи был убит у себя дома людьми герцога Гиза. Но среди парижского населения образовались радикальные группы, которые убивали протестантов, а иногда не щадили и католиков. То, что происходило в Париже, уже никто

не мог контролировать. Только через три дня, 27.08 в городе восстановилось спокойствие, но вскоре после этого подобные эксцессы произошли в других горо-

Многие вопросы, связанные с Варфоломеевской бойней и ее последствиями в провинции, остаются открытыми. Полагают, что в Париже она стоила жизни 1000—2000 человек; ответственность за нее окончательно не выяснена и, возможно, никогда не будет выяснена. Однако достоверно известно, что никто не знает того, что произошло. Протестантская партия лишилась своей верхушки, но не все протестанты, проживавшие в Париже, были убиты, как это часто утверждалось.

При объяснении резни нужно, безусловно, привлечь внимание ряд социально-исторических и социально-психологических факторов. Именно в Париже пустил корни воинствующий, даже фанатичный католицизм. «Простой люд», маленькие люди, не принадлежавшие к привилегированным ремесленникам и купцам, среди которых число протестантов было не большим, твердо стояли за старую веру. Столкнувшись в этом отношении всегда была опорой непримиримой католической партии, группировавшейся вокруг Наварры и Анжу. Но простое возложение ответственности кровавую бойню на расплывчато определяемую народную массу» было бы слишком упрощенным объяснением. Фанатичные группы, которые в ночь с 23 на 24 августа и после этого участвовали в кровавой резне, состояли из социально непривилегированных низов, в значительной степени состояли из представителей того социального слоя, который обогатился за счет конфискованной собственности гугенотов и, по эдикту 1570 г., должен был вернуть состояние или опасался этого. Последнее объяснение о рождении идеи, ходе и глубинных причинах Варфоломеевской ночи остается за будущими исследованиями.

Карл IX согласился на ограниченную акцию под сильным давлением, однако перед парламентом 26.08 он взял на себя ответственность за случившееся. Якобы протестанты, так он объяснил, готовились к открытому бунту, его трон, его жизнь и жизнь королевской семьи находились в опасности. Состоялся суд над Колиньи (посмертно), те из его ближайшего окружения, кто пережил резню, по всей форме были приговорены к смерти и казнены.

То, что ужасные парижские события сопровождались радостными поздравлениями католических государств, прежде всего Испании и папы, сегодня нам кажется извращением и может пониматься только как религиозный энтузиазм того времени, так как тогда с обеих сторон шла борьба не за хорошую жизнь на земле, а за спасение бессмертной души. В протестантских странах был подорван авторитет короны, и все заверения короля, несмотря ни на что, оставить без изменения Сен-Жерменский эдикт, не могли ничего изменить. Разве только они показали современникам, что носитель короны с 23.08 по 26.08 не был хозяином положения.

Неполные два года, которые оставались физически все более деградировавшему королю, жившему опыне под величайшим душевным бременем, отмечены анархией и гражданской войной, и в это время началась реорганизация чудовищно пострадавшего, но и сломленного протестантизма, адепты которого воспринимали события августа 1572 г. как Божие испытание, из которого они вышли с несокрушимой уверенностью в себе.

До сопротивления короне и военных операций дошло главным образом в связи с осадой крепостей Ла-Рошель и на юге Франции, в Лангедоке. После Варфоломеевской ночи Ла-Рошель отказалась принять направленного королем губернатора и упорно, но безуспешно осаждалась королевскими католическими вой-

сками под командованием Анжу. Конец осады в июле 1573 г. был скреплен соглашением, которое позже под названием Булонского эдикта стало действительным для всей Франции. Это событие связано с сообщением о состоявшемся избрании Анжу королем Польши, к чему Екатерина Медичи стремилась после смерти последнего Ягеллона (1572), борясь против кандидатур нескольких протестантских принцев, а также царя и австрийского Габсбурга. В Булонском эдикте были сильно урезаны права, предоставленные Сен-Жерменским эдиктом 1570 г.: при общей свободе совести свобода отправления культа была ограничена Ла-Рошелю и некоторыми другими городами, права на свободу религии для дворянских землевладельцев сохранялись теперь при определенных условиях. Протестанты Лангедока, которые перед этим заключили перемирие с губернатором региона, умеренным католиком по имени Данвилль из рода Монморанси, родственником Колиньи, были недовольны этими условиями и на многочисленных собраниях в Ниме и Монтобане приступили к формулированию собственных требований. Они предложили их Карлу IX в памятной записке. Эти требования касались, в частности, свободы совести и отправления культа во всем королевстве, освобождения от предписаний и налогов, противоречивших протестантской религии, установления большей правовой защищенности, которая должна была гарантироваться введением «состоящих из двух равных частей палат», то есть сформированных из протестантов и католиков судов. В центре перечисления этих требований стоял, правда, вопрос о широком предоставлении гарантий, которые бы обеспечили готовность приверженцев Кальвина к окончательному умиротворению и реинтеграции в государство: гугеноты Лангедока внесли предложение об интернациональной гарантии, осуществлявшейся Англией, Швейцарскими кантонами или немецкими принцами. На эти условия,

неприемлемые с точки зрения монархии, заботящейся о полном обладании властью, Карл IXотреагировал сдержанно, но не обрывая нити переговорного процесса.

Летом и осенью 1573 г. двор был занят избранием Генриха Анжуйского королем Польши. Карл IX не был опечален возможностью удаления из Франции нелюбимого брата, представлявшего опасность как центр притяжения непримиримых католиков. Екатерина Медичи охотно оттянула бы отъезд как можно дольше, не в последнюю очередь по причине быстро ухудшавшегося состояния здоровья Карла, что подавало герцогу Анжуйскому надежду на обмен польской короны на французскую. Король Польши в ноябре отправился в свое королевство. Екатерина сопровождала его до Нанси. По пути, в Бломоне, она встретила с Людвигом Нассауским, которому, по трудно объяснимым мотивам, она еще раз предложила план совместной интервенции в Нидерланды. По-видимому, она старалась обеспечить своему сыну беспрепятственный проезд через владения протестантских немецких принцев, так как письменное обязательство Нассау, несмотря на все старания, ничего не могло дать.

Для Карла IX отъезд Анжу не был концом группщины, которая росла на почве ожесточенного религиозного раздора и угрожала подчинить монархию своим собственным интересам или сломить ее. Новой центральной фигурой подобных стремлений стал младший брат короля герцог Алансонский, который в отличие от Анжу не знал сомнений религиозного характера и гнался за химерой единоличной власти в Нидерландах или другом месте. Именно по причине своего религиозного безразличия Алансон стал потенциальной фигурой, подходящей как для тех католиков, которые были в натянутых отношениях с непримиримой группой Гизов, как, например, сторонники дома Монморанси, так и для протестантов.

Кроме всего прочего Алансон был озлоблен тем, что Карл IX, который не хотел больше терпеть возникновения центра власти, находящегося лишь условно в радиусе его влияний, как во времена Анжу, отказал ему в назначении королевским генерал-лейтенантом вместо уехавшего в Польшу брата. Когда он вместе с Генрихом Наваррским, сменившим религию после Варфоломеевской ночи и удерживаемым при дворе нелюбимым мужем Маргариты, решил бежать к Людовику Нассаускому, Екатерина Медичи своевременно предотвратила эту попытку заговора. Но на этом проделки Алансона не закончились. В декабре 1573 г. снова обострились отношения короны с протестантами на юге Франции, когда они в Милло объявили основные принципы «гражданского союза протестантской церкви», которые предусматривали строгую организацию гугенотских общин с почти государственными признаками: с компетенцией в военной, финансовой, судебной и политической сферах. Такое покушение на права короны Карл IX принять не мог и, несмотря на продолжение переговоров, готовил отставку войск. Вырисовывался новый конфликт, к тому же вскоре разволновались протестанты на западе и подтвердили свою солидарность с единоверцами из Южной Франции. Их предводитель Ла Ну был избран главой гугенотского войска в ожидании вождя, как говорили, более высокопоставленного, чем кто-либо до этого, — намеки мог относиться только к Алансону.

В марте 1574 г. новая попытка герцога покинуть двор и добраться до Людвига Нассауского опять не удалась. На этот раз заговор приобрел угрожающие размеры, в нем участвовали многие члены католической, но враждебной Гизам семьи Монморанси, и прежде всего старший сын коннетабля маршал Франсуа Монморанси. Под подозрение попал даже Данвилль, стоявший с королевскими войсками в Лангедоке. Когда Карл IX его отозвал, чтобы заменить не вызывав-

шим сомнений губернатором, Данвилль не подчинился приказу, окопался в Монпелье и вскоре после этого открыто вступил в союз с протестантами региона.

Что бы ни стояло за этими заговорами, служили ли они исключительно личным интересам, или же были первыми ростками поддерживавшей единство католиков и протестантов коалиции против разрушающей Францию силы конфессиональной непримиримости, ясно одно, что общая ситуация в королевстве в феврале 1574 г. снова была беспокойной и безнадежно неопределенной. Карл IX был избавлен от гигантской задачи усмирения своего королевства и спасения монархии. Он умер 30.05.1574 г. от прогрессирующего упадка физических сил и оставил корону бывшему герцогу Анжуйскому, нынешнему королю польскому и будущему королю Франции Генриху III.

Илья Мик

Генрих III 1574—1589

Родился 19 сентября 1551 г. в Фонтенбло; Эдуард-Александр изменил имя и стал Генрихом в 1565 г., дофин в 1560 г., герцог Анжуйский в 1566 г., король Польши в 1573—74 гг., король Франции с 30 мая 1574 г., коронавание и посвящение в Реймсе 13 мая 1575 г., покушение 1 августа 1589 г., умер 2 августа.

1589 г., похоронен вначале в аббатстве Сен-Корней в Компьене, в 1610 г. перезахоронен в склепе под алтарем (разрушенном в 1719 г.) в круглой часовне Валуа в Сен-Дени, затем там же, в часовне Потр-Дам-ла-Блани. Во время революции могила была осквернена; в 1818 г. в Сен-Дени установлена находившаяся ранее в Сен-Клу часовня в стиле барокко с бронзовой урной, в которой якобы покоится сердце Генриха III, последнего короля из рода Валуа.

Отец: Генрих II, король Франции (1519—1559). Мать: Екатерина Медичи (1519—1589). Братья: Франциск (1544—1560), король Франции Франциск II; Карл (1550—1574), король Франции Карл IX; Эржюль (1566—1584), впоследствии Франсуа, герцог Алансонский (до 1576 г.) и герцог Анжуйский. Сестра: Маргарита (1553—1615), по прозвищу Марго, впоследствии супруга Генриха IV Наваррского.

Брак с Луизой де Водемон (1553—1601), дочерью Карла III Лотарингского, 15 февраля 1575; детей не было.

**Детство и юность
1551—1566**

Днем своего рождения Генрих III всегда считал 18.09.1551 г., хотя в действительности он появился на свет спустя 40 минут после полуночи, то есть 19.09. При крещении получил имя Эдуард-Александр и титул герцога Анжуйского. Родители его, король Генрих II (1519—1559) и Екатерина Медичи (1519—1589), сочетались браком в 1533 г.; первые одиннадцать лет детей у них не было. У Генриха было четыре старших брата и сестры: Франсуа (Франциск II), «маленький дофин», родившийся в 1544 г., официально объявленный дофином (наследником престола) в 1547 г., когда его отец занял трон; Елизавета (1545—1568), впоследствии супруга Филиппа II Испанского; Клотильда, (1547—1575), в 1559 г. вышедшая замуж за Шарля III Лотарингского, и Шарль-Максимилиан (1550—1574), которому ранняя смерть брата-первенца принесла корону, сделав его Карлом IX. Пятый ребенок, Луи, умер в октябре 1550 г. 20 месяцев от роду. Младшими братьями и сестрами Генриха были Маргарита, по прозвищу Марго (1553—1615), за неделю до Варфоломеевской ночи вышедшая замуж за будущего Генриха IV, короля Франции, и Эржюль (1555—1585), единственный из четырех братьев, так и не ставший королем. Длинный ряд рождений в 1556 г. завершился двойней — родились сестры Жанна и Виктория, вскоре после этого умершие. Высокая детская смертность, характерная для той эпохи, не обошла и королевскую семью; все же благодаря лучшему медицинскому обслуживанию и благоприятным условиям жизни для нее это не имело таких катастрофических последствий, как для низших слоев населения. Из шести выживших в детстве братьев и сестер пятеро умерли раньше Генриха. Лишь Маргарита пережила его и достигла 62-летнего возраста. Она и Ген

Генрих III (1574–1589)

рих, единственные из десяти детей, оставались в живых ко дню смерти их матери — 5.01.1589 г. Все представители последнего поколения Валуа отличались слабым сложением и болезненностью; их страшным бичом был туберкулез, против которого тогдашняя медицина не знала средств. Во время конфирмации 18.03.1565 г. Александр-Эдуард получил в честь отца имя Генрих. Его младший брат Эркюль (Геркулес), чьи «физические и интеллектуальные уродства» (Холт) совершенно не соответствовали его имени, спустя год получил таким же образом имя деда, Франсуа (Франциск). С февраля 1566 г. он носил титул герцога Алансонского; Генрих в дальнейшем фигурирует как герцог Анжуйский. Сначала его как старшего из братьев правящего короля называли Monseigneur, затем Monsieur — прежде это были официальные обозначения старших из братьев правящего короля. В исторической литературе обоих братьев — Генриха и Франсуа — с 1566 г. именуют коротко «Анжу» и «Алансон». Когда Генрих стал королем, титулы Monsieur (1574), герцог Анжуйский (1576) перешли к Франсуа, прежде бывшему Алансоном. Александр-Эдуард/Генрих был жизнерадостным, дружелюбным и смелым ребенком, в отличие от своих почти постоянно хворавших братьев и сестер хорошо развитый физически. В юности он много читал и охотно беседовал о прочитанном, учился прилежно и старательно, умел хорошо выражать свои мысли, успешно изучал итальянский язык, недурно танцевал и фехтовал и умел очаровать своим обаянием и элегантностью. Во время провозглашения его брата в Реймсе в феврале 1561 г. он произвел намного более выгодное впечатление, чем сам Шарль. Екатерина любила Генриха больше всех. Она называла его «мое всё» [mon tout] и «мой маленький орел» [mon petit aigle], подписывала свои письма к нему «ваша нежно любящая мать» и видела в нем черты характера, напоминавшие ей ее предков,

ици. Генрих в детстве был ее любимцем, а позднее стал ее доверенным лицом. Отношения между королем, королем, и Генрихом, наследником престола, были несколько натянутыми — несомненно, из-за интеллектуального превосходства младшего, к тому же предпочитаемого матерью. Некоторая враждебность, по-видимому, еще увеличилась в ходе более чем двухлетнего путешествия, которое совершил королевский двор по всей Франции. Этим путешествием — передачей Генриху 8.02.1566 г. в качестве апанажа герцогств Анжу, Бурбонэ и Майн, что дало ему финансовую независимость, окончился первый этап его жизни. Детство и юность Генриха пришлось на время, когда французская монархия начала менять свои политические приоритеты. В мирном договоре, заключенном 3.04.1559 г. в Като-Камбрези между Францией и Испанией, прослеживается перенесение акцента с внешней политики, всю первую половину века остававшейся в центре внимания, на внутренние проблемы Франции. Этим договором завершился первый этап французско-габсбургского противостояния. Герцогство Бургундское осталось за Францией, тогда как в Италии она сохранила лишь несколько опорных пунктов. Договор, получивший название «католический мир» [*paх catolica*], предоставлял обоим правителям возможность более энергично взяться за решение религиозных проблем в своих странах. Особенно это касалось Генриха II, в период правления которого движение гугенотов, несмотря на ужесточившиеся преследования, набирало силу. Примерно с 1550 г. в ряды сторонников учения Кальвина вступало все больше и больше представителей высших слоев общества: юристы, врачи, купцы, дворяне. Такое проникновение протестантизма в верхушку социальной иерархии достигло апогея к 1558 г., когда к реформаторской церкви примкнули представители высшего дворянства: Антуан де Бурбон, король Наварры,

его брат, принц Конде, а также братья Франсуа д'Андело и Гаспар де Колиньи. Венцом охвативших всю империю усилий по организации новой церкви стал первый Синодальный собор гугенотов, состоявшийся 25.05.1559 г. в Париже. С 1558/59 г. уже было очевидно, что королевской власти придется каким-то образом урегулировать отношения с этим столь хорошо организованным религиозным меньшинством: «Необходимо было терпеть сосуществование различных конфессий как данность и искать пути и средства его правильно организовать. Эта программа могла быть реализована лишь за достаточно долгий срок и требовала всестороннего обдумывания». Екатерина Медичи воспользовалась шансом, который ей предоставила смена царствования в 1560 г., чтобы взять государственные дела в свои руки и изменить политический курс. С поразительной целеустремленностью она проводила новую политику в отношении вопросов вероисповедания. В обстановке ненависти и непримиримости она снова и снова осторожно пыталась осваивать *terra incognita* конфессиональной терпимости — о подлинной свободе совести пока не могло быть и речи. Попытки Екатерины, на доброе столетие опережавшие свою эпоху, выдвинули эту женщину, до 1559 г. отстраненную своим мужем и его любовницей Дианой де Пуатье от какого-либо участия в политической жизни, в первые ряды государственных деятелей, когда либо управлявших Францией. Особого внимания заслуживает тот факт, что ей удалось передать свои убеждения сыну Генриху. Важнейшей инициативой Екатерины с начала проведения ею политики национального примирения стал Эдикт о веротерпимости от 17.01.1562 г., провалившийся стараниями сторонников Гизов. Результатом этого явилась резня в Васси, которая расширила фронт борьбы и развязала первую гражданскую войну. Большое путешествие в стране, предпринятое, в частности, с целью преодо-

ния религиозного противостояния, оказалось безрезультатным в этом отношении. Раздуваемое экстремистами обеих сторон растущее напряжение привело в 1567/68 г. ко второй, а в 1569/70 г. и к третьей гражданским войнам.

Годы учения 1567—1571

В эти годы, собственно, и началась политическая карьера Генриха. Поскольку его брат-король избегал подвергать себя военной опасности, Анжу 14.11.1567 г. был назначен генерал-лейтенантом королевства и вместе с этим титулом получил командование королевскими войсками. Естественно, за спиной 16-летнего полководца стояли опытные военные деятели; однако благодаря таланту, искусству и активной деятельности Анжу обе победы над войсками гугенотов — при Ирнаке (13.03.1569) и при Монконтуре (3.10.1569) приписывались в первую очередь ему. Однако юный военный герой, всегда активно интересовавшийся и политикой, в отличие от своего царствующего брата, пошел дальше: по настоянию Екатерины Карл произвел его в генерал-интенданты короля. Вместе с этим (прежде не существовавшим) титулом он становился в некотором роде вице-королем, к которому должны были обращаться по всем вопросам, возможно, чтобы разгрузить Екатерину. Помимо всего этого Анжу оставался престолонаследником, хотя бы и условно, так как право наследования неизбежно переходило к законному сыну короля. Однако тут Генриху повезло. В браке, который Карл IX заключил 26.11.1570 г. с Елизаветой Австрийской (1554—1592), дочерью императора Максимилиана II, родилась лишь единственная дочь, Мария-Елизавета (1573—1578), а сын, родившийся от связи короля с Марией Туше (1549—1639), Шарль де Валуа, впоследствии герцог Ангу-

лемский, естественно, не мог считаться законным наследником. Так и остался Генрих, брат-соперник короля, соперником его и в вопросе о престоле. Когда после почти трехлетнего брака наследник престола так и не появился на свет, а здоровье короля быстро ухудшалось, Карлу IX пришлось официально признать 22.08.1573 г. своим преемником Генриха. Блестящая политическая карьера, казалось, открывшаяся перед Анжу, должна была увенчаться браком с Елизаветой Английской. Однако этот проект провалился, не в последнюю очередь из-за отрицательного отношения самого Генриха к этому союзу — ведь ему пришлось бы покинуть Францию. В конце концов Государственный совет решил заменить кандидатуру Анжу на Алансона, бывшего на 22 года моложе неувядающей Елизаветы. Популярности наследника престола провал планов женитьбы отнюдь не повредил, так же как и то, что очень следивший за модой и несколько эксцентричный Генрих начал носить довольно крупные серьги с подвесками — это делал и его царственный брат и многие аристократы при тогдашнем дворе. Все же мужчины, носящие серьги, сегодня, безусловно, воспринимаются намного лучше, чем в 16 столетии, когда это расценивалось как проявление женственной ориентации и склонности к гомосексуализму. После подписания Сен-Жерменского мирного договора от 8.08.1570 г. Екатерина возобновила свою примирительную конфессиональную политику. Почти символическим выражением такой политики стал брак ее дочери Маргариты и Генриха, сына ревностной кальвинистки, королевы Наваррской, Жанны д'Альбре. Отец жениха, Антуан де Бурбон, умер в 1562 г. После внезапной смерти Жанны 9.06.1572 г. в Париже Генрих еще до свадьбы, состоявшейся 18.08.1572 г. стал Генрихом III, королем Наварры. Южная часть его владений, впрочем, еще в 1512 г. была аннексирована Испанией. В соответствии с этим титулом до

1589 г. Генрих часто именуется «Наварра». Женидьба не принесла Анри прав на французский трон, однако он, пожалуй, и так имел их из-за своих родственных связей с королевским домом, прослеживавшихся с 13 в. Пока же сохранялась еще надежда на то, что у короля появится законный наследник, кроме того, были живы оба наследника престола, Анжу и Алансон, у которых после женидьбы тоже могли родиться отпрыски мужского пола. Другая свадьба, состоявшаяся в том богатом событиях августе 1572 г., полностью выбила Анжу из равновесия. Он влюбился в «чужую» невесту, Марию Клевскую (1550—1574): 21-летний «ребенок из провинции с чистым сердцем, свежими щеками, стройным станом, здоровым телом и сердечной улыбкой». Она обладала чарующей красотой и заставила наследника престола забыть все его прежние увлечения. Он решил жениться на этой девушке, ответившей на его любовь. Екатерина пришла в ужас от желания своего сына, который отверг английскую королеву, тогда как Мария вовсе не принадлежала к высшему дворянству. Помимо того, Екатерина уже отвела ей вполне определенную роль в своих планах, связанных с политикой межконфессионального согласия. Воспитанная в кальвинистской вере девушка, с 1569 г. находившаяся под опекой короля, должна была стать женой гугенотского принца де Конде. Екатерина не позволила разрушить своего проекта. Анжу был вынужден склониться перед государственной необходимостью, и 10.08 состоялась свадьба — ровно за две недели до Варфоломеевской ночи.

До и после Варфоломеевской ночи 1571—1573

Возобновленная с заключением Сен-Жерменского мира примирительная политика Екатерины сделала возможным возвращение в 1571 г. ко двору — и даже

в королевский Совет — адмирала Колиньи, приговоренного в 1569 г. к смертной казни «заочно повешенного» вождя гугенотов. Он попытался провести и жизнь свои политические планы — оказать военную помощь Нидерландам, с 1566 г. сражавшимся с Испанией. С этой целью он намеревался организовать европейский протестантский союз против Филиппа II. Однако после сокрушительного поражения при Сен-Квентине (10.08.1557) ничего так не пугало Екатерину, как война с Испанией. Военные специалисты и один голос поддерживали ее: Франция неминуемо проиграет эту войну. Поражение французского подкрепления, на чей поход Карл IX просто закрыл глаза, укрепил единодушное решение королевского Совета при любых обстоятельствах избегать войны с Испанией. Однако Колиньи не отступался от своих планов и выдвинул в их защиту в порядке военно-политического шантажа им самим изобретенную, отнюдь не неизбежную альтернативу: война с Испанией либо гражданская война. Этот шаг сделал его — тут сходятся мнения всех исследователей — государственным изменником, устранения которого требовали интересы государства. Екатерина и Анжу, без ведома короля, подготовили покушение на Колиньи, которое состоялось 22.08.1572 г. В свете новых исследований эта ситуация выглядит совсем по-иному. В середине августа 1572 г. Колиньи был в полной политической изоляции и не представлял никакой реальной военной силы. Возможно даже что, в то время как он думал управлять королем, в действительности использовали его самого: тем, что тот уговаривал его отправить в Нидерланды, то есть на верную гибель, протестантские войска. Одно это делало Колиньи хотя и слабой, но политически важной фигурой на политической арене: «Французская монархия сделала Колиньи слишком важной персоной, чтобы думать о том, чтобы от него избавиться». Этот тезис ломает столетиями во-

видимую стройную концепцию о времени и способе совместной подготовки убийства адмирала Екатерины и Анжу. Обоим эта смерть не была нужна, и они даже не знали о покушении. В одной работе, аргументированной исключительно источниками той эпохи, выводятся истинные виновники преступления: «главной заговорной силой был не кто иной, как Филипп II»; «основное подозрение высказывается в отношении герцога Альбы, что он «на расстоянии руководил покушением на адмирала при активном соучастии горсточка ультра-католиков, сторонников Гизов». Буржонизм дает совершенно новую интерпретацию предыстории Варфоломеевской ночи — событиям двух недель, прошедших после покушения на Колиньи. Из-за плохого состояния источников легче сказать, чего не было, чем обосновать какие-то позитивные высказывания. Но то, что ни Екатерина, ни Анжу никак не повлияли на кем-то спланированную кровавую акцию, состоявшуюся ранним утром 24.08.1572 г., представляется вполне вероятным. Варфоломеевская ночь отнюдь не была демонстрацией королевской силы; напротив, она стала результатом полного — хотя и временного — коллапса власти короля. Видимо, в какой-то момент ночью Карл IX уступил ультиматуму, предъявленному испанско-гизской партией, и дал согласие на убийство гугенотских вождей — и только об этом шла речь.

Убийство приверженцами Гизов гугенотского генерального штаба было одно, а бойня, унесшая жизни тысяч протестантов, — совсем другое. Эта кровавая акция взбудоражила Париж, получивший удобную возможность выразить свой протест против религиозной, экономической и внешней политики, проводимой в 1570—1571 г. Варфоломеевская ночь стала бунтом против королевской власти. В событиях последующих недель королевской семье не пришлось принять участия: словно бы и не существовало короля и муници-

итета, власть в городе на три дня взяли в свои и набранные одним из бывших бургомистров и том Гизов Марселем вспомогательные войска. Из числа формировались отряды убийц и бандитов, орые с целью обогащения беззастенчиво грабили и вали преимущественно — но никоим образом не лючительно — гугенотское население, пытаясь им образом под прикрытием религиозной борьбы становить по своему усмотрению социальную справедливость. Такая точка зрения противоречит выдвигому еще современниками событий, а в последнее время активно возрождаемому тезису, что городская милиция в полном составе активно участвовала в погромах. Чтобы прояснить, как обстояло дело в действительности, нужны еще более подробные исследования. Протестанты ответили на Варфоломеевскую ночь четвертой гражданской войной. Ее кульминацией была осада Ла-Рошели. После того как Карл IX официально признал себя ответственным за события Варфоломеевской ночи, гугеноты отказались от лояльности в отношении короля, которую до сих пор всегда союдавали. Ла-Рошель словно почувствовала себя незащищенной республикой и отказалась даже впустить в род губернатора Бирона, направленного королем.

11.02.1573 г. Анжу прибыл к Ла-Рошели и принял командование армией. После яростного обстрела королевские войска вновь безуспешно попытались штурмовать крепостные стены. Monsieur, легко раненный 10.06, долго надеялся на действие блокады; но предпринятые в мае и июне новые попытки штурма тоже полностью провалились. Вскоре от Ла-Рошели пришлось отказаться: 19.06 Анжу получил известие о том, что он избран королем Польши. Переговоры с заключенными быстро привели к заключению мира (1.07.1573 г), который гарантировал свободу совести на всей территории Франции, однако свободу отправления культа для гугенотов легализовал лишь в горо-

дах Ла-Рошель, Монтобан и Ним. Это был неудачный договор, наспех составленный и поспешно заключенный; его истинной целью было освободить герцога Анжу от осады Ла-Рошели.

Король Польши 1573—1574

Еще во время правления королей из рода Ягеллонов польское дворянство строго соблюдало свое право выбирать короля. Когда в июле 1572 г. умер Сигизмунд II Август, не назначив преемника, вопрос о польском престоле вызвал живой интерес во всей Европе. Поскольку претендентов на престол из Ягеллонской династии не оказалось, Габсбурги выставили кандидатуру сына императора Максимилиана II, эрцгерцога Эрнеста, а Екатерина Медичи, как обычно, озабоченная поиском супруги и (или) трона для своих сыновей, серьезно задумалась над этой возможностью, имея в виду Анжу. Ее посланник, 70-летний Жан де Монлюк, епископ Валенсии и опытный дипломат, выехал из Парижа 17.08.1572 г. — за неделю до Варфоломеевской ночи.

Известие об избиении гугенотов застигло его в дороге. Чтобы успокоить поляков, среди которых было немало протестантов, а главное, снять с герцога Анжуйского всякую вину за происшедшее, Монлюк обнародовал в Кракове оправдательное письмо на французском языке — которым многие поляки, к удивлению французов, прекрасно владели. После растянувшихся на месяцы переговоров, в ходе которых Монлюк, как заметил один польский магнат, обещал больше, чем могло бы выполнить все христианство, большинством голосов на избирательном сейме (5.04 — 10.05.1573), где собралось 40 000 дворян, королем был выбран Генрих Валуа. Желая обеспечить политические и конфессиональные привилегии дворянства, пар-

ламент представил французским посланникам еще два документа, которые практически сводили на нет процедуру выбора короля. 15.05 Монлюк подписал и *Pacta Conventa* и *Articuli Henriciani*. Лишь после этого уже избранный Генрих был провозглашен королем.

Насколько кратким оказалось правление Анжу в Польше, настолько ключевыми для всего политического будущего Польши были подписанные Монлюком грамоты. Позднее они были объединены в одну и почти до конца существования Польского государства сводили к минимуму права короля и расчищали путь для почти неограниченной власти дворян. Положение короля было слабее, чем положение монарха в конституционной монархии XX столетия.

Во Франции, где Жан Боден тремя годами позже распространял свое учение о безраздельной и абсолютной власти монарха, такое положение короля было трудно себе представить. Генрих пришел в ужас, когда прибывшая к нему в Париж 24.08.1573 г. польская делегация предъявила подписанные Монлюком документы для ратификации.

Несмотря на почти ультимативное требование польской делегации последовали упорные многодневные переговоры, которые хотя и принесли Генриху некоторые незначительные уступки скорее внешнего характера, но ничего не изменили в основной структуре конституции. 10 сентября, в ходе устроенной по этому поводу в Соборе Парижской богородицы пышной церемонии, Генрих принес требуемую присягу.

Через три дня на торжественном собрании ему преподнесли в серебряной шкатулке роскошно изданную грамоту, подтверждающую его избрание. К удивлению его новых подданных, рассчитывавших на выполнение многочисленных политических, экономических и династических обещаний, Генрих вовсе не спешил отправляться в Польшу. Бесспорно, его пугала перспектива поменять свое почетное и надежное

положение во Франции на довольно специфическую королевскую власть в далекой Польше. Кроме того, было очевидно, что здоровье французского короля быстро ухудшается, а объявленный преемником королем Анжу не мог быть уверен, что тщеславный Алансон, в случае смерти короля, выкажет достаточную лояльность по отношению к законному преемнику.

Решившись наконец ехать, Генрих распрощался с Екатериной 2.12.1573 г. в Бламонте, Лотарингия, и спустя два дня уже был на немецкой земле, которую пересек без лишней спешки, и после многочисленных встреч, приемов и бесед 24.01.1574 г. вступил на территорию Польши. Его сопровождала свита из 1200 человек. 18.02. он въехал в Краков. «146-дневное правление», если вести отсчет от момента пересечения границы, началось длинным рядом пиров и пышных церемониальных действий (похороны последнего короля; благословение на престол и коронование Генриха 21.02). Однако с самого начала оно осложнилось проблемами, связанными с особым, подтвержденным конституцией, положением и менталитетом польской аристократии. Генрих лавировал, как умел, выказывал гибкость и дипломатические способности, однако твердо решил ни под каким видом не жениться на 48-летней некрасивой принцессе Анне, сестре его предшественника — он не мог забыть Марию Клевскую. Политические распри в Сенате и парламенте, стремившихся еще сильнее сковать королевскую власть, а также вопрос о женитьбе основательно отравили ему его польское царствование. Он никак не мог примириться с этим «республиканским королевством, открыто исповедовавшим принцип анархии». Но к середине мая, к радости и удивлению его подданных, Генрих, казалось, совершенно переменился. Теперь он одевался на польский манер, говорил гордым аристократам комплименты и выражал желание научиться пить, как они, пиво и танцевать полонез; он даже вполне дру-

желюбно общался со старой девой принцессой Анной — но все это был обман, он просто хотел успокоить поляков.

О смерти своего брата Генрих узнал утром 14.06.1574 г. во время встречи с императором Максимилианом II. В тот же день к нему прибыли два посла из Франции: один — с длинным письмом от Екатерины, принявшей регентство для Генриха, она просила его подтвердить свою позицию и немедленно возвращаться во Францию. Генрих не терзался сомнениями: «Франция и Вы, матушка, важнее Польши», — писал он матери несколько дней спустя.

Свой побег из нелюбимого королевства Генрих подготовил с замечательной ловкостью. Четыре дня он делал вид, что предоставляет регентство Екатерине и, возможно, назначит во Франции вице-короля. Но 18.06, глубокой ночью, он с горсткой приближенных тайно покинул Краков. Путь маленького отряда, ехавшего верхом, часто лежал по бездорожью, по мало-знакомой местности, но отрыв от преследователей был достаточным. Только после того как близ Аушвитца проехали австрийскую границу, графу Тенчинскому, старшему камергеру, шесть часов назад проводившему короля в опочивальню, удалось настичь беглецов.

Генрих объяснил ему, насколько важно сейчас его присутствие во Франции, и заверил, что у него достаточно сил носить сразу две короны, и сверх всего подарил ему бриллиант. Тенчинский был растроган до слез, выпил по польскому обычаю каплю собственной крови в знак уважения к королю, и вернулся в Краков. В Мэриш-Острау Генриха поджидала карета, и вечером 19.06. он уже мог спокойно отдохнуть в Весково — беглецы проделали почти без остановок более 34 миль.

По совету Екатерины, Генрих во время своего путешествия избегал протестантских территорий. В Вене он встретил Максимилиана II, который усердно сва-

он ему свою овдовевшую дочь Елизавету, но Генрих мал лишь о Марии Клевской. В Венеции, где он тавался неделю, одно торжество сменяло другое — ць прежде французскому королю не доводилось по- щать островную республику. Для торжественного сезда дважды короля, которому Екатерина на по- рые расходы выслала в Венецию 100 000 ливров, был задействован даже знаменитый праздничный ко- рабль Бучинторо.

Через Падую, Феррару, Мантую, Кремону и Мон- цу (где он познакомился с Карло Бартоломео, в 1610 г. причисленным к лику святых реформаторскому свя- щеннику, и проникся к нему глубоким уважением) Генрих проследовал далее, к Турину, чтобы вести там с герцогом Савойским политические переговоры. Там же он встретился с дружески настроенным по отноше- нию к протестантам маршалом Монморанси-Данвилем, назначенным Карлом IX правителем Лангедока. Так еще до возвращения во Францию Генриху пришлось столкнуться с важнейшей проблемой французской внутренней политики — необходимостью найти спо- соб сосуществования католического большинства и сильного протестантского меньшинства.

3.09.1574 г. Генрих вновь ступил на французс- кую землю. Через два дня он встретился с Екатери- ной, выехавшей ему навстречу из Лиона. Так, к ве- ликому его облегчению, завершилось его польское приключение.

Король Франции 1574—1589

Чтобы описать пятнадцатилетнее правление пос- леднего короля из рода Валуа, мы оставим строгую хронологическую последовательность событий, а вмес- то того рассмотрим отдельные, относительно автоном- ные сферы. Это внесет большую ясность, отодвинет

на задний план суровую реальность гражданской войны и позволит дать более объективную общую оценку, которой Генрих, столетия подвергавшийся суровой критике, несомненно, заслуживает и как человек и как государь.

1. Конец династии

Мария Клевская, большая любовь короля, с весны 1574 г. оказалась на положении соломенной вдовы: ее муж бежал в Германию, она не захотела следовать за ним. Генрих уже подумывал о том, как бы организовать признание брака Конде недействительным, но Екатерина, почуявшая во вновь появившейся на сцене Марии опасную соперницу, позаботилась о том, чтобы держать своего сына подальше от Парижа, где в это время находилась принцесса. И вот в Лионе Генрих узнал, что 30.10.1574 г. Мария умерла родами. Известие буквально подкосило его. Он слег с лихорадкой и на много дней уединился в своих покоях. Придворные, привыкшие к достаточно легким нравам, были поражены тем, что король Франции обнаруживает столь глубокое чувство. Когда же, вернувшись к обществу, он появился в платье, на котором были вышиты многочисленные черепа, окружающие почти не скрывали насмешек.

Лишь под впечатлением потери любимой им Марии Генрих дал согласие на брак, чтобы обеспечить продолжение династии и потеснить мятежного Алансона (теперь уже, впрочем, «Анжу») с первого места в ряду престолонаследников. Ко всеобщему удивлению, его выбор пал на кроткую и доброжелательную девушку, которую он мельком видел в 1573 г. в Бلامоне, Луизу де Водемон (1553—1601), происходившую из младшей ветви Лотарингского герцогского дома. У нее не было ни особых притязаний, ни блестящих перспектив, но можно было ожидать, что она

становит верной и преданной женой королю. Решение Генриха в пользу Луизы было отчасти протестом против Екатерины — первый шаг на пути эмансипации любящего сына от властной матери, желавшей участвовать во всех его решениях и, естественно, имевшей в виду совершенно иную кандидатуру. Однако на этот раз она смирилась.

13.02.1575 г. в Реймском соборе состоялось коронование и посвящение короля в сан; 15.02 последовало обручение с Луизой. Генрих («жаждущий совершенства») лично хлопотал о наряде, украшениях и причёске невесты — настолько обстоятельно, что свадебную мессу пришлось перенести на вторую половину дня.

Луиза стала королевой, на которую он всегда мог опереться. Она совершенно не стремилась к власти и никогда не забывала, как высоко поднял ее Генрих. Всю свою жизнь она оставалась, верной и благодарной, в тени короля.

Все королевство сочувственно отнеслось к этому браку; однако он был бездетным, что вызывало недоумение, и было непонятно уже современникам.

Очевидно, Луиза стала бесплодной после искусственного аборта, осложненного хроническим воспалением матки. От последствий этой операции она страдала много лет.

При дворе вину за бездетность брака охотно взваливали на Генриха, поскольку он — явление для французских королей совершенно необычное — не имел внебрачных детей, хотя с 1569 г. у него были интимные связи со многими придворными дамами. Однако официальной любовницы у него не было, а после его женитьбы он и вовсе почти прекратил свои любовные похождения. Летом 1582 г. Генрих дал обет отказаться от сексуальных отношений с другими женщинами, поскольку его духовник объяснил, что бездетность — божья кара за случайные связи. Однако это не помог-

до; напрасны оказались и многократные паломничества к святым местам, в соборы Шартра и Л'Эпина между 1679 и 1589 г.

Хотя Генрих до последнего не оставлял надежды иметь потомство мужского пола, с 1582 г. он обрел внутренний покой в глубоком религиозном чувстве. Он легко покорился непостижимой воле Божьей. Когда в 1584 г. неожиданно умер наследник престола Анжуйский Генрих — хотя поначалу и не без колебаний — дал согласие признать новым претендентом Наварру, имевшего на это законное право. Когда религиозно-политическая обстановка в 1588/89 г. радикально изменилась и Генрих III оказался фактически в одиночестве против непокорной страны, мятежной столицы и рвущихся к короне Гизов, он проявил широту истинного государственного деятеля, достигнув соглашения с единственным законным престолонаследником Наваррой. Его твердая решимость обеспечила сохранение непрерывности государства в процессе смены царствующей династии.

2. Законодательство и управление

Генрих III был прилежным монархом. Он обладал замечательной памятью и острым умом. По возможности, он сам вел государственные дела. Своим бюрократическим усердием он напоминал испанского Филиппа II. Из-за его многочисленных законодательных инициатив современники прозвали его «королем стряпчих». Особое значение для многих сфер общественной и частной жизни имел Ордонанс, изданный в Блуа (1579), где в 363 положениях разбирались пожелания и затруднения, о которых подняли вопрос собранные в 1576 г. Генеральные штаты.

В экономическом плане Генриху удалось привлечь духовенство, освобожденное от уплаты налогов, к участию в государственных расходах. В 1579/80 г. он

облился, что собрание духовенства обещало ему «церковный заем» на сумму около 1,3 миллиона ливров сроком на шесть лет. В 1586 г. этот заем был продлен на 10 лет. Поскольку корона не желала и в будущемпускать этот источник доходов, общее собрание духовенства было вынуждено узаконить складывающуюся практику предоставления духовенством налога в виде добровольного пожертвования, который собирался каждые десять лет на всем протяжении существования старого режима.

Помимо церковной десятины при Генрихе III в течение нескольких лет с церкви взимался также прямой налог. Все эти платежи представлялись духовенству меньшим злом по сравнению с угрожающей экспроприацией церковного имущества, в котором корона всегда видела средство нажима: трижды Генрих отчуждал часть церковных владений (в 1574, 1576, 1586 гг.). Из всех французских правителей Генрих III был королем, который больше всего требовал от духовенства.

Только после исследования Алины Карпер стало известно значение созванной Генрихом III для «модернизации Франции» дворянской ассамблеи. С ноября 1583 до конца января 1584 г. в Сен-Жерменском предместье политическая и административная элита страны — 66 человек — обсуждала обширный перечень вопросов, предложенный королем, которые касались налоговой системы, государственного бюджета, продажи должностей, административной структуры, армии, хозяйства и др. Речь шла, как заметил императорский посланник, о всеобщей реформе королевства, которой король ожидал от этого собрания специалистов. Результаты совещаний были представлены правительству в виде «Мнения ассамблеи», обработаны им и опубликованы. В 17 и 18 столетиях эти решения считались «памятником государственного ума, который лишь вследствие неблагоприятных политических

условий не смог принести плоды». Дело в том, что именно в этом году фактически закончилась мирная передышка, длившаяся с 1577 г. Многочисленные реформы, которые Генрих начал проводить еще в 1584 г., застопорились; перед угрозой назревающей новой гражданской войны о них думать не приходилось.

3. Придворная жизнь, дружба, увлечения и странности

Уже современные Генриху историографы отмечали, что в конце правления он у всех вызывал враждебное к себе отношение. Недоброжелательные преувеличения и представление в ложном свете страстей и интересов короля полностью дискредитировали этого государя, к которому с одинаковой ненавистью и предвзятостью относились и католики и протестанты.

Критическим отношением к Анри III пронизана вся историография, вплоть до 20 столетия. Лишь работы Пьера Шампёна положили начало новому направлению в изучении биографии Генриха. Пьер Шевалье посвятил ему солидный труд, вышедший в 1986 г., в котором он рассматривает все скопившиеся за столетия слухи, полуправды, оскорбления и обвинения с документами в руках. Результаты поражают: если многие детали и остаются еще неясными, критический анализ источников дает совершенно новую оценку Генриха III, короля и человека. Эта работа позволяет увидеть личность Генриха III точнее, чем прежде.

Основные нападки относились прежде всего к «миньонам» [mignons] — группе из четырех молодых дворян, которых Генрих держал при дворе и осыпал милостями, почестями, подарками. Все они отличались на военном поприще, были верны и преданны ему и, должно быть, позволяли себе дерзкие выходки в отношении консервативно настроенной аристокра-

ии. Эти четыре мушкетера, к которым позднее приключило еще несколько других, вызывающе одевались, искали развлечения и галантные (и не только) приключения. Печально известна дуэль миньонов, состоявшаяся 27.04.1578 г. и унесшая четыре жизни; она была, собственно говоря, отражением борьбы между враждующими католическими группировками.

Из четырех первых фаворитов Сен-Сультис был убит в 1576 г., Кайлюс умер через 33 дня после упоминутой дуэли, Сен-Люк, разболтавший своей жене королевские тайны короля, в 1580 г. впал в немилость и едва избежал судебного процесса; четвертый, Франсуа д'О, которого Генрих из-за его превосходного управления финансами называл «мой великий эконо́м», в 1581 г., когда его звезда стала клониться к закату, покинул от двора.

С 1578/79 г. в поле зрения исследователей появляются два других фаворита короля: Анн де Жуайез и Жан-Луи де ла Валетт. Их обоих современники называли «архиминьонами», оба поднялись выше своих предшественников и получили титул герцога (де Жуайез и д'Эпернон). Отношение короля к этим фаворитам, которых он иногда называл «мои братья», пожалуй, лучше всего выразил тосканский посланник Кавриана, который в 1586 г. так прокомментировал их военный успех: «Отец очень радуется, видя, как оба его приемных сына доказывают свои достоинства».

Уже Мишле предостерегал от излишне негативного отношения к миньонам. Хотя Доду и называл их «министрами его сладострастия», вероятно, ни они, ни король не были гомосексуалистами. Здесь стоит привести веские слова Шевалье: «Генрих III и его фавориты необоснованная и клеветническая легенда».

Другие особенности короля, частично унаследованные им от рода Медичи, в течение веков тоже служили мишенью для критики — увлечение роскошной причудливой одеждой, драгоценностями, благовониями.

Он обладал четко выраженным пониманием красоты и элегантности, но был склонен к довольно кокетливым формам самовыражения. Любил карнавалы, балы и маскарады, ценил литературу, поэзию и театр, при этом заботился о сохранении придворного церемониала и этикета. В некоторых случаях он охотно набрасывал подробные правила и предписания — например, при основании рыцарского католического ордена Святого Духа в 1578 г.

Генрих любил маленьких собак, которых у него было несколько сотен, редких птиц и экзотических животных. Обычные развлечения дворян — рыцарские турниры, фехтование, охоту он ценил меньше. Иногда король удивлял своих приближенных детскими играми вроде бильбоке — игра, в которой нужно подцепить мячик острым концом или изогнутой палочкой. Он с удовольствием вырезал миниатюры, которые потом использовал как украшения.

С другой стороны, Генрих обладал повышенной нервной чувствительностью и в связи с этим предрасположенностью к болезням. Его бездетность и переживания из-за морального упадка раздираемого гражданской войной королевства привели его в 1582/83 г. к глубокой набожности. Стремление открыто продемонстрировать свое благочестие, имевшее, пожалуй, и политическую подоплеку, желание придавать всему какой-то мистический блеск, побудили его примерно до 1587 г. принимать участие в процессиях, часто в белой власянице, особенно в шествиях основанного самим Генрихом в марте 1583 г. «Братства кающихся грешников Благовещенской Богородицы». Члены этого братства — в том числе оба архиминьона, множество придворных, членов парламента и знатных горожан — носили белое одеяние капуцинов из голландской шерсти с двумя отверстиями для глаз. Незадолго до новой вспышки гражданской войны, когда Генрих увидел окончательное крушение своей политики компромиссов и пережил период глубокой меланхолии, он

новал, на этот раз без шума и показухи, «Братство смерти и страстей господина нашего Иисуса Христа». Эта маленькая община собиралась по пятницам в Лувре, где они вместе молились, распевали псалмы и проводили время в духовных упражнениях, покаянии и даже самобичевании.

С самого первого пребывания в монастыре пауликов в январе 1583 г. Генрих все больше и больше отрывался от мира. За монастырскими стенами он чувствовал себя прекрасно, и был рад тому, чем довольствовались сами монахи. Он приказал перестроить и расширить старый монастырь иеронимитов в Венсенском лесу, где для него и его зачастую весьма многочисленной свиты (поскольку, несмотря ни на что, он выпускал из поля зрения и политические вопросы) были зарезервированы несколько келий. С 1584 г. Генрих в течение трех лет регулярно проводил несколько дней в этом монастыре, позднее переданном паулиникам. Вряд ли Генрих находил у кого-либо понимание: Екатерины, своей жены или подданных. Даже папа одобрял Генриха, которого современники называли иногда король-монах.

Такое безусловно преувеличенное, доходившее до эксцессов религиозное рвение было связано с характерной чертой короля, которую сам он однажды выразил следующим образом: «Что я люблю, я люблю до конца». В этом заключалась подлинная слабость короля: его нервная конституция часто приводила его к крайностям. Что бы ни делал король, вследствие своего темперамента он предавался этому чрезмерно.

Многие способы времяпрепровождения короля указывают на его экстравагантность, в основе которой лежали определенные особенности характера. Хотя его бесхитрость была очевидна, она бывала иногда смешной и вызывала у его противников насмешки и злобу. Генрих был необычным ребенком для своего времени и своих родителей. Однако на протяжении столетий никто не желал признать этого.

4. Гражданская война, государственный кризис и смерть короля

Запутанные события гражданской войны можно вкратце свести к следующему:

1. После мира, заключенного в 1576 г. в Болье на весьма благоприятных для гугенотов условиях, католическая оппозиция под предводительством Генриха Гиза организовалась в (первую) Лигу, или Священный союз, который провозгласил своим девизом борьбу против гугенотов и усиление королевской власти. Когда собравшиеся в декабре 1576 г. в Блуа Генеральные штаты потребовали восстановления религиозного единства королевства, Генрих уступил, отменил эдикт, подписанный в Болье, и возобновил гражданскую войну. Условия заключенного после определенных успехов католиков в Бержераке/Пуатье мира (14 – 17.09.1577 г.) были весьма неблагоприятны для гугенотов.

2. Еще до Варфоломеевской ночи из умеренных представителей обеих конфессий образовалась группировка, стремившаяся обеспечить политическое и правовое признание сосуществования различных конфессий и стабилизацию королевской власти. Эту группу с середины 80-х гг. называли «политики». Долгое время полагали, что в руководящей фигуре этой группировки можно узнать Анжу, который иногда сотрудничал с «политиками». На самом деле у «Monsieur», этого «вечного заговорщика», политическая дальновидность отсутствовала начисто. Никогда Анжу понастоящему не участвовал в борьбе «политиков», еще менее был руководителем этой борьбы. Его смерть 10.06.1584 г. послужила толчком к началу государственного кризиса. Уже в течение несколько лет жившая в относительном спокойствии страна была потрясена неоспоримым государственно-правовым фактом: вождь гугенотов Наварра переместился на первое место в ряду наследников престола.

3. Перед лицом угрозы перехода короны Франции к протестантам (повторно вернувшись к своей ереси!) непримиримые католики организовали Лигу (вторую) защиты святой католической церкви под руководством братьев Гизов, вступили в союз с Испанией и провозгласили наследником престола кардинала Шарля де Бурбона. Генрих был готов пойти на уступки, но 66-летняя Екатерина еще несколько недель сражалась как львица. Однако и ее силы подошли к концу, и 7.07.1585 г. она подписала Немурский эдикт, под угрозой смертной казни запрещавший исповедание протестантизма и всякую гугенотскую деятельность во Франции. Этот эдикт означал для Екатерины не просто поражение — это была полная капитуляция. До сих пор на всех переговорах ей удавалось отстоять для короля роль третейского судьи. В Немуре она подчинилась диктату мятежников. Ей пришлось отречься от политики национального единства, от принципа религиозной свободы, которые она защищала в течение 25 лет.

Естественным следствием явилось отстранение Наварры 18.07 от его законного права наследования трона. 9.09.1585 г. последовало и отлучение его от церкви папой Сикстом V. Начавшаяся «война трех Генрихов» привела к растущей изоляции короля. Генрих Гиз заставлял его терпеть все новые унижения. После того как в битве при Кутра (20.10.1587 г.), где победу одержал Наварра, пал Жуайез, ближайшим советником короля стал Эпернон. То, что Генриху III удалось подкупом склонить к отступлению вспомогательные войска Наварры, швейцарских и немецких рейтаров, почти не изменило его отчаянного положения — теперь его упрекали в том, что он своими действиями помешал войскам Лиги одержать легкую победу. В Париже, где он находился с 23.12, было неспокойно. Атмосфера накалялась со дня на день; ее подогревали дороговизна и перебои в снабжении продовольствием, в чем, естественно, обвиня-

ли короля. Опасаясь волнений, Генрих запретил герцогу Гизу появляться в городе. Когда же «король Парижа», как его давно уже называли, все же пришел, население встретило его восторженно. Любая акция против непокорного вождя Лиги могла вызвать восстание в Париже и подвергнуть опасности жизнь короля; поэтому Генрих воздержался от принятия каких-либо мер. Зачем он ранним утром 12.05 ввел в город оставшиеся в его распоряжении немногочисленные войска — не вполне ясно; возбужденное население атаковало швейцарцев и частично их уничтожило. Повсюду в городе воздвигались баррикады. Париж бунтовал. Король оказался в западне (12.05 день баррикад).

В такой безнадежной ситуации Екатерина еще раз прибегла к искусству разумной дипломатии. Она попыталась путем переговоров взять инициативу в свои руки, чтобы достичь сразу нескольких целей. Для начала она отправилась к герцогу де Гизу, и услышала от него, что, по его мнению, отречение короля от престола может быть единственным способом сохранить его жизнь. Много раз пришлось курсировать королевской матери между Лувром и отелем Гизов, выполняя роль посредника в переговорах между «королем Парижа» и королем Франции, выигрывать время, прикрывая побег сына, который под защитой сохранивших верность войск покинул Париж со своими ближайшими советниками вечером 13.05.1588 г.

После этой благополучно прошедшей акции Екатерина обратилась к новому проекту, прельщавшему ее возможными отдаленными политическими последствиями: она хотела, чтобы Генрих III усыновил сына ее дочери Клотильды, маркиза де Пон-а-Муассон, который был одновременно племянником короля и братьев Гизов, — и тем самым сохранил трон за династией Валуа. Чтобы этот план имел надежду на успех, требовалась победа Гизов.

Неожиданный союз между де Гизом и Екатериной был направлен в первую очередь против их общего врага Эпернона: для Лиги он, как ближайший советник короля, был воплощением дьявола, а Екатерине угрожал потерей ее влияния на сына. Ее практический макиавеллизм привел ее к союзу с сильнейшим, чтобы не оказаться у него в подчинении. Фактически ей удалось убедить Генриха, что Эпернон мешает возможному примирению. Скрепя сердце король отстранил 22.07 Эпернона и его брата почти от всех их обязанностей.

Теперь, казалось, путь к столь страстно желаемому Екатериной взаимопониманию был открыт. Правда, на этот раз оно было достигнуто за счет короля, который летом 1588 г. был лишь пешкой в руках Лиги. Это вынудили подтвердить безраздельное господство католичества во Франции и произвести Гиза в генерал-лейтенанты королевства. Заключительный аккорд в этой политике постоянного унижения и выхолащивания королевской власти прозвучал в октябре, в Блуа, когда Генеральные штаты своими возмутительными требованиями превзошли себя.

Осенью 1588 г. французская королевская власть спустилась к самой низшей точке в своей истории. Казалось, путь к смене правящей династии в пользу Гизов, считавших своими родоначальниками Каролингов, свободен. В лагере Гизов открыто говорили о том, что Генриху, как некогда последнему из Меровингов, Хильдерику, неплохо было бы уйти в монастырь, и Катрин-Мари де Монпансье, воинственная сестра Гизов, носила напоказ на своем поясе ножницы, которыми она собиралась смастерить Генриху III «третью корону», то есть выстричь тонзуру.

Несомненно, поражение испанской Армады в августе 1588 г. вдохновило Генриха прорвать заколдованный круг, в котором он очутился из-за Лиги. Первый шаг он сделал в начале августа, когда, по настоянию Екатерины, встретился с Гизом в Шартре;

ему пришлось делать хорошую мину при плохой игре, словно никакого «дня баррикад» и не было вовсе. Второй шаг последовал 8.09: он заменил канцлера Шеверни и министров Бельевра, Виллерау, Брюлара и Пинара на других, среди которых было даже два члена Лиги. Единственной, кто смог правильно оценить эту «министерскую революцию», была Екатерина. Она понимала, что немилость, в которую впали министры, означала конец ее власти.

Генрих не мог простить матери, что она добилась его официального примирения с «королем Парижа». После перенесенных унижений он не мог больше следовать политике Екатерины, всегда искавшей компромисса. Замена министров явилась актом эмансипации 37-летнего короля от всю жизнь рвавшейся к власти матери, свершившейся с некоторым запозданием, но уже бесповоротно. Впредь он будет править по собственному усмотрению, писал Генрих Нунцио. Екатерина была глубоко уязвлена; но жребий был брошен: три десятилетия политику Франции в значительной степени определяла именно она, а в последние четыре месяца события проходили мимо нее.

Третий шаг Генрих тщательно подготавливал с 18.12. Не советуясь с Екатериной, он 23-24.12.1588 г. велел убить Анри и Луи де Гизов как бунтовщиков. У него не было выбора, объяснял он Екатерине, если он хотел сохранить королевскую власть, государство, честь да и свою жизнь.

Выдвинутый Лигой претендент на престол был арестован, и 3.04.1589 г. Генрих договорился о союзе с Наваррой, направленном против Парижа и других вступивших в «Святой союз» городов, которые все без исключения бунтовали против короля. Казни братьев Гизов воздвигла стену между Генрихом и Лигой, и ее уже ничто не могло разрушить. В Париже образовалось революционное городское самоуправление под руководством представителей 16 окр-

гов, которое поддерживали Сорбонна и парламент. Хотя формального отстранения короля пока не приходилось опасаться, университетские теологи уже поспешили освободить подданных от клятвы верности королю и вычеркнули его имя из правила, исполняемого во время мессы. Жан Буше сочинил грамоту «*De justa Henrici tertii abdicatione e Francorum regno*», в которой говорилось о возможности и даже необходимости тиранубийства.

Главой этого революционного правительства «16-ти» стал герцог Майеннский, брат убитых. В его руках находилась исполнительная власть и верховное командование войсками. Созданный по его настоянию генеральный совет объединения католиков стремился добиться права принимать решения по государственным вопросам и тем самым представлял собой настоящее альтернативное правительство. 13.03.1589 г. Майенн принес присягу перед парламентом в качестве генерал-лейтенанта королевского государства и короны Франции. Теперь он становился главой революционного правительства.

Оба носителя законной власти, Генрих III и Наварра, лишь теснее сблизились: за знаменитой встречей в парке Плесси-ле-Тур (30.04.1589) последовал совместный поход на мятежный Париж (с мая по июль 1589). Несмотря на успех при Сенлисе Бонневале исход этой борьбы не на жизнь, а на смерть отнюдь не был предрешен, когда 1.08.1589 г. Генрих III, отлученный в мае папой от церкви, отстраненный от управления государь, стал жертвой покушения. Смертельно раненный, он признал срочно вызванного законного престолонаследника Наварру своим преемником и просил всех присутствующих тут же принести ему присягу в верности. После покушения, совершенного доминиканским монахом Жаком Клеманом, то, чего многие боялись еще с 1584 г., свершилось: королем Франции стал протестант.

31.05.1585 г. Екатерина выражала озабоченность тем, что прочный мир во Франции невозможен, пока Наварра не перейдет вновь в католическую веру. На смертном одре Генрих III предсказывал своему находившемуся здесь же преемнику, что ему как королю Франции придется столкнуться со многими препятствиями, если он не решится поменять вероисповедание. В этом высказывании видна разумная оценка сложившейся политико-конфессиональной ситуации. Генриху IV понадобилось четыре года, чтобы прийти к такому же мнению.

Таким образом, и в последние часы своей жизни Генрих III предстает истинным политическим деятелем, за 38 лет проявившим себя способным учеником своей матери. Его действия заслуживают гораздо более глубокой оценки, чем та, которая существовала на протяжении столетий. Как гласит часто приводимое высказывание Пьера д'Эстуаля, Генрих III был бы замечательным правителем, «если бы царствовал в более благоприятном столетии». Воздавая должное этому королю, скажем, что Генрих III родился в крайне сложное время, когда государь имел возможность лишь придерживаться центристской позиции между экстремистами обеих сторон, чтобы уберечь страну и корону от бедствий. После казни братьев Гизов и достижения договоренности с Наваррой падение Парижа, ожидаемое летом 1589 г., стало бы началом окончательного перелома в ходе гражданской войны. Еще 31.07 Генрих, глядя из Сен-Клу на Париж, думал, что окажется в городе раньше, чем считают его мятежные жители. Покушение все изменило и на годы продлило гражданскую войну.

Эрнст Хинрикс

Генрих IV **1589—1610**

Родился 13 декабря 1553 г. в По, с 1584 г. законный претендент на трон, 1 августа 1589 г. король Франции, 25 июля 1593 г. перешел в католичество, 27 февраля 1594 г. помазание в Шартре, 22 марта 1594 г. вступление в Париж, 13 апреля 1598 г. издание Нантского эдикта, 14 мая 1610 г. убит Равальином в Париже, похоронен 1 июля 1610 г. в аббатстве Сен-Дени.

Отец: Антуан де Бурбон (1518—1562), герцог Вандомский и Бомонский, с 1555 г. король Наваррский. Мать: Жанна д'Альбре (1528—1572), королева Наваррская. Братья: Генрих, герцог Бомонский (1551—1553); Луи-Шарль, граф де Марль (1555—1557). Сестры: Мадлен (род. и ум. в 1556 г.); Екатерина (1559—1604).

Первый брак 24 августа 1572 г. с Маргаритой Валуа, дочерью Генриха II и Екатерины Медичи. Второй брак 25 апреля 1600 г. с Марией Медичи, принцессой Тосканской. Сыновья: Людовик, с 1610 г. Людовик XIII, король Франции, 27 сентября 1601 г.; Никола, герцог Орлеанский (1607—1611); Гастон-Жан-Батист, герцог Анжуйский, позже Орлеанский (1608—1610). Дочери: Елизавета (1602—1644), Кристина (1606—1663). Многочисленные узаконенные дети от Габриэль д'Эстре и Генриетты д'Антраг,

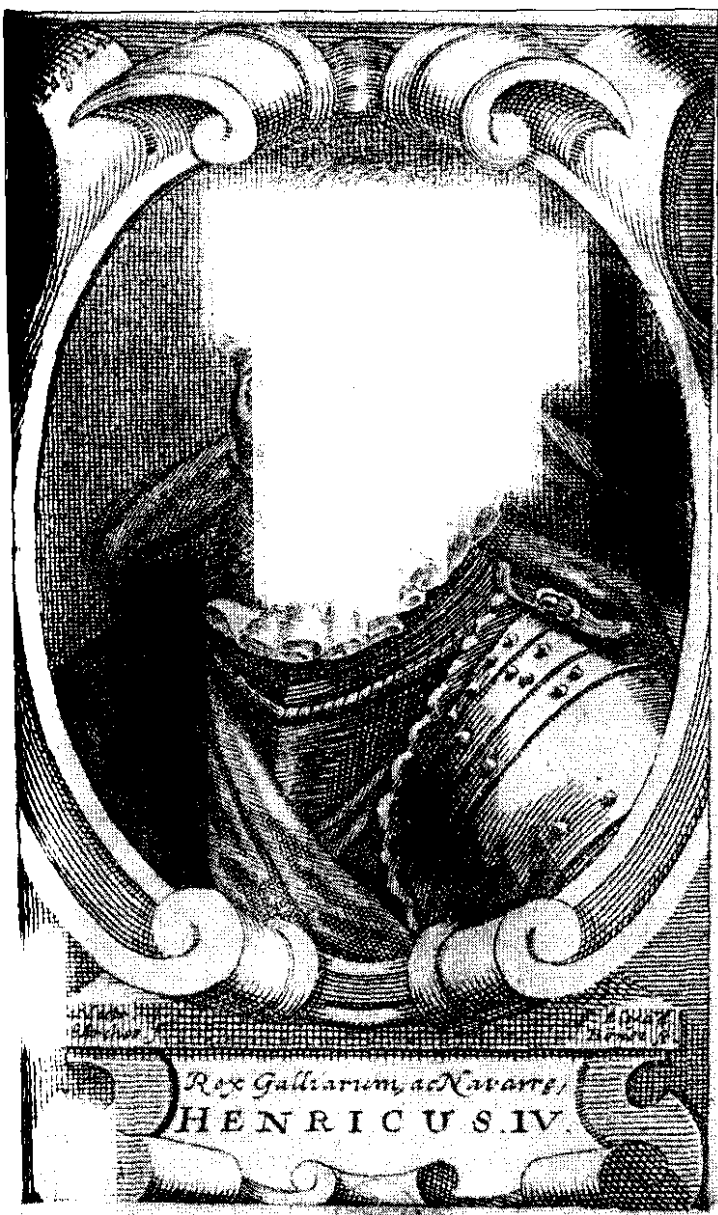
Жаклин де Бюель и Шарлотты дез Эссар и одиозный незаконный ребенок.

Вводные общие соображения

Генрих IV Французский и Наваррский во многих отношениях выделяется из длинного ряда выдающихся французских королей. Здесь прежде всего и его примечательный приход к власти и теснейшим образом связанная с этим проблема наследования. После убийства Генриха III в 1589 г. правление династии Валуа закончилось. Генрих Наваррский был не таким преемником, которого с готовностью приняли бы подданные. Не только протестантское вероисповедание препятствовало его признанию преимущественно католическим населением, и прежде всего горожанами Парижа, хотя это вскоре оказалось главным препятствием. Родственная удаленность Бурбонов от Валуа тоже играла роль в накаленной ситуации того времени. Генрих Наваррский по отцу, что только и принималось в расчет, был кузеном Генриха III в 22-й степени. Было ли это достаточно точным, с точки зрения примененной в 14 веке (1328) публично-правовой адаптации древнего салического закона, который делал ближайшего родственника покойного короля по мужской линии наследником трона Капетингов в обход сыновей, рожденных дочерьми? Сторонники дома Гизов, лотарингских предводителей могущественной придворной партии, распространили слух, что лотарингцы были прямыми наследниками Карла Великого и поэтому имели большие права, чем наследники «узурпатора» Гуго Капета.

Кроме того, мать Генриха IV родилась на юго-востоке Франции, и поэтому он оставался в сознании населения беарнцем, гасконцем на французском троне. Он происходил из другого мира, чем последний Валуа, корни которых были в Париже, на Луаре, «сердце» Франции. В продолжительную мирную эпоху

Генрих IV (1589—1610)

ху между 1598 и 1610 гг. Генрих сумел покорить Париж и основал там последнюю династическую традицию королевской Франции, ставшей самой блистательной. Однако до этого он в течение девяти долгих лет находился в Париже очень мало, очень мало был королем, и, наоборот, очень часто военачальником, дворянином, полководцем, всадником, многократно пересекшим Францию в седле, причем дела большой политической и военной важности соединяя с теми, которые приводили его на несколько часов в объятия фаворитки или возлюбленной.

Наконец, его отношение к религии. Генрих IV шесть раз менял религию, чаще всего в молодости, не единожды по принуждению. Все говорит против того, чтобы делать выводы о нерелигиозном и даже циничном характере, как поступали после 1593 г. протестантские и католические полемисты. Правда, этот король был совершенно недогматичным. Как и типичный внук великой гуманистки Маргариты Наваррской, он был близок к современной, определяемой скепсисом, гуманистической толерантности. Его теплое отношение к Монтеню, эпистолярный стиль, и пользующий толерантный запас слов, не в последнюю очередь также его богатый жизненный опыт между Варфоломеевской ночью и сменой религии в 1596 г. позволили ему занять место в кругу того меньшинства французов, которое после 1593 г. за несколько мирных лет стало большинством. С этого момента он открыл новую главу французской истории и создал то, что сделало его одним из выдающихся явлений на троне лилий.

Юность и первые опыты

Генрих IV родился 13.12.1553 г. в По, его родители — Антуан Бурбонский и Жанна д'Альбре. На Юге он был наследником д'Альбре, то есть независимой от

Франции короны (Наварра) и обширных, хотя и разрозненных владений на склонах Пиренеев, что делало их обладателя одним из крупных феодалов Франции. В центре, Бурбонне, пограничных районах и на Севере его ожидало наследство Бурбонов. Правда, после угасания старшей линии и конфискации большей части собственности «предателя» Карла Бурбонского (1527) оно уже не было столь велико, но имело, как и раньше, очень заманчивую перспективу: на основании салического закона младшая линия — Бурбоны — обладала правом наследования французского трона в случае, если Валуа вымрут. Правда, ко времени рождения Генриха это было маловероятно.

Личности родителей и многолетнее пребывание при французском дворе наложили отпечаток на юность Генриха. Жанна д'Альбре, с 1555 г. твердая сторонница кальвинизма, предприняла все, чтобы сделать из своего сына протестанта, что не исключало гуманистического воспитания в духе ее матери Маргариты. Отец, кальвинист с середины 50-х гг., находившийся больше под влиянием Колияньи, чем своей жены, недолго оставался сторонником женевского дела и вернулся к старой религии, как только по инициативе Екатерины Медичи поступил на службу к французскому королю в должности генерал-лейтенанта. По этой причине Генрих получил достопримечательный и противоречивый опыт. Отношения родителей разладились, так как мать резко осуждала отца и решительно отвергала придворный мир. Однако отец из протестантского полководца превратился в придворного, что вкупе с его большими полководческими способностями не могло не произвести впечатления на юношу.

При дворе в Париже и во время знаменитого «большого вояжа» придворного штата по Франции (1564 — 1566) молодой, умный, живой и практичный королевский сын с Пиренеев интенсивно и детально познакомился с придворной жизнью Валуа. По при-

меру отца, он снова стал католиком, но сразу после его смерти вернулся к религии матери, которая сумела оказать влияние на сына при дружественном попустительстве тогда еще очень податливой Екатерины Медичи.

При дворе он также познакомился со своими кузенами, рядом последних королей из рода Валуа, и с их сестрой Маргаритой и уважал, по крайней мере, ее и одного из ее братьев. То, что его отношения с юным герцогом Анжуйским, будущим королем Генрихом III, уже тогда были дружественными, окупилось в 1589 г.

Варфоломеевская ночь и ее последствия

Только как член придворной свиты Наварра правильно оценил значение религиозной проблемы для современной политики. В 50-х и 60-х гг. было еще совсем не решено, что гугенотам надолго будет закрыт путь к королевской власти во Франции. Время от времени к дворцовой политике были близки отдельные вожди кальвинистской партии, такие как Гаспар де Колиньи, принц Конде, Генрих Бурбон, брат Колиньи Оде де Шатильон и другие; особенно это относится к Колиньи, адмиралу Франции, выдающейся военной и политической фигуре протестантизма до 1572 г. Екатерина Медичи, а также ее сыновья Франциск II и Карл IX порой не доверяли католической придворной партии из-за ее интенсивных контактов с Испанией гораздо больше, чем гугенотам. Их курс в отношении партий, который между 1560 и 1568 гг. существенно определялся канцлером Мишелем де Л'Опиталем, был не чем иным, как попыткой не делать окончательного выбора между двумя радикальными позициями. Поэтому понятно, что Екатерина в 1567 г. незадолго до начала вражды между двумя партиями предоставила «отпуск» молодому королю и его недавно находившейся при дворе матери. Это реше-

...принесло Наварре первое знакомство с религиозной войной «на месте», в гугенотской армии на юго-востоке, а прежде всего в будущей кальвинистской крепости Ла-Рошель.

Между тем Екатерина продвигала свои брачные планы и после заключения мира в Сен-Жермен-ан-Ле (1570) зашла так далеко, что свадьба Маргариты с Генрихом Наваррой была запланирована на 1572 г. То, что это событие вошло в историю не как большой и торжественный праздник королевских линий Валуа и Бурбонов, а как парижская «кровавая свадьба», случилось прежде всего из-за двух очень личных причин: из-за слишком прямолинейной тактики Колиньи, который в это время пытался отдалить короля Карла IX от его матери и перетянуть в противоположный лагерь, и из-за резкой реакции регентши, которая теперь видела в адмирале большую опасность для себя и своих сыновей, чем в испанцах. Решение устранить адмирала, неудачное покушение и убийство огромного числа кальвинистов в Париже и по всей стране показывают, что за личной тактикой, особенно со стороны католического большинства, скрывались более могущественные силы, которые все больше определяли происходящее.

Мы очень мало знаем о том, как Наварра пережил Варфоломеевскую ночь в Лувре. Он оказался в затруднительном положении: будучи протестантским аристократом, он лично был в опасности, как и его кузен и соратник Конде, находившийся с ним при дворе. В конце концов они, пленники короля, каковыми теперь являлись, перешли в лоно старой церкви.

«Вождь партии» гугенотов

Акция против кальвинистов была политической неудачей. Несмотря на все потери, Варфоломеевская ночь не ослабила гугенотов. Отныне укрепились по-

литически научная система французского протестантизма, отныне религия получила политический фундамент, теперь она стала «партией». Одновременно раздавались заслуживающие внимания голоса людей занимавших умеренную, примирительную, надпартийную позицию, говоривших о религиозной терпимости. Они не были партией, но общественность воспринимала их как «политиков». Жан Боден, эрудированный юрист и специалист по государственному праву, известный благодаря своим изысканиям по исторической методике, в 1576 г. в фундаментальном труде «О республике» объединил идею политически обоснованной терпимости с идеей усиления суверенной монархии и тем самым выработал политико-теоретическую концепцию.

Бесспорно сносная личная «неволя» Наварры при дворе длилась до 1576 г. К этому времени Екатерина уже давно возобновила переговорный курс, а молодой беарнец наслаждался придворной жизнью, особенно охотой, и еще не обнаружил твердой, целенаправленной политической воли. Предположительно жившие с ним гугенотские советчики в конце концов воспользовались возможностью к бегству и вернули молодого короля в гугенотское войско на юго-запад Франции и тем самым к его будущим задачам.

В последующие годы Генрих Наваррский отнюдь не легко освоил роль протестантского партийного вождя. Ему противостоял более готовый к борьбе протестантское дело кузен Конде. В это время Наварра еще не осознал собственного предназначения. Хотя он опять сменил религию, последовательно «столичные» протестанты, как Теодор де Без, скептически относились к образу жизни, который, по их взглядам, не соответствовал избранному Богом протестантскому вождю. Решающим моментом в жизни Генриха IV было обстоятельство, что он в последующие годы не поддавался давлению протестантов из своего окружения.

е был исключительно главой протестантской партии, оставил за собой права на курс примирения с дворяном. Существуют признаки того, что он следовал осознанной политической линии. Примером могут служить интрапротестантские дебаты о мире в Флесе (1580). Этот мирный договор, один из немногих за время религиозных войн, не принес никакой выгоды протестантам, и практически Наварра заключил его с бравом короля в одиночку. В первый раз, развив до абсолютного мастерства умение вести переговоры и искусство убеждения, четко акцентируя мысль о примирении враждующих сторон во благо Франции, Наварра на представительном собрании гугенотов (Монморбан, 1581) настоял на признании мира. После этого он, как сказал Жан-Пьер Бабелон в своей великолепной биографии Генриха IV, стал «чем-то вроде протестантского вице-короля Франции».

1584 г.: наследник трона

И он стал им еще больше, когда в 1584 г. умер последний брат Генриха III, герцог Анжуйский. Король, от которого уже никто не ждал наследника, остался без претендента на трон из своего дома. Этого дни боялись, другие ждали с нетерпением: младшая линия Бурбонов дает наследника, и им мог быть только глава дома Генрих Наваррский. Последствия этого события внутри страны были огромными. С 1576 г. католическая высшая аристократия под руководством Гизов поддержала союз, Лигу, в которой смешались религиозные мотивы и сословно-сепаратистское понимание свободы. Теперь Гизы реставрировали этот союз и пошли на тесные отношения с парижской мелкой буржуазией. Протестанты со своей стороны, особенно их вожди, с 1572 г. взявшие крайне критический тон в отношении монархии вообще и Валуа в частности, изменили стратегию. Они стали теперь яростными по-

борниками монархического принципа во Франции естественно, законного престолонаследия.

При таких условиях нечего было и думать о стабильности. После событий лета 1584 г. религиозная война вступила в свою последнюю, ожесточеннейшую фазу, определявшуюся с католической стороны Лигой в Париже, а с гугенотской — ее неоспоримым вождем Генрихом Наваррским. Католическая сторона не только добилась от папы буллы, которая объявила все притязания на трон Наварры несостоятельными, но ей удалось перетянуть на свою сторону короля и принудить его к отмене всех религиозных эдиктов. Наварра старался получить поддержку европейских протестантов, но в Германии нашел отклик только кальвиниста Иоганна Казимира фон Пфальца, а Елизавета Английская согласилась на несколько незначительных субсидий.

К счастью для Наварры, фронт противника не был сплоченным. Между дворянством и народным базисом Лиги имелись серьезные идеологические противоречия, к тому же развитие событий в Париже с 1586 по 1589 г. становилось все радикальнее, подобно тому как произошло во время Революции двести лет спустя, что не способствовало единству Лиги. Парижские членам Лиги весьма не нравился союз с королем, потому что они не видели в нем последовательного отверженца католицизма. Когда Генрих III в 1588 увеличил военные силы вокруг Парижа, дело дошло до настоящего народного восстания, от которого двор бежал в лучше укрепленный Блуа. С тех пор вплоть до 1594 г. Париж был «без короля». После того как Генрих III из Блуа еще раз предпринял безуспешную попытку самому стать во главе Лиги, он решил перехватить инициативу и приказал убить вождей Лиги — герцога Генриха Гиза и его брата кардинала Лотарингского, которые по случаю заседания Генеральных штатов находились в Блуа.

Это убийство не достигло цели. Генрих III не вернул себе инициативу, наоборот, он выпустил ее из рук. Парижская Лига снова радикализировалась и образовала наряду с верным Лиге магистратом новое революционное городское управление. Сорбонна тоже не отставала и в незаконном университетском акте освободила всех подданных от клятвы верности королю. В марте 1589 г. Парижский парламент, который был очищен от верных королю советников, назначил герцога Майеннского, младшего брата Гизов, генерал-лейтенантом государства и короны Франции, как будто законного короля больше не было. Генриху III ничего не оставалось, кроме как сблизиться со своим кузеном, прежним товарищем Генрихом Наваррским. Король и протестанты объединили оставшиеся военные силы и двинулись на Париж, чтобы привести в повиновение город и верные Лиге учреждения. При подходе к Парижу 1.08.1589 г. Генрих III был убит доминиканским монахом Жаком Клеманом. На смертном одре он нашел в себе силы попросить присутствующих признать королем Генриха Наваррского. Одновременно он еще раз призвал своего преемника вернуться в лоно старой церкви.

1589 г.: король без королевства

По форме и традиции, Генрих IV после убийства своего предшественника являлся королем Франции. Однако с каких пор он действительно им стал? До перехода в католическую веру (1593) он оставался тем, кем был до этого: протестантским вождем и «главой партии». Столица открылась ему только в 1594 г. Управлять усмирённой страной он смог, победив последнего сторонника Лиги из высшей аристократии герцога де Меркера и после окончания войны с Испанией в 1589 г. Пока же столица отказалась впустить своего короля. Париж был полностью в руках Лиги,

ее радикальнейших священников и мелкобуржуазной свиты. За короля, кроме протестантов, были только те буржуазные и чиновничье-дворянские слои, которым опротивел радикализм парижского духовенства, ортодоксальность Сорбонны и явная готовность к насилью парижского населения.

Четыре года Генрих IV пытался овладеть положением с помощью военной силы. Важнейшая цель — взятие Парижа, который с 1590 г. защищал испанский гарнизон, не была достигнута. И даже там, где Генрих IV одерживал победы над войсками преданного Лиге дворянства, например, при Арке в 1589 г. и Иври в 1590 г. — обе битвы были выиграны не в последнюю очередь благодаря личному сколь мужественному, столь и дерзкому участию короля — даже там политический успех не пришел. Здесь проявилась примечательная черта личности этого короля, которой до сих пор уделялось мало внимания в исследованиях. Ее убедительно подчеркнул Бабелон: Генрих IV был блестящим дипломатом, королем с верным чутьем политически необходимого и возможного, он был выдающимся тактиком, умевшим изменить ход сражения неординарным решением; он был превосходным кавалеристом и полководцем, но он не был стратегом, умеющим превратить военный успех в политический. Между 1590 и 1592 г. мы видим короля, который производит впечатление легко внушаемого, медленно думающего, нерешительного человека, а не нового Цезаря, идущего напрямик к важнейшей политической цели и использующего все возможности в этом направлении.

1593 г.: «Смертельный прыжок»

Итак, не удивительно, что король в эти годы все сильнее проигрывал из-за своего религиозного мировоззрения. Его католические сторонники требо-

вали от него сделать «смертельный прыжок», вернуться в лоно старой церкви, чтобы создать предпосылки для признания его королевской власти. Уже давно готовый к этому шагу, беарнец медлил, считаясь со своими единоверцами, все время выдвигал свой основной аргумент, будто бы хочет, чтобы свободный Собор просветил его касательно его заблуждений. Лишь немногие здравомыслящие протестанты знали, что «прыжка» не избежать. Его способнейший политический советчик, Филипп дю Плесси-Морней, понимал необходимость этого, но до самого конца думал с помощью Собора и переговоров достичь большего. Для Морнея национальный Собор все еще таил шанс общего примирения, национально-церковного единения по вопросу содержания веры и тем самым основания новой галликанской церкви по английскому типу.

Генрих IV после 1589 г. очень долго прислушивался к своим преданным боевым соратникам. Однако когда в 1593 г. возникла опасность, что верные королю католики отойдут от него и объединятся с умеренными сторонниками Лиги, чтобы образовать третью партию и выдвинуть королем другого, католического представителя дома Бурбонов, когда испанский король начал все более открыто выступать за испанское решение этого вопроса, 25.07 в Сен-Дени Генрих IV отрекся от новой религии.

Смена религии сама по себе не открыла перед Генрихом IV ворота столицы; знаменитые слова «Париж стоит мессы», которые ему позже приписали протестанты, не отражали ситуации. Ясно было только то, что он лишил важнейшего аргумента своих противников, готовых пойти на соглашение. Теперь шаг за шагом он решал дальнейшие важные задачи дипломатическим путем. В начале 1594 г. в Шартре его миропомазали королем — традиционное место для этой церемонии Реймс был в руках Лиги. В марте он во-

шел в Париж и в результате переговоров добился вывода испанского гарнизона. В 1595 г. после долгих усилий его дипломаты получили у папы отпущение грехов. Тем самым они уничтожили последнее препятствие для доброжелательных католиков открыто и безоговорочно признать Генриха IV. То, что папство опасалось чересчур большого влияния Испании в Западной Европе, было основной политической причиной этого внушительного успеха французской дипломатии.

Завоевание и усмирение Франции

Оставалось решить три большие задачи для окончательного усмирения страны: победить дворянство Лиги, которое в многочисленных губернаторствах заняло командные позиции; завершить войну с Испанией и издать новый указ о религиозной терпимости. Генрих IV с большим энтузиазмом приступил к решению этих трех задач и в первый раз показал, в чем состояло его политическое мастерство. В делах с Лигой он сделал ставку исключительно на переговоры и деньги. Безоглядно опустошая и без того скудную государственную казну и используя все мыслимые источники займов, он между 1595 и 1598 гг. купил преданность всех противников и по одному привлек их на свою сторону, среди них также и Гиза Майенна. И с Испанией король пытался быстро прийти к миру к неудовольствию своих английских и нидерландских союзников. Когда в 1597 г. испанцы взяли Амьен и стали угрожать Парижу, король принял посреднические услуги папы Клементя VIII. 2.05.1598 г. в Вербене был подписан мир. Филипп II из этого мира не мог получить никакой политической или территориальной выгоды. Когда через несколько месяцев он умер, эпоха испанского господства в Европе подошла к концу.

Наантский эдикт

Вне всяких сомнений, издание Наантского эдикта (13.04.1598 г.) было самой крупной акцией Генриха IV по установлению мира в стране. Ни несгибаемые протестанты, ни ортодоксальные католики после смены религии короля не превратились в его сторонников. Короля упрекали в религиозном лицемерии и продолжали более или менее открыто вести публицистические бои против него, отголоски которых раздавались во Франции более тридцати лет. Протестанты, лишившись вождя, делали все, чтобы сохранить свою политическую, военную и синодальную организационную структуру. Таким образом, Генрих IV вскоре после смены религии — теперь с позиции короля — научился оценивать опасность, которую представлял для единства королевства протестантизм с его тенденцией развиваться в «государство в государстве». Тем не менее король решился на честную, не только тактически понятую политику в отношении своих бывших единоверцев. Он был глубоко убежден в том, что только мирное сосуществование обеих конфессий может обеспечить Франции мир, о котором мечтало так много людей. Его жизненный опыт помог ему понять, что не только у протестантов была тенденция к сословно-групповому обособлению. Между 1589 и 1598 г. во Франции было много «государств в государстве», и самым упрямым был, конечно, Париж с испанским гарнизоном в своих стенах и идеями Лиги в сердце. И даже с ним в 1594 г. король обошелся с монаршим милосердием. Так почему же тогда не новый эдикт для гугенотов? При таких условиях он с открытым забралом встретил ожидаемое сопротивление и быстро издал эдикт. Этот текст, подписанный в Наанте по поводу примирения с Меркером, в своей основе существенно не выходил за рамки того, что раньше полагалось протестантам: свобода совести по всей стране; свобода культа

во всех местах, где проходили богослужения между 1596 и 1597 г., а также, смотря по обстоятельствам, в служебных местах и в замках дворянства; никаких богослужений в Париже и в радиусе пяти миль; зато неограниченная правоспособность, беспрепятственный допуск ко всем должностям и создание следственной палаты со смешанным религиозным представительством в некоторых парламентах. В остальном король особым указом предоставил гугенотам на восемь лет более ста безопасных мест и объяснил таким способом, который резко критиковался католической стороной, как серьезно он относился к безопасности своих бывших единоверцев и боевых соратников. Правда, как позже отметила протестантская сторона, это была временная уступка. Однако она явно выходила за рамки всех прежних уступок в этой области, и в следующие десятилетия оказалась весьма ценной для французского протестантизма. Тем более, что король по истечении срока допустил переговоры о продлении этой уступки.

Настоящим новшеством религиозной политики Генриха IV был даже не этот эдикт, а его отношение к тому, что он издал: в первый раз за время религиозных войн французский король сдержал свое обещание заботиться в последующие годы о претворении эдикта. Снова и снова Генрих IV искал прямых объяснений с членами Парижского и других парламентов, которые упорно сопротивлялись ратификации эдикта. Чтобы доказать им неоправданность их сопротивления и устоять взглядов, он ссылаясь на собственное прошлое и из своего богатого жизненного опыта именно в религиозных вопросах сделал вывод, что нужно пользоваться лучшей политической концепцией, чем узколобые догматики обеих партий. «20 лет я руковожу партией Религии (т.е. гугенотов), это дает мне сведения обо всех. Я знаю, кто там хочет войны, кто — мира. Я знаю тех, кто ведет войну за

католическую веру из честолюбия или за испанскую партию, и я знаю таких, кто хочет только воровать. Среди протестантов были люди любого сорта, так же, как и среди католиков...» (16.02.1599 г., речь перед членами Парижского парламента). И если было необходимо, король указывал своим парламентариям путь ведущее, предлагал альтернативу долгой, бесплодной, разрушительной гражданской войне: «Мы не должны делать никакой разницы между католиками и гугенотами, мы все должны быть хорошими французами».

Во время таких споров он последовательно формировал свой образ как независимого от партийных ссор и частных интересов, стоящего выше сиюминутных конфликтов монарха, которому жизненный опыт позволял почти все знать лучше, чем его подданные. Это не было еще аргументацией Людовика XIV, который один знал больше, чем все его подданные только потому, что он был король. Но и у Генриха IV после 1598 г. отчетливо проявилась черта авторитарного высокомерия в отношении политиков всех мастей. Видные представители партий прошлых десятилетий, как католики, так и гугеноты, и среди них дю Плесси-Морней, постоянно вынуждены были покорно сносить высокомерие короля, которое при случае выражалось в шутке: «Я благодарю вас, — выговаривал король делегации Парижского парламента, резко возражавшей против возвращения иезуитов, — за заботу, которую вы проявляете к моей персоне и моему государству. Все ваши замечания хранятся в моей памяти, мои же в вашей — нет. Вы указали мне на трудности, которые кажутся вам большими и достойными внимания, и вы не подумали о том, что все, что вы мне сказали, я обдумал и взвесил восемь или девять лет назад; лучшие решения на будущее восходят к размышлениям о прошлых событиях, и здесь я обладаю большими познаниями, чем кто-либо другой». Это го-

бил уже абсолютный монарх 17 века, и Генрих IV только привел достаточно аргументов, но и пока-
, что он не шутит.

Вождя партии до абсолютного монарха

Генриха IV в новых исследованиях по праву называют основателем абсолютной монархии во Франции. Это не значит, что система и техника управления при нем выглядела так же, как при Людовике XIV. И это не значит также, что он во многом не обращался к предшественникам, таким как Людовик XI, Франциск I и Генрих III. Именно сравнение с ними показывало, в чем заключалась его самобытность. Он не изобрел новых средств и путей для усиления монархической власти, прошлое дало ему достаточно примеров инициатив, особенно правление Генриха III. Однако он их переработал и в форме интенсивного «личного правления» заботился, чтобы надзор и контроль осуществлялись королем.

Сутью этого личного правления была эффективная организация процесса подачи советов. Генрих IV в принципе не изменил королевского Совета. Однако отобрал у этого большого традиционного совещательного органа компетенции по всем вопросам «большой политики», как внутренней, так и внешней, и передал их небольшому кругу доверенных лиц. Это же не было изобретением короля, но по свидетельствам современников, он использовал этот инструмент нетрадиционно и эффективно, что это бросалось в глаза и казалось новшеством. Для назначений готов маленький орган, разделенный к тому же на комитеты, Генрих в основном использовал персонал двора, и это тоже было примечательной чертой политических действий этого здравомыслящего политика. Спорно, он нашел в них лучших и опытейших людей, владевших техникой власти: Шеверни, Белль-

канцлер Генриха IV, Вилльруа, один из четырех государственных секретарей и «лучший человек» кортесов, кроме Сюлли; наряду с ними Силлери, Жан-Батист де Ту, Арлей и другие, происходившие из судебного сословия. Генрих IV не особенно жаловал этих людей и любил иронизировать по поводу их канцлерских манер; однако он хорошо знал, что обойтись без них он не мог, и не давал поводов сомневаться, что их верность будет вознаграждена. К тому же они представляли лишь половину его политической мудрости в выборе персонала; вторую же половину представлял один-единственный человек — Максимилиен де Бетюн, герцог де Сюлли, который носил этот высокий титул только с 1607 г., но еще во время Варфоломеевской ночи как гугенотский воин-дворянин приехал к Генриху Наваррскому и с тех пор верно служил королю.

Карьера Сюлли была единственной в своем роде по сравнению со всеми остальными в 16 веке. Сюлли носил множество звучных и доходных титулов, среди них с 1598 г. звание «суперинтенданта финансов», которое он превратил в доминирующую функцию во всей королевской финансовой администрации; но за всю жизнь он не освоил роли первого министра, как это сделал Ришелье при Людовике XIII. Он был и остался преданным и близким соратником короля, и никогда не возникало опасности, что Сюлли поступит иначе, чем того хотел король. Поскольку мы можем предположить, что реорганизация финансовой администрации, а с ней и всей государственной администрации в направлении создания централизованной бюрократической системы, которая прошла при Сюлли, соответствовала желанию короля и была проявлением и результатом его личного правления.

С помощью финансового совета, подразделения королевского Совета, Сюлли удалось за несколько лет получить представление о финансовых ресурсах ко-

ролевства. Он сделал это совершенно независимо от местных и провинциальных чиновников, к замене которых незамедлительно приступил, в чем, однако, так же мало преуспел, как и все другие режимы 17 и 18 веков. Одновременно, где только мог, он потеснил провинциальные сословные собрания, поскольку они имели право участия в финансовой администрации провинций. Парижская и провинциальные счетные палаты, ответственные за контроль и спорные дела финансовой администрации, Сюлли тоже подверг сомнению; четыре раза он создавал так называемые судебные палаты, чрезвычайные трибуналы, где должности занимали верные чиновники, которые, по крайней мере, на ограниченный срок лишали счетные палаты существенных полномочий. Генрих IV и Сюлли посылали в провинции чиновников короны на определенный срок и тем самым отменяли полномочия соответствующих инстанций. Такие «комиссии» были предшественниками интендантов, и в отдельных провинциях, прежде всего в Лионе, где не было парламента и провинциальных штатов, мы видим во времена Генриха IV (и его предшественника) такого интенданта, хотя он тогда еще так не назывался. Ни Сюлли, ни его господин не испытывали большого почтения к правам остальных высших судебных палат и пытались их ограничить или нейтрализовать. О чем бы ни шла речь, складывается следующая картина: за открытым, дружелюбным, веселым лицом первого Бурбона скрывается другое, суровое лицо сознающего свою власть абсолютного монарха.

Восстановление страны

Именно в своей последней фазе религиозные войны нанесли стране тяжелый экономический ущерб. Из расчетных книг крупных землевладельцев и церковных десятинных актов мы знаем, как сильно в эти

годы снизилось производство зерна, сердцевины французской экономики. Повсюду увеличивались площади необработанных земель. Производство полотна и шелка сократилось наполовину. Мародерствующие войска, местные и иностранные, принесли голод и эпидемии — к концу века еще раз во Франции угрожающая распространилась чума. Шла не только религиозная война между большими партиями, но и малая война между крестьянскими общинами и странствующими солдатами и разбойничьими бандами. На Юге, в Лимузене и Перигоре, в 1594 и 1595 гг. произошли крупные крестьянские восстания. Крестьяне боролись против тройного налогового бремени, которое наложили на них землевладельцы, церковь и король.

То, как Генрих IV отреагировал на эту ситуацию, было типичным для времени его правления и его манеры поведения. С помощью своего изобретательного суперинтенданта Сюлли он между 1599 и 1602 г. поднял и без того высокие прямые налоги на землю, тогда как сильно, преимущественно «крестьянский налог», существенно сократил. Это принесло ощутимое облегчение, но обнаружилась обратная сторона медали — значительно возросли не прямые налоги, особенно налог на соль (габель). Конечно, многим французским крестьянам стало легче уже потому, что миновало время войны и внутренних беспорядков. Однако у крестьян появились новые враги: с одной стороны, оправившаяся церковь привела в порядок свое десятинное управление, с другой — старое и новое поместное дворянство, которое алчно зарилось на собственность задолжавших или разоренных крестьян. Именно в эти годы восстания в почти всех провинциях доля собственности самостоятельного крестьянства упала ниже 50%. Золотой век Франциска I фактически миновал.

Весьма важными были достижения Генриха IV в области развития ремесел и торговой политики. Он поощрял инициативы в этой сфере и проявил себя

первым «меркантилистом» Франции, которому многим были обязаны Ришелье и Кольбер. Промышленность по производству массовой и роскошной одежды сильно окрепла, производство шелка было поддержано стимулированием выращивания тутовых деревьев и разведения шелковичных червей. Консультируемый компетентными хозяйственниками (Оливье де Серр, Бартеlemi де Лаффема и др.), король нацелился на политику активного торгового баланса и поощрял французских купцов к продвижению в североамериканские колонии.

Хотя бы коротко, следует сказать о Генрихе IV — покровителе искусств. Генрих IV вошел в историю французского королевства как один из великих зодчих. В Лувре, по его личной инициативе, была построена «большая галерея», в Фонтенбло — «овальный двор». В обоих случаях король был скорее продолжателем. Однако в Париже он действовал совершенно самостоятельно, там он был градостроителем: Королевская площадь в Маре, известная с первых дней Революции как площадь Вогеz, является его творением, как и площадь Дофине на западной оконечности острова Сите.

Общество Генриха IV

Генрих IV за время своего правления сознательно не изменял общественных структур Франции, тем не менее под влиянием его политики они начали существенно преобразовываться. Король, имевший очень четкие представления о задачах монарха и сущности политических действий, не оставил исчерпывающих теоретических трудов, даже «политического завещания», но множество «государственных максим» разбросано в его письмах и речах. Из них следует, что он представлял общественное распределение ролей в своем государстве в соответствии с обычаем, причем

высказывания о воинском долге дворянства и про-
тивном труде крестьян, ремесленников и всех, кто
занимался промыслами, а также о духовенстве очень
энергичны. Генрих IV был практиком, он был
далек от теоретических спекуляций и от интенсивного
чтения современной политико-теоретической литера-
туры. Он был человеком беседы, непосредственного
контакта, стремился сопоставлять интересные точки
зрения, внимательно выслушивать собеседника и ос-
мысливать сказанное.

Нет никаких признаков того, что он ставил под
вопрос традиционную роль и функции дворянства. Он
не желал решающего влияния герцогов и пэров на
государственные дела, которые были исключительной
прерогативой короля и его приближенных. В общем,
он видел в дворянстве, принадлежности к которому
чувствовал всю жизнь, ведущую, неотъемлемую, с во-
инной точки зрения, силу своего государства. Посколь-
ку это дворянство нужно было защищать от себя са-
мого, Генрих IV принимал соответствующие меры,
например, издал эдикт, запрещающий дуэли, и без
большого успеха настаивал на его исполнении. В этом
смысле Ришелье был его учеником.

Правда, между королем и дворянством были рас-
хождения, причины которых крылись в уже давно
ощутимом кризисе французского (да и всего европей-
ского) дворянства на исходе 16 и в первой половине
17 века. Король был глубоко убежден в обществен-
ном значении дворянства, но он не хотел его видеть
на важных постах в Совете, а в городах и провинциях
Франции приставлял к дворянским губернаторам кон-
тролирующих и надзирающих лиц. Это вызывало не-
довольство дворян и поддерживало их готовность к
бунтам, от которых не было избавлено правление Ген-
риха IV.

И еще одно тяжело ударило по старинному дво-
рянству: продажа и наследование должностей. Ген-

рих IV и Сюлли поощряли и то и другое. Между 1602 и 1604 гг. они активизировали интенсивно практикуемый со времен Франциска I метод и по фискальным причинам в 1604 г. (эдикт Пуле) благодаря ежегодному сложению полномочий чиновников (годовое право) сделали возможной наследственную передачу, то есть продажу должностей. К тому же они сдавали в аренду всю систему одному финансисту (Пуле).

Старинное дворянство критиковало продажу должностей. Оно видело опасность в том, что многие «новые люди» из низов постепенно продвигнутся в дворянство, и будут размыты древние сословные границы. Даже видные члены королевского Совета во главе с Белльером вели борьбу с системой и поддерживали традиционные государственно-правовые ценности французской монархии. Каждая должность, говорили они, исходит от короля как верховного законодателя страны, она может предоставляться на основе чести и квалификации, а не за деньги путем торговли.

Сопrotивление обеих групп не имело успеха. Решение Генриха и Сюлли значительно способствовало распространению торговли должностями в абсолютистской Франции и, в сущности, внедрило наследование должностей. Это был неизбежный и необратимый процесс в монархии, которая уже давно решила идти путем бюрократизации, то есть увеличивать число чиновников не представителями высших сословий, работающими на общественных началах, а путем привлечения совершенно нового персонала. А как иначе это государство должно было оплачивать своих чиновников, то есть кормить их, если не широкой приватизацией их доходов?

Торговля и продажа должностей в следующие десятилетия дали значительную прибыль короне, и она была вынуждена по фискальным причинам создавать новые должности и продавать их. Из набранных таким способом чиновников (служащих) выросла проч-

ная социальная опора монархии; правда, эти служащие из-за того, что должность являлась их собственностью, обладали большой степенью самостоятельности, однако были принципиально настроены на лояльное отношение к короне, как к гаранту их должности (и ее материальной ценности).

Так французское ренессансное общество при Генрихе IV постепенно меняло свое лицо. Дворянство, прежде всего высшая аристократия, доминирующая сила в век религиозных войн, окончательно уступило по значению государственной администрации. «Новые люди» начали овладевать положением и занимать ключевые позиции в центре, регионах, городах и общинах. Эти люди по своему происхождению были буржуа. Вырисовывались контуры нового сословия, судейского дворянства, которое надолго стало социальным базисом монархии Бурбонов.

Женщины Генриха IV

Едва ли в жизни другого короля женщины играли такую роль, как в жизни Генриха IV, и тем не менее он кажется более одиноким, чем многие его предшественники и преемники. В краткой биографии можно лишь затронуть эту тему, но не удовлетворить любопытство всех тех, кого интересует большее, чем амурные сплетни. Не так-то просто сквозь дебри полуправд и преувеличений добраться до биографической и политико-биографической сути.

Относительно ясно положение вещей с первой женой, королевой Маргаритой Валуа (королева Марго). Этот союз был делом рук Екатерины Медичи. Генрих, как, впрочем, и его мать, похоже, не оказали серьезного сопротивления этому плану. Правда, брак стал фиктивным, хотя формально продолжался до 1599 г. Уже во времена «плена» Наварры в Лувре стало ясно, что соединились два характера с ярко

выраженным стремлением к независимости и самостоятельности, особенно у утонченной, интересовавшейся изящными искусствами Марго. К тому же быстро обнаружилось, что брак будет бесплодным. Причиной этого, как бесспорно подтвердилось, были не Генрих, а принцесса Валуа. То, что в браке лишь изредка возникали ссоры, например, из-за связи Генриха с фрейлиной Екатерины, объяснялось «либеральным» настроем обоих супругов, долгими разлуками на месяцы и годы, короткими фазами весьма сносной совместной жизни и тем, что Маргарита Валуа в тяжелые времена вполне лояльно относилась к своему мужу. Нельзя также не учитывать, что принцесса Валуа была для Наварры связующим звеном со двором, центром власти.

Первой достойной упоминания любовницей Наварры была Диана д'Андуен (Коризанда), которая принесла большую пользу современным биографам, прежде всего как партнер по переписке с метавшимся по всей стране Генрихом, особенно между 1582 и 1584 гг. периодом бурной связи между протестантским партийным вождем и овдовевшей католической графиней. Генрих легко с ней расстался, поскольку обстоятельства слишком часто заставляли его отлучаться, что способствовало неверности с обеих сторон. Кроме того, король всегда был готов поддаться страсти, но так же легко охладевал, так что возникает вопрос, мог ли этот король вообще по-настоящему любить.

Совсем иначе сложились отношения с Габриэль д'Эстре, «прекрасной Габриэль», с которой между 1592 и 1599 гг. Генриха IV соединяла самая продолжительная и интенсивная связь в его жизни. Эта женщина освоила роль настоящей фаворитки и годами занимала положение почти королевы. Именно поэтому она навлекла на себя ненависть королевы Маргариты. Маргарита пустила в ход злостные сплетни и интриги. В 1595 г. Габриэль получила от короля титул мар-

кнзы и с тех пор обрела официальное положение. Она родила Генриху троих детей, которые позже были узаконены, и не в последнюю очередь по этой причине король так долго был к ней привязан, так как его чадолюбие и связанное с ним уважение к женщине, родившей ему детей, неоднократно подтверждалось. Не старший сын Цезарь Вандомский стал основателем побочной линии Бурбонов. Габриэль — судьба каждой королевской фаворитки — вызывала ожесточенные споры при дворе. Она увеличивала число своих врагов упорным стремлением стать законной королевой. Не исключено, что Генрих IV, влюбленный в эту женщину, как ни в одну другую, уступил бы ее настояниям, если бы она в 1599 г. не умерла от внезапной болезни, о причинах которой долго высказывали различные предположения. В решающие годы усмирения Франции она интенсивно помогала Генриху IV, выполняя трудную посредническую миссию. Мы видим ее особенно деятельной при подготовке Нантского эдикта. Поэтому не случайно, что она, не принадлежа к «религии», имела лучших друзей среди протестантов и среди них поэта-воина Агриппу д'Обинье.

Внезапная смерть Габриэль сняла груз с официальной Франции не только потому, что все знали, что король находится в очень тяжелой личной ситуации; гораздо более важным было то, что наконец стал возможным новый брак Генриха IV, который должен был помочь освобождению Франции от долгов. К важнейшим кредиторам страны все еще принадлежала Флоренция. Флорентийская заинтересованность в браке с французским королем существовала уже давно, имела и подходящая принцесса — Мария Медичи, к тому же Маргарита согласилась на развод. После длительных переговоров папа разрешил его, использовав предлог, не применявшийся со времени решения Тридентского собора, но активизированный по этому слу-

чаю, и брак между Беарнцем и Валуа с самого начала был признан недействительным: крестным отцом Генриха в 1553 г. был ни больше, ни меньше, как прививший тогда король Генрих II, отец Марго. В соответствии с этим Генриха и его жену связывало «духовное родство», которое считалось препятствием для брака. Так освободился путь для Марии Медичи, внучки Козимо I и племянницы правящего великого герцога Фердинанда I. Она стала новой королевой Франции и принесла в приданое 600 000 экю. Франции удалось освободиться от долгов и улучшить состояние бюджета.

Благодаря этому браку Франция могла активно влиять на внутривосточную ситуацию в Северной Италии. Генрих IV понимал огромную внешнеполитическую и финансовую выгоду этого союза и относился к супруге корректно и внимательно. Мария стала не только королевой Франции, но и матерью его законных детей. Уже в 1601 г. появился на свет первый сын Людовик, наследник трона. Правда, благодаря семейным отношениям Генриха не связывали. Его интерес к противоположному полу в последние годы еще больше возрос и принял прямо-таки доджанские размеры, что в отнюдь не чопорном королевстве вызвало беспокойство и позволило флорентийскому посланнику назвать французский двор «борделем». В лице Генриетты д'Антраг, которую Генрих IV вскоре сделал маркизой де Верней, появилась новая фаворитка. Ее связь с королем была ловко подстроена ее семьей, относившейся к числу «любимчиков» Генриха III. В каком-то смысле история с д'Антраг биографически была более знаменательной, чем все предыдущие. Сама Генриетта и весь ее семейный клан рассматривали связь с королем как инструмент возвышения семьи. Еще до заключения брака Генриха с Марией они сумели заполучить весьма ценный для этой цели документ: письменное обещание коро-

жениться, которое он, правда, совершенно не воспринимал всерьез, но — кстати, не в первый раз — поклялся «перед Богом» и без колебаний лично подписал. С этим важным документом в руках семья в следующие годы делала политику. Маркиза и ее муж стали неотъемлемой частью того мира, который постоянно омрачал правление Генриха IV между 1602 и 1606 гг.: мира предательства, восстаний и бунтов.

Восстания и бунты

Не только при Людовике XIII французскую монархию сотрясали народные восстания и дворянские заговоры, время правления Генриха IV было тоже беспокойным. Французское дворянство с одной стороны, и тяжко обремененное сельское население, с другой, были сыты по горло постоянно менявшимися условиями жизни. Правда, многочисленные восстания 1590—1595 гг. в Нормандии, во многих южных районах, в Бургундии, Лимузене не могут вменяться в вину Генриху IV. В это время он фактически не был королем и только после успешного умирения страны смог освободить ее от бродячих банд солдат и голода. Кроме нескольких городских восстаний из-за налогов на Юге (Лимож, Пуатье) в начале нового века королевство Генриха IV было избавлено от народных восстаний. Тем больше роптало дворянство, особенно те «вельможи», которые долго служили при Валуа и даже при Генрихе Наваррском, но оказались ненужными в новой системе управления. Так обстояло дело с герцогом де Бироном. Удостоенный Генрихом высоких придворных должностей (адмирал, маршал) и титулов за заслуги во многих сражениях 1589—1594 гг., перешитый по характеру, неустойчивый в вере, увлекавшийся оккультизмом боевой соратник был соблазнен новыми идеями, которые он в конце концов попытался осуществить в заговоре с герцогом Савой-

ским. Неизвестно, что в действительности было ему обещано герцогом. Все же идея свержения Генриха IV и разделение Франции на автономные провинции, по-видимому, принадлежала Бирону. Возможно, с нею были знакомы и другие знатные французские аристократы (граф Овернский, герцог Буйонский). Генрих IV, хорошо осведомленный о деталях благодаря предательству, избавился от этой опасности в результате войны против Савойи (1601—1602). Бирон был арестован и передан на суд Парижскому парламенту; 31.07.1602 г. он был обезглавлен. Первый и единственный раз в своей жизни король был не готов к помилованию, хотя вся высшая аристократия вступилась за высокопоставленного и очень «популярного» маршала Франции. Представляется возможным, что прежде всего здесь сыграло роль личное разочарование короля: в определенной степени Бирон был для Генриха IV тем же, кем был Эссекс для Елизаветы I.

Оба других заговора не достигли масштабов измены Бирона, по крайней мере, по мнению короля. В 1604 г. семья Антрагов с брачным обещанием короля в руках попыталась подстрекнуть против Генриха высшую аристократию; цель этого была очевидной: после устранения короля сделать наследником сына Генриха и Генриетты. Королевская тайная полиция снова хорошо поработала, и король отреагировал быстро и решительно. Опять посыпались смертные приговоры. Однако на этот раз дело кончилось помилованиями и освобождением графа д'Антрага и его дочери, которая даже вернулась в постель короля; герцог Овернский, внебрачный сын Карла IX и, с материнской стороны, сводный брат Генриетты, был приговорен к пожизненному заключению в Бастилии. В обществе ядовито посмеивались по поводу силы влияния маркизы. В ближайшем окружении короля были недовольные, даже Виллеруа, его преданный вассал, роптал:

«Вот как Его Величество не может отучиться делать добро тем, кто ему приносит зло...»

Наконец, гораздо лучше Генрих IV покончил с делом герцога Буйонского. С 1602 г. этот многолетний боевой соратник Генриха Наваррского (он происходил из дома де Ла Тур д'Овернь, был прежде виконтом де Тюренном и с 1611 г. отцом «великого» Тюренна) трудился над заговором гугенотов и немецких протестантов, действуя, очевидно, из ностальгии по прежней свободе эпохи религиозной войны. Базой были его владения на Юге Франции, где в 1606 г. Генрих угрожал ему внушительной военной силой. Бегство в принадлежавшее ему с 1591 г. суверенное княжество Седан придавало его поступку внешнеполитическое значение. Генрих IV, довольный тем, что Буйон не смог мобилизовать французских гугенотов, что он справедливо считал успехом своей «позитивной протестантской политики», преследовал герцога с большим войском до Седана. Суверенитет княжества остался неприкосновенным, однако Буйон и без того уже потерявший иллюзии, раскаявшись, вернулся в подчинение своего сюзерена. Но король, только в случае с семьей Антрагов отдавший предпочтение разумным соображениям в ущерб политическим, еще раз доказал заинтересованной стороне и за границе, что Франция теперь управляется монархом, который среди добродетелей правителя выбрал строгость и милосердие и при этом смог утвердить положение господина в отношении своих «слуг», не пролив слишком много крови.

Внешняя политика и «великие планы»

Зарубежный авторитет пришелся Генриху IV кста-ти, так как за мирные годы правления у него появилось и внешнеполитическое честолюбие. Что касается Савойи, то здесь слово «внешняя политика» едва

ли подходит. Непрерывные попытки герцога Савойского преумножить свой успех в борьбе за власть между Испанией и Францией не намного отличалась от того, что пытались сделать Бирон и другие внутри Франции. И не случайно Бирон нашел в Карле-Эммануэле, герцоге Савойском, неизменно внимательного слушателя и покровителя. Война против Карла-Эммануэля, которую после интенсивной дипломатической подготовки вел в 1601 г. Генрих IV, была продиктована в первую очередь стратегическими соображениями: Испанию нужно было любыми средствами лишить возможности послать свои войска в Нидерланды через Альпийские перевалы. То, что Генриху IV при этом удалось окончательно отобрать у герцога большую территорию северо-западнее Женевы (Бресс, Бюжей, Вальромей и Жекс), между Роной и Соной, было ценным приобретением, которое король подобающим образом отпраздновал во Франции.

В 1603 г. представилась перспективная возможность для действий. В герцогстве Юлих-Клевском на востоке Священной Римской империи оставался открытым вопрос о порядке наследования, и австрийские Габсбурги, поддерживаемые Испанией, а также немецкие протестантские принцы (Бранденбург, Пфальц-Нейбург) наряду с другими европейскими принцами заявили свои претензии на наследование. Генрих IV, испытывавший, как и его предшественники, принципиальную враждебность к общегабсбургским экспансионистским планам на границах Франции, после долгих колебаний решил поддержать протестантские интересы. При этом, вероятно, он не имел в виду никакого «великого плана» в смысле широкого установления мирного порядка в Европе (как позже утверждал в своих мемуарах его министр Сюлли). Для него речь шла об ограничениях Габсбургов, по крайней мере, о поддержании status quo

между Габсбургами и Францией. Легко догадаться, что он видел угрозу этой цели в утверждении Габсбурга на восточной границе королевства. К тому же активно поддерживаемые Францией до перемирия 1609 г. Северные Нидерланды при любых обстоятельствах хотели избежать усиления Габсбурга на своем юго-восточном фланге. То, что Генрих IV, ведущие советники которого (прежде всего Вилльруа) уже давно настаивали на активных действиях, решился на войну только после возникновения чисто личных обстоятельств, ставилось в упрек королю многими его советниками (и биографами): страстно любимая Шарлотта де Монморанси, по настоянию мужа, принца из рода Конде, в 1609 г. убежала именно в Брюссель и дала королю повод для военных действий против имевшего резиденцию в Брюсселе с 1601 г. формально суверенного, но фактически зависевшего от Испании австрийского эрцгерцога Альбрехта и его жены-испанки Изабеллы.

Генрих IV был раздражен поведением Конде и его жены, к тому же бегство делало посмешищем не только любовника, но и короля; Конде был принцем крови и не мог покинуть Францию без дозволения короля! Это событие способствовало тому, что у явно постаревшего Генриха исчезли последние сомнения, целесообразно ли пренебречь восстановлением и миром во Франции ради военной авантюры, войны, цели которой были понятны далеко не каждому французу.

В военном отношении Генрих IV был подготовлен наилучшим образом. Спланированная и контролируемая неутомимым Сюлли, в военном деле Франции произошла перемена, которую обычно приписывают только эпохе Людовика XIV: страна располагала теперь маленькой, но прекрасно вооруженной армией, у которой были существенные признаки регулярного войска. Король до последних дней жизни чувствовал,

что эта война из-за внешнеполитических заблуждений — христианнейший король заступает за немецких еретиков! — была весьма непопулярной. Ведь Генрих IV никоим образом не находился в ситуации Франциска I или Генриха II, которые могли бы быть в сговоре с самим дьяволом, не опасаясь внутривнутриполитических конфликтов. Нервы католической Франции были обнажены после религиозных войн и гражданской войны времен Лиги, и она была не готова давать какие-либо поблажки монарху только потому, что он в течение долгих лет демонстративно старался казаться католическим королем. Письма Генриха IV (и его ближайших доверенных лиц) последних месяцев его правления отражают неуверенность и нервозность. И это продолжалось, когда было принято решение о борьбе за Юлих и Клеве, и Мария Медичи торжественно коронована регентшей на время отсутствия Генриха, решившего лично руководить своей армией (13.05.1610). Может быть, это было счастьем для короля и его посмертной славы, что дело не дошло до выполнения его планов?

Конец Генриха IV

14.05.1610 г. на пути из Лувра в Арсенал к заболевшему Сюлли на улице де Ла Ферронри Генрих IV был смертельно ранен Равальяком, нанесшим ему два удара кинжалом. История этой смерти, спекуляции о мотивах убийцы и возможных сообщниках снова и снова изучались с криминалистической дотошностью, однако прояснилось не больше, чем о многочисленных других покушениях на Генриха: Равальяк был одиночкой и действовал по религиозным мотивам. Он заколол короля, потому что тот ему казался врагом Бога и Христа, потому что собирался идти в поход против ведущих держав европейского католицизма и против папы. Правда, Ролан Мунье в своей превос-

ходной работе об убийстве Генриха IV показал, что многие французы в качестве духовных сообщников направляли кинжал Равальяка. Они были не в состоянии принять поддержку протестантской Европы против Габсбургов. Только после неурядиц регентства Марии Медичи и после успехов политики великого кардинала в этом отношении наступил консенсус, создавший как бы внутривластительский фундамент, на котором Ришелье, Мазарини и Людовик XIV воздвигли гегемонию Франции в Европе.

Только при ретроспективном взгляде на правление Генриха IV можно увидеть то, чего не замечали в 1610 г. Мария Медичи со своими итальянскими фаворитами неудачной политикой сделала все, чтобы вскоре ярким светом засияли труды доброго короля Анри. Ришелье для поддержки своего трудного политического расчета не раз ссылался на первого Бурбона, и Людовик XIV во многих отношениях следовал традиции предка, не в последнюю очередь при отмене в 1685 г. Нантского эдикта, которую он подчеркнуто обосновывал, ссылаясь на своего «уважаемого деда». Был ли это цинизм, как считали просветители 18 века, а после них многие протестантские историки, или последовательное осуществление политики, которая если и не была заложена в Нантском эдикте, но и не исключалась. Вопрос направлен не столько к Людовику XIV, сколько к самому Генриху IV. После 1598 г. он, разумеется, не собирался подвергать своих бывших единоверцев какому-нибудь повторному материальному или психологическому преследованию. Однако он не давал поводов для сомнений в серьезности своей приверженности к католицизму: он вернул во Францию своих смертельных врагов иезуитов; он ратовал за возвращение ведущих гугенотов к старой вере и поощрял переход гугенотских пасторов, создав пенсионные кассы для материального облегчения такого шага. После завоевания королевства Беарнец, быв-

Французские короли и императоры

ший гугенотский военачальник, являлся только французским королем; он служил государственному институту и идее, от которых был еще далек в 1589 г., но которые теперь завладели им, как ни одним из его предшественников. Его заслугой было то, что он указал этому институту (и идее) новый, прогрессивный путь на последующие 200 лет.

Альберт Кремер

Людоеик XIII 1610—1643

Родился 27 сентября 1601 г. в Фонтенбло; король Франции и Наварры 14/15 мая 1610 г.; коронация 17 октября 1610 г. в Реймсе; совершеннолетие 2 октября 1614 г.; умер 14 мая 1643 г. в Сен-Жермен-о-Лэ, похоронен в Сен-Дени.

Отец: Генрих IV (1553—1610), король Франции и Наварры. Мать: его вторая супруга Мария де Медичи (1573—1642), дочь Франца I, Великого герцога Госканского. Братья и сестры: Елизавета Французская (1602—1644), вышла замуж за короля Испанского Филиппа IV; Кристина Французская (1606—1663), супруга герцога Виктора Амадея Савойского; Никола Французский (1607—1611), герцог Орлеанский; Гастон Жан-Батист Французский (1606—1660), герцог Анжуйский и после смерти Никола — герцог Орлеанский; Генриетта-Мария Французская (1609—1669), супруга короля Карла I Английского. Сводные братья и сестры от четырех любовниц Генриха IV. Вандомская группа, мать Габриэль д'Эстре: Сезар де Бурбон (1594—1665), герцог Вандомский; Катарина-Генриетта де Бурбон (1596—1663), герцогиня Эльбефская; Александр де Бурбон (1598—1629), кавалер Вандомского ордена. Вернельская группа, мать Генриетта д'Антраг: Гастон-Анри де Бурбон (1601—1682), герцог Вернельский; Габриэль-Анжелика Бур-

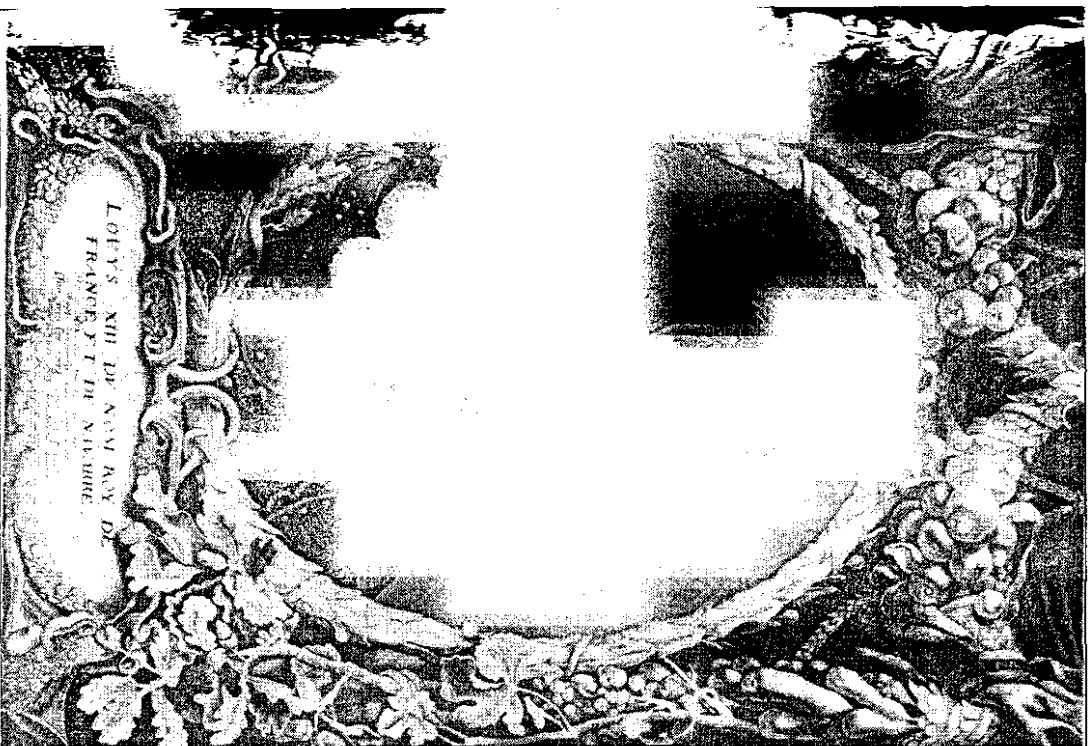
тская (1602—1627), герцогиня Эпернон. Море, мать Саклин де Буоль: Антуан де Бурбон (1607—1632), маф де Море. Роморант, мать Шарлотта Эссарсия: Жанна Батист де Бурбон (1608—1670) и Мария-Анриетта (1609—1629), которая не была узницей.

Брак 25 ноября 1615 г. в Бордо с Анной Австрийской (1601—1666), инфантой Испанской, дочерью короля Филиппа III Испанского и эрцгерцогини Маргариты Австрийской. Дети: Луи Французский, дофин, позднее король Французский Людовик XIV, родился 9 сентября 1638 г. в Сен-Жермен-о-Лэ, умер 1 сентября 1715 г. в Версале; Филипп Французский, родился 1 сентября 1640 г., герцог Анжуйский, с 1660 г. нормандский, умер 9 июня 1701 г. в Сен-Клу.

После убийства Генриха IV трон наследовал его сын Людовик XIII. Огромная роль во время правления приписывается первому министру кардиналу Ришелье. Вдова Людовика, как и Людовик XIV, стремились вытеснить из памяти людей воспоминание об умершем короле. Историки 19 и 20 веков до недавнего времени считали Ришелье творцом современной Франции. Французская революция и Третья Республика создали современное централизованное государство, великую Францию. И все же в более новых исследованиях на передний план все четче выходит Людовик XIII.

После смерти Генриха IV 14.05.1610 г. Мария Медичи стала регентшей при несовершеннолетнем королю. Она получила ненадежную, расколотую страну. Перед регентшей стояли три главные проблемы: религиозная напряженность, внешняя угроза, беспокойство дворян. Гугеноты, боявшиеся, что воспитанный католиками новый король ограничит их свободы, начали обдумывать расширение своей военной власти. Католицизм, который после 1610 г. переживал силь-

Людосук XIII (1610—1643)

ный подъем, начал раскалываться на политические группировки, предъявлявшие права на влияние в внешней и внутренней политике.

Внешнюю политику Генрих IV проводил в противовес Габсбургам. Тем не менее регентша искала соглашения. Вершиной этой политики был франко-испанский союз 1612 г. В договоре одобрялось двойное испанско-французское бракосочетание. Елизавета Французская была выдана замуж за Филиппа IV, ставшего позже королем Испании, а Людовик XIII должен был заключить брачный союз с инфантой доньей Анной Австрийской. Брак был осуществлен из политических соображений в 1615 г., в Бордо, хотя жених и невеста достигли лишь четырнадцатилетнего возраста.

Как следствие, этот союз привел к десятилетиям внешнеполитической *Abstinenz*, прекращению притязаний в Рейнланде и Италии, отчуждению протестантских союзников в Швейцарии, Рейнланде и в Нидерландах, и тем самым беспрепятственному росту императорской власти.

Внутри Франции многие сильные мира сего после смерти Генриха IV увидели шанс снова оказывать политическое влияние, а также присвоить часть государственных богатств. Особенно два родственника короля — двоюродный брат Анри де Конде и сводный брат Сезар де Вандом — вместе с другими герцогами Франции развернули активную деятельность. Их целью было вступление в государственный совет в качестве естественных советчиков регентши, воспрепятствование испанским бракосочетаниям, созыв Генеральных штатов.

Хотя Мария Медичи согласилась с далеко идущими требованиями, мятежи не прекратились, и регентша к великой радости юного Людовика добилась военного успеха в легкой кампании, где участвовал король. 2.10.1614 г. Людовик XIII на заседании Парижского парламента был признан совершеннолетним (Мария Медичи осталась регентшей), а 27.10 начали

заседать Генеральные штаты. Но важные вопросы не были решены. Опять аристократы взялись за оружие. Конде надолго стал председателем Государственного совета, пока регентша не приказала заключить его в тюрьму.

На передний план со временем вышла другая проблема. Мария Медичи взялась за состав правительства. Был освобожден Сюлли в 1616 г. Советники регентши очень скоро одержали верх — придворная дама королевы-матери Леонора Галигаи и особенно ее супруг Кончино Кончини. Оба прибыли во Францию с Марией Медичи. После смерти Генриха IV Леонора Галигаи стала поверенной и влиятельной советницей регентши, а Кончини, являясь государственным советником, — инспектором важных укреплений в Пикардии, инспектором Нормандии, маркизом д'Анкром и, наконец, маршалом Франции, что приравнивало его к главе правительства.

Кончини был враждебно настроен по отношению к старым министрам. После ареста Конде он назначил трех новых энергичных министров, среди них — Люсонского епископа Ришелье. Усилия Кончини упрочить центральную власть и сломить власть принцев не увенчались успехом из-за крайней непопулярности его самого и его супруги. Обоих считали интриганам, окруженными итальянской камарильей, накопившими огромные богатства и оскорблявшими чувства французов своей амбициозностью. Не была ли война против принцев попыткой отменить конституцию, которая признавала за ними активное участие в руководстве государственными делами во время регентства? Маршал д'Анкр, как его повсеместно называли, проявлял полнейшее безразличие и бесперемонность по отношению к молодому королю. Он часто отстранял его от управления страной.

Людовик XIII решил при поддержке своих друзей, Шарля д'Альбера и Деажанга, осуществить отставку

Кончини. 24.04.1617 г. застрелился глава королевской гвардии Витри, итальянец. Витри был возвышен до маршала и герцога. Леонору Галигаи казнили после процесса. Регентша Мария де Медичи сначала находилась под домашним арестом в своих апартаментах, а потом, по приказу Ришелье, сослана в Блуа.

Друг короля Шарль д'Альбер после убийства Кончини получил право быть маркизом Анкра, возглавил правительство Нормандии и стал первым дворянином королевской палаты. Позже он стал констеблем Франции и герцогом Лунне, женился на дочери герцога Монбазона, Марии де Роан (впоследствии герцогиня де Шеврез). Благодаря личной близости к королю он добился положения фаворита и ведущего министра.

Людовик XIII и Лунне вернули старых министров: Брюлара — канцлера, дю Вера — хранителя печати, Вилльруа — государственного секретаря иностранных дел, и Жанена — главного финансового интенданта.

Программа реформ была разработана собранием нотаблей, но в это время вспыхнул мятеж высших дворян под предводительством герцога Эпернона, поддерживаемого Марией Медичи.

7.08.1620 г. Людовику удалось заставить восставших сложить оружие. Решив эту проблему, он занялся Беарном, родиной Генриха IV. После обновления католического культа и разделения Беарна и Наварры на французские *Krondomane*, гугеноты, посоветовавшись в Лодуне и Ла-Рошели, взяли за оружие под предводительством герцога Роана. Во время военного похода Людовик попытался сломить это сопротивление на юго-западе Франции. Многочисленные города подверглись осаде, но под Монтобаном он потерпел неудачу.

Стоит заметить, что молодой король сразу хватался за оружие, когда ему казалось, что его авторитету наносится ущерб. Решение проблем он видел скорее в абсолютной дисциплине подчиненных, чем в лавиро-

вании между различными интересами. Ему и в голову не приходило разъединить гугенотов или препятствовать им в религиозных отправлениях. Он многократно стремился воздать обеим конфессиям по справедливости, и это было в его понимании осуществлением принципов Нантского эдикта. Он являлся представителем нового поколения, которое не переживало бедствий гражданской войны второй половины XVI века. С другой стороны, он занимал бескомпромиссные позиции под влиянием усиливающегося католицизма.

Фаворит Лунне умер 15.12.1621 г. То, что Людовик в следующем году предпринял долгий военный поход, показывает, что речь идет не о министерской, а о собственной политике короля. Однако после некоторых успехов он вынужден был заключать мир с герцогом Роанским под Монпелье, который он не смог взять.

Нантский эдикт был подтвержден, религиозные отправления для обеих конфессий были разрешены везде. Гугеноты потеряли около 80 укрепленных мест, только Ла-Рошель и Монтобан сохранили все свои защитные сооружения.

В 1624 г. Людовик XIII призвал в Государственный совет Армана-Жана дю Плесси, кардинала Ришелье. И хотя он до сих пор состоял на службе у здравствующей королевы-матери, он несколько не сомневался, что в будущем станет министром короля и государства. Впрочем, в ближайшие годы он еще не имел права носить титул первого министра, но занял должность влиятельного королевского советника. Хотя в дальнейшем ему удалось заполнить Государственный совет преданными людьми и его позиции становились все более прочными, кажется несправедливым видеть в Людовике лишь слабого короля при сверхвластном министре.

Оба руководствовались скорее личным мнением, оценками, политическими целями, оба были твердыми, нечувствительными поборниками закона и поряд-

ка. У них были высшие понятия об авторитете государства и короля, они не ведали сомнений и угрызений совести при выборе средств для осуществления того, что они считали правильным и необходимым. Режим Людовика XIII и Ришелье был репрессивным и кровавым. Каждое восстание жестоко подавлялось. Внутренняя война связывалась с внешней.

Ришелье без колебаний и авторитетно участвовал в формулировании политики, но он еще умел связать короля ответственностью при поиске решения. Он конкретно формулировал в проектах закона вопросы альтернативы, по которым Людовик должен был занять позицию, и он занимал ее. Это не исключало, что кардинал инсинуировал (домысливал) направления. В каждом случае он исполнял королевские «мысли», даже когда они выражались просто как рекомендации.

То, как сильно Людовик XIII заботился о королевском авторитете и старался отгородиться от личностно-интимных влияний, стало ясным в его отношении к супруге и фаворитам. Анна Австрийская с самого начала и до его смерти была для него непримиримым врагом, «испанкой», перед которой он робел, позволял устраивать у нее домашний обыск и фактически держал ее под арестом. С фаворитами Людовик был не менее суров.

Когда Франсуа де Баррада, первый дворянин королевской Палаты, управляющий резиденцией Сен-Жермен-о-Лэ и генерал-лейтенант Шампани, несмотря на свой юный возраст, выступил против политики короля, не посчитавшись с запретом дуэлей, он был просто лишен королевской милости. Возможно, Ришелье и не принимал большого участия в свержении Баррада, но, несомненно, в его интересах было видеть Людовика связанным с неиспорченными молодыми придворными. Преемник Баррада, Клод де Руа, г-н Сен-Симон, фаворит 1626—1636 гг., первый дворянин Королевской палаты, почетный государственный

ный советник, правитель Блуа, герцог и пэр Франции, тоже пал жертвой чрезмерного чувства долга Людовика. После того как дядя Сен-Симона сдал один город испанским захватчикам без большого сопротивления, фаворит защищал эту акцию перед королем и посоветовал дяде бежать. Не колеблясь Людовик со-судил многолетнего друга.

Фактически Ришелье редко угрожал фаворитам короля. Его стремлением было включить в Государственный совет верных царедворцев.

Незадолго до вхождения Ришелье в Государственный совет в 1642 г. канцлер Брюлар и сын, государственный секретарь иностранных дел, Пуизье, стали жертвами немилости, осенью того же года был схвачен главный интендант финансов — ле Вьевиль. Хранителем печати, а затем канцлером Людовик XIII назначил д'Алигра, без уточнения сферы действия назвал Шомберга маршалом, финансистами — Богарта де Шампиньи и Мишеля де Марильяка. Ришелье получил титул первого министра только в 1629 г., несмотря на его фактическое положение.

Государственный совет, сформированный Людовиком XIII по собственному усмотрению, но с учетом мнения Марии Медичи, не имел столь большого состава. Внутренние противоречия и непримиримые конфликты продолжались до конечного разрешения в 1630 г.

«Партия преданных» с ее лидером Мишелем де Марильяком, которой оказывала поддержку королева-мать, ориентировала политику на потребности конфессий, видела естественных союзников в лице испанских и австрийских Габсбургов, в то время как Ришелье и Людовик XIII ставили на первое место интересы Франции, заключив союзы с протестантскими правителями и вступив в войну против Габсбургов.

Во время кризиса 1626 г. Ришелье удалось убрать канцлера д'Алигра из Государственного совета, одна-

ко печать перешла к Марильяку. Преемником верховного интенданта финансов стал маркиз Эффе, а Богарт был передвинут в парламент.

Конфликт между «Преданными» и Ришелье разрешился в пользу кардинала 11.11.1630 г. в «День обманутых». Мария Медичи в сентябре потребовала у смертельно больного короля отставки Ришелье, она лишила последнего на заседании Государственного совета, где брат хранителя печати Луи Марильяк был назначен Верховным главнокомандующим в Италии, должности верховного интенданта своего дома и уволила всех родственников Ришелье со своей службы. После столкновения с королевой-матерью, в котором Мария Медичи поставила короля перед выбором — «я или Ришелье», — Людовик удалился в Версаль. В то время как «Преданные» уже праздновали свержение Ришелье и возвышение Марильяка до первого министра, Людовик XIII решил уничтожить врагов Ришелье. Хранитель печати Мишель де Марильяк был заключен в тюрьму, где и умер. Маршал Луи де Марильяк был казнен после чисто политического процесса, Мария Медичи сослана в Компьен, откуда ей все же удалось бежать. Сменив несколько мест жительства, она умерла в Кёльне. Как и в 1626 г., Людовик и Ришелье использовали возможность провести радикальные перемены в дворцовых и административных должностях.

Ришелье удалось в следующие годы поставить на все ключевые позиции своих людей. Шарль де л'Абеспен, маркиз Шатонёв, принял печать королевства, Лаже получил пост первого президента парламента, Абел Сервен, агент Ришелье в итальянской армии, был назначен государственным военным секретарем. После смерти Эффе в 1632 г. финансами стали заниматься два доверенных лица Ришелье — Клод Буйон и Клод де Бутийе, хотя последний вызывал у Людовика XIII сомнения. Когда Шатонёф отдалился от Ришелье во

ремя болезни его, он был отправлен Людовиком в ставку. В качестве его преемника должность хранителя печати, а затем и канцлера Франции занял Пьер Сегуйе, вышедший из мощной парламентской династии. Сыну Клода де Бутийе, графу Шавиньи, вменялось в обязанность не только управлять своим ведомством, но и заботиться об эмоциональной жизни короля.

Последняя значительная перемена в Государственном совете произошла в 1636 г., когда из-за конфронтации с другими министрами и недостаточной подготовки к войне против Испании Сервен был снят Людовиком XIII со своего поста. Его место занял Франсуа Субле де Нойе. Он, как и Шавиньи, должен был заботиться о настроении короля.

Так Ришелье и Людовик XIII создали гармоничный, эффективный, работающий политический инструмент. Когда Ришелье в 1624 г. вошел в Государственный совет, он обещал королю поддерживать его при решении важных задач. По мнению историков, это были прежде всего три задачи: разрушение гугенотского государства внутри государства, закрепление королевского авторитета, спор с габсбургскими государствами, «австрийским домом». Ришелье сумел эти цели искусно объединить. Во внутренней политике проявилась проблема — гугеноты братья Роан и Субискрепили южнофранцузские города от Монтобана до Кастра и овладели островами Алерон и Рэ на Атлантическом побережье. Правительству было необходимо изолировать гугенотов внешнеполитически. В Вельдинском деле — афере Ришелье убедил короля поддержать протестантских союзников католиков. В мае 1625 г. младшая сестра короля Генриетта-Мария Французская вышла замуж за короля Карла I Английского. Переговоры обязали нидерландцев послать военно-морские силы против Субиса. Казалось, гугеноты не могли ожидать какой-либо внешней поддержки. Когда Людовик XIII послал войска под Турэ вблизи

Ла-Рошели, Субис отступил на Олерон и Рэ. Новый мирный договор (февраль 1626), по которому гугеноты притеснялись Англией, должен был восстановить католический культ и старую муниципальную конституцию в Ла-Рошели. Обе стороны нашли результат неудовлетворительным. Англия не была согласна с французским намерением выступить в определенной мере защитницей гугенотов.

Но кульминации кризис достиг, когда к религиозным причинам прибавились экономические. В стремлении повысить доходы страны Ришелье попросил назначить его первым министром и верховным интендантом королевства и торговли Франции. Беспокойство об экономических привилегиях Ла-Рошели, искавшей контактов с Англией, боязнь усиления Франции на море побудили Бэкингема оккупировать Иль-де-Рэ. Последующие интенсивные переговоры между королевским правительством и городом Ла-Рошель потерпели неудачу 10.09.1627 г. Герцог Роан и его брат Субис разжигали мятеж. Ла-рошельцы открыли огонь по королевской армии. По личному приказу Людовика XIII и Ришелье, удалось так сковать Бэкингема на острове, что он вынужден был уйти со своими войсками.

Так как Ла-Рошель во всех последних религиозных войнах оставалась непобедимой и являлась символом сопротивления центральному правительству, Людовик XIII и Ришелье придавали большое значение тому, чтобы взять город. Осада с суши дополнялась мощным плотинным сооружением на море. Английские попытки прорвать блокаду терпели неудачу, и город в октябре 1628 г. вынужден был капитулировать в первую очередь из-за голода. Число жителей к началу осады составляло 28 000, а к ее концу сократилось до 6 000. Город потерял свои привилегии, свой муниципалитет, крепостные сооружения были разрушены, восстановлен католический культ.

Чтобы показать, что «эта война была государственным, а не религиозным делом», король явил свою милость. Он разрешил свободное отправление реформаторского культа в Ла-Рошели и гарантировал всем без исключения защитникам города амнистией. Лишь некоторые лица, добивавшиеся сопротивления любой ценой, — бургомистр и герцогиня де Роан — были посланы из города.

Когда Роан и Конде продолжили войну в Лангедоке, Людовик XIII жестоко расправился с ними. После капитуляции города Прива в мае 1629 г. он приказал его разграбить и сжечь; население было частично вырезано, частично изгнано. Затем король повернул на Аль, который капитулировал в июне, и герцог де Роан вынужден был просить мира.

Людовик удовлетворил его просьбу. Он вел переговоры с гугенотами не как с силой и вынес королевской милостью оправдательный вердикт. Он подписал Алесский эдикт 27.06.1629 г. Документ содержал снова общую амнистию. Сверх этого он выражал волю короля «сохранить всем подданным, которые относят себя к реформированной религии, свободное религиозное отправление по данному эдикту». Все церкви и кладбища должны были быть им возвращены, в то время как во всех городах, где было разрешено отправление протестантского культа, следовало снести крепостные сооружения. В этих городах не было гарнизонов. Не формулируя ясно, Алесский эдикт готовил конец системе мест безопасности и политической власти гугенотов, предусмотренной Нантским эдиктом.

После подписания Алесского эдикта Людовик XIII и Ришелье отправились в Ним. Изданный там 15.06.1629 г. документ подтверждал и расширял Алесский эдикт. Католическая религия должна была быть восстановлена там, где она была устранена, в то время как протестантам было гарантировано свободное,

беспрепятственное отправление их религии в надежде, что когда-нибудь они вернутся в лоно церкви. В любом случае король желал «вечного союза» подданных.

Эдикты должны были закрепить по воле Людовика XIII конец «религиозных войн». Открытая политическая власть протестантов (государство в государстве) была сломлена. Но это была также победа Людовика XIII и Ришелье над частью крупного дворянства, выступившего против централизации. В битве при Ла-Рошели значительную роль играли национальные и международные экономические интересы.

Определив религиозные и дворянские войны в 20-е гг. XVII века на юго-западе Франции как внутривластные, Людовик XIII решил на проведение в стране реформ. Мятежные дворяне в период регентства съели все запасы, заложенные Генрихом IV. Внешние и внутренние войны плохо отразились на государственном бюджете. Когда Мишель де Марильяк был верховным интендантом финансов, он даже создал юридическую палату для преследования растратчиков общественных денег. Поднявшись до хранителя печати, он начал из текстов государственных документов за 1614, 1617 и 1626 гг. создавать некий синтез. Огромный приказ (430 статей) должен был реформировать все сферы управления. Несмотря на то, что он быстро натолкнулся на мощную оппозицию со стороны Ришелье и Парижского парламента, Людовик XIII вынудил на заседании парламента произвести регистрацию текста, который попросту называли Кодексом Мишо (1629). Когда все же год спустя Людовик XIII решил выступить против королевы-матери и «партии преданных» и вступить за Ришелье, он использовал возможность уничтожить Марильяка.

Другие реформаторские намерения Людовика еще до ввода Ришелье в Государственный совет были направлены частично на мелочную иерархизацию, не

имевшую ничего общего с социальным развитием, частично на усиление дисциплины подданных.

В 1626 г. Людовик XIII издал эдикт, который опять запрещал дуэли. Прежние эдикты не смогли остановить это зло. И король решился применить закон. После скандальной дуэли на Королевской площади дуэлянты (один из которых Монморанси) были казнены. Общественное мнение отнесло это на счет политики Ришелье, становившейся все более жестокой.

Следующие полтора десятилетия в жизни Франции характеризовались мятежами, восстаниями, особыми трибуналами, слегка завуалированными казнями, долгими заключениями без суда и следствия. Сеть осведомителей информировала Ришелье о каждом восстании, и «палач кардинала» Исаак Лаффема завершал грубую работу. За частью мятежей, направленных скорее не против короля, а против твердой политики Ришелье и ориентированных на устаревшие политические представления и оценки, стояли брат короля, Гастон Орлеанский, и герцогиня де Шеврез. Кардинал долго не решался устранить их. Уже в 1626 г. он повелел бросить в Бастилию наставника Гастона, маршала Ориано, где он и умер. Точно так же в 1626 г. Людовик XIII и Ришелье раскрыли план их убийства, инспирированный герцогиней де Шеврез и Гастоном. Граф Шале был казнен, сводный брат короля герцог Сезар Вандомский, был схвачен и после освобождения бежал в Англию; главный приор Александр Вандомский умер в застенках. Герцогиня де Шеврез была сослана в свое имение, но бежала в Лотарингию, граф Суассон отправился в Италию. В 1630 г. в тюрьме умер канцлер Мишель де Марильяк, а верховный главнокомандующий итальянской армии маршал Луи де Марильяк был казнен. В 1632—1634 гг. Гастон Орлеанский, который вопреки королевской воле хотел жениться на Маргарите де Лоран, руководил из Брюсселя во-

оружейным сопротивлением, в котором участвовали испанская армия и наместник Лангедока герцог Монморанси. У Кастельнодари заговорщики потерпели поражение. Граф де Море, сводный брат короля, погиб, герцог Монморанси, последний в старшей линии дома, был казнен. Гастон Орлеанский отправился в Брюссель, откуда вел переговоры с королем о примирении. Гастон Орлеанский был причастен к заговорам главного министра Франции, графа де Суассона, который в 1641 г. победил королевское войско у Ла Марфе, и маркиза де Сеп-Мара в 1642 г. Первый погиб в результате несчастного случая, второй был казнен в Лионе при большом стечении народа.

Врагом в доме Людовик XIII считал свою супругу. После неудачной первой брачной ночи только через четыре года он снова сблизился с нею. Прошло несколько нормальных лет совместной жизни. Выкидыши чрезвычайно ослабили позиции Анны при дворе, король пренебрегал ею. Ее подозревали как сестру испанского короля. Когда она после объявления войны Испании не прекратила переписку, король приказал обыскать покои Анны в Валь-де-Грас, куда она была отправлена, и вынудил ее дать обещание изменить свое поведение. Через год Анна Австрийская забеременела.

Правление Людовика XIII и его министра Ришелье завершилось рядом крестьянских восстаний. Чтобы финансировать войну, был введен местный налог, за ним последовали новые (на соль). Выступления, повлекшие кровь, охватили, как эпидемия, ряд городов вдоль Гаронны. В течение года поднялись несколько департаментов. Эпицентр восстаний переместился в Перигё, где десятки тысяч крестьян, руководимых дворянами, были разбиты королевскими войсками, оставив свыше тысячи убитых на поле брани.

В 1639 г. поднялась Нормандия. Были сформированы отряды до четырех тысяч человек — «армии

«мидания». В ноябре этого же года они были разбиты, триста человек погибли. Одновременно восстания были в Руане и других городах.

Внутреннее развитие Франции сопровождалось частой мятежей, восстаний, которые жестоко подавлялись. Причинами этих конфликтов и беспорядков следует назвать, с одной стороны, ригоризм и жестокость Людовика XIII, а с другой — тяжелое налоговое бремя из-за чрезвычайной потребности в финансах.

Правление Людовика XIII не было временем реформ. Ни в политической теории, ни в учреждениях не осуществлялось нововведений. Через несколько лет было создано представление об «абсолютном» роле, который только божьей волей и несколькими фундаментальными эдиктами собрал королевство.

Государство, как его использовали Людовик XIII и Ришелье, потеряло свой патриархальный характер. Патринный абсолютизм был перевернут. Интересы государства и король требовали безусловного подчинения. Неповиновение стало государственным преступлением, которое преследовалось.

Удовлетворенный существующими институтами для проведения репрессивной политики, Ришелье, управитель, укреплял свою власть. Интересно пронаблюдать расширение компетенций Государственного совета в части юрисдикции и администрирования за счет старых судов, парламента. Они были настроены скептически по отношению ко всем нововведениям, особенно фискальным; государственные советы были вынуждены осуществлять налоговые требования правительства. Комиссары и интенданты, посланные в провинции, имели в своем распоряжении армию сборщиков налогов. Этот конституционный и социально значимый переход от традиционной юрисдикции к чрезвычайной комиссии и от чиновников к комиссарам завершился при Людовике XIV и представлял собой характерную черту «абсолютизма».

Наряду с общей целью усиления королевского авторитета внутренняя политика определялась стремлением добыть финансовые средства для ведения войны. Так как внутренние беспорядки 20-х годов и война в Л. Рошели истощили резервы, надо было финансировать войну вспомогательными средствами. Наряду с новыми кредитами взимались налоги, повысились налоги на собы были созданы новые потребительские налоги, церковь была обложена данью, продавались дополнительные чиновничьи посты, деньги обесценивались.

То, что значительно усилилось налоговое давление на население, привело к очень неровной хозяйственной политике.

При помощи таможенных тарифов были сокращены все виды импорта. Это помогло сохранить мануфактуры. Пришедшую в упадок морскую торговлю Ришелье попробовал оживить строительством флота, но без особого экономического эффекта.

Внешняя политика Франции по праву считается творением Ришелье. Но все же и здесь надо подчеркнуть, что цели короля и первого министра совпадали. Так, у Людовика XIII была врожденная ненависть к Испании, а Ришелье постоянно стремился ослабить где можно позиции Габсбургов. И все-таки следует учитывать, что Ришелье долго и с помощью все большего числа ставленников прочно удерживал в своих руках внешнюю политику. Совпадение целей облегчало работу. Ришелье докладывал о проектах и передавал королю готовые документы.

После попытки Марии Медичи найти соглашение с Испанией Франция стала активной в Вальтелинском вопросе. Эта высокогорная альпийская долина получила особое стратегическое значение, после того как Генрих IV в 1601 г. захватил Бресс и Бурге, ликвидировав тем самым связь с Испанией через Савойю. По Вальтелинской долине можно было проехать из Милана в Тироль и Австрию. Когда жители-католики этно-

инны подняли мятеж против протестантов, Испания заняла ее в 1620 г. Можно было еще избежать конфликта с Францией, когда испанские войска были изменены папскими. Но в 1624 г. Государственный совет решил начать вместе с Савойей военную интервенцию. На следующий год испанцы отбросили назад савойско-савойские силы, но Ришелье все же добился в переговорах в Монсо, что Вальтелина будет возвращена и закрыта для испанских войск.

Безопасность альпийских проходов была первоочередной целью в войне за Мантуанское наследство. Чтобы осуществить притязания герцога Неверского, Шарля де Гонзага и Клевского, Людовик XIII и Ришелье двинулись в Италию. Они овладели крепостью Пинероло у Турина и завоевали Савойю (1630 г.). В Монсоре в Чераско (1631) мантуанский вопрос был регулирован в пользу Невера, Савойя восстановлена, Пинероло передана Франции.

Такие же ворота нужны были и на севере страны. Здесь осуществлялся ряд экспедиций Людовика XIII против его брата Гастона, но в большей мере для ослабления власти Габсбургов. При французском содействии в 1629 г. прекратились военные действия между

Польшей и Швецией, что дало возможность Густаву Адольфу вторгнуться в Германию. Последовали союзы со Швецией, Нидерландами, Венгрией, Баварией. По договору в Бервальде Франция переняла выплату субсидий шведской армии в Германии.

В 1632 г. Гастон Орлеанский против воли короля женился на Маргарите де Водемон, сестре герцога Бургундского. По договорам в Вике и Ливердуне Франция получила ряд территорий. Людовик XIII все еще завоевал и Нанси, который Карл IV должен был передать ему по договору 1633 г. в Шармэ. Город был важен для предстоящих действий в империи: курфюрст Трирский был поставлен под французскую протекцию, важные площади Эльзаса завоеваны.

Хотя Гастон Орлеанский заключил в мае 1634 новый союз с Испанией, договор в Эксьене в октябре того же года принес перемирие и с Людовиком XIII. После того как в марте 1635 г. испанские войска заняли Трир и взяли в плен курфюрста, Франция объявила Испании войну 19.05.1635 г.

Следующие годы характеризовались для Франции переменными военными успехами. Чтобы ослабить Испанию, Франция поддерживала восставших в Каталонии и Португалии.

Ни Ришелье (он умер 4.12.1642), ни Людовик XIII, который скончался 14.05.1643 г., не дожили до конца войны (1659). Но они оставили после себя сильную Францию. Цена была высока: экстремальное финансовое давление на население, чрезвычайно жестокое укрепление королевского авторитета. «Не я говорю о государстве», — сказал Людовик XIII в 1637 г. Он отказался от отечественной снисходительности и забота о государственных интересах оставили другую, «осовремененную» Францию.

Пэр Гриффе в 18 веке, оценивая личность Людовика XIII, сказал, что у него было мало слабостей, слишком много добродетелей, которые оставались без внимания. Он не мог самостоятельно создать большие проекты и найти пути их осуществления, но он не менял весь свой авторитет, чтобы обеспечить укрепление государства. Он был пронизан чувством значимости, авторитета и гордости за себя и Францию.

Кроме того, он умел в интересах государства оставаться в тени своего великого министра.

Клаус Малеттке

Людовик XIV 1643—1715

Родился 5 сентября 1638 г. в Сен-Жермен-о-Лэ. 1 мая 1643 г. король Франции. 7 сентября 1651 г. — отречение, 7 июня 1654 г. помазание и коронация в Реймсе; умер 1 сентября 1715 г. в Версале, 9 сентября 1715 г. захоронен в базилике Сен-Дени, гробница Бурбонов.

Отец: Людовик XIII (1601, король 1610—1643). Мать: Анна Австрийская (1601—1666), испанская инфанта. Брат: Филипп Французский (1640—1701), герцог Анжуйский (1640—1660), герцог Орлеанский (1660—1701).

Свадьба на испанской инфанте Марии-Терезии (1639—1683) 3 и 9 июня 1660 г. в Фуэнтерабиа и в Кан-де-Лу; 10 марта 1661 г. начало личного правления Людовика XIV.

Сыновья: 1 ноября 1661 г. рождение дофина Луи Французского, называемого «Монсеньор» (1661—1711), 2 октября 1666 г. рождение Мари-Анны де Бурбон, мадемуазель де Блуа (I) от связи Людовика XIV с герцогиней де Вальер (1644—1710); 2 октября 1667 г. рождение Луи де Бурбона, графа Вермандуа (1667—1683) от связи Людовика XIV с герцогиней де Вальер, 31 марта 1670 г. рождение Луи Филиппа де Бурбона, герцога де Мень (1670—1736) от связи Людовика XIV с маркизой де Монтеспан.

Французские короли и императоры

(1641—1707); 1 июня 1673 г. рождение Луизы Франсуазы де Бурбон, мадемуазель Нантской (1673—1711) от связи Людовика XIV с маркизой де Монтеспан; от этой связи произошли Франсуа-Мари де Бурбон (1677—1749), мадемуазель де Блуа (II) и Луи-Александр де Бурбон, граф Тулузский (1618—1731). 1 июля 1683 г. умирает королева Мария-Терезия, или 10 октября 1685 г. Людовик XIV тайно женится на Франсуазе д'Обинье, маркизе Ментенон (1635—1719); 14 апреля 1711 г. — смерть дофина Луи Французского (1661—1711), 18 февраля 1712 г. умирает второй дофин, Луи Французский, герцог Бургундский (1682—1712), внук короля Людовика XIV, 8 марта 1712 г. смерть третьего дофина Луи Французского, герцога Бертрана (1707—1712), старшего правнука Людовика XIV.

Людовик XIV, который в течение 72 лет вершил судьбу самого населенного, самого богатого и самого могущественного государства в Европе, относится к выдающимся правителям. До сих пор мнения о «короле-солнце», как он однажды был случайно назван, расходятся. Маятник оценок раскачивается от резкой общей критики до почти неограниченного восхищения. Современные исследования позволяют дать дифференцированное представление, в котором находят место и свет и тени.

Рождение, детство, юность

Когда ближе к полудню в воскресенье 5.09.1638 в новом дворце в Сен-Жермен-о-Лэ родился Людовик XIV, это было воспринято современниками как дар небес. Поскольку брак Людовика XIII (1601—1643) с испанской инфантой Анной Австрийской (1601—1666) был на протяжении двадцати двух лет бездетным, французы увидели в счастливом рождении знак божьей милости.

Людовик XIV (1643–1715)

ости и называли новорожденного дофина «Богоданным». Еще через десять лет епископ Флеше (1626-1710) оценил это событие как «рождение на грани чудотворное, которое обещало всему миру полную чудес жизнь».

По правилам этикета королевского двора, официальные обязанности наследника престола начинались сразу после его рождения. Уже 6.09 Людовик давал аудиенцию. Делегации Парижского парламента, главного суда и других судов были приняты в тот день Людовиком XIII и передали королю пожелания счастья от своих корпораций. Эти делегации были также допущены в покои наследника престола. О первой встрече будущего Людовика XIV с представителями французского парламента и судов рассказывает генеральный прокурор, ставший позже хранителем печати, Матье Моле (1584—1656): королевский отпрыск возлежал под большим балдахином из вышитого цветами белым дамаска на белой шелковой подушке, которую держала его няня мадам де Ланзак. Перед его ложем ходила большая балюстрада, так что наследник престола можно было лицезреть лишь с десяти-пятнадцати шагов. Мадам де Ланзак сказала, что дофин закрыл глаза, чтобы видеть своих верных слуг.

Мы располагаем очень скудной информацией о его детстве. Едва ли он помнил своего отца, Людовика XIII, которого потерял в пятилетнем возрасте, но он в течение всей жизни сохранял привязанность к отцу, который гордился своим старшим сыном. Это проявилось и в том, что во время строительства грандиозной резиденции в Версале он настоял, несмотря на возражения архитекторов, на сохранении маленького охотничьего замка умершего короля и сделал это здание центром ансамбля. Находясь на смертном одре, повелел похоронить свое сердце у иезуитов на улице Сен-Антуан, рядом с сердцем Людовика XIII.

Остается неизвестным, ощущал и чувствовал маленький дофин напряженные отношения между сво

ими родителями, улучшившиеся лишь на короткое время после рождения его и брата Филиппа, герцога Анжуйского (21.09.1640). Он был очень привязан к отцу и любил мать, которая оказала решающее влияние на своего первенца. При случае маленький Людовик называл свою мать не «мадам», как это было принято в его кругу, а «маман» — матушка.

Праздничные крестины состоялись в Сен-Жермен-о-Лэ 21.04.1643 г. Умирающий король назвал крестных родителей. Ими стали Шарлотта-Маргарита де Монморанси, принцесса Конде и кардинал Джулио Мазарини. Решение короля имело далеко идущие последствия не только для дофина, но и для всей Франции.

Как было принято в то время, забота и воспитание маленького дофина до сентября 1645 г. находилось в основном в женских руках. Это изменилось, когда он достиг «разумного возраста», возраста, в котором ребенок, по каноническим правилам, в состоянии различать добро и зло. Он должен был все время выполнять задачи правителя как несовершеннолетний король после смерти Людовика XIII. Так, он принял 18.05.1643 г. Акт справедливости, который не следует недооценивать. Король со свитой появился в парламенте, чтобы провести регистрирование королевского закона парижской корпорацией и гарантировать его применение, было изъято завещание умершего короля, существенно ограничивавшее правительственные полномочия регентши Анны Австрийской. Благодаря действенной помощи Парижского парламента, члены которого, конечно же, извлекали пользу из своей предупредительности по отношению к желаниям матери короля, Анна Австрийская стала неограниченной регентшей Франции. Слова, которые маленький Людовик XIV лепетал по этому случаю, были следующим образом переданы в протоколе Акта: «Король сказал, что он пришел в

парламент, чтобы подтвердить свою добрую волю. Канцлер скажет остальное».

К 1646 г. Мазарини уже около 3 лет вершил судьбы страны, являясь премьер-министром, когда Анна Австрийская передала ему верховный надзор за воспитанием молодого короля. Воспитание короля было доверено Ардуинну де Перефиксу (1605—1671), позже ставшему епископом Парижа (1664—1671). Перефикс контролировал маленькую группу преподавателей специальных дисциплин: Жан ле Бэ (письмо), ле Камю (счет), Антуан Оден (латынь, испанский язык), Дави (рисунок), Бернар (ораторское искусство). Но ни Виллеруа, ни Перефикс не осуществляли обучения и воспитания наследника. Эта заслуга принадлежала, по легенде, Мазарини, который очень серьезно отнесся к заданию быть верховным наставником.

Уже семидесятилетний Людовик XIV жаловался в беседах с мадам де Ментенон на недостаточность знаний, полученных в детстве. Исследования же позволили сделать вывод, что король был слишком строг в своих суждениях. Мазарини не напрасно требовал от Перефикса начать очень рано занятия латынью, заставляя Людовика изучать написанные тексты, так что его обучение латыни было весьма высокого качества. Сравнительно хорошим было преподавание истории Перефиксом. Основательные знания король имел по государственному и церковному праву, математике и современным языкам.

Мазарини не хотел делать из своего подопечного педанта, а медленно, но тщательно подготавливал молодого короля к управлению государственными делами. Кардинал ввел его в тонкости дипломатии и в многослойные проблемы военного дела. Он пробудил в нем любовь к искусству и желание быть меценатом. Мазарини рано побудил юного короля принимать участие в заседаниях Государственного совета. И довольно скоро кардинал оказался доволен результатами свое-

го ученика. Тем не менее Вольтер ближе всего, кажется, подошел к правде, когда он в 1752 г. писал в своем произведении «Век Людовика XIV»: «Мазарини продлил детство короля, насколько возможно». Людовик XIV постоянно находился под влиянием внутриполитических событий и процессов, которые дополнили его школьное образование непосредственным опытом. Когда разразилась гражданская война — Фронда, королю едва ли было десять лет. В возрасте между десятью и пятнадцатью годами мальчик пережил драматические всплески опасного для королевства мятежа, вылившегося в гражданскую войну. Юный король столкнулся не только с предательством близких родственников, своих двоюродных братьев, различных герцогов и маршалов, но и с мятежными действиями. Так, королевская семья бежала из Парижа в ночь с 5 на 6 января 1649 г. в сопровождении нескольких придворных и министров в Сен-Жермен-о-Лэ, который, правда, был весьма плохо подготовлен к внезапному появлению королевской семьи. В ночь с 9 на 10.02.1651 года король и регентша оказались фактически в заточении в собственном дворце. Поездка короля по Франции во время Фронды дала возможность ему увидеть хрупкость экономики, отягощенной войной, проблемы масс, задавленных поборами, и административную анархию. Этот опыт, полученный во время Фронды, глубоко запал в память юного короля и выразился позднее не только в высказываниях, но и в ряде внутриполитических мероприятий Людовика XIV.

Фронда представляла собой кризисный синдром, в котором политические, конституционные, экономические и социальные факторы очень тесно переплелись и играли центральную роль. Фронду следует интерпретировать как первый большой кризис французского абсолютизма, который молодой король видел лично. Она была направлена не только против

всемогущества кардиналов-премьеров и арендаторов, благоденствующих под их защитой. Как парижский парламент, так и фрондирующие (дворяне) реагировали более или менее открыто на политику концентрации власти в социальной, экономической и политической сфере. Фронда не была только «детской болезнью абсолютизма», она являлась серьезно задуманной и серьезно воспринимасмой попыткой пересмотреть успехи, достигнутые короной в строительстве и укреплении монархического абсолютизма — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В 1648 г. Людовик XIV не только столкнулся с начавшейся гражданской войной, но и получил результаты успешной внешнеполитической деятельности Ришелье и Мазарини, которые отразились в Вестфальском мире (24.10.1648 г.). К Франции были присоединены Мец, Туль, Верден — австрийские владения в Эльзасе.

От достижения совершеннолетия до смерти Мазарини

Опыт, полученный Людовиком XIV во время Фронды, сделал из ребенка взрослого. Свое совершеннолетие он встретил еще во время Фронды. По государственному законодательству французские короли в тринадцать лет, т.е. на четырнадцатом году жизни, провозглашались совершеннолетними. Официальная церемония состоялась 7.09.1651 г. во время заседания Парижского парламента, где принимали участие двор и многочисленные высокие гости. В коротком выступлении король сказал: «Господа, я пришел в свой парламент, чтобы заявить вам, что я, по закону моего государства, сам и в свои руки беру правление. Я надеюсь на милость божью, что я буду это делать со страхом божьим и по справедливости. Господин канцлер изложит мои намерения». Этим юридически за-

кончилось регентство Анны Австрийской, существование регентского совета и функции Гастона Орлеанского (1608—1660), брата Людовика XIII. Король поблагодарил мать и попросил ее и далее наставлять его. «Я желаю, чтобы Вы были в Совете после меня».

Официальное объявление совершеннолетия Людовика XIV явилось поворотным пунктом в истории Фронды, поскольку акции, направленные против партии кардинала Мазарини, могли теперь караться как государственная измена или даже как преступление против Его Величества. Король должен был подписать важнейшие законодательные акты и решения и называть новых министров, что он и сделал, впрочем, при помощи Анны Австрийской, которую вежливо попросил об этом. Мазарини, своему крестному отцу, Людовик XIV вернул лишь видимость власти, когда тот возвратился в 1653 г. во Францию из своего второго изгнания. Людовик доверял своему премьер-министру в области внешней политики, дипломатии и военного дела. Но он был недоволен положением во внутренней политике, финансах, управлении и юстиции. В своих мемуарах он жаловался на «беспорядок, царящий повсюду».

После смерти Мазарини (9.03.1661) Людовик XIV взял власть в свои руки. Он признал (несмотря на высказанную благодарность кардиналу) недостаточность правления своего премьер-министра. Но при этом король упустил из виду, что Мазарини после окончания Фронды снова послал интендантов в провинции и этим создал важные предпосылки для осуществления реформ после 1661 г. Не может быть никакого сомнения в безграничной преданности кардинала королю. Он до самой смерти верно служил ему.

Часто утверждали, что после окончания Фронды в королевстве наступили спокойствие и порядок. Но это отражает упрощенный подход к фактам и событиям. Парламенты и часть дворянства, особенно провинци-

ального, еще после 1653 г. заявляли свои претензии, с которыми должен был разобраться король, руководимый в основном Мазарини. Современники очень метко называли управление «Триада». Ги Патен (1601—1672) говорил о троице, в которой королю, с чисто правовой точки зрения, принадлежало право решения, но где Мазарини в большинстве случаев играл главную роль, а королева-мать все больше и больше сохраняла вежливое молчание. Важнейшие политические решения принимались «узким советом», в который после 1653 г. наряду с королем, президентом, королевой-матерью, входили Мазарини и министры.

Торжественное помазание на правление и коронация Людовика XIV в воскресенье 7.06.1654 г. в Реймсе явились, без сомнения, апогеем в жизни молодого короля, но и для королевства и народа событие имело значение, которое нельзя недооценивать. Для народа это был символ окончания внутренней смуты, для короля — осуществление правового контракта, объединявшего суверена с Богом, с его народом и главными лицами в стране. С этим сакральным актом связывались древние поверья. Посвящение, помазание сохраняемым в «святой ампуле» (Saint Ampoule) святым маслом, инвеститура кольцом и мечом и коронация якобы придавали королю особую харизму и способность излечивать больных. В следующий вторник, 9.06.1654 г., две тысячи больных золотухой ожидали короля в парке церкви Сен-Реми. Как и его предшественник, Людовик XIV касался больных, произнося магическую формулу: «Король касается тебя, Господь излечивает тебя» (Le Roi te touche, Dieu te guerit). В течение своего правления королю приходилось много раз повторять эту тяжелую церемонию.

При всей своей религиозности, которая поощрялась не только его набожной матерью, но и иезуитскими отцами-исповедниками, молодой Людовик XIV был не чужд придворным развлечениям, театру, а так-

же радостям жизни и любви. В 1658 г. у короля, вероятно, впервые возникли глубокие отношения с Марией Манчини, одной из племянниц Мазарини. Его чувства к этой не очень красивой, но умной и честолюбивой девушке, которой, как и ему, было 20 лет и которая отвечала ему взаимностью, были настолько сильны, что он хотел пренебречь государственными соображениями и жениться на ней. Мазарини и королева-мать были очень обеспокоены этими отношениями и хотели их пресечь, но вначале безрезультатно. Упорство влюбленных, и прежде всего настойчивость Людовика в его стремлении к этому неподобающему браку, ставило под угрозу мирные переговоры с Испанией, против которой Франция вела войну с 1675 г. Реальный мир и в особенности примирение между домами Бурбонов и испанских Габсбургов, к которому стремилась Анна Австрийская, должны были увенчаться браком Людовика XIV с испанской инфантой Марией-Терезией Австрийской (1638—1683). Мазарини и Анне Австрийской пришлось использовать все свое влияние на короля и приводить ему постоянно политические аргументы, чтобы победили государственные соображения. Еще 6.07.1659 г. кардинал заклинал Людовика расстаться с Марией Манчини «в интересах Вашей славы, Вашего счастья, во благо Господа, во благо Вашего королевства».

7.11.1659 г. на Фазаньем острове на пограничной реке Бидассоа был подписан Пиренейский мир между Францией и Испанией. Испания уступала французской короне Руссильон и другие территории, признавала Эльзасские постановления Мюнстерского мира (1648). Были зафиксированы условия брака между Людовиком XIV и испанской инфантой Марией-Терезией. День 7.11.1659 г., несомненно, принес большой успех королю и Франции, но в первую очередь это был успех внешней политики Мазарини. Мирный договор завершил столетие величия Испании и освобо-

дил путь к подъему Франции и Англии, объединившихся на несколько лет победителей. Заключение брака между Людовиком XIV и его кузиной Марией-Терезией происходило на испанской стороне 3.06.1660 г. в Фуэнтерабиа и через несколько дней было совершено на французской территории в Сен-Жан-де-Лиз. 26.08. состоялся торжественный въезд новобрачных в Париж. По пути туда король с небольшой свитой позволил себе заехать к Марии Манчини, чтобы окончательно завершить эпизод своей юношеской любви. Мария Манчини вышла замуж 15.04.1661 г. за Лоренцо Онофрио Колонна, герцога Тальяколи, князя Палиано и Кастильоне, коннетабля королевства Неаполитанского.

Мазарини умер в ночь с 8 на 9.03.1661 г., завещав наследникам необъятное состояние в размере 35 миллионов ливров, нажитое благодаря ловкости и — даже по тогдашним меркам — весьма сомнительными способами, речь шла о самом большом состоянии Франции в XVII в., которое значительно превышало состояние Ришелье. Мазарини оставил около 8,7 миллионов наличных денег, что по тогдашнему курсу соответствовало 70 тоннам серебра или 5 тоннам золота.

Заслугой кардинала было то, что он хорошо подготовил Людовика XIV к выполнению обязанностей короля и создал существенные внутри- и внешнеполитические предпосылки для успешной деятельности короля после 1661 г. Как теперь известно, Мазарини почти «приказал» Людовику после его смерти взять бразды правления в свои руки. Поэтому не удивительно, что уже на следующий день после смерти кардинала король созвал Государственный совет и, обращаясь к канцлеру Пьеру Серье (1588—1672), заявил: «Я пригласил вас сюда вместе с моими министрами и государственными секретарями, чтобы сказать вам, что до сих пор я был доволен тем, как кардинал вел мои дела; но теперь пришло время взять

в свои руки. Вы будете помогать мне советом, и я вас об этом попрошу». Он запретил канцлеру распечатывать что-либо печатью без своего ясного приказа а государственным секретарям — отправлять какие-либо послания без его согласия. «Положение меняется, — продолжал он, — в управлении моим государством, моими финансами и во внешней политике я буду придерживаться других принципов, чем покойный кардинал. Вы знаете, чего я хочу: теперь вас зависит исполнять мои желания». И, ко всеобщему удивлению придворных, король следовал своему заявлению.

Людовик XIV, его двор и придворные праздники

Людовик обладал приятной, располагающей к себе внешностью и придворным шармом. В общении с придворными, министрами, дипломатами он выглядел тогда очень сдержанным и демонстрировал удивительную вежливость, в которой в зависимости от ранга, возраста и заслуг его визави различалось множество оттенков. Он четко, свободно и ясно излагал свои мысли. Кроме того, у него была великолепная память, которая очень пригодилась ему, например, на заседаниях «Conseil d'En Haut», политически самой важной секции королевского совета, а также на многочисленных обсуждениях с министрами. Его поведение в обществе было осмотрительным, тактичным и в высшей степени умеренным. Однако эти характерные для короля достоинства на четвертом или пятом десятке его жизни если не исчезли совсем, то все же были значительно подавлены его убеждением в собственной политической непогрешимости. К негативным чертам его характера относилось также проявление явно эгоцентризма. Если, например, Кольбер открывал дефактуру, то «король-солнце» (с 1662 г. Людо-

вик XIV использовал солнце как свою эмблему) считал, что эта инициатива исходила от него. Он стремился внушить это всем. Скромность, без сомнения, не являлась его сильной стороной. По крайней мере это относится к 1690 — 1695 гг., когда он начал сильно преувеличивать свои достоинства.

Людовик XIV правил с необычным профессионализмом. Этот профессионализм основывался на природных способностях и на том практическом опыте, который Мазарини сумел передать ему, целенаправленно привлекая к участию в заседаниях и совещаниях королевского совета, а также многочисленных поездках по стране.

Многократно цитировавшаяся поговорка «Точность — это вежливость королей» в особой степени относится к Людовику XIV. Он был всегда пунктуален, слушал внимательно и не уставал на самых долгих заседаниях. Он обладал исключительно развитым чувством долга. Наряду с напряженной придворной жизнью король ежедневно посвящал от 5 до 10 часов, а впоследствии и больше, интенсивной работе за письменным столом и на конференциях. Он интересовался деталями происходивших процессов и всегда мог выделить существенное и основные направления развития. В этом ему помогали его политический инстинкт и способность к быстрому восприятию. Вместе с тем он был не очень силен в выдвижении собственных конструктивных идей. Отсюда понятно, что в области внутренней и внешней политики он следовал долгосрочной программе, некоему «Большому плану» (*grand dessein*). Людовик XIV проявлял себя как прагматик, который использовал текущие политические события в интересах короны и государства. При этом он никогда не выжидал, а старался создать благоприятную для Франции конъюнктуру, подавить в зародыше антифранцузские коалиции или — если для этого не было

возможности — разгромить их превентивными военными акциями. Он всегда был тверд в вопросах сана, этикета и церемониала.

Все исследователи едины в том, что король был очень неравнодушен к славе. Лейтмотивом проходят в его «Мемуарах» и других документах такие понятия, как «мой сан, моя слава, мое величие, моя репутация». Личная слава, личное достоинство для Людовика XIV были связаны с властью и благополучием государства самым тесным образом. Но интересы государства всегда были выше интересов короля. Именно так следует понимать его утверждение: «Интерес государства принадлежит приоритет... Имея в виду государство, действуют для себя самого. Благополучие одного составляет славу другого». Хотя нельзя отрицать, что у Людовика XIV была тенденция приравнивать свою репутацию и свои интересы к государственным, все же — как показывает эта цитата — он был вполне способен видеть разницу между своей персоной и государством. Это различие он еще раз подчеркнул на смертном одре: «Я ухожу, но государство будет оставаться всегда».

Людовик XIV в большей степени был человеком поступка, чем абстрактных идей. Тем не менее в решении государственных вопросов он всегда придерживался нескольких общих принципов. Это были его глубоко прочувствованная ответственность за свои действия перед Богом, его высокое мнение о своих обязанностях как короля и его решимость всегда учитывать интересы государства. Уже отмечалось, какое большое значение он придавал своему личному авторитету и репутации государства у современников и потомков. Но такие взгляды были характерны не только для Людовика XIV. Они были широко распространены в то время как вне, так и в самой Франции.

Король активно участвовал в придворной жизни. Он был великолепным наездником и любил охоту.

Как кавалер он был образцом. Он охотно танцевал, любил театр и придворные праздники. Зато у него отсутствовали достоинства солдата и военачальника, хотя в ситуациях, связанных с опасностью для его личности, он выказывал замечательное бесстрашие.

Людовик XIV имел хорошую, здоровую конституцию, соединенную с исключительной силой воли. С стоическим самообладанием он переносил сильную боль, моментами даже смертельные опасности. Черта характера проявилась еще в детстве, когда в ноябре 1647 г. он заболел ветряной оспой и некоторое время даже был под угрозой смерти. С удивительной выдержкой переносил он лечение, когда ему многократно отворяли кровь. По мнению многочисленных современников, он достиг преклонного возраста благодаря своему могучему организму, а не искусству врачей, которые опасными для жизни методами лечения могли доконать более слабого человека.

Версаль считается образцом двора и придворной культуры. Людовик XIV внес существенный вклад в создание мифа о Версале. Это повлекло за собой некоторое искажение реальности. Чтобы избежать подобных недоразумений, нужно постоянно помнить, что почти полувековой период личного правления короля не был единым. И при Людовике XIV двор вначале не имел постоянного местопребывания: Фонтенбл (1661, 1679), Лувр (1662—1666) и Тюильри (1666—1671) в Париже, где он проводил зиму, Сен-Жермен-о-Лэ (1666—1673, 1676, 1678—1681) и Версаль (1674, 1675, 1677), который с 1682 г. стал постоянной резиденцией двора и правительства. Кроме того, дворянин пребывал до этого и в Шамборе на Луаре и в Винсенне. Примечательно, что Людовик XIV между апрелем 1682 г. и днем своей смерти был в Париже в общедоступности 16 раз с короткими визитами.

Сравнительно частая до 1682 г. смена местопребывания двора была сопряжена с большими расходами

Все, что было необходимо двору и делало его жизнь удобной, перевозили из одного дворца в другой: мебель, белье, ковры, светильники, столовую посуду, кухонную утварь и т.п. До 1682 г. Людовик чаще всего находился в Новом дворце Сен-Жермен-о-Лэ, принадлежавшем Генриху IV, где родился его внук. Здесь он велел построить великолепную террасу длиной 2,5 км, с которой открывался беспрепятственный обзор окружающего ландшафта. По его указанию, в Шамборе, Венсенне, Фонтенбло, Сен-Жермен-о-Лэ, Гувре и Тюильри были произведены значительные улучшения.

Перестройку и изменения оставшегося от Людовика XIII охотничьего дворца в Версале Людовик XIV начал уже в 1661 г. Прошло более 5 десятилетий, пока великолепный дворец был готов в своих основных частях. С начала своего царствования в 1661 г. король там находился, может быть, 20 раз. Первые изменения начались вскоре после смерти Мазарини и больше касались парковых насаждений, чем дворца. Знаменитый создатель парков Андре ле Нотр (1613—1700) с 1658 г. был назначен «генеральным инспектором зданий и парков короля».

Большие перестроечные работы и новые сооружения начали приобретать форму лишь со второй половины 60-х г. и находились под непосредственным и постоянным контролем короля. В этом его поддерживал самый значительный и влиятельный министр Жан-Батист Кольбер (1619—1683). Ответственным за строительные работы во дворце был знаменитый Луи де Во (1612—1670). Многочисленными работами по украшению и интерьеру руководил Шарль ле Брун (1619—1690), командовавший целой армией художников, штукатуров, ковровщиков, скульпторов Версаля. Даже в 1685 г., когда двор уже давно находился в Версале (с 1682), на огромном дворцовом комплексе еще было занято около 36 тыс. рабочих и 6 тыс. лошадей.

Возведение ансамбля стоило примерно 77 млн ливров. Между 1661 и 1683 гг. расходы на двор и королевские дворцы составляли 12—14% всех государственных расходов (от 10 до 15 млн ливров в год). До 1684 г. было израсходовано на Версаль около 30 млн, Лувр — 10, разрушенный во время революции 1789 г. Марли — 7, Сен-Жермен-о-Лэ — 5 и заложенный в северо-западной части Версальского парка «фарфоровый Трианон» — 3 млн ливров. В среднем расходы на Версаль с 1678 г. по 1682 г. составляли 3 853 000 ливров в год, а в 1685 г. — более 8 млн. Без сомнения, сооружение дворцового комплекса в Версале поглощало немислимые суммы. И все же, бросая взгляд в прошлое, это можно рассматривать как рентабельные инвестиции. Единственный в своем роде по пропорциям, соединяя игру всех искусств, отражая культуру неповторимой эпохи, Версаль оказывает воздействие и через столетия.

В то время как в Германии расцвет придворной жизни происходил либо до, либо одновременно с переходом от патриархального государства к абсолютной монархии, во Франции этот структурный переход к моменту восшествия на престол Людовика XIV уже был завершен. Поэтому придворная политика «короля-солнце» в основном имела задачу не только укреплять эти завоевания, но и расширять их, придавая необходимый блеск. С этой точки зрения, двор служил королю инструментом контроля над мощной и влиятельной частью дворянства, «великих» страны, которые могли в своих провинциях мобилизовать значительные силы. Это высшее дворянство различными методами, в том числе раздачей прибыльных доходных мест и пенсий, привлекалось ко двору, где оно, учитывая высокие расходы на представительство и соответствующий их рангу образ жизни, все больше и больше зависело от короля.

Мадам де Ментенон (1635—1719) в 1678 г. оценивала минимальную сумму, необходимую бедному дворянину с 12 слугами для жизни в Версале, в 12 тысяч ливров в год. Такие суммы длительное время могла тратить только небольшая часть дворянства. Таким образом, у двора была еще и задача как можно больше включать высшее дворянство в сферу влияния короля, привязывать его к личности короля через этикет, придворную жизнь и обусловленный ими контроль.

Королевский двор и находившиеся в его распоряжении дворцы, особенно Версаль как основная резиденция, в значительной степени служили тому, чтобы продемонстрировать величие, власть и репутацию короля монархии всему миру. Версаль с парковым ансамблем и проложенными через него при Людовике XIV аллеями во всех своих деталях был рассчитан на производимое им впечатление. Например, знаменитая «лестница послов» во дворце, которая вела к парадным покоям. Она была из разноцветного драгоценного мрамора, и ее фрески изображали представителей всех народов мира. Эта лестница вела к величественному бюсту короля.

Наконец, король решил собрать вокруг себя лучших деятелей искусства, архитекторов, художников, поэтов, музыкантов и писателей Франции, а не только придворное общество. Людовик XIV преследовал при этом цель оказывать влияние на все искусство Франции, направлять его и использовать в интересах своей политики. В этом аспекте следует рассмотреть поручение, данное Жану-Батисту Кольберу, организовать поощрение представителей литературы, искусств и науки и использовать их для прославления абсолютизма Людовика. Этой цели должны были служить также существовавшая с 1635 г. Французская академия, основанная Кольбером в 1663 г. «Académie française» в области культуры и науки, назван-

ная современниками «Малая академия», реформированная в том же году Академия живописи и архитектуры, основанная Кольбером в 1666 г. Академия наук, созданная в 1671 г. Академия архитектуры, а также открывшаяся в 1672 г. Королевская академия музыки.

С 1683 по 1690 г. постепенно произошли изменения в специфическом значении и внешнем воздвигении двора. Поверхностному наблюдателю-современнику превращения Версаля в 1682 г. в постоянную резиденцию двора казалось продолжением и кульминационным пунктом тенденций прошедших десятилетий. Но Версаль постепенно превращался в обмаловый, внешний фасад, потому что двор начал все больше отгораживаться от внешнего мира. Из Версаля во внешний мир поступало все меньше импульсов, перестал задавать тон. После 1690 г. меценатство короля практически уже не имело значения. Жизнь Версаля уходила, чтобы переместиться в Париж и провинциальные города. Причинами изменений были финансовые трудности из-за войн и экономические проблемы, старение короля и не в последнюю очередь растущее влияние мадам де Ментенон.

Повседневная жизнь короля протекала в основном публично, среди большого придворного штата, насчитывавшего около 20 тысяч человек. К знатному придворному обществу в обширных замковых помещениях примешивались посетители, любопытствующие и большое число просителей. В принципе каждый подданный мог воспользоваться правом передать королю прошение. С 1661 г. Людовик XIV поощрял эту практику. Монарх видел в этом возможность познакомиться с непосредственными заботами и нуждами своих подданных. Позднее в Версале каждый понедельник в помещении королевской гвардии выставляли большой стол, на который просители складывали свои письма. До 1683 г. маркиз де Лувуа (1641—1691), государственный секретарь по военным делам и министр

(1672 г.) был ответственным за дальнейшее проведение этих пропений. Они обрабатывались государственными секретарями и, снабженные соответствующим рапортом, передавались королю, который носил решение по каждому случаю лично.

При дворе организовывались большие праздничные представления, театральные и музыкальные спектакли, но было много и других возможностей развлечься. Наряду с большими великолепно поставленными единичными представлениями в памяти придворного общества, благородных семейств Парижа и потомства остались «Большая карусель» в Тюильри в июне 1662 г., устроенный в садах Версаля весной 1664 г. многодневный придворный праздник «Забавы заколдованного острова», «Большой дивертисмент» 1668 г., а также «Версальский дивертисмент» июля и августа 1674 г. Увеличение числа участвовавших в этих празднествах придворных позволяет ясно увидеть растущую привлекательность двора. Если в 1664 г. на празднике «Забавы заколдованного острова» присутствовало лишь около 600 «куртизанов», то 4 года спустя на празднествах по случаю заключения Аахенского мира их было уже более 1500 (кстати, была представлена комедия Мольера «Жорж Данден»). В 1680 г. в Версале в качестве долговременных гостей жило около 3000 дворян. Приток дворян, а также растущее число придворного персонала и прислуги вызвали необходимость расширения официально основанного в 1671 г. города Версаля.

Король вызывал робость у тех, кто мог наблюдать его только издали и поэтому плохо его знал. Но если этот барьер был преодолен, то перед собеседниками предстал любезный монарх, обладавший в высшей мере не только тактом, но и юмором. Несмотря на все границы, устанавливавшиеся этикетом, Людовик XIV старался не терять дружеских отношений. Такие отношения он поддерживал, например, с Мазарини,

Кольбером, Лувуа, герцогом Сент-Эньяном (1607—1687), со своими министрами, «первыми камердинерами», а также «обер-интендантом музыки короля Жаном-Батистом Люлли (1632—1687), который, как говорили, мог позволить себе почти все, и со знаменитым комедиографом Жаном-Батистом Покленом, прозванным Мольером (1622—1673) и др.

Длительные близкие отношения с Кольбером основывались в первую очередь на неограниченном доверии, которое питал к нему Людовик XIV. Министр постоянно доказывал свою скромность и преданность, то, что он достоин доверия. Он проявил себя верным слугой короля не только при исполнении политико-административных функций, но и в особых случаях, касавшихся личной жизни короля. Так, известно, что каждый раз, когда мадемуазель де ла Вальер (1644—1710), метрессе короля, предстояли роды, он делал все необходимые приготовления. Прежде всего он заботился о том, чтобы к участию привлекались только надежные люди, чтобы ничего не стало известно общественности. Позднее, когда Ла Вальер утратила благосклонность короля и ее место заняла маркиза де Монтеспан (1641—1707), жена Кольбера заботилась о воспитании детей ла Вальер, тогда как самому Кольберу вновь пришлось взять на себя роль доверенного короля в делах с Монтеспан. Через него происходила переписка короля и с временными метрессами.

Осложнение отношений между королем и Кольбером произошло из-за обострившегося соперничества между генеральным контролером финансов в Лувуа, которое в конце концов переросло в открытую напряженность между двумя министрами. То, что у Людовика XIV можно было быстро впасть в немилость, показывает пример государственного секретаря по иностранным делам Симона Арнольда, маркиза де Помпонне (1618—1699), который в ноябре 1679 г. внезапно был отправлен в отставку. Тут

сыграли свою роль и Кольбер с Лувуа. Король обвинил Помпонне в слабости и слишком большой уступчивости, проявленных во время мирных переговоров с Пимвегене (1678/79).

Образ жизни короля и его дела с метрессами резко критиковали уважаемые духовные лица, иногда даже в присутствии всего двора. В своих мемуарах Людовик XIV признавался дофину, что этим он посылал дурной пример, которому не нужно следовать. Прежде всего король предостерегал дофина от того, чтобы он не забрасывал государственные дела из-за любовных историй. Король ни в коем случае не должен позволять своей метрессе оказывать на него влияние в политических решениях. В остальном в подобных делах король должен по возможности проявлять как можно больше сдержанности. Этого Людовик XIV придерживался во всех своих любовных делах между 1661 и 1683 г. Так, например, пока была жива королева Мария-Терезия (1638—1683), он посещал ее каждую ночь.

Точное количество любовных историй короля является тайной. Наиболее известны его романы с незамужней Луизой-Франсуазой де ла Бом ле Бланк, позднее герцогиня де ла Вальер (1644-1710) и с замужней Франсуазой-Атенаис де Рошешуар, маркизой де Монтеспан (1641—1701). Плодом отношений с ла Вальер, которые продолжались, вероятно, с 1661 по 1667 г. было четверо детей, из которых выжили двое. Мадемуазель де Блуа оказалась юридически узаконена тем, что ее мать получила титул герцогини ла Вальер. В январе 1680 г. на ней женился Луи Арман де Бурбон, принц Конти (1661—1709). Сын, Луи де Бурбон, граф Пермандуа (1667—1683) был узаконен в феврале 1669 г. и в ноябре того же года ему было присвоено звание адмирала Франции.

Маркиза де Монтеспан с 1667 по 1681 г. подарила королю восемь детей, из которых четверо достигли

зрелого возраста. Луи-Август де Бурбон, герцог де Мень (1670—1736) был узаконен в декабре 1673 г. Вскоре после этого он получил высокие воинские звания. Его родившаяся в 1673 г. и узаконенная сестра Луиза-Франсуаза де Бурбон, мадемуазель де Нант, в 1685 г. вышла замуж за Людовика III, герцога Бурбон-Конде. Ее родившаяся в 1677 г. и узаконенная в 1681 г. сестра, Франсуаза-Мари де Бурбон, названная, как и ее сводная сестра, мадемуазель де Блуа, в феврале 1692 г. вышла замуж за Филиппа II, герцога Орлеанского (1674—1723), впоследствии регента. Последний ребенок от этой связи, Луи Александр де Бурбон, граф Тулузский (1676—1737), узаконен в 1681 году, через два года получил звание адмирала Франции, а в 1694 г. — герцога и пэра Дамвиля. Как показывают эти факты, Людовик XIV проявлял большую отцовскую заботу о своих незаконнорожденных детях.

Внутренняя политика

Известный немецкий публицист по естественному праву и публицист Пуфендорф в опубликованной в 1667 г. работе «*De statu Imperii Germanici*» сказал о Франции, что она располагает «регулярной монархической государственной формой», а в Германии, напротив, можно констатировать нечеткую конституцию. Как уже говорилось, во Франции структурный переход от патриархального государства к абсолютной монархии с началом самостоятельного правления Людовика XIV в 1661 г. был в значительной степени завершен. Король ввел прямое правление монарха. Кроме того, появились различия в теории и практике по сравнению с ренессансной монархией с пропагандировавшимся теоретиком государства Жаком Боденом идеалом государства «монархия королевская или легитимная».

Во Франции в период религиозных войн и связанного с ними кризиса династии и общества во второй половине XVI в. было глубоко нарушено согласие между короной и подданными. С этой точки зрения, учение Бодена о суверенитете, его концепция абсолютной, суверенной королевской власти представляется реакцией на кризисный синдром, который поразили ренессансную монархию.

Предложенный Боденом образ суверенного властелина существенно отличается, однако, как теоретически, так и практически, от реального образа абсолютного монарха XVII века. Впрочем, как французские короли, так и теоретики монархического абсолютизма принципиально никогда не только не подвергали сомнению установленные Боденом границы власти суверенного властелина, но и подчеркивали их обязательность также и для абсолютного монарха своего времени. Более глубокий анализ произведений теоретиков и практической политики французских королей позволяет установить, что примерно с конца правления Генрих IV (1589—1610), как в политической теории, так и на практике образ властелина меняется от умеренного к абсолютному.

Следует отметить, что понятие «Божьей милостью» (*droit divin*) как в произведениях теоретиков государства, так и в политическом обиходе с первых десятилетий XVII века получает все большее значение для оправдания абсолютной королевской власти, для возвышения монарха. Сторонники «*droit divin*», опираясь на 13 Послание к римлянам в Новом Завете, заявляли, что король ставится непосредственно Богом и что вся государственная власть прямо и без промежуточных инстанций исходит от Бога.

Благодаря принятию доктрины «*droit divin*» французская королевская власть, без сомнения, добилась значительного усиления, а суверенная государственная власть получила обоснование и подтвержде-

ние. Людовик XIV и близкие к нему политические теоретики и апологеты хорошо усвоили учение о «Божьей милости». Хотя принцип прямого делегирования власти от Бога королю прямо не упоминается в записках Людовика XIV, многочисленные однозначные высказывания говорят о том, что «король-солнце» полностью усвоил доктрину «божественного права». Однако отход от умеренной королевской власти подвергся критике уже в первой половине личного правления Людовика XIV.

В 30-е г. XVII века сильнее подчеркивались исключительные полномочия монарха в случае крайней угрозы для государства, о действительном наличии которой он в конечном счете принимал решение сам. Руководствуясь государственным благоразумием и в интересах общественного блага он имел право выходить за предписанные ему рамки власти. «*Necessitas om nem legem frangit*» (Необходимость не знает закона) — так утверждал во времена Тридцатилетней войны юрист и теоретик суверенитета Карден ле Бре.

Для теоретиков и практиков управления и администрации подчеркивавшиеся Боденом структурные принципы «королевской монархии», умеренной ренессансной монархии, имели подчиненное значение. Во французской абсолютной монархии в XVII веке между королем и подданными больше не существовало консенсуса, основывающегося на уважении прав и привилегий социальных групп, поскольку в политике доминировал принцип государственного благоразумия, оправдывавший использование «исключительных полномочий» и вмешательство как в имущество подданных, так и в привилегии и свободы независимых политических органов и сил. Власть от Людовика XIII до Людовика XIV больше не являлась умеренной монархией, ренессансной монархией. Это отразилось, конечно, и на политической организации Франции, которая с конца XVI века — кроме коротких переры-

нов — все больше характеризовались тенденциями к централизации. Но нельзя переоценивать их практическое воздействие, ибо на их пути стояли многочисленные препятствия, которые в конечном счете не смогла преодолеть и абсолютная монархия.

Когда Людовик XIV после смерти Мазарини в мае 1661 г. вопреки всеобщим ожиданиям не назначил «первого министра», он хотел перед всем миром подчеркнуть свое намерение самому использовать при решении государственно-политических дел принадлежащую короне власть. Французский король стал, так сказать, сам своим «первым министром». Его советниками выступали министры, государственные секретари и в определенной мере канцлер, которые участвовали в процессе принятия политических решений и играли определенную роль в различных секциях Королевского совета. Высшее дворянство король в значительной степени исключил из участия в делах управления, не затрагивая, впрочем, его экономических и социальных привилегий. Своих министров и государственных секретарей он набирал — за редким исключением — из «служилого дворянства» либо низшего дворянства, но не из «военного или урожденного дворянства», или высшего клира.

Реорганизация Королевского совета, проведенная Людовиком XIV в начале его личного правления (март и апрель, сентябрь 1661 г.), имела целью устранить силы, которые в прошлом (например, во времена Фронды) являлись серьезной проблемой для короны. Была сформирована основная структура Королевского совета, оставшаяся без существенных изменений до 1789 г. Представители высшего дворянства, за некоторыми исключениями, больше не участвовали в работе отделов совета по делам правления. Заседания отделов совета по делам правления проходили под руководством короля, по крайней мере в принципе. Это не касалось различных отделов совета по делам

авления и юстиции, где председательствовал канцлер. Если верить герцогу Сен-Симону (1675—1755), присившемуся к критикам короля, Людовик XIV за года своего правления только шесть раз не был засен с большинством совета министров. Заседа различных секций Королевского совета проходили регулярно, в определенные дни недели. Лишь к цу правления короля замедлился ритм заседаний, впрочем, пошло на пользу работе короля и автоету его министров (государственных секретарей). Среди министров и государственных секретарей курировали между собой представители трех дигтий. Это особенно касается «клана» Кольбера и ана» ле Теёе де Лувуа, которые поставили блестящих и влиятельных министров в секторы финансов, юмики, управления и иностранных дел (Кольбер), кже военных дел (ле Теёе де Лувуа). Третья «ссная династия» — Фелино, они со времен Генри-V (1589—1610) смогли пробиться на высшие позиции в государстве.

Стародавних представителей короны в провинции, ернаторов, традиционно принадлежавших к выснедворянству, лишили их властной базы. С 1661 г. могли только с согласия короля ездить в управые ими области обычно на несколько недель. занности, которые еще в первой половине XVII а в административном и юридическом секторах олнялись губернаторами, все в большей степени еходили к интендантам. Эти комиссары короля рали во времена Людовика XIV неocenимую роль онцентрации власти и усилении авторитета короля провинциях. Кольбер широко использовал их с 1 г.

Широко практиковавшийся по отношению к губеррам способ передавать большую часть функций гим зависимым от короны органам, не упраздняя дически прежние учреждения, применялся также

по отношению к другим стародавним учреждениям и постоянным корпорациям. Можно считать это характерным для политики французского абсолютизма. При отстаивании своих интересов и своей политики Людовик XIV не мог отказаться от широко раскинутой сети отношений патрона и зависимых от него людей, что является доказательством существования границ управления, основывающегося исключительно на власти приказа абсолютного монарха.

Однако большая часть государственной администрации, как и прежде, находилась в руках королевских чиновников. Их должности долгое время продавались и при выполнении определенных условий могли их владельцами продаваться или наследоваться.

Нельзя недооценивать материальное значение для чиновников связанных с должностью привилегий, в особенности освобождение от палогов. К этому следует добавить возможность достигнуть высоких государственных должностей в управлении и юстиции, а затем и получить дворянство. Эти материальные преимущества и перспективы социального продвижения сделали популярной покупку должностей.

Несменяемость «чиновников» и фактическое наследование должностей привели к тому, что их владельцы чувствовали себя в определенной степени независимыми от главы государства и приобретали сильно выраженное корпоративное сознание. Это приводило к сопротивлению чиновников мерам правительства, вызывая соответствующую реакцию короны, которая в конце правления Людовика XIII все больше и больше ограничивала престиж, но в первую очередь компетенцию, чиновников юстиции и финансов, и передавала их функции другим, более зависимым от короля органам, прежде всего секциям Королевского совета и интендантам. В июле 1661 г. Людовик XIV распорядился, чтобы парламенты, высшие финансовые и палатные суды, которые наряду со своими

юрисдикционными выполняли еще и административные функции, признали за секциями Королевского совета право вынесения приговора в последней инстанции и распоряжений и отчитывались перед ними. Режим был озабочен выравниванием и сохранением нормальных отношений с парламентами, пока они оставались в рамках их юрисдикционной компетенции. Кольбер всегда решительно выступал против любых попыток обструкции со стороны отдельных чиновников, их корпораций или парламентов.

Кольбер принимал большое участие в реорганизации и концентрации управления и юстиции при Людовике XIV. Начав со службы у Мазарини, он с 1661 г. достиг высших позиций в государстве. Уже в 1661 г., после падения обер-интенданта финансов Никола Фуке (1615—1680) он получил в управление всю сферу государственных финансов. Когда в августе 1670 г. Кольбер был назначен «гроссмейстером и обер-интендантом горнорудного дела во Франции», он объединил в своих руках, кроме военного ведомства, иностранных дел и полиции, почти все важные области центрального управления и государственных ведомств. И хотя он прямо не отвечал за армию, его компетенция как генерального контролера финансов давала ему власть и в этой области. Кроме того, вместе с Франсуа-Мишелем де Тейе, маркизом де Лувуа, военным министром и государственным секретарем, он был ответствен за долговременные укрепления. Даже с французскими посланниками и дипломатическими представителями за рубежом он поддерживал регулярные контакты, доказательством чему служит лишь частично опубликованная обширная корреспонденция. Благодаря исключительной концентрации полномочий, чинов и титулов, которые он целенаправленно собирал с 1661 г., Кольбер стал центральной фигурой правительства. Он превосходно умел, учитывая стремление короля самому править страной, поддерживать

сто в убеждении, что все важные решения он принимает сам.

Оставаясь в тени, Кольбер участвовал в разработке концепции и проведении уже упоминавшейся реорганизации Королевского совета. Важнейшим оружием Кольбера для концентрации власти и усиления авторитета короля в провинции были интенданты. После 1661 г. назначение интендантов, которым долгое время занимался канцлер, стало происходить почти исключительно через Кольбера. В общем и целом в процессе реорганизации и концентрации управления и юстиции влияние канцлера значительно уменьшилось. Однако, несмотря на все неоспоримые успехи генерального контролера при расширении института интендантства и вытекающего отсюда более строгого подчинения старых региональных и местных властей функционеру центра, даже ему не удалось упорядочить и унифицировать структуры провинциальной администрации. И в своих усилиях сократить продажу должностей он также достиг лишь частичных успехов.

Результатом деятельности Кольбера явилось подписание в 1667 г. «Приказа, касающегося реформы юстиции». Большой законодательный труд в области уголовного процесса также был принят по инициативе Кольбера в 1670 г. Другие сборники законов, возникновению которых в значительной степени способствовал Кольбер, касались таких важных предметов, как лесное хозяйство (1669), торговое законодательство (1673), морская торговля (1681) и правовое положение рабов в колониях (1685). Эти приказы открыли большие возможности для эффективной реализации реформаторских усилий Людовика XIV и Кольбера.

Кольберу удалось провести реорганизацию и оздоровление такой важной области, как финансы. Несмотря на значительные успехи, которые были обусловлены длительным периодом мира, улучшения в

фискальном секторе все же нельзя признать основополагающей и всеобъемлющей реформой. Министр сделал только первые шаги, чтобы реформировать устаревшую, крайне сложную и непопулярную налоговую систему. Он столкнулся здесь с непреодолимыми трудностями. С началом войны (1672) против Республики Объединенных Нидерландов Кольберу пришлось прибегнуть к тем же вспомогательным методам и практике финансирования, с которыми он лишь недавно энергично боролся. Поэтому разочарование и пессимизм характеризуют его высказывания в памятной записке 1680 г., в которой он просто заклинал короля более экономно вести бюджет.

Значительно ниже ожидавшихся были результаты разнообразной деятельности Кольбера в экономической и торговой областях. Это особенно проявилось в связи с основанием крупных французских компаний по морской торговле. Заветной целью Кольбера было не только равняться на весьма благополучные торговые компании Объединенных Нидерландов, но и обогнать их в выгодной торговле с Вост- и Ост-Индиями, на Средиземном, а также Северном и Балтийском морях, а в перспективе и вообще исключить как конкурентов. Однако его деятельность не нашла положительного отклика. В первое же десятилетие после основания в 1664 г. «Ост-Индская торговая компания» влачила жалкое существование. Развитие другой, также созданной в 1664 г., «Вост-Индской торговой компании» протекало еще более неблагоприятно. И «Северная компания» (1669), и «Левантская компания» (1670) стали убыточными предприятиями. Все они потерпели крах из-за внешних и внутренних противоречий. И тем не менее нельзя не признать определенного положительного влияния этих предприятий: во Франции стали проявлять больше интереса к возможностям, открывавшимся отважным судовладельцам и купцам в торговле с Вост- и Ост-Индией.

Кольбер старался преодолеть раздробленность королевства на области, где взимались различные пошлины, чтобы облегчить циркуляцию товаров. Большое сопротивление вызвала идея министра повысить производство товаров путем создания новых мануфактур. Кольбер сознавал важность этой задачи и с особой энергией занимался ею до самой смерти. Несмотря на все материальные меры содействия, частные предприниматели и заинтересованные города остались равнодушными к этой идее. Он и в этой области не побоялся применить давление и принуждение, чтобы подвигнуть финансистов, откупщиков налогов и городские общины к участию в строительстве мануфактур, от чего они при первой же возможности старались избавиться.

Никогда до этого во Франции торговля и мануфактуры не поддерживались так упорно и такими суммами, которые часто достигали почти миллиона ливров. Кольбер смог все же достичь значительных успехов в воссоздании королевского флота, который к моменту его назначения практически уже не существовал.

Исследования подтверждают мнение, что в течение мирного десятилетия с 1661 г. по 1672 г. Франция переживала экономическую передышку, которая все же не стала поворотным пунктом в длительной депрессии. Вопрос о том, можно ли считать относительное улучшение положения в отдельных областях экономики заслугой Кольбера, а не следствием мирного десятилетия, остается открытым, и окончательный ответ дадут только дальнейшие специальные исследования. Очевидно, что многообразные усилия Кольбера в развитии экономики и положительные импульсы этих мирных лет внесли свой вклад в долговременное улучшение экономического положения Франции.

Не имея собственной концепции, преемники Кольбера в основном пытались решить обусловленные вой-

финансовые проблемы традиционными методиками стараясь ограничить их негативное воздействие. В последний генеральный контролер финансов Людовике XIV, Демаре (на службе в 1708–1711 гг.), смотрел вперед и распознал слабости политики Кольбера.

Преданным Людовику XIV выдающимся деятелем относятся также Мишель ле Тейе (1603–1685) и его сын Франсуа-Мишель ле Тейе, маркиз де Лувуа (1643–1691). Их областью были армейская администрация и военное дело. Их заслугой является создание современной организации и усовершенствование французской армии. Мишель ле Тейе, умный, опытный, но и очень честолюбивый человек, происходил из семьи, наиболее значительные члены которой благодаря служебной карьере перешли из купеческого сословия в служивое дворянство, достигнув самых высоких государственных должностей. В апреле 1643 г. Мишель ле Тейе был назначен секретарем по военным делам, т.е. стал отвечать за французскую армию. В следующие годы он все больше привлекал своего сына Лувуа к обязанностям секретаря по военным делам. С 1664 г. отец и сын вместе исполняли их до тех пор, пока ле Тейе в 1667 г. не получил должность министра. Лувуа уже в 1672 г. стал министром.

Отец и сын ле Тейе не только организовали ответ на требования времени военную администрацию, которая главным образом опиралась на членов старых родов, но и модернизировали обучение офицеров, укрепили воинскую дисциплину, улучшили снабжение. Благодаря им наличный состав французской армии увеличился с 55 тыс. человек в 1662 г. до 110 тыс. человек в 1690 г.

Перед лицом грозившей утраты власти высшими органами, губернаторами провинций и муниципалитетами, около дюжины авторов, в основном дворянского происхождения, начали противопоставлять пропаган-

дировавшемуся со времен Ришелье кредо «droit divin», теорию монархии, основанной на договоре о власти. Эти критики требовали введения контроля над королевской законодательной и исполнительной властью со стороны Генеральных штатов (право ассигнования средств), парламента и добивались участия аристократов в управлении. Некоторые из них даже не исключали сопротивления попирающим «фундаментальные законы» королевства «тиранам».

Не случайно в течение 1674/75 г., т.е. во время войны против Объединенных Нидерландов, были организованы три дворянских заговора, два из которых носили явный гугенотский отпечаток. Весной 1674 г. был разработан грандиозный план открыть Руссильон войскам Испании, с которой Франция находилась в состоянии войны. Тогда же, весной 1674 г., провинциальные дворяне Нормандии, которые должны были платить большую часть «налога на талью», под руководством высокородного Луи де Роан-Гемене, называвшегося «шевалье де Роан» (1635—1674) и дворянина Латремона, попытались поднять в Нормандии восстание. При активной поддержке губернатора Испанских Нидерландов и Вильгельма III Оранского (1650—1702) Нормандию хотели сделать «свободной республикой». И весной же 1674 г. дворянин-гугенот Сардан де Поль пытался организовать вооруженное выступление на юге Франции, которое должно было охватить Лангедок, Гасконь, Бретань, Прованс и Дофине. Он заключил договоры с Вильгельмом III Оранским (21.04.1674) и с Испанией (23.07.1674). При венском дворе на соответствующие предложения Сардана, сделанные в 1675 и 1678 гг., ответили отрицательно. Программы конспираторов, содержавшиеся в манифестах, договорах и памятных записках, носили аристократически-реакционный характер. Хотя они и требовали созыва Генеральных штатов, устранения централизованной налоговой системы, отмены прода-

жи должностей, политико-социального равенства французских протестантов, их подлинной целью было не благосостояние народа, а восстановление сословных и провинциальных свобод, т.е. они следовали традициям времен Фронды.

В своих попытках унифицировать дух и сознание подданных Людовик XIV потерпел неудачу. Это относится к его разногласиям с папой, янсенистами и французскими протестантами.

Людовик XIV рассматривал французскую католическую церковь как инструмент своего господства, поэтому он, насколько возможно, старался сделать ее зависимой от себя. В этом ему помог галликанизм, традиционно распространенный в стране. Наряду с другими элементами, которые мы не будем рассматривать подробнее, центральную роль в галликанизме играли устремления интерпретировать свободы французской церкви как значительную независимость от папы, а также подчинение католического клира королю. Подобные стремления короны проявлялись в ее успешных попытках посадить на места епископов и аббатов преданных людей. Этой политике способствовал конкордат 1516 г., но также и тот факт, что папы тех десятилетий больше интересовались пастырскими, чем политическими аспектами своей деятельности. В первые два десятилетия своего личного правления Людовик XIV постоянно наносил папству унижительные поражения. Наконец, уже в 70-е г. дошло до открытого конфликта с курией из-за проблемы использования доходов вакантных епископств. Этот конфликт еще более обострился, когда на одном из послушных королю собраний клира в Париже были выработаны «Галликанские свободы» и обнародованы 19.12.1682 г. в четырех статьях. Это было прямое покушение на авторитет папы. Так, в статье 1 констатировалось, что короли и суверены ни в каких мирских делах не подчиняются папе. Кроме того, непогрешимость папы и

вопросах веры действительна лишь когда вся церковь одобрит его взгляды. Следствием этой акции стало открытое столкновение с Римом, которое в последующие годы усилилось. Однако в конечном счете в связи с войной за Пфальцское наследство (1689—1697) Людовику XIV пришлось сдаться. В 1693 г. галликанские епископы принесли свои извинения папе Иннокентию XII (1691—1700), и король отменил эдикт 1682 г. с четырьмя галликанскими статьями. Несмотря на это, эдикт и далее преподавался в королевстве. На этой почве произошло примирение Людовика XIV с клиром.

Проводившиеся еще Мазарини репрессии против янсенистов из-за их связей с Фрондой были продолжены Людовиком XIV. Янсенизм — религиозное движение, особенно распространенное во Франции, состояло из маленьких, замкнутых в себе групп, следовавших учению нидерландского теолога Корнелиуса Янсения (1585—1638). В связи со спорами о благодати Янсений пытался быть посредником между кальвинистским и католическим вероучениями. Во Франции янсенизм нашел сторонников среди буржуазии, низшего клира и некоторых епископов. Несмотря на определенные аналогии с протестантизмом, духовные вожди янсенизма были решительными противниками французских протестантов, но особенно иезуитов. После падения близкого янсенистам министра иностранных дел Помпонне и смерти их защитницы, герцогини Анны-Женевьевы де Лонгвиль (1619—1679), король усилил репрессии против янсенизма и его сторонников, потому что их учение, по его мнению, вело к кальвинизму. Людовик XIV добился в 1705 г. в Риме буллы, окончательно осуждавшей положения Янсения и янсенизма. Король повелел 29.10.1709 г. закрыть знаменитый монастырь Пор-Рояль де Шамп. Но запретами и гонениями это духовное движение нельзя было уничтожить. Янсенизм,

первоначальное направление веры маленькой религиозной духовной элиты, в формировании которого участвовали Паскаль, Расин и Буало, стал прибежищем всех католиков, находившихся в оппозиции к Риму, королю и власти епископов.

Как и янсенизм, французский кальвинизм не удалось заставить замолчать ни преследованиями, ни претамы. Около 1660—1670 гг. в стране жили около 800 тысяч кальвинистов, а накануне отмены Нантского эдикта о терпимости (30.06.1598 г.) их было уже только 730 тысяч. Хотя в июле 1629 г., после 8-дневной гражданской войны, военно-политическая организация кальвинистов была устранилена Алессандро эдиктом и был положен конец «Политической протестантской партии», гугеноты оставались бельмом на глазу у католического клира, короля и его министров. Не помогло и то, что пропагандировавшаяся кальвинистскими профессорами и пасторами промонархическая доктрина оказала известное влияние на большинство гугенотов. Но нельзя упускать из виду, что в течение всего 17 века происходили протестантские манифестации, акции и дискуссии, которые отклонялись от этой доктрины или даже противоречили ей. В том, что Людовик XIV рано или поздно собирался восстановить в стране единоверие, не приходится сомневаться. Но из этого не обязательно делать вывод, что его политика по отношению к протестантам с самого начала целенаправленно и планомерно стремилась к скорой отмене Нантского эдикта о терпимости (1598).

Если в период с 1661 по 1679 г. появилось лишь 12 официальных постановлений, направленных против протестантизма, то с 1679 по 1685 г. их число увеличилось до ста. В последнее десятилетие вплоть до 1685 г. гугеноты исключались из определенных профессиональных групп, а в предшествующий период вопреки положениям эдикта им чинили препятст

не в доступе к официальным должностям в центральном и провинциальном аппарате управления, а также высших и средних судебных органах.

В эдикте Фонтенбло (18.10.1685), который отменял Нантский эдикт, содержалось запрещение реформских богослужений в частных домах и господских садах сюзеренов. Протестантских пасторов, которые кратчайший срок не меняли веры, изгоняли. Кроме того, объявлялось о разрушении все еще существовавших кальвинистских церквей, об обязательном католическом крещении и бракосочетании, а также о запрещении выезда гугенотам под угрозой огромных штрафов. Даже если католические сановники вынуждали короля отменить Нантский эдикт, эдикт Фонтенбло разработал ле Тейе, такой же противник гугенотов, как и его сын Лувуа, все же ответственность за него лежит на Людовике XIV.

Не может быть сомнения, что большинство французских протестантов отреклись от своей веры, столкнувшись с актами террора. В основном они дрогнули перед пользовавшимися дурной славой драгунами: кальвинистов расквартировали солдат, которые всячески мучили своих хозяев. Это был часто практикуемый во Франции того времени способ образумить мятежных подданных и успокоить беспокойные местности.

В годы, последовавшие за отменой Нантского эдикта, эмиграция гугенотов, начавшаяся еще раньше, резко увеличилась. Исход, который закончился, вероятно, только в 1760 г., охватил максимум 300 тысяч. Однако вопреки некоторым утверждениям этот исход не привел к долгосрочному и тяжелому расстройству французской экономики. Хотя французский протестантизм получил очень тяжелый удар, цель, к которой стремился Людовик XIV — восстановить единство веры в монархии, — не была достигнута. Массы «новообращенных», которые делали это лишь внешне, уступая жестокому нажиму, поставила в последу-

ющие десятилетия перед правительством неразрешимую проблему. Кальвинизм жил в подполье, несмотря на все опасности, поддерживаемый бежавшими братьями по вере. В первые десятилетия 18 века Северные, Центральная Франция и в Жийенне произошло гугенотское социально-религиозное восстание, которое в 1702—1705 гг. в своих основных центрах приняло характер гражданской войны. Его удалось подавить регулярными войсками лишь в 1710 г.

Внешняя политика

В течение всего периода личного правления Людовика XIV ответственность за внешнюю политику Франции лежала на нем. Он единолично принимал решения по вопросам внешней политики. Это, разумеется, не исключало того, что временами тот или иной министр начинал играть большую роль в процессе принятия решений. Ни источники, ни конкретная внешняя политика не позволяют сделать вывод о существовании общей концепции, рассчитанной на долговременную реализацию, но все же во внешнеполитической деятельности короля можно различить некоторые характерные черты, некоторые основополагающие моменты. Согласно убеждению Людовика защита государства и его территориальное расширение не только были велением государственного разума, но и являлись обязанностью, возложенной на французского короля «фундаментальным законом монархии. К нему относилось старое положение закона о неотчуждаемости имущества короны, королевских «доменов» и отсутствии сроков давности всех претензий на них. Религиозная война, политика воссоединения и война за Испанское наследство — именно таким образом легитимировались Людовиком XIV или официальными французскими публицистами его действия. Но как бы ни старался король при проведе-

нии экспансионистской политики обосновать правомерность своего поведения, все же нельзя отрицать, что он неоднократно роптал на военное вторжение без какой-либо правовой базы. Это подтверждают войны против Республики Объединенных Нидерландов и в определенной степени — война за Пфальцское наследство. В обеих этих войнах в конечном счете силовая и экспансионистская политика доминировала над рассуждениями о французских интересах безопасности. При этом нельзя упускать из виду, что король в конце своего долгого единоличного правления критически оценивал свои частые войны.

Мазарини заблаговременно познакомил Людовика XIV со средствами и методами французской внешней политики. Поэтому не является неожиданным, что собственные действия короля в известной мере были продолжением политики Мазарини и Ришелье, которое обуславливалось общей расстановкой политических сил в Европе в 1661 г., в значительной степени повлиявшей плодом деятельности обоих кардиналов.

Для Людовика XIV из-за нерешенности вопроса об испанском наследстве центральной проблемой внешней политики была опасность создания габсбургской «универсальной монархии». Но после его женитьбы на испанской инфанте Марии-Терезии у Франции появился шанс предъявить территориальные претензии, если вообще не попытаться урегулировать вопрос об испанском наследстве в свою пользу. Во всяком случае Людовик XIV объявил войну габсбургскому господству в Европе и стремился к такой расстановке сил, которая воспрепятствовала бы этому господству, но чтобы сама Франция сохранила такой контроль.

Для короля и его политических советников потенциальная угроза дома Габсбургов играла центральную роль. Франции необходимо было обезопасить себя от этой угрозы, несмотря на то, что дом Габсбургов, как испанская, так и австрийская ветви, после Пиреней-

го мира (1659), находился в состоянии обороны и всей преемственности политики кардиналов Ришелье и Мазарини, с одной стороны, и Людовика XIV с другой, следует все же видеть четкие различия и ясно проявляются в средствах и методах. Проводившуюся Ришелье и Мазарини политику «малого проникновения» сменила политика силы. Возникнет аппетит к территориальным захватам. Если признание Дюнкерка в 1662 г. еще можно рассматривать как продолжение «политики прохода и ворот» Ришелье и Мазарини, то применительно к деволуционной войне против Республики Объединенных Нидерландов уже об этом больше не может быть и речи. После смерти Филиппа II Испанского (17.09.1665) Людовик XIV сослался на частное право деволуции (согласно ему, дети от первого брака по смерти отца имеют право наследовать причитающееся им наследство), чтобы военным путем получить все Испанские Нидерланды — или по крайней мере большую их часть как приданое своей жены. То, что Людовик XIV делал при этом в виду все Испанские Нидерланды, подтверждает ход переговоров в 1663/64 гг. между голландским государственным деятелем де Виттом и французским посланником, на которых французская сторона отвергла как предложенное де Виттом впадение Южных Нидерландов, так и его предложение создать южнонидерландский «кантон» по швейцарскому образцу. Претензии Франции на все Испанские Нидерланды сыграли центральную роль в развязывании войны против Республики Объединенных Нидерландов. Однако, по Нимвегенскому миру (1678/79 г.) эта цель была реализована лишь частично.

Во французских, английских и американских исследованиях подчеркивается, что второй целью внешней политики Людовика XIV было стремление не только расширить, но и удлинить французскую границу.

севере и востоке. Это должно было защитить внутренние области и столицу Париж от внешней агрессии. При реализации «пограничной политики», более метившей и проводившейся агрессивными методами, французская сторона имела успех. Полученные территориальные приобретения, когда речь шла в основном не о больших замкнутых областях, а часто об анклавах, требовали затем, с французской точки зрения, нового выравнивания. Уже в 1673 г. Вобан в своем известном письме Людовику XIV рекомендовал обеспечить Франции разумные и лучше защищенные границы, сделать монархию «*per se* saepe». После Нимпенского мира Франция проводила в жизнь эту концепцию с удвоенной силой.

Все более агрессивную «пограничную политику» следует рассматривать в связи с уже упомянутым стремлением Людовика XIV обеспечить Франции безопасность. После 1679 г. к традиционному франко-габсбургскому противостоянию присоединилось франко-английское. Начинавшийся франко-английский антагонизм и создание антифранцузской коалиции во время войны Франции против Объединенных Нидерландов, коалиции, к которой кроме Голландии и Испании присоединился кайзер, имели своим следствием изменение методов прежней французской «пограничной политики» на востоке.

До настоящего времени бытует мнение, что война Людовика XIV против Республики Объединенных Нидерландов, конфликт, который привел не только к образованию мощной антифранцузской коалиции, но и к первым ощутимым финансовым трудностям в самой Франции, планировался Кольбером, чтобы военными средствами сокрушить Голландию как торгового конкурента. Новейшие исследования показали, что такая точка зрения неправомерна. Изучая причины Голландской войны, американский историк Пол Соннино установил, что Кольбер из экономических и фи-

налоговых соображений не только выступал за завершение деволуционной войны компромиссным Аахенским миром (2.05.1668 г.), но и пытался избежать войны против Республики Объединенных Нидерландов, к которой стремились Людовик XIV и молодой Лувуа. Совершенно ясно, что Кольбер не стремился к войне. В 1669—1670 гг., когда король уже готовился к войне, и в дипломатическом и в военном плане, министр пытался удержать его от военного конфликта с Голландией. Он боролся за снижение государственных расходов и пытался убедить короля в том, что Франция в течение 12—13 лет могла бы ослабить голландского соперника при помощи экономической и торговой политики. В письме королю он критиковал обещанные английскому королю Карлу II по Doverскому договору (1.06.1670) выплаты субсидий, так как для государства нет ничего вреднее, чем экспортировать ежегодно такие большие денежные суммы. Но в конце концов в 1671 г. Кольберу пришлось примириться с решением короля и добывать средства для ведения войны.

Известия о растущих финансовых трудностях Франции, крестьянских мятежах и дворянских заговорах 1674 г. с большим удовлетворением принимались к сведению противниками Людовика XIV. Однако высказанная Вильгельмом III Оранским в августе 1675 г. надежда, что под влиянием финансово-экономических проблем и социальных конфликтов Людовик XIV будет стремиться к скорейшему заключению мира ценой отказа от основных французских интересов, не осуществилась. Нельзя не отметить, что растущий дефицит средств у всех участников войны в конечном счете увеличивал их готовность к миру. Однако экономические трудности и социальные конфликты решительно не повлияли на внешнюю политику короля и результаты мирных переговоров.

В Голландской войне Франция показала себя достаточно сильной в военном и экономическом отношении, чтобы в течение ряда лет противостоять европейской коалиции. Противники же Франции были менее подготовлены к тяготам войны, и в антифранцузской коалиции вскоре возникли трещины, которые Франция использовала в своих интересах. Но даже Людовик XIV вынужден был признать, что и он не смог бы победоносно вести борьбу долгое время. Понимание этого, а также тот факт, что во время конгресса в Нимвегене все увеличивавшиеся противоречия в лагере противника давали ему возможность заключить выгодный для Франции в территориальном отношении мир, подтолкнули Людовика XIV к окончанию войны (1678/79). Финансово-экономические проблемы и социальные конфликты имели второстепенное значение для решения короля. Для Людовика XIV политика власти тогда была важнее экономических и социальных соображений.

Десятилетие после Нимвегена, когда часть государственного долга была погашена, «талля» вновь слегка уменьшена и дефицит в 1686/87 г. снижен до нескольких миллионов ливров, прошло под знаком уже провозглашенной захватнической и агрессивной «пограничной политики безопасности». Людовик XIV в этой политике явно руководствовался намерением каждую вновь приобретенную область по возможности обезопасить созданием защитной линии.

К этой фазе экспансивной «пограничной политики безопасности», когда уже завоеванные в Европе позиции использовались для укрепления положения Франции как европейского гегемона, следует отнести и войну за Пфальцское наследство (1688—1697 гг.). Так же, как и деволуционная война (1667/68 г.), она подтверждает, что система монархического абсолютизма, создаваемая регулированием права наследования и фундаментальными законами, всегда содержит значи-

тельный потенциал внешнеполитических конфликтов. Но Людовик XIV был не готов в 1688 г. к длительной войне против европейской коалиции, в которой теперь участвовала и Англия. Перед лицом изменений в европейской расстановке сил вследствие успехов Австрийского дома в войне с турками и «славной революции» французский король превентивным ударом хотел добиться долговечного владения предоставленными ему только на 20 лет областями из пфальцского наследства, а также благоприятного для Франции решения конфликта из-за выбора архиепископа в курфюрстве Кёльн, который он считал твердым опорным пунктом Франции. Однако Людовик XIV недооценил решимость европейских держав к отпору и не учел, что своим поведением он провоцирует создание широкой коалиции, которая вовлекла его в девятилетнюю войну.

Эта война принесла Франции большие тяготы, которые совпали по времени с усиливавшейся экономической депрессией и «демографическим кризисом старого типа». Сразу после начала войны дефицит государственного бюджета вновь увеличился и достиг в 1698 г. самой большой цифры в 138 млн ливров. Страна была истощена, монархия оказалась практически неплатежеспособной.

Положение усугублялось большим демографическим кризисом 1693/94 г. Он был вызван катастрофическим неурожаем 1693 г. и, как следствие этого, бешеным подъемом цен на пшеницу. «Кризис пропитания» постиг население, которое и так страдало от тяжелого налогового бремени, вызванного военными расходами, а также от последствий негативной экономической конъюнктуры. Потери населения из-за этого кризиса были огромными.

Исключительно высокая цена долгой войны, истощение казны, упадок торговли, нищета в сельской местности, драматическое сокращение населения, оп

позиционные устремления дворянства и буржуазии все эти факторы свидетельствовали в пользу окончания войны. Многие говорят о том, что Людовик XIV на данном этапе своего правления уже в большей мере считался с этими факторами, чем прежде. С 1696 г. он не только прилагал усилия для заключения мира, но и впервые сделал значительные уступки на начавшихся в мае 1697 г. в Рийсвийке мирных переговорах. По мирному договору (1697) он отказывался от большей части территорий вплоть до Эльзаса и Страсбурга, уступил герцогство Лотарингское сыну Карла V Леопольду и реституировал места в Южных Нидерландах и Люксембурге за Испанией. Ко времени Рийсвийка, когда была заложена основа для создания баланса сил в Западной и Центральной Европе, Людовик XIV был вынужден учитывать в своих политических амбициях экономические нужды и социальные реалии монархии. Они в конечном счете обусловили его готовность к миру и значительным уступкам. Этот факт, по крайней мере, его сущность — осознавали и современные ему наблюдатели.

Окончание войны не принесло широкомасштабного облегчения стране, так как мир не продлился и пяти лет. Впрочем, появились признаки улучшения финансово-экономической ситуации — удалось несколько снизить гигантский государственный долг путем политики выплат и возобновить успешную заморскую торговлю с Антильскими островами, Испанской Америкой и Китаем. Однако начало войны за Испанское наследство (1701—1713/14 г.) свело на нет все эти достижения.

В новейших исследованиях аргументированно отстаивается тезис, что война за Испанское наследство, которое уже с начала 60-х г. постоянно занимало европейские правительства, стала неизбежной после смерти 6.02.1699 г. баварского кронпринца Иосифа

Фердинанда, назначенного испанским королем Карлом II (1665 — 1700) в его завещании полным наследником. Людовик XIV находился перед дилеммой, когда он вскоре после смерти Карла II 1.11.1700 г. узнал, что он назначил полным наследником Филиппа Анжуйского (1683 — 1746), второго сына дофина. Умерший также распорядился, что если Людовик XIV откажется от испанского наследства, оно должно перейти к австрийским Габсбургам. Если бы французский король, который на предшествующих переговорах по различным проектам разделения проявил значительную уступчивость и готовность к компромиссу, принимая для своего внука испанское наследство, тогда он нарушал бы свое слово, данное во втором договоре о разделе (июнь 1699 / март 1700 гг.) морским державам. Если же Людовик XIV отказался бы от принятия наследства и продолжал придерживаться второго договора о разделе, то тогда было бы распространено предложение императора Леопольда I, который наверняка согласился бы принять завещание для своего второго сына Карла. Но такая перспектива была несовместима с французскими государственными соображениями. Сюда следует добавить, что Людовик XIV не смог бы избежать войны даже при соблюдении второго договора о разделе. В этом случае военное разбирательство с Испанией и кайзером было предрешено. Поэтому понятно, что Людовик XIV после интенсивных переговоров принял завещание Карла II и 16.11.1700 г. представил Филиппа Анжуйского собравшемуся в Версале двору как «короля Испании». В последующие месяцы международное положение осложнилось из-за некоторых действий как Людовика XIV, так и кайзера и морских держав. Однако начало войны за Испанское наследство весной 1701 г. было результатом не только решения французского короля принять завещание Карла II. Как недавно установил Уильям Ру-

ни, война началась, так как «у многочисленных участников были противоположные интересы».

Вскоре после начала войны вновь ухудшилось финансовое и экономическое положение во Франции. Годовой дефицит государственного бюджета увеличился с 72,9 млн ливров до 178,7 млн ливров в 1701 г., а в 1711 г. достиг 225 млн ливров. Для финансирования военных расходов короне вновь пришлось прибегнуть к традиционным вынужденным мерам, на которых мы не будем останавливаться подробнее. Но все эти меры и предпринятые через короткие промежутки времени манипуляции с валютой не смогли предотвратить катастрофического финансового положения монархии. На троицу 1709 г. только прибытие флота из испанских заморских владений, нагруженного 30 млн пиастров, спасло монархию от банкротства.

В области экономики была та же мрачная картина, проблесками на которой были только районы в непосредственной близости от атлантических портов. В этих областях текстильные мануфактуры получали прибыль от экспорта в испанские колонии, которые были открыты для французской заморской торговли. Зимой 1709/10 г. страну постиг катастрофический голод со всеми вытекающими отсюда демографическими последствиями.

Перед лицом финансового кризиса, волнений в стране и тяжелых поражений в битвах при Хёхштедте (1704), Турине (1706) и Уденаарде (1708) Людовик XIV был готов на очень большие уступки ради мира. После того как официальные переговоры в 1704 и 1706 гг. потерпели неудачу из-за непреодолимых разногласий партий, французский король послал в мае 1709 г. своего министра иностранных дел Кольбера де Торси с очень обширными полномочиями в Гаагу. Он объявил там о готовности принять почти все пункты сильно завышенных требований соперников. Он не только отказался от притязаний Бурбонов на ис-

панскую корону, Страсбург, Кель, Брейсах, Ландау и Эльзас, он не только согласился на возврат французских владений в Испанских Нидерландах, но и объявил о готовности поддержать денежными средствами борьбу коалиции против испанского короля Филиппа V (1700—1746). И все же, несмотря на такие огромные уступки, переговоры провалились, потому что союзники потребовали гарантий вооруженного выступления Людовика XIV против его внука в случае сопротивления сдаче Испании и всех ее союзников. По подобную дерзость король посчитал несовместимой со своими «честью» и «славой».

Не может быть сомнения, что союзники тогда упустили благоприятный момент. Дальнейший ход войны улучшил положение Франции, так что в мирных соглашениях в Утрехте (1713) и Раштатте (1714) были достигнуты более приемлемые условия. Но то, что Людовик XIV в войне за Испанское наследство был согласен на такие огромные уступки, совершенно определенно объясняется экономическими тяготами и катастрофическим положением в самой Франции. Именно они оказали решающее влияние на внешнюю политику короля в этот период его личного правления.

По сравнению с резкими требованиями, которые Людовик XIV готов был принять во время переговоров 1709 г., закончившихся провалом, компромиссный мир 1713/14 г. был для Франции более благоприятным. Бурбоны продолжали владеть Испанией и колониями. Людовик XIV смог добиться, в противовес кайзеру, на восточной границе урегулирования согласно Рийсвийкскому соглашению. Однако на севере ему пришлось отказаться от части французской Фландрии и принять нидерландский «барьер». Это означало на долгий срок забыть о возможности как можно дальше отодвинуть границы королевства на север и восток от Парижа.

Конец жизни и смерть

Как уже упоминалось, между 1683 и 1690 гг. Версаль постепенно начал отгораживаться от внешнего мира. Париж стал более притягательным и для благородного общества. Большую роль в этом сыграли экономические проблемы как результат войны, старение короля и не в последнюю очередь растущее влияние мадам де Ментенон. Но определенное значение имел и тот факт, что позиции короля в вопросах веры все больше сближались с позициями «набожных» и он требовал от своего окружения беспрекословного соблюдения морали.

Мадам Скаррон, урожденная Франсуаза д'Обиньи, маркиза де Ментенон (1635—1719), заботившаяся о внебрачных детях короля Людовика XIV и маркизы де Монтеспан, находилась в тесном контакте с королем. Она сопровождала короля и его метрессу во многих поездках. Когда старший выживший сын Монтеспан и Людовика XIV в декабре 1673 г. был узаконен, мадам Скаррон прибыла вместе с ним ко двору. Анализ ее корреспонденции указывает на то, что эта очень красивая женщина через несколько месяцев после некоторого колебания и преодоления угрызений совести стала метрессой короля. Во всяком случае, с того времени она была осыпана денежными вознаграждениями, привилегиями и торговыми монополиями. Кроме того, Людовик XIV присвоил ей титул «мадам де Ментенон», используя название замка, который она купила в декабре 1674 г. Тесная близость короля с мадам де Ментенон, которая отказывалась от возведения в сан герцогини, стала в 1681 г. совершенно явной, когда Людовик XIV предоставил ей в Версале апартаменты, примыкавшие к его собственным. Когда королева Мария-Терезия умерла 30.07.1683 г., король предложил своей фаворитке тайный брак. Из переписки между мадам де Бринон и Шарлем д'Обиньи можно сделать вывод, что эта державшаяся в тайне женить-

ба произошла 9 или 10.10.1683 г. Начиная с этого времени, мадам де Ментенон стала «некоронованной королевой Версаля». С этого момента ее жизнь была тесно связана с историей королевства. Однако это неоспоримый факт не должен приводить к ложному выводу, что она стала оказывать заметное, хотя и тайное влияние на политику короля.

Людовик XIV в течение всей своей жизни никому не позволял руководить собой в государственных делах. И все же, учитывая особо тесные отношения между мадам де Ментенон и королем, нельзя не признать, что мнение «некоронованной королевы Версаля» в политических делах имело вес. С конца 1683 г. они ежедневно подолгу беседовали обо всем: о стройках, театре, религиозных проблемах, и прежде всего о людях. Поэтому было неизбежно, что их беседы хотя бы касались политики. Так, известно, что Ментенон невысоко ставила Лувуа и оказывала предпочтение клану Кольбера. Кроме того, известно, что в конце правления Людовика XIV министры предпочитали искать доступа к ослабевшему королю, которого они не хотели слишком утомлять, через мадам де Ментенон. Они информировали ее и оставляли на ее усмотрение, нужно ли беспокоить короля этим делом. Поэтому злые языки в 1714 г. утверждали, что над советом министров правит триумвират — Ментенон, исповедник Мишель Тейе (1643 — 1719) и канцлер Даниэль-Франсуа Вуазен де ла Нуарей (1654 — 1717). Это было не совсем так. Но нельзя отрицать, что канцлер Вуазен своей карьерой в основном был обязан протекции де Ментенон. Даже если Ментенон и не делала политику, то все же она участвовала в некоторых важнейших политических решениях короля, например, о закреплении наследования трона и завещании. Бесспорно также, что этой выдающейся женщине удалось провести коренные изменения в жизни короля и всего двора. Жизнь в Версале стала серьезнее и, на взгляд

придворных, скучнее. Под ее влиянием король приобрел более серьезное мировосприятие.

После смерти министра Сеньелю (Жан-Батист Кольбер, маркиз де Сеньелей, 1651 — 1690) и Лувуа (1641 — 1691) наблюдается дальнейшее увеличение полноты личной власти короля, хотя нельзя — как некоторые современники — говорить о деспотизме. Это проявляется, например, в его стратегических, тактических и административных усилиях, направленных на ликвидацию последствий опустошительных неурожаев и голода 1693/94 г.

Очень огорчили и обеспокоили старого короля три смерти близких людей, которые произошли в течение нескольких месяцев и поставили под угрозу прямое наследование трона по мужской линии. 14.04.1711 г. умер сын Людовика XIV, дофин Людовик Французский (1661 — 1711) от ветряной оспы. Его смерть потрясла короля и отца. Еще не оправившись от этого удара, он потерял 18.02.1712 г. своего внука, второго дофина Людовика Французского, герцога Бургундского (1682 — 1712). Менее чем через три недели, 8.03.1712 г., умер старший правнук короля третий дофин, Людовик Французский, герцог Бретанский (1707 — 1712). Он пробыл дофином только 19 дней. Чтобы в этой ситуации надолго сохранить для династии, находившейся под угрозой, наследование трона, король решился на меру, которая являлась нарушением регулирующего престолонаследие «Основного закона» монархии, так называемого «Салического закона». В июле 1714 г. он издал распоряжение, что родившиеся от связи с маркизой де Монтеспан, т.е. незаконнорожденные сыновья, герцог Мень (1670 — 1736) и граф Тулузский (1678 — 1723) допускаются к наследованию трона, в случае если больше не останется принцев королевской крови. И хотя этот эдикт, в появлении которого участвовала и мадам де Ментенон, явно нарушал «Ос-

новной закон» королевства, Парижский парламент зарегистрировал его 2.08.1714 г.

Завещание, предоставленное в августе 1714 г. Парижскому парламенту, также мало соответствовало «Основному закону». Этим завещанием король хотел урегулировать будущее регентство для своего правнука, дофина, предусмотрев учреждение регентского совета, даже зафиксировав его персональный состав и установив, что решения в этом совете будут приниматься большинством голосов. Однако это завещание не сыграло роли, поскольку 2.09.1715 г., на следующий день после смерти короля, Парижский парламент объявил его недействительным.

9.08.1715 г. король заболел и на следующий день вернулся из Марли, где он находился на охоте, в Версаль. Хотя в последующие дни он как мог занимался государственными делами, каждому было ясно, что состояние его здоровья постоянно ухудшается. 24.08 двор, друзья короля и его врачи начали серьезно беспокоиться из-за течения болезни. На следующий день Людовик XIV принял соборование. В течение следующих дней он попрощался со двором, с членами своей семьи и приготовился к смерти. 30.08 он потерял сознание, гангрена распространилась на колено и все бедро. Людовик XIV умер 1.09.1715 г. в 7.15 утра. С его смертью Франция потеряла одного из своих самых великих и значительных властителей, чье правление наложило неизгладимый отпечаток на французскую монархию и достижения которого вызвали многочисленные подражания далеко за пределами Франции.

Государственные финансы находились в 1715 г. в плачевном состоянии. Если дошедшие до нас сведения верны, государственные долги достигли гигантской для того времени суммы около 2 млрд ливров. Однако, несмотря на это, следует подчеркнуть, что страна благодаря своим природным ресурсам, срав

Людовик XIV

ельно прочной аграрной экономике, мануфактур-
ным мощностям и своей заморской торговле, пусть
даже и с величайшими трудностями, выстояла в тече-
ние 25 военных лет.

Хотя Людовику XIV и не удалось воплотить свое-
го стремления к гегемонии в Европе, после смерти он
оставил страну больше и лучше защищенную, чем в
начале его единоличного правления. Людовик XIV
оставил своему преемнику монархию, которая и в пос-
ледующие десятилетия была в состоянии играть в Ев-
ропе первостепенную политическую роль. Следует
напомнить с Вольтером, метко заметившим: «Несмот-
ря на все, что написано против него, его имя будут
приносить не без благоговения, и с этим именем бу-
дет соединять идею столетия, которое навсегда оста-
нется благодарным».

Петер Клаус Хартмани

ЛЮДОВИК XV

1715—1774

Родился 15 февраля 1710 г. в Версале, 8 марта 1712 г. дофин, 1 сентября 1715 г. король Франции (до 1723 г. регентство), 25 октября 1722 г. помазание на царство и коронация в Реймсе. Умер 10 мая 1774 г. в Версале, похоронен 12 мая в Сен-Дени.

Отец: Людовик, герцог Бургундский, 1711 г. дофин, старший внук Людовика XIV (1682—1712). Мать: Мария Аделаида Савойская (1685—1712), дочь Виктора Амадеуса II (1666—1732), с 1675 г. герцог Савойский, с 1713 г. король Сицилии и с 1720 г. король Сардинии, и Анны Марии, принцессы Орлеанской (1669—1728). Братья: герцог Бретанский (1700—1712), дофин в течение 18 дней.

Женитьба 5 сентября 1725 г. на Марии Лещинской (1703—1768), дочери лишённого престола польского короля Станислава I Лещинского (1677—1766), с 1738 г. герцог Лотарингский и Барский. Два сына и восемь дочерей, среди них Луи, дофин Франции (1729—1765), отец Людовика XVI, и Мария Лещинская-Елизавета (1727—1759), супруга инфанта донна Изабеллы, с 1748 г. герцога Пармского.

«Я во всем хочу следовать примеру усопшего короля, моего прадеда», — заявил 16-летний Людовик XV после падения премьер-министра герцога де Бурбона в 1726 г. Было ли это возможно?

Людовик XV (1715 – 1774)

При его прадеде Людовике XIV (1643—1715) система «абсолютистской» монархии во Франции и Европе достигла своего наивысшего развития. «Король-солнце», как никто другой, умел олицетворять суверенность «абсолютного» монарха и центральную власть королевства в реальности и лично заполнять эту центральную позицию. Тяжелая роль «вездесущего» короля была по плечу только личности с качествами Людовика XIV. Но этим «король-солнце» превратил королевство в груз, который превышал человеческие силы.

Человеческие слабости помешали Людовику XV, несмотря на все положительные качества, последовать примеру своего предшественника и сосредоточить государство в своей персоне как это делал «вездесущий» король. Он не дорос до нечеловеческих задач «абсолютной» монархии. Так он стал непонятой, одинокой и трагической фигурой.

В течение долгого времени Людовика XV изображали как ленивого и слабого короля, имевшего большое количество фаворитов и метресс, и только новые биографы, прежде всего Мишель Антуан, справедливо оценивают его как личность с присущими ему достоинствами.

Человек, личность, характер

Людовик родился в Версале 15.2.1710 г. Он был сыном герцога Бургундского, старшего сына дофина (кронпринца) Людовика и Марии Анны Баварской. Таким образом, он был сыном старшего внука Людовика XIV и Марии-Аделаиды Савойской. Ничего, казалось, не предвещало маленькому Людовику, что когда-нибудь он взойдет на трон «короля-солнце». Но тут огромное несчастье разразилось над династией Бурбонов: в течение одного года, с 14.4.1711 г. до 8.3.1712 г. смерть унесла по очереди дофина (умер

14.4.1711 г. от оспы), следовавшего за ним дофина герцога Бургундского (умер 18.2.1712 г. от кори), его супругу Марию-Аделаиду (умерла 12.2.1712 г.) и ставшего дофином старшего брата (умер 8.3.1712 г.).

Поскольку первенец умер еще в детстве, остался только двухлетний Людовик, дофин, надежда династии, когда правящему королю и прадеду Людовику XIV было уже 73 с половиной года. Маленький пропрынц, прелестный ребенок, живой, рано развившийся, робкий, очень нежный, тонко чувствующий, слабый и избалованный, будучи полным сиротой, рос без семьи, братьев и сестер, очень изолированно и замкнуто, хотя и окруженный множеством людей. Поэтому он очень привязался к гувернантке, которую называл «мама Вештадур», и к своему прадеду, которого называл «папа король».

Последний распорядился, чтобы его бывший соратник в играх, 73-летний герцог Вийерой стал гувернером, 63-летний епископ Флери — воспитателем, а герцог де Мень, узаконенный сын, — опекуном, чтобы герцог Орлеанский, регент и двоюродный дед малыша, не оказывал на него слишком большого влияния.

Когда Людовик XIV 1.9.1715 г. умер, Людовик XV в пять с половиной лет стал королем Франции. Разумеется, в этом возрасте он еще не мог править, это делали регент с регентским советом от его имени. Но тем не менее для маленького застенчивого мальчика началась серьезная жизнь, потому что его все больше и больше привлекали к выполнению представительских задач. Уже 2.9.1715 г. он должен был в качестве короля председательствовать при чтении завещания Людовика XIV. Он открыл заседание несколькими выученными словами и затем передал все канцлеру. Ему необходимо было также в присутствии регента принимать выражения соболезнования в связи со смертью Людовика XIV, затем регулярно принимать

дипломатический корпус, присутствовать при принесении присяги и выполнять религиозные обязанности как всехристианнейший король и многое другое. На Вийерое прежде всего лежит вина за то, что маленького мальчика на седьмом году жизни перегрузили этими протокольными повинностями, и у робкого от природы ребенка появился так и не покинувший его страх перед скоплением незнакомых людей. За не принужденностью и превосходными манерами врожденная робость скрывалась в душе и характере монарха. В то время когда другие дети могли играть со своими ровесниками, он с удивительной серьезностью выполнял взваленные на него обязанности, которые его очень обременяли и рано выработали склонность к меланхолии. Вскоре отношения доверия соединили его с воспитателем и домашним учителем епископом Андре Эркюлем де Флери, с 1699 по 1715 г. управлявшим маленьким епископством Фрежу, человеком скромным, мудрым и набожным, сторонившимся при дворных интриг.

Флери дал юному королю ярко выраженное религиозное образование.

Уже в возрасте 10 лет наряду с прежними представительскими обязанностями Людовика XV начали посвящать в другие королевские дела. С 18.2.1720 г. он регулярно (как слушатель) участвовал в заседаниях Государственного совета. Кроме того, он начал углубленно заниматься всеми важными для короля отраслями знаний.

Как и в других монархиях, брак короля рассматривался как важное политическое мероприятие, желания или симпатии участников здесь не играли роли. Но брачная политика регента и его премьера кардинала Дюбуа, которые для закрепления дружественных отношений с Испанией соединили 11-летнего Людовика XV с 3-летней испанской инфантой Марией Анной Викторией, была особенно вопиющей. Брач-

ный договор был подписан 25.11.1721 г. и маленькую испанскую принцессу привезли в Париж, чтобы воспитать ее там и дожидаться, пока станет возможным церковное венчание.

11-летнего короля его невеста, естественно, оставила равнодушным, но он по ее прибытии подарил ей куклу. Так Людовик XV рос в одиночестве во главе государства, без семьи и близкого друга. Его единственными доверенными лицами были пожилая «маман Вентадур» и сравнительно старый Флери.

25.10.1722 г. с большой помпой, по старой традиции, Людовик был помазан на правление и коронован в Реймском соборе. Когда королю 15.2.1723 г. исполнилось 13 лет, он стал совершеннолетним и регентство закончилось.

Вскоре премьер-министр герцог де Бурбон считал крайне необходимой женитьбу часто болевшего короля, на которого возлагались надежды династии. 6-летнюю «инфанту-королеву» в 1725 г., к великому возмущению испанцев, отослали обратно в Мадрид. Новой невестой Бурбон выбрал польскую принцессу Марию Лещинскую, дочь лишённого трона короля Станислава, которая была на 7 лет старше Людовика. Свадьба состоялась 5.9.1725 г. в Фонтенбло с большой пышностью и в присутствии огромного количества князей и дворян со всей Европы.

Что же за человек был Людовик XV, росший без родителей и семьи и чувствовавший себя всегда одиноким? Какой у него был характер?

Современники, а также сохранившиеся портреты свидетельствуют, что Людовик XV был красивым, хорошо сложенным, крепким мужчиной. Представительная внешность, гармоничные черты лица делали его очень привлекательным. Говорили, что он «красивейший мужчина в своем королевстве». Он особенно любил верховую езду и охоту и имел крепкое здоровье. Впрочем, у него была склонность к воспали-

нию слизистой оболочки носа и ларингиту, отчего голос делался хриплым. Вообще его голос не соответствовал импозантной внешности. Это мешало ему выступать, добиваться признания своими речами, представлять, руководить Советом, умирять строптивые парламентские советы и править своим двором. Поэтому министрам часто приходилось вместо него читать его заявления.

Важнейшей отличительной чертой короля была его высокая интеллигентность. Он наряду с Генрихом IV был интеллигентнейшим из Бурбонов (Антуан), быстро схватывал суть и был проницателен, как подчеркивают многие его сотрудники, такие как д'Агресон, д'Аверди, Крой и др. Французский министр иностранных дел маркиз д'Агресон писал «Король думает быстро». И подчеркивал: «Ход его мысли быстрее молнии... с быстрыми и резкими суждениями».

Людовик относился, как с удивлением сообщал в Вену австрийский посланник Кауниц, к наиболее хорошо информированному и высокообразованному властителю своего времени. Монарх всегда стремился расширить и обогатить свои знания и для этой цели собрал великолепную, постоянно пополнявшуюся новыми книгами личную библиотеку. Наряду с историей, правом и теологией его интересовали естественные науки и вопросы общественного здравоохранения. Он лично способствовал основанию «Академии хирургии» и поощрял естественно научные проекты, как, например, графа ле Гарея, который в 1745 г. опубликовал свою «Гидравлическую химию». Как подчеркивал современник Крой, «король особенно хорошо разбирался в астрономии, физике и ботанике».

Людовик XV, высокоинтеллектуальный и образованный человек, имел «крайне сложный и загадочный характер» (Антуан). Агресон и герцог де Люини описывали его как непроницаемого и недоступного. У

него были слабые нервы, он робел перед людьми, часто впадал в меланхолию и депрессию. Люйни пишет по этому поводу: «Приступы меланхолии иногда проявлялись спонтанно, иногда обуславливались обстоятельствами».

В то время как «король-солнце», которого все по крайней мере внешне — уважали и почитали, держал в руках двор и придворных в Версале, застенчивому, боявшемуся людей Людовику XV сильно действовали на нервы постоянные придворные интриги, споры из-за ранга, злобная болтовня и клевета, нескрываемые зависть и гордыня. С детства приученный к скрытности, монарх видел только одну возможность отгородиться от всего этого: проявлять сдержанное, загадочное, молчаливое, всегда таинственное и недоступное внешним влияниям отношение. Как многие застенчивые люди, он не показывал своих чувства и стал мастером притворства и скрытности. Весьма замечателен в этом плане совет, который он в 1771 г. дал своему внуку Фердинанду: «Прежде всего успокойтесь и не позволяйте видеть ваши чувства».

Людовик XV скрывал, что он планировал, что делал и над чем работал. Из-за этого у общественности сложилось ложное впечатление, что он не интересуется делами государства, ленив; потому что никто не знал его подлинных мыслей, намерений, трудолюбия, дальновидности.

В отличие от Людовика XIV, чья жизнь с утра до вечера протекала публично, обставленная множеством церемоний, вплоть до присутствия особо привилегированных во время туалета, Людовик XV испытывал ужас перед всем этим, пытался избежать придворной жизни, старался отгородить себе свободное пространство. Он построил себе в Версале маленькие апартаменты, где спал и работал и куда не каждый имел доступ, как в «большие апартаменты». Кроме того,

как только предоставлялась возможность, он бежал из Версаля в маленькие охотничьи замки в Рамбуйе, Ла Муе, Шуази, Сен-Юбер и т. д. Установлено, что в некоторые годы он проводил в Версале менее 100 ночей.

Королевский церемониал был для Людовика XV только суровой обязанностью и тяжким грузом, фасадом, за которым он прятал свой подлинный образ жизни.

Людовик, несмотря на свою робость перед людьми и страх перед толпой и чужими лицами, не пытался избежать выполнения представительских обязанностей. Но он не любил театрализованных выходов. Отправляясь в действующую армию, он в отличие от своих предшественников избегал больших церемоний, а просто уезжал. Время от времени он пропускал практиковавшиеся его прадедом ежедневные публичные подъемы или отходы ко сну со всеми придворными церемониями в больших королевских апартаментах.

Людовик XV ночевал в своих маленьких апартаментах, вставал рано и успевал поработать несколько часов за письменным столом, прежде чем отправиться в большие апартаменты.

Точно так же Людовик удалялся вечером после охоты в свои маленькие покои поработать, поужинать с несколькими доверенными людьми и лишь затем переходил в парадную комнату, чтобы публично продемонстрировать отход ко сну. Но как только полон кровати задергивался и придворные удалялись, он отправлялся спать в свою комнату. По свидетельству современников, в личной жизни он был «скромный и добросердечный человек».

Однако такая двойная жизнь вела к тому, что король не мог использовать двор, придворную жизнь и церемониал как инструмент властвования и «приручения» придворного дворянства. Кроме того, посто-

инно уклоняясь от публичности, он давал повод к недоверию, досужим сплетням, фантастическим слухам, ложным суждениям о своей деятельности, и все это перед лицом весьма критически настроенной общественности, которая под влиянием мыслей просветителей, а также скандальной прессы только и искала себе жертву. Людовик XV стал ее излюбленным объектом, что постепенно приводило к ослаблению монархической идеи.

Было еще и другое, что мешало ему полностью занять позицию «абсолютного» монарха наподобие его прадеда: его от природы очень сильная и увеличившаяся в годы детства и юности застенчивость, боязнь людей и страх перед публичными выступлениями. На них «король всегда был как парализованный» и не мог, как подчеркивает современник Вери, из-за своей робости «прочитать даже четырех предложений». Так, он редко мог перебороть себя и публично произнести речь, обратиться к посланнику на прisme, перекинуться парой фраз с кем-нибудь из придворных или выразить министру или чиновнику свою похвалу или недовольство. Казавшийся на публике скованным, холодным и одеревеневшим король, как сообщает Крой, в узком кругу мог быть «веселым, непринужденным» и «вообще больше не застенчивым, а совершенно естественным».

Отсутствие способности в официальной обстановке обращаться к тем, кто ждал его слов, сковывало его действия. Как верно отмечает Антуан, для абсолютного монарха это в первую очередь была речь, т. е. умение «говорить, чтобы приказывать и решать, судить, запрещать или разрешать, поздравлять, подбадривать, хвалить или ругать, наказывать или прощать». От застенчивости ему было трудно общаться со своими министрами и высшими чиновниками, прежде всего с новыми лицами, почему он не любил перемен. Они же вообще не знали, чего ждать от рев-

ностно охранявшего свои властные полномочия монарха, поскольку никогда не слышали ни похвалы, ни неодобрения. Тем неожиданнее были для них в соответствующих обстоятельствах решения Людовика об отставке или его письменные распоряжения о наказаниях. Либо в такой атмосфере не могли появиться действительно значительные политики, либо их просто не было. Во всяком случае, во время Людовика XV после Флери было мало значительных политических личностей, хотя имелись хорошо управляющие чиновники. Несмотря на это, Людовик XV исполнял свои обязанности как верховный представитель королевства, как воплощение высшей законодательной, исполнительной и судебной власти. У него была четкая концепция своего целостного суверенного авторитета, религиозного характера позиция «всеохристианнейшего короля», он проявлял себя не как деспот и даже не как авторитарный монарх.

Он был бюрократом, который много писал, это отвечало его интровертной природе. В отличие от Людовика XIV, охотно и со знанием дела использовавшего в своем правлении устное слово и мало писавшего, его правнук руководил теми же перешедшими от предшественников институтами письменно. Хотя ему часто приходилось председательствовать на заседаниях Государственного совета и регулярно совещаться с министрами в узком кругу, он все же предпочитал переписку. Поскольку он хорошо владел пером, то чувствовал себя в письменной сфере значительно увереннее. Он все писал сам и не имел личного секретаря. Маркиз д'Аргесон замечает по этому поводу: «Король много пишет своей рукой, письма, памятные записки, много отрывков из того, что он читает...» Таким образом, монарх старался по возможности больше управлять письменно, требовал того или другого, делал пометки в документах своих министров и чиновников, критиковал или одобрял, давал указания и т. п.

Таким образом, он мог полностью выполнять свои обязанности по управлению и держать все под контролем, хотя часто отсутствовал в Версале и переезжал из одного охотничьего замка в другой. У него был складной письменный стол с запирающимся выдвижным ящиком, заполненным письмами и досье, который всегда был при нем, и важнейшим министрам иногда приходилось пускаться в путешествие, чтобы побеседовать со своим королем.

Несмотря на такой стиль правления, который мог быть вполне эффективным, историки в основном говорят о его малой способности решать внутри- и внешнеполитические и финансовые проблемы из-за преувеличенной скромности и сильных сомнений в себе. Этот интеллигентный, проницательный монарх постоянно сомневался в себе. Недостаток уверенности сковывал его ценные качества. Он очень быстро схватывал существенное и необходимое, а также значение и последствия событий. Но если его окружение или министры высказывали другое мнение, он терялся, становился нерешительным и тратил много времени на принятие решения. Современник герцог Крой, хорошо знавший короля, замечает по этому поводу: «... скромность была качеством, которое превратилось у него в недостаток. Хотя он разбирался в делах гораздо лучше, чем другие, он всегда считал себя неправым».

Немузыкальный, но тонко чувствующий искусство, глубоко верующий, набожный человек и верный сын церкви и папы, он не позволил многим дворянам отвлечь себя от веры, хотя они усердно и пытались это сделать.

После того как самое позднее с 1737 г. он больше не был близок с королевой, то подолгу жил с официальными любовницами, к которым иногда добавлялись мимолетные фаворитки более низкого происхождения. Хотя тогда содержание любовниц было

обычным почти для всех монархов, эти постоянные нарушения церковной морали вызывали у французского короля угрызения совести и депрессию. Он осознавал свое греховное состояние, но не хотел его менять или же не имел для этого достаточно силы воли. Он надеялся, будучи всегда окруженным священниками, перед смертью покаянием решить проблему, как замечает Крой.

Кардинал Берни подчеркивал: «Его любовь к женщинам победила его любовь к религии, но она никогда не могла... причинить ущерб его почтению к ней» и «Король имеет религию... он скорее воздержится от таинства причастия, чем будет его профанировать». Людовик в течение 38 лет своего правления не принимал причастия, хотя в остальном ответственно выполнял свои религиозные обязанности и, как и его предшественник, каждый день с большим благоговением и всегда коленопреклоненный участвовал в мессе, постился в предписанные дни и участвовал в процессиях. Было принято, чтобы король как помазанник Божий по большим праздникам возлагал руки на подданных, больных золотухой, чтобы их излечить. Но для этого было необходимо предварительно исповедаться и причаститься. С 1722 по 1738 г. Людовик XV всегда добросовестно проводил возложение рук на золотушных. Но с 1739 г. это прекратилось, потому что он больше не причащался. Это вызвало большой скандал. Хотя благодаря Просвещению дворянство уже давно подвергало сомнению сакральность королевской власти, Людовик XV, перестав выполнять старый королевский ритуал возложения рук на золотушных, внес вклад в десакрализацию своего авторитета в его ослабление.

Большой урон своей репутации Людовик XV нанес тем, что имел слишком много любовниц. Его считали «похотливым грешником». Этого «всехристиан-

нейшему королю» не простили, хотя большинство придворных жили не со своими женами, а с любовницами, и у высшей буржуазии дела обстояли не лучше. Особым поводом для скандала стала связь короля с пресловутой Помпадур, которая вошла в историю как символ королевской метрессы.

Молодой король был вначале влюбленным, хорошим и верным мужем. В первые 12 лет супруга родила ему десять детей. Первая дочь родилась, когда ему было семнадцать с половиной лет, а последняя — когда ему было двадцать семь, а Марии тридцать четыре. Кроме двух мальчиков, у супругов было 8 девочек, носивших титул «Мадам Франции», они были пронумерованы по возрасту («Мадам первая», «Мадам вторая» и т. д.). Из девочек в четыре с половиной года умерла «Мадам третья», а из мальчиков — младший, родившийся в 1730 г. Единственным сыном остался дофин Луи, родившийся 4.9.1729 г., органист и певец, не любивший ни охоты, ни спорта, очень набожный и домашний, который после смерти горячо любимой первой жены со своей второй супругой, Марией-Йозефой Саксонской, вел счастливую семейную жизнь, больше напоминавшую буржуазную. От них произошли последующие короли Людовик XVI, Людовик XVIII и Карл X. Отношения Людовика XV с сыном были весьма напряженными, но он был очень привязан к дочерям, которых, когда они подросли, он охотно посещал, беседовал с ними. Слушал их музыку и собственноручно готовил им кофе. Замуж вышла только самая старшая, Елизавета Французская, за донна Филиппа Испанского, будущего герцога Пармского. Самая младшая, Луиза, стала монахиней ордена кармелиток.

Хотя Людовик был любящим отцом, вскоре в браке с Марией Лесцинской возникли трудности. Супруга, старше на семь лет, очень набожная, но малопривлекательная, скучная, апатичная и печальная, имела со-

вершено другие интересы, чем король, редко сопри-
вождала его, из-за своих частых беременностей, и
смогла создать той обстановки, к которой стремился
Людовик. Между ними не возникло по-настоящему
близких доверительных отношений, и король «на-
дид у королевы самый мрачный уголок при дворе».
Когда королева однажды, по совету врачей, отказалась
своему супругу в близости, но не решилась объяснить
причину, он, оскорбленный, окончательно отвернулся
от нее. Не привыкший к воздержанию и, очевидно,
неспособный на это, с 1738/39 г. король стал про-
водить время в обществе метресс. Крой высказался по
этому поводу так: «Наряду с преувеличенной скром-
ностью у него был важнейший и единственный недо-
статок — страсть к женщинам». Первыми официаль-
ными метрессами были четыре дочери маркиза де
Нестле. Он наслаждался тем, что мог у них рассла-
биться и «жить как обычный человек».

Весной 1745 г. новая дама поднялась до положе-
ния «главной метрессы»: Жанна-Антуанетта Пуассон,
внебрачная дочь финансиста, выросшая в добропоряд-
очной буржуазной семье и в 20 лет, в 1742 г., выдан-
ная замуж за финансиста Шарля Гийома Ле Норман-
д'Этуаль. Соблазнительная, исключительно красивая,
честолюбивая и образованная молодая женщина по-
знакомилась с Людовиком XV во время его охотничь-
их вылазок и решила непременно стать его любовни-
цей, чего и добилась в марте 1745 г. Она разошлась с
мужем, получила от Людовика дворянское поместье и
в качестве маркизы де Помпадур была допущена ко
двору, хотя дворяне и презирали эту выскочку. Ее
искусство и дарование заключалось прежде всего в
том, что она умела развлечь короля и развеять его
меланхолию. Новая метресса, непреклонная в своем
честолюбии и стремлении к власти, играла с 1745 г.
до своей смерти в 1764 г. очень большую роль. Об-
щественность находила особенно скандальным то, что

женщина смогла удерживать свои позиции в течение столь долгих лет. Она превосходно умела отбить соперниц короля и сохранить его благосклонность. Эти их отношения продолжались только до 1750 г., но она оставалась еще более влиятельной подругой, создавала ему приватную атмосферу и поставляла королю или терпела около него маленьких фавориток из низших сословий, которые не были для нее опасны. Именно эти маленькие метрессы, жившие в одном доме, дали повод к фантастическим слухам, рассказам и подозрениям. Говорили о массовых оргиях, соприкосновении малолетних и т. п. В действительности молодые женщины брачного возраста пробивались сами, часто подталкиваемые своими честолобивыми родителями. Хотя Людовик XV знал, какой удар его престижу нанесла Помпадур, все же в 1768 г., в 58 лет, он сделал главной метрессой другую буржуазку, 20-летнюю Жанну Вобенье, состоявшую в браке с графом де Барри. Новая метресса, графиня де Барри, жизнерадостная, лукавая, добродушная молодая женщина, окруженная теперь придворными, деятелями искусства и философами, не играла такой политической роли, как маркиза де Помпадур, но своей расточительностью также способствовала падению авторитета монарха. Число незаконнорожденных детей Людовика оценивается по-разному. Антуан подчеркивает, что их было всего восемь, т. е. меньше, чем законных. Речь шла в основном о девочках, которых хорошо выдавали замуж; оба сына стали церковнослужителями.

Внутреннее развитие. Внутренняя политика

Если подробнее рассматривать 59 лет правления Людовика XV, то они выглядят — при всех слабостях и недостатках — как блестящая эпоха для Франции в самых разных областях, особенно в искусстве,

науке, литературе и духовной жизни, а также в области экономики. Большую роль сыграло то, что Франция в течение этих долгих лет в значительной степени была свободна от внешних вторжений и не испытала опустошительных последствий войны. Современники аббат де Вер и герцог де Крой оценивали этот период правления как счастливую эпоху благоденствия во внутреннему миру и ее экономической и интеллектуальной силе.

Искусство, архитектура

Так как Людовик XV был мало музыкален, он не очень поощрял музыку, хотя во Франции творили такие композиторы, как Франсуа Куперен (1668–1733) и Жан Филипп Рамо (1683–1764). Скульптура и живопись нравились ему, но с подлинной страстью он посвящал себя архитектуре и лично поощрял разнообразнейшие проекты. Он настолько хорошо познал этот предмет, что архитекторы ни в чем не могли ввести его в заблуждение, он вмешивался как специалист и во всех больших проектах влиял во все детали. Время его правления было временем большого взлета в искусстве и архитектуре. Не случайно господствовавший тогда, особенно во внутреннем убранстве, характерный стиль Людовика XV с его утонченными орнаментами и полными фантастическими декорациями в стиле рококо был назван именем роля. Самыми выдающимися сооружениями следовало назвать бассейн Нептуна и построенную Габриэлем в 1770 г. оперу в Версальском дворце, одно из красивейших оперных зданий в мире, далее «малые апартаменты», которые были созданы с 1735 по 1738 г. Самым большим завершенным проектом был восстановленный с 1751 по 1755 г. Робером де Коттом замок в Компьене. Тогда же возникли другие, меньшие замки: малый Трианон (Габриэль), Сан-Юбер,

ельвью и др. Под эгидой Людовика XV были, кроме того, построены «Площадь Людовика XV» (ныне площадь Согласия), одна из самых больших и красивых площадей Европы, общественные здания военной и хирургической школ, начатая в 1764 г. церковь Святой Женевиевы (ныне Пантеон) и начатая в 1745 г. в Версале церковь Св. Людовика (ныне собор), министерские здания и др.

Особого расцвета достигло искусство внутренней отделки благодаря таким мастерам, как Жермен Боффан и Ж.А. Руссо. Тогда же возникли изящные, великолепные образцы мебели, а также мастерски написанные, нежные и изысканные картины в стиле рококо Антуана Ватто, Франсуа Буше и Жан-Марка Натье.

Людовик XV был, как подчеркивает Антуан, а также Маок и Мишель Верне, благодаря своей бурной строительной активности, своему стремлению к обновлению и доведению до совершенства внутреннего убранства помещений и его поискам утонченного комфорта главным двигателем в эпоху расцвета французской архитектуры и «золотого века» прикладного искусства. При этом двор и город Версаль образовали симбиоз. Король задавал тон, и ему следовало придворное дворянство, имевшее дворцы в этом огромном мировом городе, в котором жили и творили художники, мастера и торговцы произведениями прикладного искусства. Эти художники и мастера находили здесь богатых покупателей и меценатов. Для замков Людовика, например, с 1722 по 1774 г. было куплено не менее 850 картин или сделаны заказы на них, более тысячи изящных предметов мебели, которые гарантировали средства для жизни большому количеству известных краснодеревщиков. Так как французский стиль и вкус были для Европы образцом, то мастера из Парижа и Лиона (шелк) поставляли свои изделия почти всем дворам Европы вплоть до русского Санкт-Петербурга.

Наука, литература и духовная жизнь

Эпоха Людовика XV была золотым веком для науки, литературы и духовной жизни. Поскольку Людовик XV особенно поощрял естественные науки и медицину, кажется, что он значительно меньше, чем Людовик XIV, проявил себя меценатом литературы и философии. И все же Вольтер долгие годы был придворным писателем. Людовик не покровительствовал так литераторам и поэтам, как его прадед, чтобы они возвеличивали его и королевскую власть, но своим сравнительно либеральным правлением — несмотря на устаревшие цензурные ограничения и даже преследования — предоставлял им широкое поле деятельности. Так время его правления стало золотым веком французского Просвещения. Вскоре вся Европа смогла на Францию как на центр духовной жизни.

Именно тогда ведущими в своих дисциплинах стали такие французские математики и естествоиспытатели, как д'Аламбер, Кондорсе, Лаплас, Монж, Лавуазье, Бюффон, Монгольфье и многие другие. Больших успехов достигли французские историки, языковеды и историки искусства, занимавшиеся чужими заморскими культурами. Физиократы опубликовали свои экономические теории и основали первую национальную экономическую школу, проповедовавшую рационализм, индивидуализм и естественное право.

Дидро и д'Аламбером в 1751—1780 гг. издавалась 35-томная «Энциклопедия». В ней публиковались «Сведения о современных знаниях». «Энциклопедия» стала благодаря своей антиклерикальной и антиабсолютистской направленности «основным произведением французского Просвещения», публицистическим оружием философов. Именно эти философы и мыслители эпохи опубликовали основополагающие произведения и предложили идеи, которые стали историческими и, кроме прочего, подготовили революцию.

Самым выдающимся умом среди философов был Вольтер (1694—1778). С 1726 по 1729 г. он жил в Англии и поэтому находился под сильным влиянием английских мыслителей. Он был писателем, драматургом, поэтом, историком, философом и популяризатором идей Просвещения. Большое влияние на развитие общества оказал Монтескье с его «Духом законов», в котором выдвигалось требование о независимости судебной власти и определенном разделении властей, Жан-Жак Руссо (1712—1778) снискал большое уважение как критик цивилизации, писатель и педагог. Его опубликованный в 1762 г. «Общественный договор» позже очень сильно повлиял на революционеров, особенно якобинцев. Именно Руссо говорил о необходимости передать государственную власть в руки народа, т. е. граждан. Названные для примера философы-просветители играли значительную роль и в литературе того времени, когда с традиционными авторитетами уже не считались и разум был объявлен универсальным судьей всех вещей. Комедия была обновлена Пьером Карле де Шамбеленом де Мариво (1688—1763), драма — Мишелем-Жаном Седеном (1719—1797), реалистический роман — Аленом-Рене Лесажем (1668—1747), философский роман — Монтескье, Вольтером, Дидро и Тассо и психологический — Мариво и аббатом Прево (1697—1763).

Правление Людовика было благоприятным временем не только для расцвета философии Просвещения, но в какой-то степени также для внутреннего развития и экономики, хотя хватало тяжелых ситуаций и конфликтов, для которых регент заложил множество основ.

Регентство (1715—1723). Время установки вех

В годы регентства герцога Орлеанского, когда малолетний король Людовик XV уже должен был вы-

полнять многочисленные представительские обязанности в качестве суверена королевства, было намечено много решающих вех, отрицательно повлиявших на дальнейшее развитие монархии и имевших тяжелые последствия. Ответственным за это был в первую очередь регент, описываемый в старинном исследовании как «циничный гедонист». В более новых трудах наряду с очень вольными нравами отмечаются также его интеллигентность и политические способности.

Правление «короля-солнце» Людовика XIV (1643—1715) стало вершиной «абсолютной» власти монархии во Франции, однако в ходе войны за Испанское наследство (1701—1714) образ монархии внутри королевства был поколеблен, ведущее положение Франции в Европе сменилось равновесием великих держав, а финансы бурбонского королевства были исчерпаны. Практически французское государство в 1715 г. оказалось неплатежеспособным. Таким образом, регенту достался в наследство груз тяжелых политических проблем. Он должен был найти решение их.

В своем завещании 1714 г. Людовик XIV назначил регентство для своего тогда четырехлетнего наследника трона и правнука Людовика XV. «Король-солнце» в нем постановил, что его единственный племянник, Филипп, герцог Орлеанский (в случае смерти Людовика XV он был также его наследником), не должен получать полного регентства и слишком большого влияния на малолетнего короля. Однако когда «король-солнце» умер, честолюбивый герцог Орлеанский захотел неограниченного и полного регентства. Чтобы получить его без конфликтов, герцог посчитал необходимым пойти навстречу Парижскому парламенту как хранителю завещания. Он признал за Парижским парламентом политическую роль, утраченную полстолетия назад. Это должно было сыграть негативную роль в следующие 74 года, так как Парижский парламен

и провинциальные парламенты, т. е. высшие суды королевства с их судьями из служилого дворянства, которые свою должность получили по наследству или купили, неизменно выступали против реформ и практически постоянно блокировали их как представители интересов привилегированных.

Другая дальняя цель регента находилась в религиозной области, была связана с усилившимися позициями парламентов и создавала для Людовика XV во все время его правления проблемы: возвышение янсенистского, ригористского и галликанского движений. Янсенизм, первоначально религиозно-нравственное реформаторское движение 17 в. внутри католической церкви со строгими, аскетическими моральными основами, преследовался Людовиком XIV, потому что со временем он из чисто религиозного развился в широкомасштабное политическое движение с религиозной основой. Он приобрел особое значение и пробивную силу, так как объединился с ригоризмом и галликанизмом. Ригоризм — это возникшее в 1611 г. церковное направление, опиравшееся на тезисы теолога Сорбонны Эдмона Рише, которые были восприняты янсенистами. Рише подчеркивал в значительной степени равноправную роль всех священников как судей в вопросах веры и советчиков в вопросах церковной дисциплины и в соответствии с этим преимущество представительных собраний клира (синоды, церковные соборы) в противовес епископам и папе.

Эти идеи находили тем больше приверженцев среди галлеланов и священников, чем больше назначаемый французским королем епископат представлял собой практически монополию дворян. Ригоризм объединялся с галликанством с целью создать по возможности не зависящую от папы национальную церковь. Так как галликанизм располагал юридическим оружием — возможностью подавать апелляцию против злоупотреблений, эти апелляционные жалобы на церковное

начальство (вплоть до папы и церковных судов) не давались теперь в высшие светские суды, парламентам.

Парламенты, таким образом, рассматривали не только апелляции священников, которые были осуждены или подверглись гонениям своими епископами, но и вопросы веры — жалобы против булл, молитвенников и предписаний папства. Парламентские советы, в основном близкие янсенизму, использовали свои права, чтобы ослабить авторитет назначенных королем епископов-дворян в пользу низшего клира. Это приводило к раздорам и беспокойству в епархиях.

Людовик XIV как французский король наверняка не относился к галликанству отрицательно и даже иногда пытался использовать его в наиболее жесткой форме против папы, но он видел в ведущих себя по-галликански янсенистах опасность для королевского авторитета. Он не без оснований полагал, что янсенисты, с такой страстью борющиеся против догматических решений и непогрешимости папы, так же будут нападать на авторитет короля. По его просьбе, папа Климент XI еще раз осудил в 1713 г. в булле *Unigenitus Dei* 101 положение из произведения французского янсениста Кеснеля. Булла вновь возбудила умы. Но Людовик XIV авторитетом своей власти добился, чтобы Парижский парламент 15.2.1714 г. зарегистрировал папскую грамоту, которая таким образом стала своего рода основным законом (конституцией) монархии.

После чисто внешнего умиротворения страсти вновь разгорелись после смерти «короля-солнце» в сентябре 1715 г. Дело дошло до столкновений между янсенистско-ригористскими противниками буллы и ее защитниками, прежде всего иезуитами.

Когда Парижский парламент признал «Конституцию *Unigenitus*» неприемлемой и осудил ее как направленную против свобод галликанской церкви, ре-

т позволил этому совершиться, очевидно, ожидая
оговоления парламентов в вопросе о завещании.
молоду интересовавшийся вопросами веры, он по-
л навстречу противникам буллы. Это привело к
ленькой теологической войне, разжигавшейся пам-
етами, и к тяжелому конфликту с папой. Папа ут-
рдил только тех назначенных регентом епископов,
которые признали буллу, в то время как герцог Орле-
ский отверг такую позицию папы как недопустимое
печальство в его права.

В то время как парламенты постоянно вмешива-
сь в вопросы теологии и церковной дисциплины,
расти по обе стороны разгорались все сильнее, так
о регент почувствовал необходимость восстановле-
и спокойствия. В 1720 г. он повелел считаться с
длой и больше этот вопрос не обсуждать. Однако
о распоряжение не имело большого успеха, и поощ-
ившийся регентом раскол на партии янсенистов, ри-
ристов и галликанцев, который оказал сильное влия-
ие как на высшие юридические круги, так и на клир
население Парижа, сыграл в последующие десяти-
тия вплоть до революции важную роль в ослабле-
ии монархии.

При регенте началось также падение авторитета
монархии из-за постоянной разлагающей критики и
систематического преувеличения ошибок и слабостей
монарха и его окружения, направляемых прежде все-
о янсенистской партией. Если Людовик XIV вызы-
ал определенное почтение, то после его смерти, при
егенте, критика приняла более острую и вместе с тем
более некорректную и деструктивную форму. Нако-
енц, и в области финансовой политики регент совер-
ил шаг, имевший тяжелые последствия. Он решил
на эксперимент финансиста из Эдинбурга Джона
Лоу. Джон Лоу создал в 1716 г. банк нового типа для
чета векселей, депозитов и эмиссии банкнот, в 1717 г.
сновал «Compagnie d'Occident» для французской

Северной Америки и выпустил под это акции. В 1718 г. он был преобразован в королевский банк, выпускавший банкноты. Весной 1720 г. он объявил банкноты единственным легальным денежным средством для платежей свыше 100 ливров. Однако поскольку покрытия не было обеспечено и Лоу поддался искушению все больше использовать печатный станок, за два месяца напечатав банкнот на 1,5 миллиарда, он вызвал инфляцию, которую уже не смог обуздать дефляционными мерами. Итак, 26.12.1720 г. обанкротившийся королевский банк был закрыт, а Лоу бежал. Из-за эксперимента сотни тысяч людей потеряли свои состояния, однако по причине инфляции государственные долги значительно уменьшились и государство получило пространство для маневра. Некоторые отрасли экономики даже переживали подъем.

Банкротство королевского банка толкнуло Францию в тяжелый государственный кризис. Доверие ко всякого рода государственным бумагам и бумажным деньгам было подорвано, как и вера в общественные кредитные учреждения.

Это продолжалось долгие годы, пока, наконец, при Наполеоне I не был основан «Французский банк».

Юха кардинала Флери (1726 – 1743).

Время мира и хозяйственного расцвета

Когда Людовик XV 23.2.1723 г. в свои 13 лет достиг совершеннолетия, вначале рядом с честолюбивым кардиналом Дюбуа, герцог Орлеанский остался главенствующей фигурой королевства. Он даже занял после смерти кардинала в августе 1723 г. должность премьер-министра, что было необычно для такого высокопоставленного члена королевской фамилии. Однако когда бывшего регента 12.2 того же года настиг удар, должность первого министра принял на себя на три года другой принц крови, «весь-

ма пронырливый» 31-летний глава дома Конде герцог де Бурбон. Во время герцога, который хорошо нажился вследствие эксперимента Лоу, доминирующими лицами были финансист и поставщик армии Пари-Дюверне и метресса герцога маркиза де При. Однако когда премьер-министр под влиянием этой дамы собрался воевать против Австрии и Испании, он был уволен, по инициативе члена Государственного совета, имевшего на 16-летнего короля очень сильное влияние. Главной целью Флери было сохранение мира и во Франции и за ее пределами. Хотя молодой король заявил, что он будет править сам, по примеру своего прадеда Людовика XIV, ведущей фигурой во Франции стал 73-летний Флери, «мудрый старый человек», который вызывал неограниченное и всегда полное уважения доверие молодого короля. Флери довольствовался званием государственного министра и отказался от обязанностей премьер-министра, хотя — исполнял их на практике как многие другие.

Флери, родившийся в 1653 г. в Лощеве (Лангедок), сын сборщика налогов, был вначале священником; несмотря на свое сравнительно простое буржуазное происхождение, в 1698 г. стал епископом маленькой южнофранцузской епархии Фрежу, затем *Aumonier* Версальского двора, а в 1714 г. — по рекомендации иезуитов — воспитателем Людовика XV. Этим был обусловлен дальнейший подъем Флери к власти. От природы добрый и кроткий, с хорошими манерами, этот человек с железной волей и настойчивостью умел скрывать свое честолюбие. Так как он сторонился придворных интриг, то долгое время не имел врагов. Не гениальный, но мудрый, умеренный, прилежный и очень даровитый государственный деятель с блестящей памятью экономично управлял доверенными ему общественными средствами и работал с крайне малым аппаратом служащих, насчитывав-

и не более 3—4 секретарей с помощниками для дого. И в личной жизни этот священнослужитель умеренным и экономным, избегал, как это было принято, обогащения собственной семьи и не занимался меценатством, как его прославленные и разбогатевшие на своих постах предшественники кардиналы Ришелье и Мазарини. Значительную часть своих доходов Флери жертвовал на подаяние. Охотнее он отдыхал на семинаре «сульпициев» в Исси-Мулино.

Людовик XV 20.8.1726 добился для своего доверенного государственного деятеля кардинальского титула, как это раньше делали французские монархи для своих министров, например, Ришелье и Мазарини. Для имевшего скромное происхождение Флери это было огромной честью, поскольку кардиналы в рангу равнялись принцам крови, иногда даже королевским. Флери удалось обеспечить своей страной мирный внешний и внутренний мир и избежать иностранного вторжения на территорию королевства. Во Франции началась эпоха значительного экономического подъема. Он очень успешно поощрял торговлю, так что в это время и в последующие затем десятилетия правления Людовика XV внешняя торговля сильно возросла. Существенной предпосылкой экономического процветания наряду с миром и отсутствием больших эпидемий была стабилизация французской валюты. После того, как именно при Людовике XV и регенте государственные манипуляторы с валютой часто использовались как средство отнимать сливки с доходов, 15.6.1726 г. раз и навсегда было установлено, что 1 ливидор равняется 24 ливрам, а 1 экю — 6 ливрам. Государственные долги уменьшились, и в 1738 г. генеральный контролер финансов (Филибер Орри представил сбалансированный бездефицитный бюджет, единственный за весь французский 18 век.

Воздействие кардинала было умиротворяющим и во внутренних религиозных и конституционно-правовых дискуссиях. Он заставил умолкнуть патетическую яansenистскую агитацию и обуздал «ультрамонтанов», добился, чтобы булла Unigenitus 24.3. 1730 г. стала государственным законом, и уменьшил политическое влияние парламентов.

Чтобы проводить эту примирительную, но твердую политику, Флери сформулировал сильное правительство, членом которого Людовик XV назначил по предложению кардинала. Должность канцлера занимал Анри-Франсуа д'Агессо, способный, близкий к классицизму юрист, внешнеполитическое ведомство возглавлял Шовелен, упорный, блестящий бывший президент Парижского парламента, министерство финансов с 1726 по 1730 г. — ле Пелетье и с 1730 по 1745 г. — Орри, «неуклюжий, жестокий, массивный, бережливый», военное министерство — ле Бланк, с 1728 г. по 1740 г. — д' Анжервилье. Главные члены правительства происходили из служилого, а не военного дворянства. Кроме того, правительство располагало тогда очень хорошими и способными интендантами в провинции. Современник Крой так оценивал эпоху Флери: «Он всегда правил с большой добротой, и никогда Франция не была такой мирной, как при нем».

Таким образом, эпоха Флери была для Франции «золотым веком», когда страна стала богатой, правда, государство в значительной степени оставалось бедным, поскольку богатые и разбогатевшие верхние слои, привилегированные, но также и поднимающаяся буржуазия в должной мере не подпускались к средствам, так как Флери в этой области не провел подлинно решительных реформ и этим не изменил структуры режима, несмотря на все его недостатки. Это явилось, как можно теперь судить, слабостью этой в остальном счастливой эпохи.

Самостоятельное правление Людовика XV.

Мадам Помпадур и министерство Шуазеля

Десятилетия после смерти кардинала Флери и 1743 г. по праву считаются эпохой самостоятельного правления Людовика XV. Он держал нити правления в своих руках и выполнял обязанности «абсолютного» монарха как тишичный бюрократ, который, будучи застенчивым, испытывающим страх перед общественной ответственностью человека, управлял своим королевством из-за своего письменного стола и в письменном виде. Значительная сдержанность этого бюрократа, который при всей своей подвижности, страсти к охоте и большом количестве метресс осуществлял последовательную политику правления не публично и не используя пропаганду, привела к тому, что в сознании общественной ответственности на первый план выступали другие персоны, такие как метрессы, особенно маркиза де Помпадур, а также министры, как герцог де Шуазель. Поэтому его роль в более старых исследованиях преувеличивается, хотя вполне можно доказать его сильное влияние во многих областях на робкого, сомневавшегося в себе монарха.

Это особенно относится к мадам де Помпадур, так что в литературе даже часто говорят об эпохе Помпадур или о «Франции Помпадур». Она вошла в историю как «типичное олицетворение» королевской метресс. Очень честолюбивая, рвавшаяся к власти, красивая, образованная молодая женщина стала маркизой де Помпадур и была представлена официально двору как знатная особа. Как ни одна из ее предшественниц или последовательниц, она была «полной дикой решимости никому не дать себя столкнуть со своего однажды завоеванного места». Впрочем, она не была в состоянии руководить высокой политикой и набрасывать ее основные линии. Это оставил для себя монарх. Однако королевской метрессе удалось, хотя

косвенно, путем сильного влияния на персональную политику Людовика XV, играть важную политическую роль, которая, впрочем, редко бывала положительной и счастливой. Маркиза добивалась назначения своих фаворитов на важные посты и дарования от монархом отличий, поощрений и пенсий. Поскольку сама она не могла судить об их талантах, она без различия продвигала льстецов, способных и неспособных, считавших ее ходатайство лучшим средством добиться благосклонности монарха. Таким образом, во Франции в то время часто получали важные посты люди недостойные, а компетентных и волевых людей увольняли в результате вмешательства Помпадур. В конечном счете эти политические акции имели весьма отрицательные последствия для внутреннего и внешнего развития Франции.

Публичное осуждение вызывало то, что женщина из буржуазных кругов приобрела такое положительное влияние на короля и его кадровую политику. Ей вменялось в вину и выставляемый на всеобщее обозрение пышный и роскошный стиль жизни, и расточительность, и хвастливое меценатство. Так, сообщается, что Помпадур израсходовала на свои праздники около 4 миллионов, а на меценатство — 8 миллионов ливров. Все это вредило репутации короля и давало клеветникам-острословам желанный повод для нападок.

Чем тут мог помочь факт, что король, как показывают исследователи, в финансовом отношении не слишком баловал Помпадур и давал ей в месяц лишь пару тысяч ливров, в то время как она, деловая дочь финансиста, благодаря своим связям с финансовым миром, имела значительные собственные средства и брала большие кредиты. Расточительность и огромные расходы мадам Помпадур сваливали на короля, и это в то время, когда монархия испытывала большие финансовые трудности и нужно было срочно повышать

налоги и проводить решительные финансовые реформы. Влияние Помпадур отрицательно сказывалось на политической морали, хотя маркиза и пыталась завоевать благосклонность литераторов и философов просветителей, поощряя их. Она поддерживала Энциклопедию и партию философов против иезуитов, янсенистов и Сорбонны, добилась для Вольтера поста королевского историографа, члена Академии и камергера, затевала различные строительства и выдавала на них большие суммы.

Вначале она была тесно связана с группировкой, состоявшей из финансистов Парижа, Тенсен и маршала Ришелье, оказавшей сильное влияние на состав правительства. Однако всеобщий кризис авторитета привел к правительственному кризису и растущей внутренней напряженности, конфликтам и беспокойству. Попытки министра финансов д'Арнувиля (1745 — 1754) решительно реформировать структуры непригодной и несправедливой налоговой и финансовой системы, а также увеличить налогообложение привилегированных и этим дать монархии необходимые финансовые средства, натолкнулись на бунт дворянства и сопротивление клира и рухнули, так как Людовик XV отступил. Особенно опасной стала для него продолжительная, доходившая до обструкции, оппозиция высших судов, парламентов, борьба, которая не затрагивала конституционной основы королевства и была для короны борьбой не на жизнь, а на смерть.

Советы парламентов и других высших судов образовали сплоченный слой высшего служилого дворянства, которое было породнено с военным дворянством и принадлежало к богатейшим землевладельцам и самым зажиточным горожанам. Свои посты они либо купили, либо унаследовали и могли занимать их с двадцати лет, имея минимальные юридические познания. Они стали «инструментом дворянской и землевладельческой реакции». Несмотря на это, близкие

янсенизму судьи стали популярны как оппозиция против «деспотизма» короля и его правительства. Благодаря агитации и воздействию на общественное мнение, особенно в Париже, Советы парламентов, мечтавшие о «правительстве судей» во Франции, пытались систематически отстаивать свои позиции против правительства. Определенные группировки практиковали при этом «настоящий идеологический терроризм» по отношению к своим коллегам-судьям. В конечном счете парламенты образовали сильнейшую из трех противостоящих групп, которые в то время вели в королевстве жестокую борьбу: клир — иезуиты, парламентские янсенисты и философы-просветители. Обструкция парламентов причиняла наибольший вред монархии.

В то время как раздоры янсенистов и иезуитов вызвали моральный кризис, а социальные проблемы все углублялись, усилились и политические трудности, когда генеральному контролеру пришлось вводить новый налог, чтобы спасти государственные финансы. В этой ситуации Робер Франсуа Дамьен, долго состоявший на службе янсенистски настроенных парламентских советов, совершил в одиночку покушение на Людовика XV, правда, только ранив его.

В ответ на это покушение под влиянием Помпадур король уволил как своего министра финансов (жертва привилегированным) так и друга иезуитов графа д'Аржансона, который твердо руководил парижской полицией (уступка янсенистам). Однако вследствие отставки пусть ненавидимых, но способных министров, сильных людей в правительстве, ситуация стала еще тяжелее и нестабильное. На первый план выдвинулся высокородный, просвещенный вольный каменщик герцог Шуазель. Он был фаворитом Помпадур, нахальной, энергичной, но ветреной и противоречивой личностью, занимавшей с 1758 г. 12 лет подряд различные посты в правительстве. Все уступки об-

щественному мнению и противостоящим высшим дамам не оправдались, их сопротивление всем реформам монархии, находившейся в тяжелейшем финансовом положении, еще больше усилилось. Хотя талантливые генеральные контролеры как Бертен (1763—1763) и Л'Аверди (1763—1768) прилагали большие усилия, проводили опросы во всем королевстве через дипломатов — во всех крупнейших государствах Европы, чтобы получить материалы для обоснования реформы, все пошло прахом. Они подготовили генеральный кадастр для всей Франции в целях унифицирования налоговой системы и получили детальную информацию о налоговых системах различных государств Европы, чтобы использовать их опыт. Парламенты и направляемое ими общественное мнение резко выступили против «министерского деспотизма».

На это время приходится одно из значительнейших и редчайших событий правления Людовика XV: уничтожение иезуитов. Как уже многократно упоминалось, иезуитов во Франции ненавидели как самых больших противников янсенистов, как «агентов» папы и защитников «абсолютной» монархической власти в Париже и янсенистски настроенные слои, и философы, и вольные каменщики. Так, янсенисты постоянно стремились уничтожить Общество Иисуса. Когда в 1758 г. после покушения на португальского короля его премьер-министр — вольный каменщик Помбаль возложил вину на иезуитов, это было неслыханно раздуть в Париже и сопровождалось резкими упреками и обвинениями ордена, насчитывавшего во Франции 111 коллегий, 9 послушничеств и 21 семинарию, пользовавшегося уважением Людовика XV, и «партии благочестивых» при дворе во главе с дофином. Шуазель, который «путем уничтожения иезуитов хотел добиться поддержки парламентом более высоких налогов», предложил принять меры против иезуитов. Его поддержала мадам де Помпадур. О

могла простить Обществу Иисуса резкой критики образа жизни.

Орден сам представил Парижскому парламенту такую возможность. После того как он проиграл важный уголовный процесс, он подал апелляцию в более высокую инстанцию, т. е. в Парижский парламент, хотя ему должна была быть известна враждебная, яansenическая настроенность его судей. Иезуиты проиграли процесс в высшей инстанции, и парламент по поручению парламентского совета начал рассматривать вопрос об «опасности» ордена. При этом не стеснялись использовать в качестве доказательства плохо переведенные и искаженные цитаты из произведений иностранных иезуитов. Парламенты инкриминировали иезуитам призыв к убийству короля и приняли в 1761 г. решение о запрете братств и закрытии коллегий.

В то время как канцлер Ламуаньон, кронпринц и даже сам Людовик XV хотели спасти иезуитов и вели переговоры со святым престолом об изменении правил ордена, парламенты поставили их перед свершившимся фактом. Парламент Руана 12.2.1762 г. первым вынес «окончательный приговор», к нему присоединились другие высшие суды и тотчас же распорядились о закрытии коллегий. Людовик XV, оказавшийся в безвыходном положении, отступил. Поскольку иезуиты всегда были ярыми защитниками монархии, победа их противников была «тяжелым ударом по королевскому авторитету». Даже враги иезуитов просветители Вольтер и д'Аламбер критиковал этот запрет как плод «фанатизма», а Вольтер, сам ученик иезуитов, подчеркивал, что они никогда не призывали к убийству и не учили «опасным принципам».

Если Шуазель и, под его влиянием, Людовик XV считали, что, пожертвовав иезуитами, они добьются согласия парламентов на повышение налогов, то они сильно ошиблись. Эта победа сделала парламенты еще самоувереннее.

Закончившаяся в 1763 г. Семилетняя война принесла французской монархии не только потерю многочисленных территорий и падение престижа, но и разрушительные долги. Колоссальная задолженность после 1763 г. (в 1764 г. 2325,5 млн ливров) имела катастрофические последствия для государственной казны Франции, которая из-за высоких затрат на обслуживание государственного долга практически потеряла свободу действий. Обострившиеся финансовые проблемы превратились в затяжной тяжелый кризис режима с непосредственными и долгосрочными политическими и финансовыми последствиями. В конечном счете долги подогрели инфляцию и обусловили высокие проценты, что привело к экономическому кризису.

Каждая попытка правительства провести реформы вызывала вето верховных судов и возмущение. Королевство стало неуправляемым, поскольку каждая мера отвергалась как «деспотическая» или как «нарушение основных законов». При этом сидевшее в верховных судах служилое дворянство работало вместе с принцами и военным дворянством, что Шуазелю приходилось терпеть.

Если король не хотел подчиниться привилегированным и практически отречься, а хотел модернизировать свое государство и сделать его работоспособным, он должен был действовать. 60-летний Людовик наконец собрал всю свою волю, отправил Шуазеля в отставку и поддержал реформаторов.

Время реформ 1770 — 1774 гг.

Наиболее значительными личностями времени реформ были генеральный контролер (министр финансов) аббат Террей (1769—1774) и канцлер Рене М.Ш.А. де Мопу (1770—1774). Парламент Бретани, возбудив процесс против местного представителя ко-

роля, гувернера герцога д'Эгильонского и своей властью лишив его звания пэра, выступил против самого короля и его абсолютной монархической власти и противопоставил ему желаемое судьями правление парламентских советов. Конфликт был доведен обеими сторонами до крайности. Когда король и государственный совет отменили лишение звания пэра как направленное против авторитета короля и отозвали дело из парламента Ренна, последний продолжал настаивать на своем приговоре, и к нему присоединились другие парламенты, поддержанные принцами крови. Дошло до всеобщего возмущения. После резких споров и многочисленных отказов парламента, и особенно Парижского, повиноваться высшим королевским судебным представителям Мопу сослал 130 парламентариев с семьями в провинцию. Их должности и собственность были реквизированы за неповиновение и отказ работать. В провинции также 100 парламентариев было отправлено в ссылку. Мопу провел радикальную реформу высших судов, упразднил продажу судебных мест и ввел бесплатное обращение в суд. Новые члены парламентов получили содержание и стали несменяемыми. Организация судов была упорядочена и они стали нормально функционировать. Этот акт короля, рассматриваемый многими как революционный, вызвал резкую и ожесточенную реакцию большей части общества, находившегося под влиянием парламентариев, принцев и Шуазеля. не легче пришлось и министру финансов аббату Террею, твердо-му, энергичному человеку, который хотел спасти государство. Он сократил государственные пенсии и предоставляемые короне средства, стремился ввести одинаковый, рационально увеличенный поземельный налог путем создания генерального кадастра. Кроме того, он увеличил генеральную арендную плату.

Эти жесткие, но необходимые для выживания государства меры двух министров-реформаторов сдела-

мишенью злобных нападков и оскорблений, коих «смешивали с грязью». При этом они могли вном рассчитывать только на поддержку короля, который лишился последних остатков популярности, так как янсенистские круги, потерявшие ставку — иезуитов, теперь набросились на новое правительство и короля. Из-за этого, король заявил: «Я никогда не сверну с этого курса».

Внешняя политика и войны

Филипп V, закончив войну за Испанское наследство, стремился к сотрудничеству держав континентальной Европы против Англии. Регент, однако, изменил в 1716 г. курс и заключил тройственный союз с Великобританией и Нидерландами против Испании, проводив завоевательную политику. В 1718 г. к этому союзу присоединилась Австрия (четырёхсторонний союз). В войне 1718/19 г. испанские завоеватели получили поражение и миром 1720 г. восстановлено испанское равновесие, что привело к образованию «системы Европы», находившегося под сильным французским влиянием.

Но четырёхсторонний альянс распался и отношения Австрии с морскими державами стали прохладными. Австрия в 1721 г. заключила с Францией тайный союз. Иберийская монархия чувствовала себя основной упомянутой ранее отсылкой в 1724 г. шестилетней инфанты, предназначавшейся в жены Людовика XV. Созванный в 1724 г. международный мирный конгресс в Камбре остался безрезультатным. Когда в том же году Испания и Австрия, неожиданно для Франции, заключили союз (в первую очередь из-за династических интересов властителей), в 1725 г. Англия, Нидерланды, Франция и Пруссия заключили союз господствовавших домов. В

т на это Испания и Австрия начали еще больше
сгруппировать свой альянс на возможную войну. Так
группировки держав в Европе противостояли друг
другу. Союз Вены получил расширение в 1726 г. вслед-
ствие альянса с Россией. В этой ситуации, когда Ев-
ропа балансировала «на тонкой грани между миром и
войной» и французский премьер-министр Бурбон стре-
мился к войне против Австрии и Испании, он был
заменен и как уже говорилось, заменен Флери. Кар-
л Флери прежде всего хотел сохранить мир, он
старался при содействии курии, чтобы все спорные во-
просы рассматривались на мирном конгрессе, кото-
рый в 1728 г. собрался в Суассоне и мог предотвра-
тить развязывание войны.

За этим конгрессом вновь последовала перегруп-
пировка сил. Франция, Испания и морские державы
подписали в 1729 г. Севильский договор, которому
противостоял союз Австрии с Россией и Пруссией.

После того как рухнуло франко-британское со-
дружество, Австрия и Англия заключили в 1731 г.
Венский договор, в то время как Франция в 1733 г.
подписала с Испанией первый бурбонский семейный
договор. Флери проводил осторожную союзническую
политику. Традиционного баварского союзника, ко-
торый нуждался во французской денежной помощи,
также в поддержке Бурбонов при возможном появ-
лении наследства в габсбургской монархии, он убе-
ждал создать шаткий союз четырех виттельсбахских
герцогов Баварии, Кельна, Пфальца и Трира, у
которого, впрочем, отсутствовала наступательная тен-
денция. Флери видел задачу этого договора в том,
чтобы создать в государстве основу для нейтраль-
ной, католической третьей партии под руководством
Баварии, которая могла бы действовать наряду с
Австрией и Пруссией. Франция заключила соответ-
ствующие договоры о союзе и субсидиях с Кур-Бава-
рией (1727/28), Кур-Пфальцем (1729) и Кур-Кель-

ном (1734). Эти виттельсбахские территории должны были ее поддерживать в войне за польский престол (1773 — 1735/38 гг.), но делали это весьма сдержанно вследствие их обязательств в качестве подданных кайзера и империи. Тогда после смерти Августа II Сильного речь шла о наследовании его трона в Польше. В то время как кайзер и Россия выступали за кандидатуру его сына Фридриха Августа, Людовик XV поддерживал своего тестя, бывшего короля Польши Станислава I Лещинского. Хотя он был выбран в сентябре 1733 г. большинством польского сейма, в 1734 г. саксонские и русские войска вынудили признать Фридриха Августа. В то же время Франция, Испания и Сардиния вели в Италии войну против императора Карла VI, которая состояла в тактических передвижениях войск, осадах и боях против частей снабжения, так что в государстве только бряцали оружием. Поскольку кайзер и Флери хотели мира, они закончили войну уже в 1735 г., в то время как Испания и Сардиния заключили мир лишь в 1738 г. Важнейшим результатом для Франции было то, что Станислав в виде компенсации за отказ от польской короны в пользу Августа получил от Франца Стефана Лотарингского герцогства Бар и Лотарингию, которые после смерти Станислава должны были отойти Франции, в то время как Францу Стефану было обещано Великое герцогство Тосканское. Можно сказать, что дело заключалось тогда в умно рассчитанной политике Флери, которая в конечном счете обеспечила равновесие и не стоила французскому государству особых жертв.

Их было значительно больше в войне за наследование австрийского трона (1740 — 1748 гг.). Когда кайзер Карл VI (последний мужчина в роду Габсбургов) 20.10.1740 г. внезапно умер, не оставив сына, Испания, Саксония и Бавария начали предъявлять претензии на габсбургские территории. Несмотря на

то, согласно воле умершего кайзера и в соответствии с Прагматической санкцией 1713 г. 23-летняя Мария Терезия приняла в наследство гигантский комплекс стран и должна была его теперь защищать.

Однако первое нападение неожиданно последовало со стороны Фридриха II Прусского, который воспользовался уязвимым положением Марии Терезии, чтобы отторгнуть у нее экономически ценную и густонаселенную Силезию.

Во Франции вначале не было единства по поводу нового курса. 87-летний Флери, все еще надеявшийся на иное решение, занимал двусмысленную позицию, давая Марию Терезию в надежде, что Франция нападет на нее, и одновременно подавал баварскому курфюрсту надежды на трон империи, не давая ему ходимых денег, чтобы он не мог отстаивать свои позиции военным путем. Партия войны, группирующаяся вокруг маршала графа Белэля, считала, что ставилась удачная возможность разгромить кометы стран старого габсбургского соперника, переделав его и установить в Европе новый порядок во французских интересах. Тогда после длительной борьбы против кардинала партия войны победила. Вначале, несмотря на собственные финансовые проблемы, они выразили готовность дать честолюбивому баварскому курфюрсту Карлу Альбрехту большие субсидии, чтобы он мог выступить против Австрии. По инициативе Белэля, в 1742 г. вместо Карла Стефана баварский курфюрст был единогласно избран как VII главой Священной Римской империи. Он теперь кайзером по милости Людовика XV, который был вынужден оказывать ему финансовую и военную помощь. Хотя Франция тратила большие суммы и значительные военные силы на военные передвижения по Австрии, Богемии, Баварии и юго-западной Германии, успехи были невелики, так как у французского командования отсутствовало ясное пред-

ставление о ведении войны. Например, Карл VII в отчаянии требовал от Людовика XV отзыва 70-летнего маршала Брогли, который во главе значительного военного корпуса лишь непрерывно отступал, не решаясь на серьезный отпор.

Когда 65-летний маршал герцог де Ноай 25.6.1743 г. был разбит Георгом II Английским при Деттингене, возникла опасность англо-австрийского вторжения во Францию, к которому Англия, однако, не была готова. Во всяком случае, Георг II 13.11. 1743 г. подписал Вормсский трактат с Австрией и Сардинией, к чему присоединились Саксония, Россия и Кур-Кельн. Людовик XV, почувствовав угрозу, объявил Сардинии войну и выступил вновь за Карла VII, профинансировал большую часть войск Франкфуртского союза (22.5.1744 г.) для защиты кайзера и конституции рейха и заключил с Фридрихом II Парижский договор. После смерти кайзера Карла VII 20.1.1745 г. и поражения, нанесенного французам австрийскими войсками у Пфаффенхофена (15.4.1745 г.), французы оставили почти всю территорию империи и сконцентрировали свои действия во Фландрии, где Мориц Саксонский в мае 1745 г. разбил у Фонтене английские и нидерландские войска, в то время как британский флот в 1757 г. дважды победил французский. В конце концов, Аахенский мир 1748 г. установил временное равновесие между Великобританией и Францией. Но уже в 1754 г. вновь началась англо-французская борьба в колониях. Когда старый союзник Фридрих II Прусский в январе 1756 г. заключил с Англией первую Вестминстерскую конвенцию, Франция объединилась с его вечным врагом Австрией в союзе Версальскому договору (1.5.1756). Так Франция оказалась вовлеченной в двойную войну — в колониях в Америке и Азии, с одной стороны, с Пруссией — с другой, что стоило Бурбонам колоссальных расходов.

Хотя центр тяжести французских интересов находился тогда в борьбе против Англии в заморских колониях, война сковывала в Германии большие контингенты войск, которых не хватало в Канаде и Индии, что обусловило там перевес англичан. После прусско-французского поражения при Кунерсдорфе (12.8.1759) французский министр иностранных дел Шуазель мог перебросить войска в заморские колонии, но этому помешали английские победы на море. Оставшемуся без поддержки французскому корпусу в Северной Америке пришлось в 1760 г. капитулировать, в том же году французы потерпели поражения под Мадрасом в Индии. Людовик XV потерял большую часть своей колониальной империи, а Великобритания стала господствующей мировой державой.

Неудачная для Бурбонов, полная потеря война завершилась Парижским миром (10.2.1763), Франция была утверждена как великая континентальная держава без слишком больших претензий на море». Но война, наряду с утратой территории и престижа, имела катастрофические последствия для финансовой ситуации во Франции. Когда напряженность между Англией и Испанией в 1770 г. угрожала миру и министр иностранных дел Шуазель поддерживал испанцев в их стремлении к войне, монарх разъяснил ему, что он совершенно не хочет войны. Людовик XV тайно написал 21.12.1770 г. письмо Карлу III Испанскому и объяснил, что перед лицом обструкции парламентов он полон решимости «добиться подчинения всеми возможными средствами». Так как это было возможно лишь без внешней войны, он просил своего кузена «принести жертву, чтобы обеспечить мир, не потеряв чести». 23.12 он отправил Шуазеля в отставку. Испания действительно попыталась вступить в сделку с Англией, чтобы избежать войны. Это развязало Людовику руки для борьбы «не на жизнь, а на смерть» против высших судов. Но внезапно 29.4.1774 г.

64-летний король заболел оспой и скончался 10.5.1774 г., приняв святое причастие. «Самый красивый мужчина» королевства сильно изменился за время болезни. Его лицо было похоже «на маску из бронзы... из-за струпьев». «О Боже, — писал Людовик XV в постскрипуме своего завещания 1766 г., — прости мне снова все ошибки и все прегрешения, которые я совершил! Ты милосерден и полон доброты, я жду, дрожа от страха и надежды, Твоего суда. Имей милосердие к моему народу и королевству...»

Со смертью короля, оставившей народ равнодушным, реформы, которые он начал проводить слишком поздно, вновь оказались в опасности. Людовик XV оставил своему наследнику огромные долги, много нерешенных проблем и королевство, находившееся в затажном кризисе. Монархия во многом утратила свой авторитет. В области внешней политики Людовик проиграл своему старому сопернику, Англии, борьбу за мировое господство на море. Застенчивый, измученный сомнениями в себе король, несмотря на большие интеллектуальные способности, лишь относительно может быть назван «абсолютным монархом». Но он, несомненно, желал добра. Несмотря на слабости короля, 59 лет его правления можно назвать счастливой эпохой для Франции. Не без основания блестяще информированный, хотя и весьма критичный современник аббат де Вери высказал такое суждение: «Никогда (прежде) Франция не была такой зажиточной и такой богатой мануфактурами, такой выдающейся благодаря множеству ученых, покрыта таким количеством хорошо возделанных полей и не имела столько населения, как при правлении Людовика XV».

Петер Клаус Хартманн

ЛЮДОВИК XVI

1774—1789/92

Родился 23 августа 1754 г. в Версале, 1765 г. дофин, 10 мая 1774 г. — король Франции, 1775 г. — помазание на царство и коронация в Реймсе, 1791 г. — король французов, 10 августа 1792 г. свергнут, 21 января 1793 г. обезглавлен, похоронен в общей могиле в монастыре Св. Магдалины.

Отец: Людовик, дофин Франции (1729—1765). Мать: Мария Йозефа Саксонская (1731—1767), дочь курфюрста Фридриха Августа II Саксонского, Августа II короля Польши (1696—1763). Братья: граф Прованский, будущий Людовик XVIII (1755—1824), граф д'Артуа, будущий Карл X (1757—1836).

Женат на Марии Антуанетте (1755—1793), дочери Марии Терезии и императора Франца I. Два сына, один из них Людовик XVII (1785—1795), с 1789 г. — дофин, умер в заключении; Две дочери: Мария Терезия (1778—1851), супруга Людовика Англемского (сына Карла X), и София Елена.

Редкий монарх сталкивался со множеством таких тяжелых проблем, как Людовик XVI. Чтобы в крайне сложные времена справиться с ситуацией, нужен был король с ловкостью, изворотливостью, проницательностью и интеллигентностью Генриха IV и с энергией, силой воли и упорством Людовика XIV. Людо-

вик XVI обладал многими хорошими качествами, хотя это и отрицалось как просветительски-свободолюбивой, антимонархической, так и аристократической пропагандой того времени и было поддержано впоследствии многими историками. Несчастный Людовик ни в коем случае не был человеком, не имевшим «ничего, кроме сладости, глупости и слепоты», но трудности и из ряда вон выходящие обстоятельства сломили его.

Человек, личность, характер

Как и на всех людей, на Людовика XVI наложили отпечаток его врожденные способности, окружение и воспитание. Родившись 23.9.1754 г. третьим из семи детей дофина Людовика Фердинанда (1729 — 1765) и дофины Марии Терезии Саксонской (1731 — 1767), по традиции получил титул герцога де Берри. Он рос в почти бюргерской семье дофина, в которой, к удивлению двора, принц и принцесса сами заботились о детях и их воспитании. Отец Людовик Фердинанд, от которого Берри унаследовал некоторые качества, был как дофин (кронпринц) и единственный оставшийся из живых сын Людовика XV и Марии Лещинской (1703 — 1768) вторым человеком в королевстве, но по многим вопросам находился в оппозиции к отцу и имел с ним напряженные отношения. Будучи главой «партии благочестивых» при дворе, осуждал распутство короля и называл Помпадур пренебрежительно «мама плюха». Как и многие другие кронпринцы, он нетерпеливо дожидался, когда сам сможет управлять страной.

Своей внешностью и характером он не был похож на Людовика XV. В отличие от этого царственного «красивейшего мужчины в королевстве», Людовик Фердинанд был чрезмерно полным, весьма прожорливым, малособлазнительным, не любил фри-

Людовик XVI (1774—1789/92)

вольных нравов, игр и балов, даже охота не интересовала его. Зато охотно играл на органе и в хоралы.

Его второй супруге, Марии Йозефе Саксонской вначале приходилось с ним трудно, потому что она оставаясь безутешным после смерти своей первой горячо любимой жены, относился к 15-летней саксонке с совершенным равнодушием. Но эта юная принцесса с большим носом и плохими зубами, согласно Крою, «хорошенькая дуриушка, за которой проглядишь все глаза», сумела завоевать сначала свекра и свекровь, двор и наконец самого строптивого супруга. Она обладала большим чувством дома, тактом, набожностью, образованностью, благородством, но в то же время строгостью и сознательно старалась приспособиться к супругу.

Берри, на три года моложе, чем его родившийся 13.9.1751 г. старший брат герцог Бургундский, появился на свет через 6 месяцев после ранней смерти своего брата герцога Аквитанского. Ребенок был «толще и крупнее», чем другие дети дофина; вместе со своими братьями он был доверен одной гувернантке. Ребенок рос молчаливым, замкнутым, некрасивым и даже не милым и вскоре начал страдать как «нелюбимый принц» от предпочтения, отдаваемого старшему и младшим братьям. Герцог Бургундский, живой, но в то же время капризный и крайне высокомерный, полный сознания своей будущей роли властителя, красивый и милый мальчик, был гордостью родителей и двора, так что сконцентрировал на себе «всю любовь родителей». Маленький герцог де Берри, напротив, жил в его тени и сравнительно изолированно. Когда в 1760 г. старший брат тяжело заболел туберкулезом и оказался прикованным к постели, Берри приставили к нему как товарища в играх и трудах. Старший брат обращался с младшим, как с подданным. В то время все

ращалось вокруг избалованного, капризного больного, и Берри, словно, стал мальчиком для битья, которому постоянно ставили в пример сияющий образ Бургундца и внушали чувство собственной неполноценности. Когда любимый старший сын умер 24.3.1761 г., Берри, не к радости своих родителей, стал следующим наследником престола после своего отца. Но он заразился от брата и поэтому все детство и юность должен был бороться против заболевания легких. Берри, по сравнению с Бургундцем, представлялся мало выдающейся фигурой. Каким-то образом, не выражая этого прямо, на него возложили вину за то, что он занял место обожаемого старшего ребенка. Под личным контролем родителей граф де Вогийон воспитывал принца. Домашним учителем стал епископ Лиможский Кетюске.

Прилежный, ответственный ученик, будущий Людовик XVI ежедневно семь часов занимался латынью, историей, математикой и современными языками, два раза в неделю его очень строго и придирчиво проверяли родители. Ему прививали такие выделяемые Боссюэ и необходимые для короля добродетели, как набожность, доброта, справедливость и решительность. Когда его отец 20.12. 1765 г. умер от чахотки, а мать погрузилась в неутешное горе, Людовик в свои 11 лет стал вторым человеком в королевстве. Болезненный, неуклюжий принц был несколько чужд элегантному Людовику XV. При появлении деда-короля робкий мальчик становился еще более испуганным и от этого еще более неуклюжим.

От своего воспитателя де Вогийона он получил книгу Фенелона «Телемах». На будущего короля оказала большое влияние мысль о добродетельной жизни монарха, который получил свою власть от Бога и обязанностью которого является любовь к своим подданным и стремление к их счастью. На него производили

большое впечатление и произведения, проповедовавшие природное равенство людей и патриархальное королевское правление.

В 12 с половиной лет, 2.2.1767 г., дофин, который, как отметил Крой, «был очень болезненным и близоруким», но имел «кроткий характер», был посвящен в рыцари ордена Св. Михаила. Вскоре после этого, 13.3.1767 г., мать также умерла от чахотки, его тяжелая болезнь вновь обострилась, и при этом уже считали, что он освободит место наследника Людовика XV своему более блестящему младшему брату.

В 1770 г. воспитание выздоровевшего дофина в основном было завершено. Оно внушило ему прежде всего его будущие обязанности, но одновременно породило сомнения относительно его способностей, мешало ему изучить и понять реалии его времени. Поэтому принц мечтал о несбыточном золотом веке, в котором он сможет обеспечить счастье своим подданным. Среди исследователей бытует мнение, что принц был слабохарактерным, малоинтеллигентным юношей. Пьеретта Жироль де Курсак в опубликованных в 1972 г. исследованиях приходит к совершенно иному выводу. Она считает, что ла Вогийон дал ему очень хорошее воспитание и соответствовавшие тогдашнему уровню знания во всех областях. Людовик проявил себя, как она доказывает на основании многих источников, очень прилежным, любознательным, понятливым и исключительно упорным учеником с «многосторонней интеллигентностью». Это был стойкий, непоколебимый молодой человек, который научился преодолевать свой эгоизм и властвовать собой.

Будущий Людовик XVI был хилым, болезненным подростком с большими голубыми глазами и неровными зубами, недоверчивым и робким, с несчастным выражением лица, переваливающейся походкой.

и высоким гнусавым голосом. Со своим дедом этот неуклюжий подросток имел мало контакта, не вступал с ним в долгие разговоры и в его присутствии становился еще более замкнутым, чем обычно. Левер по этому поводу замечает: «Нелюбимый, всегда отталкиваемый и отстраняемый, дофин не способен выразить малейшего чувства привязанности к кому-либо».

По настоянию Шуазеля, для укрепления франко-австрийского союза было принято решение о браке дофина с одной из дочерей Марии Терезии. Для этого выбрали Марию Антонию (во Франции Мария Антуанетта), родившуюся 2.11.1755 г., принцессу, воспитание которой решили продолжить до 1768 г. Теперь ее интенсивно обучали и готовили к будущим обязанностям французской королевы, хотя она проявила гораздо больше интереса к играм и празднествам. 19.4.1770 г. в венской церкви Августинцев совершили бракосочетание по доверенности, причем дофина представлял ее брат эрцгерцог Фердинанд, и после ошеломительных празднеств 21.4 в сопровождении 376 всадников она двинулась в направлении Франции. 8.5 она пересекла Рейн и 14-го была встречена королевской семьей в Компьене. В то время как 15-летняя австрийская принцесса, голубоглазая, с острым носиком и светлыми волосами, была галантно принята Людовиком XV, ее еще не достигшей 16-летия супруг лишь беспомощно и смущенно поцеловал ее в щеку, но не смог произнести ни слова приветствия. Его дед, привыкший к женскому обществу, поддерживал разговор вместо него.

После церковного венчания в прекрасной дворцовой капелле Версаля и больших празднеств в парке и в самом оперном зале дворца наступило время отхождения новобрачных ко сну. Комментарий молодого дофина в его дневнике об этой брачной ночи был краток: «Ничего».

У молодой пары и впоследствии были большие трудности в интимной жизни. Об этом много говорили и писали, и тогда и в дальнейшем. Очевидно, у Людовика XVI были затруднения, а Мария Антуанетта не слишком стремилась помочь ему в их преодолении, а скорее даже отказывалась, что подчеркивает Фэй. Она охотно развлекалась на праздниках и в придворном обществе. Критический наблюдатель аббат де Вери писал, что королева, к сожалению, «не пытается развлечь короля, который не имеет качеств, являющихся в глазах женщин соблазнительными». Крой заметил, что она «крайне жадна развлечений» и постоянно «окружена самыми блестящими молодыми людьми». Только когда старший брат королевы, император Иосиф II (1765 — 1790) в 1770 г. инкогнито приехал в Версаль и провел с супругами долгие беседы, им удалось наконец полноценно осуществить свой брак и Мария Антуанетта забеременела.

Итак, во времена кронпринца Людовик и Мария Антуанетта мало сблизились. Вопреки распространенному мнению, в период с 1770 до 1774 г. Людовик XVI с большим рвением, жаждой знаний, отказавшись от своей страсти — охоты, готовился к своим обязанностям, и дед, с которым его теперь связывали дружеские отношения, вводил его в курс государственных дел. «Благодаря своей прямоте и открытости он наконец нашел друга — короля» (Фэй).

Честный, добросовестный, имеющий чувство ответственности дофин, унаследовавший некоторые качества от своей саксонской матери, был довольно буржуазен, поэтому не слишком вписывался в тогдашнее придворное общество. Что можно было подумать о кронпринце, который любил втайне сам оформлять свои поклоны, когда дворянам вообще не подобало работать физически? Императорский посол в Версале Мерси в письме Марии Терезии от 17.7.1773 г. с удивлением сообщал: 19-летний дофин «всегда что-то мас-

терит в своих апартаментах; он вместе с рабочими разбирает материал, балки, камни, и так как он часами занят этой утомительной работой, он часто приходит более усталым, чем если бы он участвовал в маневрах. Я заметил, что мадам дофина выражала крайнее отчаяние и злость по поводу его поведения». Вероятно, юный, неуклюжий из-за своей близорукости Людовик, который неловко чувствовал себя при дворе с его церемониями, где каждый его жест отмечался и критически оценивался, получал в труде с рабочими возможность бежать от этого двора, чтобы почувствовать себя человеком.

Когда Людовик XV 10.5.1774 г. умер от оспы, 19-летний король и его супруга пользовались любовью народа и все возлагали большие надежды на Людовика XVI. Так как министры находились на карантине, молодой монарх был вначале один. Он чувствовал к себе слишком большие требования и не был еще достаточно опытным для того, чтобы в качестве «абсолютного» короля без всякой помощи быть центром правительства. Поэтому, по примеру тщательно им проштудированного «Телемаха», стал искать себе ментора. По настоянию своей крестной матери Аделаиды, он выбрал бывшего государственного секретаря графа Морепа. Он собственноручно написал ему 12.5.1774 г. следующее письмо: «Мсье, в той глубокой скорби, которая меня поразила... Я король. Уже само это слово содержит много обязательств, но мне всего 20 лет, и я не верю, что уже приобрел все необходимые для этого служения знания. Кроме того, я не могу встретиться ни с кем из министров, так как все они на карантине из-за их контактов с больным королем. Я всегда слышал о вашей добросовестности и хорошей славе, которую вы по праву приобрели благодаря вашим глубоким познаниям в государственных делах. Это побуждает меня просить вас помочь мне вашим советом и вашими знаниями...»

Граф Морепа, внук и сын государственных секретарей, государственный секретарь Людовика XV, в 1749 г. был по настоянию маркизы де Помпадур отпущен в отставку, однако собирал в своем замке Поншартрен известных физиократов, членов парламента и просветителей, таких как Турго, Малешарб, Верг и считался чем-то вроде серого кардинала.

Морепа, опытный, со здравыми суждениями и трезвым умом, красноречивый, порядочный, не обладал «железной волей», как отмечал аббат де Вери: «Его мысли в основном правильны, если их не подавить. Они не прочнее, чем его воля». Был ли этот опытный царедворец и политик, изворотливый, вкрадчивый, слабохарактерный и слабовольный человек, способным направлять неопытного юного короля, руководить политикой и помочь монарху постепенно войти в курс его сложных задач, как это некогда делал при Людовике XV мудрый и целеустремленный Флери? Вряд ли. Тогда Людовик XVI был бы другим человеком и с другим характером. О его натуре в дальнейшем будет сказано подробнее.

Как уже говорилось, Людовик XVI был внешне малопривлекателен. Он ел много и охотно и стал вскоре толстым и круглым. Маркиза де ла Тур дю Пен весьма пластично изобразила мало подходившего для жизни, определяемой этикетом, Людовика XVI: «Ничего величественного, ничего королевского в поведении, всегда стеснен своей шпaгой, он толком не знал, что делать со своей шляпой». На его портретах прежде всего бросается в глаза длинный изогнутый нос на не слишком гармоничном лице, но вместе с тем прекрасные, дружелюбные голубые глаза, излучающие доброту, внутреннюю стойкость и внутренний мир.

Этот человек, не производивший впечатления придворного и галантного, чувствовал себя при дворе со всеми его бесчеловечными церемониями довольно неутожно, как и Людовик XV. Он также любил для рав-

...вешия выехать на охоту и там выплеснуть свою энергию. Но если Людовик XV отпиривался затем к своим стрессам, то добродетельный, по-бюргерски простостроенный Людовик XVI находил разрядку в труде. В своей мастерской на чердаке он особенно охотно занимался слесарными и часовыми работами, но цел и другие физические занятия. Например, аббат Вери писал в 1775 г.: «Он часто занимается тем, что метет пол, забивает и вытаскивает гвозди».

Кроме этих не свойственных придворным и мало похожих на королевские виды занятий, которые аристократы наблюдали, морща носы, критику дворянского общества вызывали его часто резкий и язвительный тон и неотесанность. Вери строго прокомментировал это: «... неловкий и грубый тон и манеры, ему не хватает достоинства, и он занимается работами низкими и не совместимыми с должностью короля». Монарх, убежденный в природном равенстве людей, мирился с тем, что его братья и другие посягают к нему панибратски. Он часто ходил по городу без свиты, один появлялся в театре, не давая торжественно возвестить об этом, как было принято. Все это осуждалось двором как неслыханное. Вызывало сенсацию и то, что он один, без лейб-гвардии, шел к народу и охотно беседовал с крестьянами и простыми людьми. Монарх уже имел много черт будущих королей-буржуа.

Если кронпринца из-за туберкулеза изображали нездоровым, то, став королем, Людовик XVI, выезжая на охоту, приобрел хорошую здоровую конституцию, как видно из его дневника. Согласно ему, он редко болел. Речь шла лишь о небольших простудах. Главными отрицательными чертами характера молодого короля современники считали отсутствие энергии, силы воли, робость, слабость, и прежде всего колебания и нехватку решительности. На эту тему можно привести много цитат: «Самым существенным в его

характере была слабость» (Сеп-При); «он видел не вильно, имел открытый дух, но боялся принимать решения» (Крой); «король всегда слаб и недоверчив» (Фрезен). Вери также говорил «о нерешительном характере» и о «слабой воле» короля.

Другой особенностью Людовика XVI часто называют его посредственную интеллигентность. При этом следует избегать преувеличений, так как часто написанные весьма критически мемуаристы, как, например Вери, считали большинство министров и даже на Пия VI тоже среднеинтеллигентными. Поэтому, оценивая суждения таких свободомыслящих просветителей, как Фэй, следует подчеркнуть, что свою роль сыграло и то, что Людовик XVI, будучи глубоко верующим убежденным христианином, думал иначе, чем они.

Однако у короля было много положительных качеств: прямота, добрая воля, трудолюбие и сознание долга, добродушие, величие души, добродетель и честность, набожность, всестороннее образование, способность к ясным суждениям. Он был глубоко порядочным человеком доброй воли. Но огромным задачам, стоявшим перед абсолютным монархом, который в качестве действующего центра целой системы как олицетворения судебной, исполнительной и законодательной власти должен был принимать быстрые и ясные решения, он не вполне соответствовал.

День короля был заполнен в основном молитвенной работой. Он вставал между 6 и 7 часами утра, выпил немного лимонного сока, съедал сухой хлебец и совершал короткую прогулку. В 8 часов происходил личный подъем. Затем он направлялся в кабинет для аудиенции и работал со своими министрами. Около 13-ти совершалась тихая четвертьчасовая месса, после чего он переходил к простому обеду. Пил он водку. После короткого времяпрепровождения с семьей вновь работал и каждый вечер с 19 до 21 часа проводил заседание Государственного совета, отдавал

урным офицерам приказы, а потом ужинал в кругу
мьи. В 23 часа он обычно ложился спать. Таким
разом, его сон часто длился меньше шести часов.
ажды в неделю, в дни охоты или торжеств, менял-
распорядок жизни короля, протекавшей в «трудах
удинении». Несмотря на это, он выказывал терпе-
е, «веселый нрав» (Фэй), пытался улаживать кон-
дикты в своей семье, среди придворных и минист-
в и должен был постоянно оплачивать игорные и
ругие долги своей супруги и братьев.

Наверное, по крайней мере вначале, ему нужен
л выдающийся премьер-министр с сильной волей,
орый работал бы с ним в тесном сотрудничестве и
ерии и принимал бы большинство решений за него
вместе с ним, как это делали кардиналы Флери
Людовике XV и Ришелье при Людовике XIII. Но
оранный Людовиком XVI в качестве «ментора»
репа был слабоволен и нерешителен. Он не мог и
хотел играть роль Ришелье или Флери. Поэтому
тр принятия решений, на активности которого ос-
ывалась вся система, был относительно слаб, что
политики, прежде всего внутренней, имело нега-
ные последствия.

После смерти Морепа в конце 1781 г. Людовик XVI
дивлению всех, как пишет Крой, крепко взял руль
ои руки и попытался стать центром принятия ре-
ний и координатором по отношению к своим ми-
трам. Крой, вновь подчеркивая слабость и не-
нительность короля, писал в январе 1892-го: «...не
казывая своего расположения кому-либо, он дей-
ительно самостоятельно управлял в основных во-
сах, поскольку каждый департамент имел много
равлений в своей компетенции, но не больше и
е с ограничением, ибо в каждом более важном деле
оль брал выписку из него с собой и затем через
колько дней, если хотел, посылал принимаемое
ение министру».

Эта картина правления 28-летнего короля, которую рисует Крой, показывает, что он после перипетий обучения и введения в курс дела добросовестно старался соответствовать требованиям и задачам, стоявшим перед абсолютным монархом. Шиппе в недавней появившейся трехтомной биографии также подчёркивает компетентность, с которой Людовик XVI преодолел после начальных трудностей. Он считает балканского периода правления полностью положительным вплоть до 1787 г., когда перед лицом казавшихся непреодолимыми проблем сила и воодушевление монарха начали ослабевать. Людовику XVI не хватало качеств Людовика XIV, прежде всего твердости и оптимистичности:

Важными чертами характера Людовика XVI были также его бесстрашие и большое мужество, которые он демонстрировал при самых различных обстоятельствах, как, например, в «мучной войне» и связанных с ней беспорядках в Версале в 1775 г. или во время революции, под угрозой смерти. Но, как подчеркнул Вери, «мужество Людовика XVI — это мужество ученика, а не короля».

Все современники говорят о глубокой религиозности и искреннем благочестии короля, придававшие ему внутреннюю стойкость и душевное величие в тяжелые дни заключения и во время казни. Когда пренебрежительное дворянство и высшие слои под влиянием идей философов-просветителей все больше «расхристианивались» и становились неверующими, он, как предшественники, ежедневно посещал мессу, регулярно постился и исповедовался. Как ни у одного монарха этого столетия, вся его жизнь и деятельность были проникнуты христианскими принципами. Не придавая это широкой огласке, он из любви к ближним отчислял большую часть из лично ему принадлежащих средств на раздачу милостыни. Согласно Неккеру, в 1788 г. он использовал примерно 117 000 тыс.

лвров (это около 70%) из выделяемых ему как «де-
жное пособие короля» 1 652 000 ливров, чтобы под-
ржать многочисленные бедные семьи. Людовик XVI,
словам его близкого к философам министра Мале-
рба, «благочестив и верует, как это только возмож-
», он заботился о благе своей церкви, добивался
более высокого содержания для простых священни-
ков и викариев, часто живших в бедности, в 1777 г.
позволил иезуитам как частным лицам вновь вернуть-
ся в страну, принял изгнанных Иосифом II членов
ордена, но, с другой стороны, не поддавался влиянию
терпимости некоторых клерикальных кругов и мало
любил часто появлявшихся тогда епископов и абба-
тов, которые практически стали атеистами. Он не вы-
ставлял напоказ свое благочестие. Несмотря на рели-
гиозные убеждения и жизнь верного сына церкви, он
показывал довольно большую терпимость по отноше-
нию к другим. Во всяком случае, и во время револю-
ции он боролся за терпимость и свободу совести сво-
их братьев по вере.

Важнейшей целью Людовика XVI было работать
на благо своих подданных. Именно этим он отличал-
ся от большинства эгоистичных, думавших только о
своих преимуществах и сохранении привилегий верх-
них слоев. Так как он считал себя отцом своих под-
данных, христиански возлюбившим ближнего, ответ-
ственным за их счастье, он во многих отношениях не
отвечал духу времени и не совсем правильно воспри-
нимал тенденции его. Согласно теории, будучи абсо-
лютным монархом, он, как и прежде, олицетворял
высшую исполнительную, законодательную и судеб-
ную власть, но на практике его власть была довольно
ограниченной, а правление — сравнительно либераль-
ным и терпимым.

Когда Людовик в 1774 г. стал королем, он должен
был сформировать «правительство его доверия» и оп-
ределить основные вехи внешней политики.

Внешняя военная и морская политика

Руководителя министерства иностранных дел Людовик XVI и его «ментор» Морепа выбирали из двух кандидатур: французского посла в Неаполе барона де Бретойля (1730 – 1807) и посла в Швеции графа де Вергенна (1717 – 1787). Вначале Морепа и король хотели отдать предпочтение более блестящему Бретойлю, но назначили менее блестящего, но очень трудолюбивого, прилежного и порядочного Вергенна в надежде, что он будет работать более коллегиально. Этот «опытный дипломат, философ в духе времени, осторожный и все же энергичный политик», которому, согласно Вери, приписывали весьма посредственные интеллектуальные способности, стал хорошим выбором. Умный министр прекрасно организовал свое министерство, его функционирование и деятельность дипломатов и в тесном сотрудничестве с королем проводил великолепную внешнюю политику.

Хотя Людовик XVI вначале не слишком высоко оценивал значение внешней политики, он очень хорошо вник в нее и действовал на этом поприще успешнее, чем Людовик XV. По природе миролюбивый, ненавидящий на славу завоевателя, в 1774 г., будучи молодым королем, он подошел к этому вопросу с такой установкой: «Поскольку я не хочу вмешиваться в дела других, я рассчитываю на то, что и они не будут меня беспокоить».

Он и его министр иностранных дел проводили политику соглашения и мира, как некогда кардинал Флерри при Людовике XV. При этом было важно укрепить военную мощь Франции и достаточно расширить морской флот, чтобы удержать большого конкурента Англию, от нападения на оставшиеся французские колонии. Франция надеялась сохранить европейское равновесие путем союза с Испанией и Австрией. Людовик хотел служить также осуществлению интересов

человечества и права народов. Поэтому он отказывался поддерживать австрийских союзников в их захватнических устремлениях в дунайском княжестве Молдова, в Италии, а также против Пруссии. Король выступил против планов своего шурина Иосифа II поменять Баварию на Нидерланды, так как в этом случае с трудом сохранявшееся равновесие было бы нарушено, что грозило серьезным конфликтом. Иосиф II специально прибыл в Версаль инкогнито, чтобы добиться французской поддержки своих честолюбивых планов. Хотя просвещенный кайзер пользовался симпатией у философов и населения и король с королевой были благодарны ему за помощь в налаживании их супружеской жизни, все же Иосиф переоценивал, как подчеркивал Ливер, «уступчивость короля и рвение королевы». Мария Антуанетта, осаждаемая просьбами своей матери Марии Терезии, своего брата Иосифа II и императорского посла в Версале, пыталась переубедить своего августейшего супруга и добиться интервенции в пользу Австрии. Но все было напрасно, король оставался непоколебимым и лишь коротко и ясно сказал Марии Антуанетте: «Устремления ваших родственников все поставят вверх дном; начали они с Польши, а теперь на очереди Бавария... они очень сердят меня». Таким образом, Людовик XVI и его министр иностранных дел не давали помешать своей сдержанной, осторожной политике умиротворения в Европе. Перед лицом первого раздела Польши 8.8.1772 г. Вергенн говорил о «разбойничьей политике великих держав» и отказался помогать Австрии и России против Османской империи, когда Иосиф II в 1781 г. и великий князь, а позднее царь Павел I в 1783 г. посетил Версаль. Людовик XVI стал к тому времени своего рода «третейским судьей Европы» и старался для сохранения французского влияния в Центральной Европе поддерживать хорошие отношения с такими имперскими территориями, как

Кур-Пфальц, Пфальц-Цвайбрюккен, Кур-Саксония, также с Савойей, Швецией и союзниками. Он предоставлял им большие субсидии.

Хотя Людовик находился в союзе с Австрией, он пытался установить взаимное согласие и с Пруссией. Это особенно проявилось, как уже было сказано, во время войны за наследование баварского престола, когда Франция не только не поддержала экспансивного Иосифа II, но и открыто выразила свое недовольство образом действий императора. Именно Франция добилась Тешенского мира 13.5.1779 г. Благодаря этому Бавария, уменьшившись на четверть, сохранилась как независимое государство в рамках империи. И на востоке Франция помогла установить мир между Россией и Османской империей.

Миротворческая политика в Европе была важна для Людовика XVI, так как развязывала ему руки для действий в Северной Америке. Там после победы англичан над французами с 1763 г. продолжались постоянные конфликты между белыми колонистами и британской колониальной администрацией, которые привели к североамериканской войне за независимость (1775 — 1783). Когда 13 колоний в 1776 г. в Бостоне объявили о своей независимости, британцы направили против них многочисленные войска. Для вновь возникших и в военном отношении еще слабых Соединенных Штатов решающее значение имело теперь приобретение союзников в Европе. В первую очередь это была Франция, в которой испытывали большие симпатии к мятежным поселенцам, особенно в проникнутых просветительским духом верхних слоях, благодаря их пламенным призывам к равенству, суверенитету народов и правам человека и где еще не было забыто позорное поражение от Англии в Северной Америке и потеря Канады. Вергенн и Людовик XVI видели возможность отомстить Великобритании и существенно ослабить своего заклятого соперника в ми-

ровой политике путем поддержки американцев. Хотя внешне Франция держалась в стороне, однако через фирму, руководимую знаменитым писателем Бомарше (который выступал под псевдонимом Родриго Горталес) посылались деньги (согласно Бели, 1 млн ливров) и оружие. Когда 6.12.1776 г. изобретатель громоотвода и политик Бенджамин Франклин явился в Версаль как полномочный представитель США, он был принят французским обществом восторженно, а Вергенном — благожелательно. Людовик XVI, Морепа, и прежде всего военный министр Монбари, боялись открытого вступления в войну против Англии из-за возможных катастрофических финансовых последствий для Франции. Король ненавидел войну и поэтому колебался, хотя министр иностранных дел ярко рисовал ему большую опасность для королевства и его еще оставшихся колоний, если американцы будут разбиты англичанами. Кроме короля, колебался и его «ментор» Морепа, считавший войну эпидемией. Людовик, который хотел по крайней мере добиться поддержки Испании, прежде чем решиться на войну, после длительного давления Вергенна, хотя и втайне, 6.12.1777 г. признал независимость Соединенных Штатов Америки. В то время как молодые французские дворяне, Лафайет, Ноайль и Сегюр воевали на стороне американцев, шли переговоры о договоре, торговле и дружбе. 6.2.1778 г. король заключил с Соединенными Штатами, которые этим признавались официально, торговый договор и оборонительный союз. В конечном счете Франция не потребовала ответных услуг и отказалась от борьбы за потерянные в 1763 г. колонии в Канаде.

Хотя Морепа колебался, Людовик XVI остался при своем однажды принятом решении и пустился в «американское приключение». Пусть эта война в общественном мнении Франции восторженно одобрялась, приветствовалась и поддерживалась, для короля она

все же означала огромный риск. Было ли разумным, что абсолютный монарх поддерживал мятежных республиканцев против их законного монарха? Не должно ли было это дать толчок соответствующим течениям в собственной стране? Кроме того, война обходилась очень дорого, потому что было много потерь на море и Америка нуждалось в больших контингентах войск. Так, в 1780 г. было послано около 6 тысяч человек под командованием генерала Рошамбо, а в 1781 г. — еще 4500 человек. После победы американского главнокомандующего Джорджа Вашингтона при Йорктауне, в которую большой вклад внесли французы, англичане капитулировали. Длительные мирные переговоры в 1783 г. закончились Парижским миром. Хотя во Франции поражение англичан и новая республика с ее гарантированными основными правами были встречены восторженно, некоторые круги во Франции, как подчеркивает Вайс, считали результаты войны неудовлетворительными. Людовик одержал над англичанами единственную французскую победу в 18 веке, он подорвал британское господство в Европе и Америке и завоевал симпатии и дружбу США на долгий срок, но военные расходы, составившие как минимум 1 млрд ливров, внесли существенный вклад в падение «абсолютной» монархии.

Внутренняя политика и внутреннее развитие

В последние годы правления Людовика XV так называемым триумvirатом были начаты наконец жизненно необходимые реформы, которые лишили власти старые верховные суды, т. е. парламенты, и этим положили конец их обструкционистской политике; стремились к более справедливой налоговой системе и начали экономическую фискальную политику. Но привилегированные, права которых этим были ограничены или поставлены под угрозу, развернули на-

стоящую кампанию натравливания общественного мнения на министров-реформаторов и короля, который перед смертью окончательно стал «мало любимым», после того как прежде его прославляли как «сильно любимого».

Когда ненавистный король умер, все надежды обратились на добродушного, добродетельного, но неопытного, еще не достигшего 20-летия Людовика XVI. Общественное мнение ожидало новой политики, отставки правительства. Отправленный в отставку в 1770 г. Шуазель ждал своего часа, кроме того, на возвращение надеялись сосланные в провинцию, но все еще влиятельные члены парламентских советов, которые разжигали так много волнений. В этой ситуации молодому королю нужно было назначить надежное правительство, начать проводить новую внутреннюю и финансовую политику. Важнейшим этапом был выбор министров. Здесь вначале главная роль принадлежала «ментору» и государственному министру Морепа. Этот открытый веяниям времени, несмотря на свои 73 года, человек оказался мало пригодным и не расположенным жестко вести и координировать государственные дела своего короля и в тесном сотрудничестве с ним. Для этого он был слишком слабым и нерешительным, слишком тяжелым на подъем и склонным к интригам. Он выполнял неофициально работы, необходимые для системы премьер-министра ввиду неопытности и слабости короля в принятии решений, но за кулисами очень влиял на него, старался сохранить его доверие и не допустить, чтобы такие сильные личности, как Тюрго и, позднее, Неккер, приобрели слишком большую власть и даже пытался через некоторое время вытеснить их с должностей.

Несмотря на давление общественного мнения, при выборе своих министров Людовик не торопился. Здесь действовавшему на заднем плане Морепа отводилась

решающая роль, даже если монарх не всегда был согласен с его предложениями и принимал не все. Сравнительно легко прошла отставка мало ценимого общественностью Эгийона, который в 1771 — 1774 гг. был министром иностранных дел и военным министром. В министерство иностранных дел пришел, как было сказано, Вергенн, а в военное министерство — граф дю Муй, сторонник иезуитов и друг юности дофина Людовика Фердинанда. Морское ведомство, по предложению Морепа, получил его друг Тюрго, знаменитейший экономист-теоретик своего времени. Определенные трудности пришлось преодолеть «ментору», чтобы добиться у колеблющегося короля отставки очень способных, но ненавидимых политиков реформ Моу (канцлер) и Терре (финансы). Особенно сложно было добиться отставки Моу, поскольку он провел радикальную судебную реформу, отстранив прежние, блокировавшие все изменения парламенты, а Людовик, находясь под влиянием своего деда и «партии благочестивых», испытывал мало симпатий к старым, янсенистски настроенным парламентам.

Морепа, который вместе с Тюрго подготавливал возвращение прежних парламентов, пришлось неделями упорно и настойчиво уговаривать молодого короля, прежде чем он добился отставки Моу и Терре и передачи Мироменилю судебного ведомства, Тюрго — финансов и Сартену — морского. Таким образом, было создано правительства, весьма неоднородное, состоявшее прежде всего из Морепа, «слегка реформистского... друга легких путей», шуазелиста Мироменила, близкого к старым парламентам, сторонника абсолютизма дю Муя, ла Фрийера (придворный штат, внутренние дела) и Вергела, а также «философа» Тюрго. Этот неравновесный «кабинет», как подчеркивает Левер, «с самого начала был обречен на шатания», поскольку король был слишком молод, слишком неопытен и слишком нерешителен, чтобы такую коман-

ду держать в руках; Морепа не хватало для этого необходимой твердой воли.

В Париже сжигали или вешали соломенные чучела ненавистных министров финансов и юстиции Террея и Мопу, а короля и его новое правительство восторженно приветствовали. Рыночные торговки забросали 20-летнего короля цветами, а «просвещенное мнение» называло его «королем, пролагающим новые пути». Метра говорил о «всеобщем одобрении», а Вольтер — о «святой радости».

В обстановке этой популярности и рукоплесканий общественности, а также памятуя, что его деда и министров преследовали всеобщая ненависть, клевета и интрига, Людовик в вопросе о парламентах позволил себя переубедить.

Не только общественное мнение, но и министры Морера, Тюрго, Миромесниль и назначенный после смерти Ла Врийера министром придворного штата и внутренних дел де Ламуаньон выступали за восстановление прежних высших судов. Сартен присоединился к этим всеобщим требованиям, которые поддерживали Мария Антуанетта и младший брат короля Лютуа. Кроме того, в Париже судебные писцы проводили демонстрации за возвращение. Молодой король, как подчеркивает Шлаппе, «считал свою личную популярность самой надежной гарантией функционирования королевства», но видел тесную связь этой популярности с судьбой парламентов, и он начал пересматривать.

Наконец король решил вновь созвать старые парламенты. 12.11.1774 г. он объявил прежним парламентским советам: «Я вновь призываю вас на вашу службу... Будьте озабочены исключительно тем, чтобы выполнять свои задачи и соответствовать моим стараниям о благе моих подданных». После этого монархия сопровождала «непрерывная орация» во дворе правосудия и на улицах, и Мария Антуанетта сооб-

шила своей матери, что «важное дело парламентских судебных палат наконец завершено».

Миролюбивый монарх, который хотел очистить отравленную ненавистью атмосферу 70-х г., уступил общественному мнению и своим министрам, включая великого Тюрго. Большинство историков едины во мнении, что возвращение старых парламентов было решающей ошибкой молодого монарха. Реставрация «негативной власти привилегированных» делала режим неспособным к каким-либо реформам, поскольку, по словам Метивье, парламенты, состоявшие из советов, которые защищали привилегии, «препятствовали любой серьезной попытке реформы социально-политических структур, любому усилию привести монархическое государство в соответствие с новыми экономическими и финансовыми условиями». Вместо того чтобы благодарить короля, парламентские советы вскоре по возвращению, следуя наущению герцога Орлеанского и принца Конти, опубликовали «манифест, направленный против королевской власти». Это означало, что завершенная Людовиком XV в 1770 г. борьба монархии не на жизнь, а на смерть против господства привилегированной касты судей началась вновь.

В области внутренней политики набожный и верный церкви король надеялся на реформу государства и монархии в смысле религиозного обновления, которой требовала часть духовенства. Для них 18 век — и не без оснований — был эпохой безнравственности, изнеженности, фриivolности, беспринципности, непослушания, равнодушия, презрения к государству и авторитету, потому что отрешились от религиозной основы. Людовик мечтал о том, чтобы «спасти христианскую Францию, Францию маленьких людей и народа». В этом смысле возрождение сакральной стороны королевства рассматривалось как необходимое, а добродетельный Людовик XVI — как «обновитель

правов» в стране. Поэтому он, невзирая на критику и сомнения, повелел провести свое помазание на правление в традиционной форме. Ему было прекрасно известно, что философы-просветители называли это лишком дорогим и не соответствующим духу времени, самым бесполезным и смешным из всех бесполезных расходов, «абсурдной церемонией». Его важнейший министр, просвещенный философ Тюрго, охотнее всего упразднил бы «сакральное», которое было дорого, и религиозное содержание его отрицалось значительной частью либертинских верхних слоев.

В то время как многие дворяне — участники коронации довольно равнодушно и небрежно выполняли предписанные им функции, Людовик XVI, согласно единодушному мнению современников, «с большой серьезностью отнесся» в этой «манифестации сакрального королевства». К удивлению высших слоев, религиозное представление произвело потрясающее впечатление на присутствовавший народ, который еще незадолго перед этим во время «мучной войны» был в настоящем возмущении. Крой изумленно сообщал: «...я никогда не видел подобного восторга». У всех текли счастливые слезы при виде монарха, «облеченного всем блеском королевства, на настоящем троне». Помазание и коронация рассматривались высшими слоями лишь как дорогостоящее представление прошедших времен, но они могли внести свой вклад в укрепление образа монархии в народе, настроения которого, как показывает история именно Людовика XVI, были крайне непостоянными и подверженными влияниям. Не случайно и революционеры впоследствии ввели театрализованные революционные праздники и соответствующий культ нации.

В духе программы религиозного обновления Людовик XVI возобновил также старинный ритуал возложения рук на золотушных больных, чтобы воздействовать как исцеляющий чудом король. Он делал это,

полностью сознавая, что этот ритуал в просвещенных высших слоях считается не соответствующим времени проявлением «эпохи незнания, сегодня бесполезного» (Вольтер). В одеянии члена ордена Св. Духа отправился в парк напротив церкви аббатства Сен-Дени, где под жарким солнцем короля ожидали более 2400 больных золотухой, предварительно обследованных врачами. Из-за неприятного запаха и ужасного вида больных Людовику пришлось собрать все свои силы, чтобы выдержать ритуал. Крой, который следовал за ним и скептически наблюдал вблизи, пишет, что король «действительно дважды» касался каждого больного и говорил слова «Господь излечит тебя, король касается тебя» с выражением «исключительной доброты». Он передавал воспринятую благодать всеми силами и от всего сердца, в то время как больные подходили к нему с верой в ожидаемое исцеление.

Несмотря на глубокую религиозность, Людовик XVI проявлял довольно много терпимости к другим. Так, он назначил министрами Морена и Тюрго, которые были близки к философам-просветителям. Он доверил протестанту-иностранцу Неккеру руководство финансами. При нем во Франции улучшилось положение протестантского меньшинства, хотя эдикт о терпимости относительно всех католиков появился только в 1787 г. Людовик последовательно отвергал все репрессивные меры, которых требовали католические фанатики, как показывают П. и П. Жиро де Курсак.

Философы и парламенты боролись против «деспотии» и «тирании», но, несмотря на все цензурные и штрафные постановления, время правления Людовика XVI было весьма либеральным и сравнительно терпимым, так что философы, журналисты и прочие враги режима могли открыто высказываться. За 15 лет правления «абсолютного» монарха ни один политический заключенный не был казнен. Для сравнения можно

помнить, что только за полтора года Республики между 1792 и 1794 гг., несмотря на заявления о правах человека, введение народного суверенитета и провозглашение идеалов «свободы, равенства, братства», как показывают новейшие исследования, было казнено от 35 000 до 40 000 человек. То же относится и к терпимости. В период Революции после провозглашения свободы совести и терпимости на деле христианство подавлялось и преследовалось в крайне радикальной и жестокой форме. Идеалы и действительность могут иногда сильно не совпадать.

Важнейшей проблемой, к которой должен был обратиться король, была «переориентация в экономической и финансовой политике». Ее разработал генеральный контролер Тюрго, самый значительный экономический и социальный политик, которого имела Франция в 18 веке. Теоретiku-интеллектуалу, поборнику индивидуальной свободы, защитнику частной собственности и политического и экономического либерализма, удалось убедить короля в правильности своих идей о направлении политического движения. Перед лицом безнадежной ситуации в государственных финансах он заявил королю: «Никакого банкротства, никакого повышения налогов, никаких займов». Вместо этого он предложил draconовские меры по экономии и лучшему использованию поступлений. Он добился прекращения власти откупщиков налогов и значительного снижения расходов двора. Он шел в авангарде всеобщей экономики и самому себе уменьшил жалование вдвое. Министру финансов удалось в 1785 г. получить дополнительные средства за счет собственной хозяйственной деятельности и уменьшить груз долгов. Но своей суровой политикой экономии он нажил себе много могучих врагов: прежде всего королеву, любившую роскошную жизнь и бесконечные праздники, других министров, чей бюджет был сокращен, финансистов, доход которых был ог-

азель умер уже 18.10.1776 г., оставив финансы в тяжелейшем состоянии.

На этот раз король доверил руководство финансами протестанту Неккеру, не дворянину, банкиру, разбогатевшему в Париже, дипломатическому представителю Республики Женева во Франции. Как протестант он не был назначен государственным министром и поэтому не мог принимать участия в заседаниях Государственного совета.

Неккер, крупный мужчина с толстым животом и обрюзгшим лицом, будучи «осторожным оппортунистом», прежде всего думал о своей хорошей репутации, «он больше любил свою славу, чем свои обязанности». Крайне старательный, уверенный в себе, высокомерный банкир с самим королем обращался снисходительно. Так как он вначале умело делал всем уступки, «он вскоре стал популярен, чтобы сохранить эту популярность, он профинансировал восторженно встреченное общественным мнением участие Франции в американской Войне за независимость не путем повышения налогов, а взяв большие кредиты. Мирабо восторженно писал: «Он вел войну без налогов, это бог!» Но эти кредиты для войны, которая стоила Франции от 1 до 1,3 млрд ливров, толкнули монархию в финансовую пропасть. Можно сказать, что именно этот долг был существенной причиной гибели режима, потому что к старым долгам прибавились гигантские новые, удвоив их. Все большая часть государственных поступлений сразу же блокировалась для выплаты процентов. Этим, как отмечает Морино, «так основательно... было нарушено равновесие нормального бюджета», что больше не было надежды на решение финансовых проблем в рамках системы.

Поэтому восстановление кредита монархии Неккером в конечном счете было весьма популярным, но все же краткосрочным крайним средством, поскольку женевец в отличие от Тюрго не отважился провести

льного увеличения выплат в необходимые налоговые реформы с отменой привилегий. Все же он пытался увеличить поступления в бюджет принятием новых управлений королевской недвижимостью и различными пошлинами и выплатами. Кроме того, он стремился ограничить непомерные расходы двора. В этих целях он впервые во Франции обнародовал в 1791 г. государственный бюджет, который, впрочем, равно содержал неправильные суммы. Настоящую сатиру вызвало то, что Неккер представил здесь расходы на двор и раздаваемые им пени. Финансовый директор, проводя частичные реформы (выплаты землевладельцев, освобождение бедняков от налогов, улучшение тюрем), еще поднял свою популярность. Но образовалась могучая коалиция, которая добивалась теперь его падения. Она опять же состояла из королевы, принцев крови, других министров, включала Морепа, парламенты, представителей провинции и интендантов. Как часто случалось в 18 веке, появились бесчисленные пасквилы, но большая часть общества находилась на этот раз на стороне «финансового героя», чьи отчеты определяли разговоры в городе и при дворе. Парламентские судебные палаты, роль которых Неккер хотел ограничить исключительно судебными приговорами, что он предлагал в секретной, но потом ставшей достоянием публики записке королю, заговорили о «преступных взглядах этого иностранца». Они отклонили также регистрацию указа, который, по предложению Неккера, устанавливал провинциальное собрание в Бурбоне.

Дело дошло до «настоящего мятежа», к которому, впрочем, король и его министр отнеслись сравнительно хладнокровно. Стремлению Неккера стать государственным министром мог помешать Морепа. Во всяком случае, король не устоял перед напором «коалиции привилегированных», и Неккер 19.5.1791 г. был отправлен в отставку. Его преемнику, генеральному кон-

раничен; привилегированные сословия, боявшиеся за свои привилегии, и парламенты, в своих интересах упорно боровшиеся против любой реформы. Хотя министр стремился к «союзу между короной и народом против привилегированных», высшим судам удалось настроить против него народ из-за повышения цен на муку, вызванного плохим урожаем, и разрешением свободной продажи зерна. В то время как массы штурмовали мучные склады и грабили пекарни, король с трудом смог утихомирить 8000 демонстрантов речью с балкона Версальского дворца. Вери писал об этом: «готов признаться, что король во время волнений в Версале проявил душевное мужество и хладнокровие, которых от него не ожидали...» Философы были весьма удивлены, что народ поднялся именно против просвещенного, человеколюбивого министра. Тюрго стал для масс козлом отпущения.

Тюрго настаивал на свободной торговле зерном и своей политике. Жак Неккер опубликовал работу, в которой резко критиковал политику Тюрго и его лично и объявлял себя «защитником угнетенных». Лавуази по этому поводу заметил: «Неккер не мог яснее выразить своего желания стать преемником Тюрго». Книга вызвала резкую полемику, но Тюрго, сохранив доверие и поддержку короля, смог энергичными мерами восстановить порядок.

Несмотря на всеобщее ожесточенное сопротивление, интриги и происки своих многочисленных противников, министр добился обнародования шести эдиктов, устранявших бесчисленные королевские дорожные барщины и заменявших их всеобщими налогами. Было отменено цеховое принуждение, введена свобода промышленности и т. д. Реформы приветствовалось широкими народными массами, но парламент, как обычно, был против. Судьи считали, что свобода промышленности ставит под угрозу доходы парламента, и рассматривали реформы как атаку на

права дворянства и структуру общества. Несмотря на это, Тюрго удалось побудить короля, чтобы он стал верховный судья и «абсолютный» монарх 12.3.1776 г. добился регистрации эдиктов. Но Людовик XVI не был человеком, способным устоять против длительного всеобщего давления и ураганного огня привилегированных, хотя Тюрго и предостерегал его: «Никогда не забывайте, что именно слабость привела Карла I под топор палача». Тюрго хотел укрепить религиозную терпимость, признать у протестантов гражданский брак, сделать государственными просвещение и больницы, облагать клир налогами без льгот, дать возможность крестьянам свободно покупать права землевладельцев и создать общинные, кантональные и провинциальные собрания. Все эти проекты лишь ускорили падение министра-идеалиста. Вайс по этому поводу справедливо замечает: «Те, кто хвалил начинания министра: рабочие, ремесленники и крестьяне, младший клир и «философы», не имели при дворе права голоса. Все, кто имел ранг и влияние, объединились, чтобы добиться от короля падения министра и внушить ему, что Тюрго нарушает права и угрожает общественному порядку». Наконец Людовик XVI отступил перед враждебной коалицией и уволил министра 12.5.1776 г. Морепла, которому бывший друг Тюрго казался теперь слишком могущественным, способствовал падению этого государственного деятеля, который не проявил «гибкости» и «не мог понять, что кто-то смотрит на вещи иначе, чем он», как заметил Вери. Людовик ставкой Тюрго потерял последний настоящий шанс спасения старого режима.

Преемником стал незначительный, не слишком честолюбивый, пользовавшийся дурной славой Шуазель. Он постарался «разрушить дело Тюрго и примирить власть с суверенными судебными палатами». В конце концов он повернул все реформы назад. Шу-

тролеру Доли де Флери, предстояло искать выход из отчаянной ситуации с бюджетом. Он уже в 1781 г. ввел косвенные налоги, в 1782 г. — третью двадцатую часть и вновь наделал долгов. Кроме того, он попытался сократить придворные пенсии, а также военно-морской бюджет, что вызвало ярую ненависть придворных и соответствующих министров. После увольнения в отставку Флери 30.3.1783 г. его преемник Лефевр д'Ормессон вновь попытался взять дополнительные кредиты, однако уже в октябре того же года вынужден был капитулировать. По настоянию Марии Антуанетты Людовик XVI назначил интенданта Лилля, Калонна, новым генеральным контролером финансов. Он прежде всего попытался расположить к себе королеву и привилегированных многочисленными уступками. «Министр финансов», которому удалось взятием новых кредитов поддерживать выдачи в государственной кассе, обеспечил значительные средства для выплаты королевой придворным пенсий, для покупки новых замков и для общественных работ (строительство каналов, гаваней, городов). Первые три года его пребывания на должности благодаря заключению торговых соглашений и притоку иностранного капитала были периодом подъема торговли и экономического благополучия. С социально-политической точки зрения, это был период «аристократической реакции». Дворяне — землевладельцы и судейские, поддерживаемые королевой, требовали все больше выплат уже устаревших сборов и занимали все высшие должности в государстве и церкви. Так как Людовик XVI допускал это и в какой-то степени даже поощрял, то, несмотря на свой личный безупречный стиль жизни и бюргерские повадки, все однозначно становился королем 500 000 привилегированных. И именно эти привилегированные усложняли ему жизнь, постоянно блокируя все необходимые реформы, которые еще могли спасти «абсолютную» монархию.

Когда Калонн в 1786 г. не мог больше получать дивидендов, ему пришлось резко изменить курс, так как долг достиг 100 млн ливров, а выплата процентов по займам составляла ежегодно 50% расходов. Более того, долгов приходилось на короткое время правления Людовика XVI. Если Калонн не хотел объявить царство банкротом, ему оставалось только провести решительную налоговую реформу с уничтожением привилегий. Так как Калонн знал позицию партия дивидендов, он хотел их обойти и добился в 1787 г. созыва собрания в основном дворянских представителей, которые, однако, отклонили решительные проскоро министра финансов, ибо не хотели отказываться от своих привилегий. Когда загнанный в угол политик обратился к общественности, ярость привилегированных, двора и королевы опять обратились на генерального контролера; король вновь капитулировал и 9.4.1787 г. отправил в отставку Калонна. После непродолжительного переходного управления руководителем финансов взял на себя 70-летний архиепископ де Бриан, честлюбивый, просвещенный, самостоятельный дворянин. Король лично представил отчет о реформах для регистрации парламенту. Сразу же запротестовал герцог Орлеанский, будущий Филипп-Эгалите, и герцоги, парламентские советы стали создавать препятствия и, наконец, отклонили эти документы. Людовик XVI был вне себя от ярости. Леверю пишет по этому поводу: «Людовик XVI был потрясен: он, который верил в единодушную любовь «своего доброго народа», увидел монстра, нацию, которой управляла неуловимая фурия: общественное мнение». Король, убежденный в положенной ему как «абсолютному» монарху роли верховного судьи и господина страны, провел 6.8.1787 г. «*Lit de justice*», чтобы добиться регистрации. Хотя парламент блокировал реформаторские законы в конечном счете только в интересах привилегированных, но он мог мобилизо-

вать массы Парижа против короля. Когда этот верховный суд 7.8 отказался от навязываемой регистрации перед огромной восторженной толпой и потребовал созыва Генеральных штатов, разъяренный король по совету Бриенна, 14.8.1787 г. отправил парламентские советы в ссылку в Тройе. Теперь парламенты подогревали население, парижские юристы, опасавшиеся за свои законы, агитировали, а памфлетисты и карикатуристы яростно нападали на короля. Дело шло до планомерно разжигаемых волнений по всей стране.

Ослабленный болезнью Людовик XVI не препятствовал Бриенну, внезапно вновь созвавшему парламент. Министр финансов, повышенный в звании до «главного министра», пытался теперь избежать банкротства путем экономии при дворе и новых займов. Хотя он предварительно обработал судей и даже пообещал взятки, они отклонили и регистрацию кредитов. Когда Людовик XVI приказал провести регистрацию, суд объявил решение короля недействительным. Поддерживаемый общественным мнением, парламент продолжал свою борьбу за власть, в то время как король страдал от различных болезней, расстройств и не мог больше справляться с событиями. Его все еще демонстрировавшаяся энергия, воодушевление и оптимизм — все это разбилось вдребезги, как показывает Шаппе. С этого момента «он все еще управлял, не управляя в действительности». Людовик был разочарован, смирен, полон горечи, ситуация казалась безвыходной. Для союза между королем и народом против привилегированных, к которому стремился Тюрго, было слишком поздно. Кроме того, эта мысль была чужда консервативному монарху, убежденному в необходимости сохранения традиционного сословного общества. Министры пытались новыми эдиктами существовавшего ограничить власть парламентов, которые в отчаянии раздували «бурю негодования в стране», как подче

кивает Вайсс, и даже с помощью «оплаченных ими памфлетистов» призывали войну. Породненное с судебским дворянством военное дворянство и высший клир присоединились к этой «аристократической революции». В этом отчаянном положении Людовик XVI уступил общественному мнению и впервые после 1614 г. созвал Генеральные штаты на 1.5.1789 г. Бриенн, не видя выхода, объявил государственное банкротство. Еще раз вернулся Неккер, в то время как соломенное чучело Бриенна было сожжено на костре. Как сообщает Неккер, полностью уничтоженный король сказал ему: «Ах, мсье, уже несколько лет мне не выпадало ни мгновения счастья!» Генеральный директор финансов уже 27.8 был назначен государственным министром. Благодаря своим связям с протестантскими банками в Европе он смог еще раз раздобыть 82 млн ливров на короткий срок. Женевец подчинился парламенту. Итак, Людовик XVI капитулировал перед привилегированными по всем статьям и практически зависел от решений Генеральных штатов. Его снисходительность и слабость по отношению к привилегированным привели к тому, что он утратил значительную часть своей власти как «абсолютный» монарх.

Король французов

В то время как выборы в Генеральные штаты подготавливались весьма либерально, беспорядки усиливались. Из-за франко-английского торгового соглашения текстильная промышленность попала в кризис, бедственное положение усугубили неурожай 1788 г. и очень суровая зима 1788/89 г. Над страной витал страх голода. В парижских предместьях было 80 тысяч безработных. Начались грабежи, насилия и бунты. В такой «революционной ситуации» выбирались депутаты трех сословий. Представители третьего со-

словия — непрямо, всеми мужчинами старше 25 лет, имевшими постоянное место жительства, платившими налоги. Во время предвыборной борьбы выпускались тысячи листовок.

Из 1139 избранных депутатов 291 относились к клиру (245 членов нижнего клира), 270 — к дворянству и 578 — к третьему сословию. Большинство представителей этого сословия принадлежали к типичной буржуазии старого режима (одних адвокатов 200). 5.5.1789 г. король с семьей и депутатами приехали в Версальскую церковь Св. Людовика на богослужение по случаю открытия. Смущенно ступавшего короля в этот последний большой праздник монархии приветствовали сдержанными аплодисментами, в то время как Марию Антуанетту толпа встречала улюлюканьем. На самой церемонии открытия король вначале «празднично и решительно» произнес речь, в ней он попытался «учесть все мнения» и приветствовал Генеральные штаты как «новый источник счастья» нации. Старавшегося казаться уверенным монарха много раз прерывали приветственными криками и овацией. Когда он снова сел на трон, окна дрожали от аплодисментов. После короткого обращения «министра юстиции» Баретена подошла очередь напряженно ожидаемой речи Неккера. Он говорил три часа, нагнал на депутатов тоску массой деталей и банальностей и разочаровал их малым количеством уступок и отсутствием программы. Король и его министр хотели прежде всего помощи Генеральных штатов в получении новых ассигнований. Однако оставили нерешенным вопрос о голосовании поименно, к чему стремились и представители третьего сословия. Не было речи и о требуемой конституции, но Людовик все же признал налоговое равенство всех сословий. В сложившейся ситуации этого было слишком мало. Нерешительность Людовика не удовлетворила никого. Именно в это время, когда решалась «судьба нации и монархии»,

Людовика постигло огромное горе: старший сын, кронпринц Луи-Жозеф, 4.6 умер от вызванной туберкулезом золотухи, заразившись от сына своей кормилицы.

Несчастье еще больше ослабило активность Людовика. Он принимал все происходящее пассивно, как удары судьбы. Уже 17.6 третье сословие, поддержанное духовенством, в своем первом революционном акте призвало к созыву Национального собрания и заявило, что является единственным представителем воли нации. Поскольку, согласно старой конституции, король представлял собой единственное олицетворение суверенитета, эта декларация глубоко затрагивала Людовика. Он должен был реагировать, но как? По этому вопросу министры не смогли прийти к соглашению. Тем временем третье сословие получило подкрепление, так как 19.6 большинство духовенства и 80 дворянских депутатов решились на союз с этим сословием. Когда зал заседаний заперли, депутаты отправились в павильон для игры в мяч и дали перед избранными президентом Белли знаменитую клятву.

Людовик XVI, теснимый со всех сторон и призываемый «министром юстиции» и своими братьями проявить твердость, попробовал избрать средний путь. Он прекрасно понимал, что ему противостоит «новая власть, которую невозможно подавить». Силловые методы с пролитием крови были чужды этому доброму, человеколюбивому монарху. Для этого был необходим человек с душой Робеспьера, который в 1793/94 г. при помощи террора безжалостно подавил волнения в двух третях провинций. Людовик на праздничном заседании 23.6 сделал третьему сословию много уступок (регулярность налоговых ассигнований и контроль бюджета, личная свобода, свобода прессы и т. д.). Но он отклонил отмену феодальных прав и утверждение третьего сословия в качестве Национального собрания как «недействительное, нелегальное и противоречащее конституции». Это собра-

ние, посчитавшее уступки монарха недостаточными, постановило в случае необходимости оказать сопротивление. Оказавшись перед выбором — применить силу или признать собрание — Людовик под нажимом Неккера уступил и 27.6 признал *Fait accompli*. Но было уже поздно, так как теперь король практически потерял статус «абсолютного монарха». Но настоянию партии аристократов с королевой во главе, Людовик приказал стянуть к столице войска, особенно надежные швейцарские и немецкие полки. 11.7 отправил Неккера в отставку. В Париже боялись «аристократического заговора», ходили всевозможные слухи и вновь начались волнения масс. 14.7 толпа взяла штурмом печально известную государственную тюрьму Бастилию, чтобы захватить хранившиеся там боеприпасы. Самым существенным было то, что вследствие этой силовой акции революция окончательно победила. Людовик еще отказывался от бегства из Версаля, хотя Мария Антуанетта и Артуа настаивали на этом. Людовик, привыкший к народным восстаниям, не понял всего значения происшедшего и все еще верил, что личным выступлением в Париже он может успокоить людей. Несмотря на смертельную угрозу, он поехал туда «без личной охраны, окруженный многочисленными гражданами, которые все имели в руках оружие», поднялся по ступеням ратуши, где он был встречен аплодисментами. Людовик, который, вернувшись в Версаль, заявил, что «никогда ни одна капля французской крови не будет пролита по его приказу», еще раз своим мужественным поведением спас ситуацию и на короткое время — королевство. Но «он не мог признать новой власти... не ослабив своей». Волнения очень скоро охватили страну. Массовым явлением стало разграбление замков и сожжение их архивов, где содержались подтверждения феодальных повинностей.

Король ощущал свою полную беспомощность. «Мне кажется, я падаю в бездну», — писал он тогда. Тем временем Национальное собрание, в сознании полной своей власти, отменило привилегии и феодальные права и этим проложило путь социальной революции. 26.8.1789 г. оно провозгласило знаменитую Декларацию прав человека и гражданина, которая известна о свободе и равенстве в правах, национальном суверенитете и разделении властей.

Людовик XVI не использовал шанса стать во главе этих событий или по крайней мере активно к ним присоединиться, а лишь иногда раздраженно реагировал.

Так как он хотел сохранить старый порядок, то постоянно отступал перед свершившимися фактами и давлением, разочарованный и покорный судьбе. С другой стороны, он не хотел насилия.

Горячим испытанием стал для него марш примерно 10 тысяч женщин, которые требовали хлеба, роспуска войск и возвращения короля в Париж. Теснимый президентом Национального собрания, он уступил мнению народных масс и санкционировал августовский декрет и Декларацию прав человека. Военное сопротивление и кровопролитие он отклонил. Таким образом, казалось, обстановка разрядилась.

Но на следующее утро, в 6 часов, оставшиеся, к великому сожалению короля, в Версале вооруженные толпы снова ворвались во дворец, устремились к апартаментам королевы с криками: «Мы хотим отрезать ей голову, вырвать ей сердце!» Вовремя предупрежденная, Мария Антуанетта, полуодетая, ускользнула через потайной ход, в то время как Людовик XVI сам лежал на спящего дофина Луи-Шарля. В то время снаружи бушевала толпа: мужчины и женщины, вооруженные «пиками и ружьями», устроили «охоту на личную охрану».

Наконец, Лафайету с его гвардией удалось восстановить спокойствие. Король и королева своим появ-

лением на балконе утихомирили толпу, которая даже устроила им овацию. Королевской чете пришлось пообещать вернуться в Париж. Их, фактически пленников, доставили в Парижскую ратушу, где приняли с ликованием и около 21 часа препроводили в Тюильри. Лишенный власти король воспринял все с удивительным хладнокровием. После того как дворец, в котором никто не жил 67 лет, на скорую руку приготовили, он, который так мало ценил придворную жизнь и этикет, почувствовал себя, несмотря на продолжающуюся угрозу, сравнительно спокойно.

Он не чинил никаких препятствий Constituantе, который заседал в близлежащем манеже, по поводу отчуждаемого имущества католической церкви как национального достояния. Больше проблем заключалось для него в гражданской конституции клира, принятой 12.7.1790 г. без консультации с церковными авторитетами и в нарушение конкордата 1516 г., которую он под давлением санкционировал. Она объединяла государство и церковь, отрицая ее божественную миссию, и делала священников «служителями морали». После того как многие священнослужители отказались принести присягу этой конституции, папа запретил ее кратким посланием в апреле 1791 г., вследствие чего французская церковь раскололась и вскоре разразилась религиозная война.

Тем не менее Людовик принял участие 14.7.1790 г. в революционном празднике федерации, дал клятву оставаться верным нации и закону и был награжден за это орденами. Революционный вождь Барнабе заметил даже по этому поводу: «Если бы Людовик XVI сумел использовать праздник федерации в своих целях, мы бы пропали». Но казалось, что король все еще надеется на возврат старого режима, хотя он и отрицал гражданскую войну. Королевская семья предприняла подготовленную и проведенную Марисей-Антуанеттой попытку побега. Когда в Париже заметили

исчезновение короля, пришли в страшное волнение и разослали повсюду вестников. Вскоре была замечена большая, тяжело груженная карета, был узнан толстый человек в коричневом сюртуке и большой круглой шляпе. Короля и его семью схватили в Варенне и с позором препроводили назад. Людовик был настолько неосторожен, что оставил манифест, в котором подчеркивал, что он ратифицировал декреты Национального собрания под давлением, так как считал себя пленным. Поэтому он решил «вновь получить свободу и укрыться со своей семьей в безопасности». Попытка побега нанесла огромный вред и королю и монархии. Король вплоть до принятия конституции был лишен своей должности и посажен под домашний арест. Несмотря на это, большинство разработчиков конституции вопреки Робеспьеру и якобинцам, предложило установить конституционную монархию. Когда Людовик 13.9.1791 г. принял конституцию и принес присягу, он стал «королем французов», которому принадлежала исполнительная власть и право вето. На практике, однако, политический вес законодательной власти становился все больше.

И все же казалось, что наконец найден приемлемый и для короля компромисс. Он торжественно открыл 7.10.1791 г. заседание народных представителей и в своей продолжительной речи выступил за возвращение порядка и оздоровление экономики и финансов. Это вызвало овации и всеобщее ликование. Однако вскоре внешнее согласие нарушилось и дошло до конфликтов с собранием, недоверчиво следившим за поведением королевской четы и агитацией, которую вели руководимые братьями Людовика эмигранты. Но настоящий конфликт произошел, когда Людовик наложил вето на два декрета законодателей. Как глубоко верующий католик и хранитель конституции, он не мог подписать закона о депортации священнослужителей, отказавшихся присягнуть. П. и П. Жиро

де Курсак видят в этом вето выражение борьбы Людовика «за религиозную терпимость». Кроме того полностью в соответствии с конституцией, Людовик отправил в отставку министерство жирондистов. В ответ на это 20.6.1792 г. многие тысячи санкюлотов взяли штурмом ворота Тюильри и ворвались в покои короля. Вооруженные массы дефилировали как минимум четыре часа перед королем и его семьей, угрожали ему, называя «мсье Вето». Людовик XVI, чтобы вызвать симпатии толпы, надел красную шапку и пил из предложенной ему бутылки красного вина за благо нации, но отказался снять свое вето и отменить отставку министерства жирондистов. Только к 10 часам вечера национальная гвардия очистила дворец. Обессиленная Мария Антуанетта писала своему другу Ферзену: «...Я еще жива, но это чудо. 20.6 был ужасный день. Больше всего теперь ненавидят не меня теперь они посягают на жизнь моего супруга, они говорят об этом совершенно открыто. Он выказал решимость и силу...».

Поскольку король был непоколебим, парижские секции под руководством Робеспьера начали готовить его свержение. Когда законодательная власть не уступила нажиму, они в ночь с 9 на 10.8 прибегли к силе. Они взяли власть в Париже в свои руки. Затем около 20 тысяч вооруженных человек, с пушками, двинулись к Тюильри. Так как национальная гвардия больше не была лояльной, то защищать монарха остались примерно 600 верных швейцарских гвардейцев. Полностью сломленный Людовик дал себя уговорить вместе с семьей бежать под защиту собрания, где его спрятали. Он все еще питал надежду после восстановления порядка вернуться во дворец. Но туда ворвались восставшие и к своему удивлению были встречены оружейным огнем. 100 человек было убито и 270 ранено. Чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие, Людовик XVI приказал прекратить огонь и сдать ору-

не; это был его последний приказ. Негодующие массы, мужчины и женщины, набросились на верных защитников монархии.

Во время бойни 60 процентов депутатов в панике бежали, в то время как оставшиеся объявили короля изложенным и решили заточить его вместе с семьей в тюрьму, мрачную средневековую сторожевую башню.

Ситуация в Первой республике вследствие войны гражданской становилась все радикальнее, антирелигиозное преследование — все жестче. После призыва Робеспьера и Марата к народному правосудию произошло жестокое убийство 1300 заключенных, из них 223 священников, а также женщин и обычных заключенных.

В обстановке террора был созван национальный конвент — впервые по всеобщему избирательному праву. Поскольку голосование не было тайным, из-за чего только 10% имевших право голоса участвовали в нем, и в первую очередь те, кто выступал за революционное развитие. Поэтому в национальном Конвенте были только республиканские депутаты. Когда конвент с декабря 1792 г. начал процесс о государственной измене против свергнутого короля, была найдена его тайная переписка с границей. Робеспьер не мог изречь: «Если король невиновен, тогда виноваты те, кто его сверг». Поэтому Конвент, который был одновременно и обвинителем и судьей, никак не мог оправдать короля, поскольку это было бы воспринято как самообвинение. Луи Капет, как короля теперь называли, был вызван в Конвент, чтобы выслушать длинную обвинительную речь. Марат писал об этом в «Друге народа»: «Ему пришлось сотню раз слышать, как его называли просто Людовиком, и он не выказал никакого возмущения, — он, который никогда не слышал ничего иного, кроме «Ваше Величество». Он не проявил ни малейшего нетерпения, хотя ему пришлось все время стоять, — он, перед которым

ни один человек не смел сидеть. Если бы он был не виновен, то в моих глазах он был бы велик в этом унижении!» Обвинение Людовик упорно отрицал. И то время как ему уже нельзя было видеть свою семью, его защитнику удалось провести священника, отказавшегося от присяги, под видом помощника адвоката, который исповедал и причастил его. Как глубоко верующий католик, он сознательно готовился к смерти с помощью молитвы и чтения. В завещании от 25.12.1792 г. он препоручил своих любимых близких небу, простил своих мучителей и завещал семилетнему кронпринцу забыть все унижения, «если он будет иметь несчастье стать королем». После убежденной признания в своей вере он написал: «Я заканчиваю перед Богом и готов предстать перед Ним и заявляю, что отвергаю все обвинения в преступлениях, которые мне предъявлены. В двух экземплярах в башню Тампль, 25.12.1792 — Людовик». На следующий день он вторично был доставлен в Конвент, где его защитники выступили с речами. В заключение он выступил еще раз и подчеркнул, что его совесть чиста и он всегда пытался избежать любого кровопролития. В то время как в Конвенте шла бурная дискуссия, со всех концов Франции приходило все больше прошений и ходатайств, требовавших всенародного опроса о судьбе короля. Несмотря на это, незначительным большинством голосов депутатов, среди которых был племянник короля, герцог Филипп Орлеанский, Людовик был приговорен к смерти. Он узнал приговор 17.1.1793 г., принял его спокойно и даже утешал свое окружение. После прощания с семьей 21.1.1793 г. его отвезли на казнь на площадь Согласия. Свидетель Филипп Пинель, известный врач, писал об этом: «Людовик, который благодаря своим религиозным устоям казался примирившимся со смертью, покинул свою тюрьму, Тампль, около 9 часов утра... Подойдя к эшафоту, он с твердостью смотрел на машину смерти,

палач тут же приступил к работе. Он срезал ему волосы, засунул их в карман и велел ему подняться по лестнице на эшафот». Немецкий журналист и свидетель Ольснер описывает дальнейшие события так: «Когда Людовик оказался на эшафоте, он смотрел на машину, выступил на два шага вперед перед ней, в намерении... заговорить. Тут же замолкла музыка. После этого он проговорил сильным голосом, что невиновен и умирает в убеждении, что не французский народ хочет его смерти, а его личные враги. Он проклял их». После этого его речь заглушила барабанная дробь, и его схватил палач. «Король после легкого сопротивления последовал за ним совершенно спокойно, стал напротив машины... и лег. Нож упал. Голова частью шеи осталась висеть на туловище, и ее пришлось отрезать... Отрезанная голова, которую держали за волосы, как пишет Ольснер, была показана народу. Тут же под бряцание оружия раздались ликующие крики: «Да здравствует нация, да здравствует республика!»

Так окончил жизнь Людовик XVI — единственный во французской истории казненный король и именно тот человек, за 15 лет правления которого не был осужден ни один политический заключенный. Как показывают новейшие исследования, Людовик XVI правил гораздо компетентнее, чем принято было считать, но его мягкость сыграла роковую роль. Убежденный в том, что нужно поддерживать свою популярность, он слишком часто уступал давлению общественного мнения и под влиянием министров принимал неправильные решения. Поскольку ему не удалось провести необходимые реформы против привилегированных, начиная с королевых, принцев крови и придворных и кончая парламентами, его единственный шанс, вероятно, заключается в союзе с умеренными реформаторскими силами третьего сословия. Но это объединение было чуждо консервативному монарху,

убежденному в необходимости сохранения старого порядка. С 1787 г. он отступал шаг за шагом перед революционными новшествами и принимал свершившиеся факты.

Людовик стал жертвой организованных действий в Париже. Его решительное вето против декретов Национального собрания, отказавшихся от присяги священников, которое толкнула его совесть, приблизило насильственный конец, хотя он, как подчеркивает Фэй и Жюкурса, единственный боролся за соблюдение конституции и гарантированной ею терпимости и свобод мнений, желая избежать гражданской войны. С другой стороны, его большое личное мужество, которое он всегда проявлял в минуты смертельной опасности, сила духа и христианское поведение во время революции подняли авторитет монархии, особенно после термидорианской революции 1793/94 г. с десятками тысяч казней и «франко-французским геноцидом» в Вандее. Людовик XVI был истинно исторической фигурой: исполненный доброй воли, он руководствовался основными законами христианства. Он хотел избежать любого применения силы и кровопролития, но из-за своей уступчивости и слабости не смог справиться с исключительными трудностями и событиями, хотя наряду с Генрихом IV он был тем Бурбонским королем, которого народ любил.

Ханс Шмидт

Наполеон I

1799/1804—1814/15

Родился 15 августа 1769 г. в Аяччо, 2 марта 1796 г. главнокомандующий Итальянской армией. 9 — 10 ноября 1799 г. — государственный переворот. Первый консул. 4 августа 1802 г. — пожизненный консул. 18 мая 1804 г. провозглашен императором французов. 2 декабря 1804 г. — коронование в Нотр-Дам. 6 апреля 1814 г. — первое отречение от престола. 4 мая 1814 г. прибытие на о. Эльба. 1 марта 1815 г. высадка во Франции и правление 100 дней. 22 июня 1815 г. второе отречение. 16 октября 1815 г. прибытие на о. Св. Елены. 5 мая 1821 г. смерть Наполеона. 15 ноября 1840 г. перенос останков Наполеона в Дом инвалидов.

Отец: Карло Буонапарте (1746—1785). Мать: Летиция, урожд. Рамолино (1750—1836), с 1804 г. *Madame Mere*». Братья и сестры: Жозеф (1768—1844), король Неаполя (1806—1808), король Испании (1808—1813); Люциан (Люсьен) (1775—1804), принц, затем принц Камино и Музиньяно; Элиза (1777—1820), с 1805 г. княгиня Пьембино и Лукка, с 1806 — герцогиня Масса-Каррара, с 1809 г. Великая герцогиня Тосканы. Замужем за Феликсом Бачиоцци (1762—1841); Луи (1778—1846), в 1800—1810 — король Голландии. Женат (1802) на Гортензии Богарпаэ (1783—1837), сын принц Луи (Наполеон III); По-

лина (собственно Шарлотта) (1780—1825), замужем (1803) за князем Камилло Боргезе (1775—1833), с 1815 г. в разводе; Каролина (собственно, Мария Аннунциата) (1782—1839), замужем за Йоахимом Мюратом (1767—1815), маршалом, в 1806—1808 и великим герцогом Клевским и Бергским, с 1808 г. королем Неаполя; Жером (1784—1860), 1807—1813 король Вестфалии, 1859 маршал Франции, женат на Екатерине, принцессе Вюртембергской (1783—1835).

Супруги: 1. Жозефина, урожд. Ташер де ла Пажери (1763—1814), императрица, вдова Александра, виконта Богарне (1760—1794). Дети от первого брака: Эжен (1781—1814), вице-король Италии, герцог Лихтенбергский, и Гортензия (1783—1837), королева Голландии, супруга Луи Бонапарта, разведены 1818 г.

2. Мария-Луиза (1791—1847), императрица. До брака императора Франца II, впоследствии Франца I Австрийского (2.02.1768—2.03.1835) и Марии Терезы Неаполь-Сицилийской (1772—1807). Сын: Наполеон (1811—1832), герцог Рейхштадтский.

Как сильно было влияние Наполеона, его дела, личности в современную эпоху, так и сегодня для нас имеют значение отдельные последствия его деяний. Конечно, бытовавшая в Германии 19 века формулировка «Вначале был Наполеон» неправомерна. Естественно, нельзя указать никакого «часа ноль», никакой точки отсчета после заката Священной Римской империи, так же, как, скажем, после 1945 г. Тем не менее Наполеон наложил отпечаток на историю Германии, как и на историю Западной и Центральной Европы. Его русская кампания явилась не последним фактором из тех, что высвободили в этой стране силы, которым суждено было определять будущее России. Италия, Испания, Португалия вступили благодаря ему на новый путь развития.

Наполеон I (1799/1804—1814/15)

Фигура Бонапарта, политического деятеля и полководца, вновь и вновь вызывает полемику в исторических кругах.

«Napoleon for or against» (Наполеон за и против) — так назвал свою книгу, вышедшую в 1949 г., очень авторитетный голландский историк Питер Гейл. В нем описываются споры, ведущиеся во французской историографии по поводу оценки Корсиканца, начиная с его современников и до замечательного труда Жорж Лефевра, написанного в 1935 г.

Что справедливо для французских биографий Наполеона, то же справедливо и для биографий, написанных на других языках. Всю литературу, посвященную Наполеону, невозможно рассмотреть в одной статье. Оценки этого человека изменяются от восхищения до полного неприятия. Вновь и вновь возникает вопрос: кто же такой был Наполеон? Целью предлагаемого биографического очерка и является желание глубже вникнуть в эту проблему.

По происхождению Наполеоне Буонапарте, как правильно звучит его имя, корсиканец. Наполеон родился 15 августа 1769 г. в Аяччо, в семье адвоката Карло Буонапарте, происходившего из мелкопоместного корсиканского дворянства, и Летиции Рамолино. В это время Корсика переживала поворотный момент своей истории. Прошло всего лишь 15 месяцев, как остров был присоединен к Франции. Мятеж Паскуале Паоли, прославленного борца за свободу, был подавлен, Паоли отправлен в изгнание в Англию. Его бывший приверженец Карло Буонапарте, однако, с французами поладил. Партийная борьба замерла. Ей суждено было содействовать первому политическому и военному жизненному опыту Наполеона. «Я родился, когда мое отечество погибло... Крик боли гибнущих, жалобы угнетенных, слезы и отчаяние стояли над моей колыбелью. Так описывал император Наполеон политическую

обстановку, в которой ему довелось появиться на свет.

И когда в смутное время революции он окончательно потерял свою отчизну, то превратился в человека без народа, чувствующего свою связь только с семьей — но не с нацией. Пожалуй, он предался нации полностью, но Франция не была для него гордостью, она была большим, по его собственным меркам, она была его страстью, его возлюбленной. «Франция — это я засыпаю, она отдает мне свою кровь и свое достоинство». Потому что Франция была средством для его собственного восхождения. Наполеону было отказано в чувстве силы, кроющейся в национальной идее, в самой национальной идентичности. Потому он в конечном итоге и потерпел поражение от народов Европы, не желавших становиться частью централизованной империи под господством французов, хотя бы это и несло им какие-то выгоды, как, например, Испании. Они хотели оставаться свободными.

Впрочем, до великого разочарования его земляки звали Наполеона именно Корсиканцем. Отец, у которого из двенадцати детей выжило восемь, в награду за переход на сторону Франции получил возможность воспитывать обоих старших сыновей, Жозефа и Наполеона, в 1779 г. стипендиатами в коллеж. Наполеон в течение двух месяцев, 15 мая, перешел в военную школу в Бриенне. Плохо успевающий, с трудом объясняющийся по-французски мальчик страдал от насмешек товарищей, но все же получил хорошее образование. Уже в те времена образцом для него был Цезарь, великий государственный деятель и полководец. В 1784 г., получив после успешно сданных выпускных экзаменов звание кадета, он перешел в военную школу в Париже. Среди его учителей был и известный математик Монже, к чьему предмету Наполеон испытывал особую склонность. Уже через год — вместо положен-

ных двух — 15,5-летний Наполеон был произведен в лейтенанты артиллерии и отправлен в престижный полк ла Фер.

Однако гарнизонная жизнь с ее повседневной рутиной не могла удовлетворить честолюбивого молодого человека. В разгульных забавах своих товарищей находил он мало удовольствия, к тому же для этого у него не хватало денег. Он набирался знаний, читая книги по военному делу, такие как «Мемуары» маркиза де Фекьера, «Общие соображения о тактике» Гибера, «Письмо по использованию артиллерии» дю Тайля и «Наставление» великого артиллериста Грибоваля. Помимо этого он познакомился с кодексом Юстиниана, изучал работы выдающихся просветителей, из которых наибольшее влияние на него оказали Рейналь и Руссо. Практическая служба мало радовала его. Он брал отпуск за отпуском, так что это уже грозило ему отчислением из армии. В период между 28.11.1785 и 30.09.1791 г. он в общей сложности провел в отпуске 38 месяцев, и лишь 33 — в своем полку. Отпуск он всегда проводил на Корсике, поскольку после смерти отца в феврале 1785 г. чувствовал себя главой семьи, и потому, что в то время он еще был ревностным корсиканцем и собирался сыграть свою роль в корсиканской политике.

Удобный случай для этого предоставила ему революция, которой суждено было перевернуть его жизнь. Без нее он вряд ли смог бы сорвать с себя оковы бедности и скромного происхождения, препятствовавшие его возвышению, хотя вызванные ею хаос и беспорядки, также с самого начала, претили солдату, для которого высшими добродетелями являлись порядок и дисциплина. Очень показательны и характерны для всего его жизненного пути слова, сказанные в 1789 г., когда его полк восстанавливал спокойствие и порядок в Серре: «Порядочные люди могут спокойно расходиться по домам, я стреляю только в подонков».

Однако юный корсиканец искал удачу пока что не в том месте — она ждала его не на Корсике. В сентябре 1789 г. он оказался там в первый раз после производства в офицеры. Вернувшись в феврале 1791 г. в полк, где примкнул к тамошнему Якобинскому клубу, в сентябре 1791 г. снова вернулся на Корсику и 11.01.1792 г. ввиду отсутствия войск был вычеркнут из списков кадровых офицеров армии. Летом 1792 г. он был в Париже, где 20.06 стал очевидцем взятия дворца Тюильри. За десять дней до этого королевским декретом он был вновь зачислен на действительную службу. Но он еще раз попытал счастья на Корсике, где в феврале 1793 г. потерпел неудачу при захвате сардинского острова Маддалену и в конце концов, как противник Паоли и семьи Подзо ди Борго, 11.06.1793 г. бежал вместе с матерью, братьями и сестрами в Тулон, а оттуда в Марсель. Корсика принесла одни разочарования. Там бушевали в первую очередь партийные страсти, и Паоли, несмотря на то, что тоже был сторонником революции, с самого начала смотрел на честолюбивого сына своего бывшего друга, а потом противника Буонапарте с неприязнью и недоверием. Корсиканские надежды развеялись как дым. Наполеон оставался просто сам собой.

К этому времени была разрушена и еще одна юношеская мечта: притязания Наполеона на писательские лавры, побудившие его написать историю Корсики. Издателя он так и не нашел. Столь же тщетно пытался он в 1791 г. добиться премии Лионской академии. Теперь он заговорил иначе: «Я отказался от жалкого авторского тщеславия». Но именно в это время он сочинил свое лучшее литературное произведение: «Le souper de Beaucaire». Оно датируется 29.07.1793 г. «Агитка в форме беседы марсельца, учителя из Нима, фабриканта из Монпелье и солдата Буонапарте защищает здесь якобинские идеи, выступая в то же время за всеобщее примирение», что он, по словам Роже

Дюффеса, пытался провести в жизнь после государственного переворота 18 Брюмера. Итак, первые годы после революции принесли молодому корсиканцу одни неудачи. Он потерпел поражение на политическом поприще, у него не оказалось литературного таланта. Первая военная операция будущего величайшего солдата своей эпохи обернулась провалом. В то время как Лазарь Гош, старше его на один год, уже прославленным генералом вел войска республики к победе против старых держав (с 1792 г. Франция оказалась втянута в войну с Австрией, Пруссией, Сардинией, Англией, не считая менее значительных противников), Буонапарте был рад тому, что мог вернуться в армию простым капитаном. Тут, однако, судьба дала ему шанс, и он им воспользовался.

Тулон, важнейший военный порт, восстал против якобинского правительства и впустил в свои стены английский гарнизон. Армия Конвента осадила город. 16 сентября 1793 г. Буонапарте было поручено командование артиллерией армии осаждающих. Это поручение было дано ему комиссией Конвента, во главе которой стоял Огюстен Робеспьер, младший брат одного из руководителей якобинцев, и корсиканский земляк Наполеона Салицетти. Последний знал Наполеона и высоко его ценил. Кроме того, они увидели единомышленника в авторе «*Souper*».

Наполеон не разочаровал своих покровителей. Он определил ключевые позиции, с падением которых английскому флоту придется очистить гавань. Очень умело расположил артиллерию напротив флота, защищавшего эти позиции (англичане называли это место «маленький Гибралтар»), и 17 декабря, когда состоялся штурм, сам возглавил одну из колонн, проявив при этом личную отвагу. Буонапарте был ранен во время атаки. 18 декабря англичане покинули порт, 19 капитулировал Тулон. Начальники восхваляли молодого корсиканца сверх всякой меры, признавая за ним

громадные знания, проницательность и необыкновенную отвагу». Сразу же после победы комиссия произвела его в бригадные генералы. 6.02.1794 г. это назначение было утверждено. Ряд молодых офицеров и простых солдат, которых после Тулонской битвы отличил Наполеон — Дюрок, Мармон, Виктор, Суше, Леклерк, Дезэкс и Жюно, стали впоследствии генералами или маршалами.

Командованием артиллерии Итальянской армии, довольно-таки пассивно противостоявшей Австрии и Сардинии, бригадный генерал был тоже обязан младшему Робеспьеру. Вскоре он набросал план кампании, предусматривавший продвижение армии в Верхнюю Италию, чтобы с тыла прорвать австрийские позиции в Германии. Правда, Карно, военный министр и организатор новой армии, основанной на общей воинской повинности, остался глух к этому замыслу. Падение Робеспьера 9 Термидора (27.07) 1794 г., казалось, вновь поставило карьеру тулонского героя под вопрос. Как друг якобинцев он был арестован, но 20.08 пущен на свободу. О командовании уже речи не было.

Однако в марте 1795 г. ему предлагают место командующего артиллерией Западной армии, перед которой стояла задача подавить Вандейское восстание. Гражданская война не была его призванием. Он отказался принять командование, отправился в Париж, намереваясь найти там лучшее применение своим силам, но безуспешно. Его даже перевели в пехоту с половинное жалованье.

И снова ему помог случай. В поисках нового назначения он познакомился с депутатом Баррасом, которого Конвент 13 Вандемьера (5.10) 1795 г. поставил во главе внутренней армии. Ей предстояло разгромить мятеж роялистов. Баррас, хотя и бывший офицер, не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы справиться с заданием, и предоставил выполнять эту

кровавую работу Буонапарту. И тот виртуозно справился с ней. Повстанцы не имели артиллерии, так же как и весьма немногочисленные войска Конвента. В этих условиях победить должен был тот, кто даст артиллерию. За пределами Парижа располагался артиллерийский парк. Заслугой Буонапарта явилось то, что он с помощью молодого офицера кавалерии Мюрата — позднее он стал его зятем, маршалом Франции и королем Неаполя — доставил стоявшие там пушки и умело ввел их в бой, отрезав восставшим путь к отступлению. Награда не заставила себя ждать. Баррас был теперь одним из пяти директоров, а «Вандемьерский генерал» стал его преемником по командованию. И не только. Он стал его преемником и совсем в другом смысле, женившись на бывшей любовнице Барраса Жозефине Богарнэ. Его помолвка с дочерью виноторговца Дезире Кларри, состоявшаяся в 1794 г. в Мармеле, расстроилась через год после того, как он оказался вычеркнутым из списка генералов. В Париже он встретил женщину своей жизни, единственную, как он говорил впоследствии, которую он действительно любил, по крайней мере, временами. Это была Жозефина, с ней он познакомился в салоне Барраса. Она была вдовой генерала, чья звезда возшла в эпоху Террора. Уже несколько поблекшая, но все еще красивая, чувственная и утонченная женщина околдовала молодого — на шесть лет моложе нее — поклонника гетевского «Вертера». «В этом единственном случае чувство сыграло неопределимую роль в жизни великого реалиста» — говорит сегодня лучший специалист по Наполеону Жан Тулар. Роже Дюфрес, автор мастерски написанной краткой биографии Наполеона, полагает: «Любовь Наполеона... долго сносила равнодушие и неверность Жозефины; женившись по любви, он оставил ее через 13 лет по государственному расчету».

9 марта был оформлен гражданский брак; за 7 дней до этого Директория, по представлению Карно, теперь, наконец, принявшего план итальянской кампании Наполеона, назначила его главнокомандующим Итальянской армией. Его прежний командир, генерал Шерер, этот план отклонил, Лазарь Гош тоже от него отказался. Теперь его создатель должен был сам доказывать, чего он стоил.

Прошло всего лишь три дня после свадьбы Бонапарта, так он отныне называл себя, поскольку «хотел прийти в страну, которую ему предстояло завоевать для Франции, сыном французского народа» (Макс Ленц). На обручальном кольце, подаренном Жозефиной, он велел выгравировать «Au destin», и его в самом деле ждала теперь великая судьба.

Генералы 40-тысячной армии, плохо вооруженной и нерегулярно снабжаемой продовольствием, с недоверием встретили незнакомца, о котором было известно только, что он протеже Барраса и его жены. Ожеро, Массена, Лагарп, Серюрье, Кальмен уже создали себе имя, первые два стали впоследствии маршалами Наполеона. Кроме того, был еще ряд молодых офицеров, некоторые из них, как, например, Жюно и Мармо, знали Бонапарта и раньше. Наряду с ним следует назвать еще Бертье — ставшего впоследствии его начальником штаба — Мюрата, Ланна, Виктора, Суше и Дезэкса. За исключением слишком рано погибшего Дезэкса, всем предстояло получить звание маршала. Недоверие генералов рассеялось после первой же беседы. Ясность, энергия, целеустремленность Бонапарта произвели впечатление на скептиков. Последующая победная кампания полностью убедила их и склонила большинство на его сторону. 23.03 Бонапарт подошел к Ницце, а в апреле уже нанес удар. Он выбрал среднюю из трех дорог, ведущих через горы в Верхнюю Италию. В горах она разделялась на две тропы; одна шла через Дего и Акви на Алессандрию и Милан,

другая — через Миллезимо и Чеву в Турин. Здесь соединялись австрийская и сардинская армии, и именно здесь Бонапарт хотел нанести удар. Он сделал это быстротой и решительностью, в которых ему не было равных. Одержав победы под Монтенотте (12.4), Миллезимо (13.4), Дего (14.4) и Мондови (21.4), он отгеснил австрийцев от их союзников, ударил с ним превосходящими силами и 28.4 навязал свои условия перемирия в Хераско. Его не заботило, что он преступает закон, оставлявший право принятия подобных решений за Директорией. Он извинялся перед ней тем, что был вынужден форсировать события из-за нехватки времени. И Париж одобрил его действия, повлекшие заключенный в Париже мир между Сардинией-Пьемонтом и Французской республикой, по условиям которого Франция приобретала Савойю и Ниццу и, кроме того, получала три миллиона контрибуции.

Бонапарт между тем продолжал свой победоносный поход и приступил к завоеванию Ломбардии. Ее защищали 35 000 австрийцев под командованием закаленного в боях генерала Болье. На пути Бонапарта встала естественная преграда — река По. Но Наполеон обошел позиции Болье с юга, не смутившись тем, что нарушает нейтралитет герцогства Пармы. В истории отсутствуют примеры уважения нейтралитета, не подкрепленного военной мощью, если только это может быть выгодно одной из воюющих сторон — как и вообще беззащитность скорее провоцирует насилие. Маневр Бонапарта вынудил австрийского генерала сдать Милан и отступить за Адду. 10.05 Бонапарт одержал над Болье победу под Лоди и 16.05 вошел в Милан. Битва на мосту под Лоди стала легендарной. Сам Наполеон позже говорил, что в этот день он впервые осознал свою избранность. Уплатив наличными половину жалованья, которое задолжало Итальянской армии революционное правительство, Наполеон факти-

ски превратил ее в «свою армию». Директория, которой должны были принадлежать эти права, уже не давала ему никаких вопросов. Положение его настолько укрепилось, не в последнюю очередь благодаря постоянной поддержке прессы и общественного мнения, подогреваемого специально для этой цели созданными газетами, что он смог заставить Карно отменить свой приказ от 13.05. Речь шла о том, что он должен уступить командование войсками в Ломбардии генералу Келлерману, победителю при Вальми, а сам с половиной армии начать наступление на папские владения и Неаполь. Наполеон пригрозил, что скорее отступит со всей армией, чем разделит с кем-то командование ею. Он писал, что единство командования абсолютно необходимо, и один плохой генерал лучше справится со своей задачей, чем два хороших. Он уже стал политической фигурой, с которой парижским властям приходилось считаться. Весь год ему сопутствовал успех, и влияние его росло. Он выжал из покоренных земель более 20 миллионов, без ведома Парижа заключил перемирие с герцогом Модены, заставив выплатить ему семь с половиной миллионов гульденов и передать 20 картин старых мастеров. Мятежи в тылу его армии, вызванные непомерными контрибуциями, заставили Наполеона отказаться от идеи создать Североиталийскую республику. Вместо этого он создал в Италии несколько вассальных республик. Первой стала провозглашенная 16.05.1796 в Милане Ломбардская республика.

Бросок в Среднюю Италию позволил ему 20.06 овладеть Пармой. Однако Наполеон проявил осторожность и, опасаясь задеть религиозные чувства населения, 22.06 заключил перемирие с папой, уплатившим ему 15 миллионов золотом и поставившим довольствия в армию еще на четыре миллиона.

Затем он вновь обратил взгляд к северным районам — австрийцы не желали мириться с потерей

итальянских территорий. Фельдмаршал Вурмсер, атаковавший Вейсенбургский рубеж в Эльзасе, тремя колоннами наступал из Тироля на помощь осажденной французами Мантуе. Реакция Бонапарта была молниеносной. Он снял осаду с Мантуи и, невзирая на численное превосходство противника, ударил по колоннам Вурмсера до того, как они успели соединиться и разбил их под Лонато (31.7), Кастильоне (5.8) и Бассано (8.9). К Мантуе, вновь осажденной французами, Вурмсер привел лишь жалкие остатки своего войска.

В октябре 1796 г. австрийцы под командованием начальника артиллерии Альвинци вновь попытались прийти на выручку Мантуе. Бонапарт к тому времени, уже после объявления перемирия, захватил Модену и 16.10 учредил там Транспаданскую республику. Несмотря на невыгодное, рассредоточенное расположение войск, ему удается смелым обходным маневром обрушить удар на фланг маршколонны Альвинци. 15.11.1796 г. в тяжелом бою разбить его под Арко. Победу ему принесли быстрота действий и численное превосходство войск в решающем пункте. Итак, к концу военной кампании 1796 г. французы вышли к рубежу, протянувшийся от Адидже и озера Гарда до Венецианского залива. Правда, в тылу у них оставалась непобежденная Мантуя. 14.01.1797 г. под Ривой была отбита очередная атака австрийцев. Военная кампания удалась. 3.02.1797 г. капитулировала Мантуя.

Бонапарт в Италии, которой, по замыслам Карно, вводилась второстепенная роль, добыл республиканскую победу, золото и множество других трофеев. Обе же главные армии под командованием Журдана и Моро в германском походе потерпели жестокое поражение. Молодой эрцгерцог Карл, чья военная слава впервые воссияла в этих боях, и были отогнаны назад за Рейн.

А потому из Парижа не терявшему самоуверенности генералу отправили уже давно требуемое им подписание. И Бонапарт сумел в полной мере им воспользоваться. В феврале в коротком военном походе против Папского государства он обезопасил свой тыл. 02.1797 г. он вынудил папу включить в Толентинский договор пункт о передаче Франции Авиньона и епископства Венайского. Кроме того, он получил огромную добычу золотом и произведениями искусства. Затем он двинулся на Австрию. Теперь он сражался с эрцгерцогом Карлом. Но и тот со своим ослабевшим деморализованным войском не смог помешать наступлению Наполеона через Фриуль, Каринтийские и Штирийские Альпы на Вену. 30.03.1797 г. Бонапарт вступил в Клагенфурт. Отсюда он отправил эрцгерцогу предложение о мире, в то время как его войска для придания этому предложению большей убедительности продолжали наступление. 17.04 французская армия заняла Леобен, расположенный в шестнадцати милях от Вены. Тут Бонапарт принял австрийских послов и 18.04 заключил с ними Леобенский предварительный мир. По его условиям, Австрия уступала Франции Бельгию и Ломбардию, а взамен получала Далмацию, Истрию и Венецию вместе с частью венецианских территориальных владений в Италии. Совершенно в духе раздела Польши потери Австрии были компенсированы ей за счет собственности нейтральной страны, в итоге исчезнувшей с политической карты мира. В мае 1797 г. Бонапарт под каким-то незначительным предлогом захватил Венецию.

В день заключения Леобенского предварительного мира Рейнская армия под командование Гоша одержала победу под Нойвидом — но это произошло уже слишком поздно, чтобы повлиять на принятое решение. Тем, кто своими победами добыл мир, столь чаемый Францией, уже стал Наполеон. Он не спрашивал мнения представителей Директории, как уже

раньше заставил их разделить с собой полномочия ведения переговоров. С полной непринужденностью он действовал как абсолютный монарх, и они со скрежетом зубным были вынуждены еще и одобрять его поведение. Им приходилось так уступать, поскольку на последних выборах (в соответствии с конституцией они проходили каждую весну, причем обновлялась одна треть депутатов) большинство голосов получили оппозиционные партии умеренных и роялистов. Среди самих членов Директории не было единодушия. Карно был на стороне оппозиции, генерал Пишгрю, якобинский герой-революционер, стоял за объединение с будущим королем Людовиком XVIII, генерал Гош, которого Баррас и другие члены Директории призывали на помощь, оказался неспособным на организацию путча. Выручить мог только Бонапарт. Однако он был умен и не спешил проявлять инициативу. Он никоим образом не желал политическими переворотами ставить под угрозу свою только что завоеванную славу и популярность во Франции. Он держался как сатрап при Миланском дворе в Монтебелло, а в Париж послал грубого, к тому же не блестящего умом Ожеро с его дивизией, который и выполнил всю грязную работу. Государственный переворот 18 Фруктидора (4.09.1797 г.) выручил Барраса и его сторонников. Теперь Бонапарту официально было доверено подписывать мир. Он и был заключен 18.10.1797 г. в Кампо Формио, недалеко от Удине, и принес Австрии и Империи дальнейшее ухудшение условий по сравнению с Леобенским договором. Теперь они отдавали Франции почти весь левый берег Рейна, а также всю Ломбардию. В ходе переговоров с австрийским министром, временами протекавших весьма бурно, Наполеон впервые воспользовался приемом, к которому не раз прибегал впоследствии: инсценировал припадок бешенства, чтобы заставить партнера по переговорам уступить.

25.11.1797 г. он вошел в Рештатт, где 1.12 подписал мир с Империей, а 5.12 уже был в Париже. Важные территориальные вопросы, всплывшие как следствие заключенного мира, предстояло решать консу, продолжавшему заседать в Рештатте. В целом в ходе Кампо Формио и в Рештаттском мире Наполеон придерживался принципа «естественных границ» Франции. Не удивительно, что все прославляли великого генерала, принесшего Франции и всей Европе мир после пяти долгих и тяжких лет войны. К тому же мир, столь почетный для Франции, Франция оставалась теперь в состоянии войны только с Англией; английское правительство провалило новые переговоры 1796 г. в Лилле и в Париже, поскольку оно настаивало на освобождении Бельгии. Тут же продолжалась, а поскольку каждая из сторон стремилась к полной победе, ей предстояло закончиться лишь через 18 лет почти непрерывных боев на континенте поражением Франции. Но правомерно ли раскрывать конфликт с Англией действительно как такое грозное наследие революции? Не было ли это должением соперничества за господство в Новом мире, а вместе с тем за доминирующую позицию в Европе вообще, спор, который Франция и Англия вели еще со времен Людовика XIV? Англия хотела, чтобы на установке сил Франция занимала не равное, а подчиненное положение. Когда обе стороны не готовы к значительным уступкам — а они не были к ним готовы — слово берут пушки. Разумеется, большинство современников, и прежде всего французы, в 1797 г. еще не хотели, чтобы конфликт разгорелся еще сильнее. Они видели, что молодой генерал, казалось бы, в совершенно безнадежной ситуации не только увел страну от французского достояния и достижений революции, но еще и принес республике новые земли, деньги и множество другого добра. Почему бы им и не считать его более, чем любого из парижских поли-

тиков, ничего не сделавших для этого успеха? После итальянского похода Наполеон оказался, несомненно, на вершине своей славы. Он достиг этого главным образом благодаря своим военным способностям, но также и своему политическому таланту. Для самого Наполеона итальянская кампания и ее успех тоже имели большое значение, и в дальнейшем он отдавал предпочтение своим соратникам по этим ранним победам — Мюрату, Мармону, Жюно, Бертье, Ожеро, Журдану, Виктору и Удино. То, что в военных мемуарах называется наполеоновским методом войны, обнаружилось со всеми основными элементами уже тут. Тогда же в полной мере раскрылся он и как государственный деятель, держащий в своих руках всю полноту власти.

В основе его восхождения к этим высотам лежал именно его вѐнный гений. В чем состояла его тайна? Отнюдь не в каких-либо технических или тактических нововведениях! «У него не было... почти ничего, чего до него не делали бы другие (я имею в виду вещи, поддающиеся анализу)». Так писал в 1927 г. выдающийся мюнхенский музыкальный критик Александр Берреше в своей работе о Моцарте! Военный историк может не задумываясь отнести ту фразу к Наполеону как полководцу. Бертье продолжает: «так, что люди, которые не слышат главного, считают его выдающимся подражателем...» — и логика этой фразы также подходит к полководческому гению Наполеона. Однако как в отношении Моцарта, так и в отношении Наполеона подобная оценка никому не приходит в голову. То, о чем говорит в своем сочинении музыкальный критик, это тайна гения, который не исчерпывается рациональными методами. Хотя грубая и кровавая материя военного искусства затрудняет сравнение, но и в этом случае тоже можно проанализировать типичные элементы в способе ведения войны — и останется скрытый — неразложимый —

остаток. Наполеон предстает перед нами тоже «совершенно отдельным, одиночным явлением», если вновь обратиться к Бертье.

В принципе революционная — а затем Наполеоновская армия была вооружена и оснащена так же, как и при старом режиме. Пехота, кавалерия и артиллерия составляли три основных рода войск, наиболее многочисленным из них была пехота. Те изменения, которые все же действительно произошли под влиянием революции, относятся к 1793 — 1794 гг., так что Наполеон в 1796 г. застал уже новую армию и новый способ ведения войны. Они имели главным образом политическую основу. Войска старых монархий были в общем и целом наемными. Солдат служил своему хозяину за деньги, и обычно на протяжении всей жизни. Офицеры, подписывающие договор на ограниченный срок, могли по истечении его поменять хозяина. В этом не было ничего, задевающего честь. Поскольку солдаты были кадровыми, поскольку это была профессия, армии были малочисленными — содержание их обходилось дорого. Они сражались общепринятым способом линейной тактики — рубежи образовывались длинными, редкими цепями пехоты, обычно тремя; боеприпасы в лучшем случае подносили на носилках. Жизнь солдат дорожили. Замену убитым найти было трудно, и стоило это дорого. Велика была угроза дезертирства, поскольку солдат ничего не привязывало к их хозяину. С таким войском плохо удавалось преследовать разбитого противника, потому что в процессе преследования, когда войско рассеивалось, большая часть преследователей тоже разбегалась. Чтобы воспрепятствовать этому, войско пытались удерживать регулярным снабжением, разрешением мародерства — поэтому войска, насколько было возможно, снабжали со склада. Однако это делало их настолько зависимыми от снабжения, что они не могли быстро продвигаться вперед и не осме-

ливались слишком уж отрываться от своих складов. Захват склада врагом, как правило, вынуждал войско к отступлению.

Поскольку войны при старом режиме служили для решения политических споров между князьями и практически никогда не имели целью физического уничтожения противника, военное искусство в 18 веке часто принимало характер своеобразной шахматной игры с живыми фигурами, причем достаточно было умелым броском оттеснить противника от обоза с продовольствием, чтобы принудить его к отступлению. Широкомасштабные операции с таким войском едва ли были возможны, и уж вовсе немыслимо было проводить их в короткие сроки.

Все это изменилось после революции. Во-первых, теперь стало жизненной реальией понятие всеобщей воинской обязанности. Граждане, получившие гораздо больше политических прав в государстве, по этой самой причине несли теперь и обязанность защищать нацию и завоевания революции. Война стала продолжением идеологии, противник превратился во врага, которого нужно было уничтожить. Новые защитники отечества, во-первых, обходились намного дешевле, чем наемники, во-вторых, гораздо реже дезертировали, а в-третьих, по сравнению с обычными наемными солдатами можно было гораздо легче и быстрее возместить их потери. С такой фанатично настроенной армией, пылающей ненавистью к врагу, — «вперед, вперед, пусть нечистая кровь напоит наши поля», очень характерно звучат слова написанной именно в те дни Марсельезы — можно было вести войну на истребление, потери были легко восстановимы. Особенно пока противник еще не перестроил свою армию по такой же системе. Эти войска подпитывались, реквизируя продовольствие у населения вражеской страны, к чему солдаты прибегали намного чаще, чем наемники. Таким образом, можно было сократить величину обоза,

но повышало маневренность армии. С войском революционного времени намного легче было вести бои в рассредоточенных боевых порядках, чем с войском старого режима. Крупномасштабные операции тоже стали осуществимы. Все это было достигнуто уже к 1796 г. Но только Наполеон Бонапарт впервые последовательно использовал преимущества новой системы.

Среди современников его выделяла твердость, с которой он водил войска в бой, всегда имея целью полностью сокрушить противника. «*Vitesse, vitesse active*» — было его девизом. Его стихией являлось наступление. Даже стратегически необходимую защиту он вел в виде активной обороны — это можно было видеть в Лонато, Кастильоне, Бассано, а также в Арcole и Риволе. В своем последнем большом походе — военной кампании 1814 г. — он продемонстрировал это еще раз. Он постоянно стремился овладеть инициативой. Кроме того, он придавал огромное значение численному превосходству. Перед боем стягивал свои войска в одну точку, так что даже если противник располагал более многочисленной армией, чем была у него, в том месте, где решался исход битвы, Наполеон оказывался сильнее. Он старался разбить наступающие на него части поодиночке. «Основы ведения военных действий те же, что и правила осады крепости: сосредоточить удар в одном пункте. Как только пробита брешь, равновесие сдвинуто, сопротивление бесполезно и крепость завоевана... Нельзя распылять силы атакующих, но следует собирать их воедино».

Так сам он описывает свой метод. Превосходства в решающем, по его мнению, пункте он достигал либо военным маневром, либо концентрацией своих основных сил на одном из флангов противника, либо, если это было возможно, прорывом вражеского фронта в месте стыковки союзнических войск. Почти всегда он сначала навязывал противнику бой по всему фронту, а затем внезапно вводил подкрепление и сосредотачи-

вал силы на главном направлении, прорывая фронт врага и истребляя оттесненный от основного войскового фланг. Почти всегда решающую атаку он предварял массовой артиллерийской подготовкой. Все это было не ново, до него так действовали многие. «Военное искусство — очень простое, все дело в его применении на практике», — так он считал. Клаузевиц, выдающийся комментатор нового военного искусства, словно желая дополнить слова Наполеона, писал: «В войне все просто, но самое простое дается трудно». В том-то и заключался талант Наполеона, дававший ему преимущество перед противником, что он, умело действуя в конкретных условиях, мог мгновенно оценить обстановку и адекватно на нее отреагировать. «Отличие состояло не столько в том, что он пытался предпринять, сколько в том, как он это делал...» — замечает Петер Парет. Позже генерал Эрих Маркс так определил «основную линию... наполеоновской политики и стратегии...»: «его склонная к крайностям натура, его воля стремились любой ценой находить решение». Основная стратегическая концепция Наполеона, которую он виртуозно варьировал, была в конечном счете очень проста. Он строил свои войсковые подразделения — а затем свои армейские корпуса, которые шли в бой обычно в виде четырехугольника — «*bataillon carree*», и вел их параллельными дорогами. Как только первый корпус сталкивался с противником и задерживал его, он атаковал, обрушившись всей мощностью, или пытался обойти противника и ударить его с тыла, или, собрав силы, ударить по флангу армии противника и разгромить его. В любом случае он всегда стремился сконцентрировать силы в бою; Ведь теперь «в счет шла только грубая сила — таран, а вовсе не искусство маневра. Много важнее было с полной уверенностью определить решающую точку, по которой следовало нанести удар» (Е. Маркс). Пока противник не располагал столь же многочислен-

ным войском, построенным по такому же принципу, как у Наполеона, тот со своим методом одерживал над всеми верх. Потому в конце своей карьеры он всегда стремился нанести быстрый уничтожающий удар по армии врага, чтобы сразу после этого иметь возможность диктовать условия мира. В Центральной Европе с ее развитой дорожной сетью такой способ блестяще оправдывал себя. Труднее ему приходилось в бездорожной Испании, и вовсе неприемлема оказалась его система в России с ее плохими дорогами и еще худшими возможностями обеспечения продовольствием, что исключало возможность жить за счет покоряемой страны. Опасность для Наполеона представляло также то обстоятельство, что на конечном этапе его деятельности противники в Центральной Европе перенимали новую систему набора в армию, и после проведения соответствующих реформ в своих странах имели тоже армии нового типа. Только английская армия сохраняла пока традиционную структуру.

Что еще выделяло Наполеона из ряда современных ему военных специалистов, так это его политическое чутье, понимание того, что война — это инструмент политики, что только тот может достичь больших успехов, кто способен увязать ведение войны с политическими целями. Он делал это с самого начала, и уже скоро он, а не Директория, определял, как будут выглядеть политические результаты его военного успеха, как это доказали Леобен и Кампо Формио. Когда он в конце концов соединил в своих руках должности политического руководителя и полководца, это дало ему дополнительные преимущества над противником, поскольку устраняло естественные трения между носителями двух видов власти. Долгие годы противники считали его непобедимым «богом войны».

Когда в декабре 1797 г. Бонапарт вернулся в Париж, он был уже политической фигурой, имевшей не-

ый вес. Его популярность была огромна. Ее поддерживала пресса, а еще более — художники-публицисты. В 1797 г. уже была написана знаменитая картина барона Гро «Наполеон под Арколем», на которой молодой генерал со знаменем в руке изображен руководящим атаку. Однако Бонапарт чувствовал, что для его государственного переворота время еще не пришло и держался в тени как простой генерал, выходец из народа. Именно в таком образе посещал он, избранный член, Национальный институт. Но он нашивал новые планы, ведь в «Париже ничего не происходит. Если обо мне долго не будет ничего слышно, я пропаю», — так говорил он своему другу Бурк. Война с Англией продолжалась, с октября Бонапарт получил командование армией. Однако быстро понял, что вторжения в Англию не получится. Так у него возник план египетской военной кампании, поскольку — в этом он был убежден — он мог сойтись с турками в смертельном бою. Он посоветовался с своим лейтенантом, тот живо поддержал эту мысль. Помимо всего прочего, Наполеона всегда притягивал Восток. В 1796 г., до того, как получить командование Италийской армией, он собирался отправиться военным министром в Константинополь. «Восток — колыбель великой славы. Все — небо, горизонт, поля, названия городов, местные языки — все велико и блистательно. Здесь смертный может стать бессмертным», — писал он в 1795 г. Европу он в письмах к жене именует «кратовой норой».

После тщательнейшей подготовки 13.05.1798 г. Наполеон выходит из Тулона в море. В Чивитавеккья, Генуе, Ливорно к нему присоединялись все новые корабли. Всего 280 транспортных судов в сопровождении военных везли 38 000 пехотинцев, 171 пушку, 12 000 артиллеристов. В состав экспедиции входили 200 ученых, естествоиспытателей, в том числе математик Монж, химик Бертолле, художник Редуте. Нельсон, английский

Адмирал, поджидавший Наполеона, чтобы ударить по нему из засады, никак не мог его обнаружить. После того французы захватили Мальту и 1.07. 1798 г. переместились в Александрию. В обращении, написанном на арабском и коптском языках, Бонапарт провозгласил себя освободителем от мамелюков, другого шаха и ислама. 21.07 он наголову разгромил мамелюков у пирамид и 23.07 вошел в Каир. Но тут появился Нельсон. 1.08 он разбил французский флот, находившийся на рейде у Абукира. Наполеоновская армия была отрезана от метрополии.

На тот момент это означало полный провал экспедиции в военном отношении. Бонапарт со своей армией не сумел отобрать у англичан господства в районе Средиземного моря. Вскоре, в сентябре 1798 г. Франция оказалась в состоянии войны еще и с Турцией. Россия, чей царь Павел I был покровителем Мальтийского ордена, отправила свой флот в Средиземное море и вступила в союз с Англией и Неаполем. Австрийцы сначала не вошли в новую коалицию, но в следующем году примкнули к ней.

В Египте Бонапарту удалось одними лишь умелыми административными мерами привлечь на свою сторону верхушку общества. Поход в Сирию, который он совершил в 1799 г., после первоначальных успехов потерпел неудачу под Акконом, который защищали англичанин Сидней Смит и бывший одноклассник Наполеона по Бриенну Фелипо. При взятии Яффы Наполеон велел расстрелять 3000 пленных турок, с которыми не знал что делать. Как ни мало он был склонен к неоправданной жестокости, все же действовал совершенно хладнокровно, если этого, по его мнению, требовала военная или политическая необходимость.

Он очень скоро еще раз продемонстрировал это, позволив отравить своих же тяжелораненых, затруднявших его возвращение после той же неудачной осады.

Аккона обратно в Египет, чтобы они не попали в руки туркам. Именно в это время на арене военных действий появилась турецкая армия, по которой он нанес удар 25.07.1799 г. Но республика была в состоянии войны с Англией, Австрией и Россией, и эта война приносила ей поражение за поражением. Русский полководец Суворов прогнал французов из Италии, Швейцарии и Германии французская армия тоже была разбита.

Ничто уже не задерживало Наполеона в Египте 22.08.1799 г. он передал командование Клеберу, сошел на фрегат в сопровождении нескольких генералов, а также ученых Монжа и Бертолле, и фактически сбежал от англичан. Египетская авантюра себя изжила. В военном отношении это был полный провал, несмотря на впечатляющие и быстро ставшие романтической легендой победы Наполеона. Талантливый Клебер вскоре был убит, а его преемник Мену окончательно капитулировал и вместе с остатками армии был транспортирован англичанами во Францию. Истинным успехом оказалась эта экспедиция в научном отношении. Она положила начало новой научной дисциплине — египтологии. Много полезного дала она и для развития Египта. Но не этого искал там молодой генерал.

Итак, возвращение Бонапарта было полностью оправданно. Директория прислала ему в Египет письменное подтверждение того, что он в любой момент, когда сочтет нужным, может назначить остающимся в стране вооруженным силам своего заместителя и вернуться назад. Более того, 26.05.1799 г. члены Директории выслали ему даже приказ о немедленном возвращении, который, впрочем, до него не дошел.

Его возвращение в Париж стало настоящим триумфом. Население, напуганное угрожающим положением Франции, видело в нем единственного спасителя, и встречало его ликованием. Однако в самом

Париже реакция была неоднозначной. Уже удалось стабилизировать военное положение, особенно на Рейме. Русские войска, недовольные поведением австрийцев, покинули театр военных действий.

Напряженная ситуация в самой Франции требовала разрешения, а вновь прибывший Бонапарт был еще одной фигурой в возобновившейся борьбе за власть. Вся Франция говорила о предстоящем государственном перевороте. Основанием для этого было всеобщее недовольство. Буржуазии, извлекавшей из революции максимальную выгоду, не очень-то нравилось видеть, как ее приобретения подвергаются опасности постоянными войнами и экономическими потрясениями; она требовала мира и порядка. Новый закон о призыве на военную службу — закон Журдана от 28.06.1799 г., в котором совершенно определенно говорилось о всеобщей воинской повинности — также натолкнулся на сопротивление. Вопрос о пополнении армии оставался открытым. Недовольство вызвал и высокий дополнительный налог на имущих. В Вандее дело вновь пошло до беспорядков среди роялистов и католиков: протест вызвало наступление на проримски настроенных священников. Не в последнюю очередь конституция III года революции (1795) явилась причиной того, что государство было почти парализовано постоянными выборными кампаниями, которыми только и успевали заниматься соперничающие партии. Каждый год переизбиралась треть состава Советов и один из пяти членов Директории. После выборов 1799 г. значительно усилились, так что стали представлять угрозу для Директории, роялисты, с одной стороны, и сторонники радикальной партии, Горы — с другой. В сложившейся ситуации невозможно было законным путем провести поправки к Конституции, которые могли как-то исправить ситуацию. 30 Прериала VIII (18.06.1799) неоякобинское большинство принудило к отставке трех Директоров, поставив на их место новых: Гоёе, Му-

иена и Роже-Дюко. Оставшиеся Баррас и Сьейес опирались за свои кресла. Последний лелеял планы нового путча, желая вернуть на место военного экзекутора генерала Жубера. Но 18 августа этот генерал погиб в битве под Нови. Идеолог Сьейес, совершенно беспомощный в практической политике, вполне серьезно полагал, что Наполеон будет на самом деле следовать своим словам: «Вы голова, а я — руки для всего остального». Планам путча благоприятствовало и то обстоятельство, что председателем Совета пятисот был Люсьен Бонапарт, младший брат Наполеона. Баррас и Роже-Дюко организовали тайный заговор. Было очевидно для всех, что только Наполеон, чья популярность столь велика, а влияние на армию, известное своими якобинскими настроениями, столь сильно, может склонить войска пойти против парламента. Первым генералом стояла цель привести к власти умеренных, защитить революционные завоевания, решительно содействовать установлению мира и обеспечить себе в новом правительстве влиятельное положение. На встрече Бонапарта с Сьейесом и Талейраном, который, не привлекая к себе особого внимания, держал в своих руках нити заговора, была определена программа действий. Путч был назначен на 18 Брюмера (9.11.1799 г.). Местом действия избрали монастырь Сен-Клу, тогда располагавшийся за городской чертой. Люсьен Бонапарт перевел туда заседания Пятисот, якобы ввиду угрозы беспорядков в Париже. Большинство в Сенате и обеих палатах парламента было обеспечено заранее. Однако требовалось соблюсти видимость законности. Обе палаты должны были «добровольно» принять поправки к Конституции, а войскам Бонапарта предстояло лишь «поддержать» парламент.

Несмотря на четкую подготовку, путч в какой-то момент был на волосок от провала. Депутаты без особых возражений позволили перенести свои заседания в Сен-Клу. Однако когда 19 Брюмера встал

вопрос о внесении изменений в Конституцию, это вызвало протест. Ораторы громогласно обвиняли Бонапарта в измене, угрожали объявить его вне закона. Положение спас Люсьен. Он ввел свои войска в зал, который сразу же обезлюдел. Сам Наполеон представлял собою в собрании жалкое зрелище. Он отнюдь не был оратором, а с тех пор возненавидел парламентские дебаты. Его стихией было действие, а не разговоры.

И после переворота он действовал очень решительно, желая обеспечить себе при дележе власти львиную долю — если уж не мог забрать ее всю. Он тоже старался всеми путями соблюсти видимость законности. Сьейес, Роже-Дюко и он добились того, что совет старейшин назначил их консулами. Попытка Сьейеса, используя новую конституцию, присвоить Бонапарту титул «почетного избирателя» и сделать из него лишенный власти символ натолкнулась на решительное сопротивление последнего. И вопреки замыслам бывшего Директора в течение недели была подготовлена совершенно иная конституция, составленная в соответствии с принципом Бонапарта: «Конституции должны быть короткими и неясными».

Отныне во главе государства стояли три консула. Первый консул — а это был Бонапарт — получал фактически диктаторские полномочия. Как и оба соконсула, он избирался Сенатом на десять лет. Оба соконсула выполняли лишь совещательную функцию. Только объявление войны и мира было компетенцией не Первого консула, а законодательного органа. Зато право законотворчества являлось прерогативой Первого консула. И только он мог назначать министров, генералов и т.д. Всеобщее избирательное право оставалось, однако новый порядок проведения выборов сильно менял его смысл. Отныне народ лишь избирал так называемых «доверенных лиц» в коммунах, департаментах и в целом по стране. Таким образом во-

семь миллионов избирателей выбирали 800 000 представителей коммун, 80 000 — департаментов и 8 000 доверенных представителей нации. Из числа этих избранных назначались должностные лица соответственно в коммунах, департаментах и по стране. Сенат, состоявший из 80 членов, избираемых пожизненно, пополнялся отдельно из дополнительных списков, которые составлял первый консул. Первый консул выбирал из общенационального списка доверенных лиц еще и 300 членов законодательного органа. Последние участвовали не в обсуждении законов, а лишь в согласовании их, поэтому именовались «органом немых». Равным образом он назначал 100 членов трибунала, обсуждавших законы, но не имевших права их принимать. Первый консул подлежал переизбранию. Таким образом, конституция давала псевдodemократическое оправдание фактической диктатуре Бонапарта. Он был настолько уверен в своих позициях, что в январе 1800 г. вынес конституцию на всенародное обсуждение. Его предположения подтвердились с впечатляющим результатом — три миллиона «за» и лишь 1562 голоса «против». В прокламации, выпущенной 15.12.1799 г., Бонапарт без обиняков говорит, что «революция вернулась к своим исходным принципам. Она завершилась».

Смелое заявление, если учесть, что в самой Франции было неспокойно, враждующие партии не пришли к соглашению, внешнеполитическое и военное положение было сомнительно, в управлении страной и в экономике царила полная неразбериха. Даже результаты январского плебисцита, на первый взгляд, столь благоприятные, давали пищу для размышлений — число воздержавшихся составляло около 5 000 000 человек. Наконец, нельзя было закрыть глаза на зависть генералов Ожеро, Бернадотта, и прежде всего Моро. Во время переворота они все были на своих местах и убеждены в том, что и сами с тем же успе-

хом могли бы его совершить. Теперь же они вдруг оказались оттесненными на вторые роли.

Страна жаждала внешнего и внутреннего мира и сохранения революционных завоеваний — в первую очередь равенства. Идеалы свободы и братства как-то скоро отошли на задний план. Внешнеполитический мир французы представляли себе таким образом, что все завоеванные в ходе революционных войн территории (граница по Рейну, Бельгия, часть Альп) должны остаться у Франции. Однако в отношениях с Англией, например, бельгийский вопрос представлял особую проблему. Французы ни в коем случае не собирались возвращать когда-либо в будущем национализированное церковное и дворянское имущество его владельцам. В этом пункте разбогатевшие буржуа, крестьяне и новое чиновничество были единодушны). Никто не стремился к реставрации монархии, но большинство не желало и власти якобинцев. Первому консулу требовалось решить тяжелейшую задачу. Чтобы удержаться у власти, ему необходим был успех.

За всеми этими проблемами стояла еще одна, самая крупная, которую особенно подчеркивал Роже Дюфрэс: война была в первую очередь экономической войной, призванной утвердить экономическое превосходство Франции в Европе. И крупная буржуазия не имела никакого намерения уступать здесь свои позиции. Это вело к обострению отношения с Англией. Наполеону за весь период его деятельности так и не удалось решить эти проблемы. Однако было ли это вообще возможно, а если да, то хотел ли он этого?

Конфликт с Англией можно было уладить только уступкой в бельгийском вопросе. Но тогда Первому консулу пришлось бы заключить мир, не устраивавший большинство французов. Заключением этого мира он расписался бы в собственной беспомощности. А именно этого не мог себе позволить Бонапарт, чья власть была отнюдь не бесспорна и на данный момент

весьма непрочна. Против него выступали правые и левые, монархисты и якобинцы. Он очень быстро понял свое положение и так определил его: «Первый консул не равен королю милостью Божией, получившему свое государство в наследственное владение. Ему необходимы впечатляющие события — ему необходима война». В конце своей карьеры, в 1813 г., он повторил эту мысль на знаменитых Дрезденских переговорах в беседе с Меттернихом: «Их Величества, родившиеся на троне, могут быть двадцать раз разбиты в бою и все же вновь и вновь возвращаться в свою резиденцию; я, дитя удачи, не имею такой возможности. Моя власть не переживет того дня, когда я перестану быть сильным и, следовательно, опасным». По-видимому, с этим же связано и следующее жутковатое высказывание: «Человек моего склада мало заботится о жизни миллионов». До самого конца он вел непрекращающуюся войну — с одной стороны, обусловленную конфликтом с Англией, с другой — как следствие его понимания власти и его честолюбия.

Поначалу он оправдывал надежды, которые возлагала на него нация. Он принес мир — путем активного продолжения войны! Он смог примирить Францию с самой собой и с помощью прогрессивного законодательства, создания эффективной административной структуры и новой системы образования, благоприятствовавшей расцвету талантов, превратил ее в самую современную и самую сильную в военном отношении страну на континенте. С помощью этих мер, которые почти полностью пришлись на первые годы его консулата, он сумел сохранить и развить достижения революции. Современная Франция в значительной мере является творением Наполеона.

Первый консул отчетливо осознавал, что его дальнейший успех зависит от победного окончания войны. Ловким пропагандистским ходом с его стороны было предложение мира Англии и Австрии 25.12.1799 г.

впрочем, оставшееся без ответа. Теперь слово было за пушками. В Бургундии из солдат запаса была сформирована резервная армия, которой предстояло вторгнуться в Италию или Германию. Он собирался, как и в 1796 г., окружить Австрию. Поскольку в соответствии с конституцией Первый консул не имел права командовать армией, номинально верховным главнокомандующим был назначен начальник штаба Бертье. Вместо 60 000 призванных на место пришло лишь 49 000. Так уже в начале своего единовластия Бонапарт столкнулся с уже, казалось бы, преодоленным феноменом дезертирства.

Положение в Италии было угрожающим. Австрийцы и англичане окружили Массена и принудили его к капитуляции. Было уже слишком поздно, чтобы маневры Бонапарта могли что-то изменить. Между тем Первый консул провел свою армию через перевал Св. Бернара, считавшийся непроходимым для армии, в долину реки По и 2.06.1799 г. занял Милан, оказавшись в тылу у австрийцев. Тут он совершил ошибку — вопреки своей обычной стратегии повел войска на австрийцев, 14 июля занявших позиции у Маренго, слишком широким фронтом, распылив силы; они не смогли противостоять мощи австрийской армии и были опрокинуты. К вечеру битва, казалось, была проиграна. Австрийский главнокомандующий Мела, уставший за день, покинул поле битвы, где его присутствие было, казалось, уже ненужно, и отправил в Вену известие о победе. Но тут подошел со своим корпусом вызванный Бонапартом генерал Дезэкс, и дело приняло совершенно другой оборот. Он атаковал уже построившихся в походные колонны австрийцев, разбил их и вырвал победу. То, что сам он погиб в бою, было только на руку Наполеону, который смог теперь в своем известии о победе умолчать о решающей роли Дезэкса. Бонапарт хотел и должен был быть единственным победителем и вестником мира. Он напра-

ил австрийскому императору новое мирное предложение, которое, впрочем, также не нашло отклика.

Окончательно вопрос решился в пользу Франции лишь 3.12.1800 г. в Германии в результате победы Моро над австрийской и баварской армиями. Наполеон никогда не сможет простить Моро этой победы. 2.02.1801 г. Люневильский мир положил конец войне с Австрией, 6 марта к нему присоединилась вся империя.

Бельгия и левый берег Рейна достались Франции. Возмещение германским князьям по условиям Люневильского мира потери левого берега Рейна за счет западных правобережных территорий, по-видимому, говоренное депутацией представителей империи в Регенсбурге, в действительности было продиктовано Парижем. Это обеспечивало Бонапарту влияние в Германии: германские князья соперничали друг с другом, стараясь заполучить от Франции возможно больший клочок бывших территорий их соседей; министр иностранных дел Талейран положил себе в карман немалую мзду. Мелкие князья и имперские рыцари были принесены в жертву своими более могущественными соотечественниками. Решение имперской депутации от 26.02.1803 г. совершенно перекраивало политическую карту Германии. Уже тогда наметились очертания Германии, которым предстояло продерсаться со времен Наполеона до 1945 г. Образованные Наполеоном немецкие второстепенные государства, входящие в состав нынешней Германии, остались жить в сознании ее населения. Все получившие крупную долю по обычу стали его сторонниками, поскольку он один мог гарантировать сохранность их приобретений. Австрия по условиям Люневильского договора должна была признать Батавскую и Гельветическую республики, а также итальянские вассальные государства. Император Фердинанд Тосканский был сначала перенесен во вновь образованное княжество Зальцбургс-

ков, а затем в такое же новообразованное Великое герцогство Вюрцбургское. Тоскану ему пришлось отдать герцогу Пармскому. Через год после Люневилля Бонапарт переименовал Цизальпийскую республику в Итальянскую и назначил себя ее президентом.

Стремление к внешнеполитическому объединению в том же году приняло новые масштабы после заключения 8.10.1801 г. мира с Россией. Убийство царя Павла I 23.03.1801 г., на короткое время вызвавшее тревогу, как бы новый царь не объединился вновь с Англией, не отразилось на политической ситуации. Наполеону при виртуозной поддержке Талейрана удалось сформировать лигу нейтральных государств под эгидой России; в нее вошли Швеция, Дания и Пруссия. Тем самым он сохранял возможность оказывать давление на Англию, поскольку ее торговля с Германией и странами Балтии оказывалась под угрозой. Когда же в феврале 1801 г. вынужден был оставить пост премьер-министра Вильям Питт младший, самый упорный противник французской политики гегемонии, наметилась возможность заключения мира и с Англией. 23.03.1802 г. был подписан Амьенский мир. Остров Мальта возвращался ордену, Англия обещала вернуть почти все завоеванные колонии Франции, Египет вновь попал под власть султана, Минорка отходила к Испании. Но этот мир был компромиссом, не решавшим основных проблем. Ничего не говорилось об экономических связях, Англия не признала ни новой границы по Рейну, ни вассальных республик Франции. Все же это был мир, впервые за последние десять лет установившийся в Европе, и условия его французы диктовали на правах победителей. Наполеон приписывал эту заслугу себе одному. Среди всеобщей эйфории большинство проглядело, что этот мир обречен был стать лишь временным перемирием. Первому консулу, добившемуся в марте 1802 г. всеобщего внешнеполитического мира, удалось установить мир и внутри Фран-

ции. После учреждения консулата он всеми силами стремился к этой цели. Еще в декабре 1799 г. принял первые меры по усмирению «уличных беспорядков» и «анархии». Тогда имелись в виду роялистские и католические мятежи в Вандее и Бретани. Умело сочетая жесткие меры с политикой уступок (духовные лица теперь не были обязаны приносить присягу Конституции, достаточно было заявления, что они ее чтут), он постепенно навел порядок и в этих областях. Осенью 1800 г. по приказанию Наполеона из списков эмигрантов было вычеркнуто 52 000 имен. После этого многие священники и дворяне вернулись во Францию и даже получили назад свое имущество, если оно еще не было продано.

Эти меры вызвали протест со стороны старых якобинцев. Бонапарту приходилось защищаться не только от них, но и от роялистских заговорщиков. 24.12.1800 г. он едва не стал жертвой «адской машины»; от взрыва погибло 26 человек. Хотя ясно было, что это дело рук роялистов, вину за покушение ввели на якобинцев. Наполеон велел казнить некоторых наиболее влиятельных своих противников. Еще 130 человек были без суда и следствия высланы на Сейшельские острова.

Наиболее значительным, если не решающим вкладом в нормализацию обстановки внутри страны стало примирение с католической церковью. В итальянских походах, во время пребывания на Востоке Наполеон отчетливо осознал все значение религии. Сельское население в особенности держалось за традиционную и ее служителей. Раскол между присягнувшими и отказавшимися сделать это священниками, который принесла революция, когда хотела принудить всех духовных лиц принести присягу «Гражданской конституции духовенства», должен был уйти в прошлое. После Маренго начались переговоры с папой Пием VII, а 15.07.1801 г. был заключен Конкордат.

Это вызвало резкий протест, особенно членов Сената и Законодательного собрания, среди которых преобладали революционеры-атеисты, а также в армии. Однако результаты проведенного плебисцита блестяще подтвердили принятие конкордата: «за» было на полмиллиона голосов больше, чем при плебисците после 18 Брюмера, и лишь 1000 голосов было «против». Первый консул получил право назначать епископов. Папа лишь утверждал их в этом духовном звании. Для вступления в должность священники и епископы должны были принести присягу Конституции. Экспроприированное церковное имущество церкви возвращено не было. Взамен этого государство брало на себя обязательство обеспечивать епископам и священникам подобающее их сану содержание. Под нажимом Бонапарта в конкордат была включена так называемая «органическая статья», с которой, однако, папа был не согласен. В ней говорилось о приоритете гражданского брака, который должен был заключаться до венчания в церкви; для последнего требовалось письменное представление государственной организации. Церковные собрания также должны были проводиться по согласованию с государством. Таким образом Наполеон ставил церковь на службу своему государству. 18.04.1802 г. торжественная месса Те Деум в Нотр-Дам скрепила примирение государства и церкви и тем самым возвращение к традиции, поскольку католичество, как говорилось в конкордате, считалось отныне вновь «религией большинства» во Франции. Примирение с Римом очень усилило позиции Наполеона среди населения. Однако он создавал благоприятные условия не только для католичества: по отношению к протестантизму и к иудаизму он держался также очень терпимо. Такая позиция особенно в отношении протестантов сыграла важную роль в период расширения империи после 1804 г. В своей конфессиональной политике На-

Наполеон руководствовался отнюдь не религиозными чувствами — он был чистой воды агностик, — по соображениям государственной необходимости. Церковь была для него фактором социальной стабильности, способным заставить людей легче выносить несправедливости мира в ожидании вечного блаженства.

В 1802 г. Первый консул мог с полным правом заявить о себе, что он принес Франции внутренний и внешний мир, которого так давно и так горячо жаждали, в особенности буржуазия. И примирение с церковью ей даже не пришлось оплачивать возвращением приобретенных ранее церковных владений! Все выигравшие в результате революционных преобразований также видели, что их приобретениям ничто не угрожает. Безработица и дороговизна как социальные проблемы отошли в прошлое, и эти проблемы Наполеону удалось к концу 1802 г. решить мерами исключительно экономического характера. Повсюду в адрес Наполеона раздавались голоса одобрения, и со стороны знати и со стороны народных масс. Парламентскую оппозицию он нейтрализовал с помощью проведенного сенатом расширения состава этого органа. Правда, генералы, завидуя его успеху и чувствуя себя обойденными, с апреля по июнь 1802 г. четыре раза пытались организовать заговор с целью либо убить его, либо «всего лишь» отстранить от власти. В этом были замешаны Бернадотт, Ожеро, Макдональд, Массена, Лекурб, Брюн и особенно близкий ему Ланн. Все эти заговоры были своевременно раскрыты, и Бонапарт отреагировал на них очень мягко — часть заговорщиков были в качестве дипломатических представителей высланы в отдаленные страны, часть просто отстранены от дел. Макдональд лишь в 1809 г. смог вернуться к деятельности. Большинство из них позже оказались среди маршалов императора. Единовластие Наполеона становилось все более

очевидным. Учреждение ордена Почетного Легиона 18.05.1802 г., которым он надеялся привязать к себе представленных к награждению, яркий тому пример. Но эта мера имела и более глубокий смысл — орден получали не по наследству, а за заслуги, и при этом приносилась клятва верности государству и обществу. Аналогичные цели преследовал и изданный четырнадцатью днями ранее закон об учреждении государственной начальной и средней школы. Создавались 32 лицея с бесплатными местами для сыновей офицеров и государственных служащих, а также для особо одаренных детей. Из 6400 бесплатных мест 4000 резервировались для особо одаренных. Таланты, не имеющие средств для обучения, таким образом чувствовали на себе заботу государства (а теперь это уже означало — Наполеона).

2.08.1802 г. Сенат получил результаты всенародного референдума по вопросу, сформулированному следующим образом: «Должен ли Наполеон Бонапарт быть консулом пожизненно?» — 3 508 895 «за» и 8 394 «против». Решающий шаг к единоличной власти был сделан. Резолюция Сената от 4.08, соответствующим образом переключившая Конституцию VIII года, утвердила его. Эту резолюцию называли Конституцией X года. Первый консул получал право назначать своего преемника и самому выбирать обоих соконсулов. Он подписывал договоры без согласования с Национальным собранием и как монарх обладал теперь правом помилования. Поистине символично было то, что с 1802 г. официальным праздником считалось не 10 августа 1792 г., день свержения монархии, а 15 августа, именины Наполеона. Стихи Виктора Гюго, посвященные году его рождения, очень удачно характеризуют этот намечающийся поворот, «Ce siècle avait 2 ans / Rome remplaçait Sparte // Déjà Napoleon / Percutait sous Bonaparte» (Веку было 2 года, Рим заменял Спарту. Уже сквозил Наполеон из-за Бонапарта).

Годы от 1799 до 1804 г. стали свидетелями самых долговечных достижений Наполеона: перестройка административной системы и создание Гражданского кодекса. Оба акта имели в первую очередь внутринациональное значение, но оказали влияние и на соседние с Францией государства, прежде всего на районы, позже присоединенные к Великой империи. Оба служили одной цели: сохранению революционных завоеваний путем стабилизации социальных отношений и — в первую очередь это касается административных преобразований — усилению государственного центра.

Все началось с учреждения 25.12.1799 г. Государственного совета. В его состав входило около 50 членов, которых выбирал сам Наполеон в основном из представителей юридической элиты страны. Политическое прошлое в расчет не принималось. В этом органе роялист соседствовал с «убийцей короля» — он был также призван служить внутреннему примирению Франции. Государственный совет отчитывался только перед главой государства. Впрочем, впоследствии ему удалось отстоять известную независимость от Бонапарта. С 1803 г. появились дополнительно так называемые аудиторы при Госсовете, перспективные молодые люди, которые могли принимать участие в заседаниях в порядке обучения, Наполеон охотно использовал их для различных поручений.

Государственный совет разрабатывал законопроекты, прежде чем они поступали в Трибунал. Он выполнял также функции административного суда. В государственном совете был разработан и Code Civil, названный впоследствии Code Napoleon. Наполеон нередко сам принимал участие в заседаниях совета, ему принадлежит окончательная редакция многих параграфов нового кодекса. Тут пригодилась его способность схватывать самое существенное и излагать в доступной форме.

Гражданский кодекс стал первым уложением законов, действительным на всей территории Франции. При старом режиме еще удерживались традиционные местные законы. Революция не справилась с проблемой унификации права. Комиссия из числа первых юристов Франции разработала проект, который Государственный совет обсуждал потом на протяжении 102 заседаний. 57 из них провел сам Наполеон. В 1807 г. несмотря на возражения Трибунала закон вошел в силу. Для Трибунала Гражданский кодекс был слишком консервативным. Кодекс гарантировал личную свободу, свободу собственности, свободу труда — разрушалась система цеховых ограничений — свободу совести, а также равенство граждан перед законом. Это означало конец всех феодальных привилегий. Подчеркивался светский характер государства, гарантировалась неприкосновенность частной собственности, и все претензии церкви и дворянства к покупателям национализированного во время революции имущества признавались несостоятельными. Женщины получали равные права с мужчинами. Как следствие этого, а также по циничному замечанию Наполеона, для укрепления слабой женской добродетели отменялись все жалобы в отношении отцовства. Был разрешен развод.

Этот закон, к 1815 г. принятый на значительной части территории Европы, настолько соответствовал интересам развивающейся буржуазии, что сохранился повсеместно и после падения Наполеона. В Германии, например, Кодекс Наполеона продержался в баварском Рейнланд-Пфальце, а также в левобережной Пруссии и на территории бывшего Великого герцогства Берг вплоть до вступления в силу в 1900 г. Германского Гражданского уложения. Равным образом, просуществовал он и в Эльзасе и Лотарингии до 1870 г. Эта система законов особенно благоприятствовала расцвету торговли и производства. Не зря Эберхард Вайс

приводил именно Гражданский кодекс как доказательство того, что Наполеон «был не просто завоевателем и диктатором, но государственным деятелем, дела которого пережили его». Во Франции этот Кодекс, естественно, приведенный в соответствие с изменившимися условиями, доньше является действующим. И административная структура Франции, за исключением того, что Миттеран упразднил институт префектов, тоже остается неизменной с наполеоновских времен. Здесь Наполеон продолжил начатое революцией, но внес свои коррективы. Старинные провинции не были воскрешены, осталось и деление на департаменты. Наполеон распространил его и на завоеванные и присоединенные к Франции территории, так что к 1812 г. изначальные 83 департамента 1790 г. превратились в 134. Кроме того, он дополнительно подразделил департаменты на округа, а те, в свою очередь, на кантоны. Во главе департамента стоял префект, округа управлялись супрефектами. Префекты назначались из центра и только ему были подотчетны. Телеграф делал связь с центром достаточно оперативной. Таким образом, речь уже не шла о каком-либо самоуправлении ни в коммунах, ни в округах, не говоря уже о департаментах. Такое управление было весьма эффективным. Префекты, как правило, подбирались удачно — Наполеон и в этом случае учитывал интересы всех сторон, от роялистов до якобинцев. Некоторые из префектов достигли выдающихся результатов. Эта система имела множество последователей, особенно в Южной Германии.

Система правосудия тоже подверглась реорганизации. Судьи опять, как и до революции, назначались правительством. Резко сократилась сфера компетенции судов присяжных. Хотя должность судьи и стала бессменной, Наполеон мало заботился о соблюдении этого принципа. Такая организация судебно-правовой системы оказала влияние на соседние государства; в

большей или меньшей степени она сохраняется во Франции и по сей день.

Система управления финансами, разработанная Наполеоном, была принята в соседних областях, прежде всего входивших в состав наполеоновской империи. Так, в бывшем баварском Рейнланд-Пфальце еще долгое время после второй мировой войны существовала должность государственного сборщика налогов, который распоряжался финансами коммуны и был там очень уважаемой фигурой.

Итак, Наполеон проявил себя дальновидным и предусмотрительным политиком. Но зададимся вопросом — входило ли это в его намерения? Все эти меры в первую очередь служили укреплению государства, чтобы иметь возможность продолжать войну. Свободы, которые обеспечили людям законы Наполеона, сами по себе мало что для него значили, и он разрешил ими пользоваться лишь по собственному произволу. Для него было важно, чтобы администрация оперативно и действенно управляла страной, чтобы финансовая система была в порядке и поступали деньги, в которых нуждалась армия. Во всякое случае, дальнейший ход событий заставляет думать, что это было именно так. Не являлся ли он в сфере внутренней политики государственным деятелем поневоле?

Проведенные им реформы имели успех. Уже в X году по революционному календарю, то есть в 1801 — 1802 гг. Первому консулу удалось выровнять бюджет — военные расходы он взвалил на побежденных. Основание Французского банка 13.02.1800 г. также явилось стабилизирующим фактором, поскольку он обеспечил государству связь с мировой финансовой системой. Постановлением от 7 Жерминаля XI г. (22.03.1803 г.) Бонапарт учреждал новую денежную единицу, франк, сохранивший свой установленный на тот момент золотой эквивалент до 1914 г. Закон от 18.04.1803 г. предоставил Французскому банку право

выпуска бумажных банкнот. В течение немногих лет Бонапарт дал Франции ряд учреждений, которых она ожидала с 1791 г., и утвердил господство революционной буржуазии, как говорит Роже Дюфрэн. Эти годы, с 1802 по 1804-й (фактически с 1801 по 1805 й) были наиболее длительным периодом спокойствия в Европе за всю Наполеоновскую эпоху. Официальный мир между Англией и Францией продлился только от момента заключения Амьенского договора до осени 1803 г.

Экономика страны расцвела, население радовалось жизни, страна переживала подъем, и никто не вообразился тем, что единоличная власть Первого консула все крепнет. Всем было важно только то, что, хотя теоретически, любой может достичь высших должностей, что воцарилась религиозная терпимость, что больше никаких привилегий, а собственность и власть защищены законом.

Наиболее дальновидные, однако, понимали, это временная передышка. Ведь конфликт с Англией никоим образом не был исчерпан. Духовные князья имперские рыцари и мелкие светские князья исчезли с политической карты, как и несколько (шесть) родов империи. Зато вырос и усилился ряд второстепенных государств, таких, как Бавария, Баден, Вюртемберг, Гессен-Кассель. Только Франция способствовала их усилению, поскольку нуждалась в них и могла гарантировать им территориальную сохранность. Пруссия тоже как традиционная соперница Австрии извлекала пользу из нового порядка в Германии, а кроме того, подписала в Базеле договор о нейтралитете.

Политика грубой силы, которую Наполеон проводил в Италии, показала Вене, что доверять Первому консулу не стоит. Так, например, он навязал Цизальпийской республике со столицей Милан конституцию по собственному вкусу, переименовав ее в «Итали

скую республику» и сделал себя ее президентом. Программа основания новых государств-сателлитов тоже могла восприниматься Австрией как угроза. 16.12.1802 г. Бонапарт аннексировал Пьемонт, отныне ставший французской территорией. После смерти герцога Пармы в октябре 1802 г. он занял его государство, им теперь управлял французский комиссар. Швейцария в феврале 1803 г. получила новую конституцию, преобразовавшую ее в конфедерацию из 19 равноправных кантонов. Гарантом новой конституции стал договор об оборонительном союзе с Францией сроком на 50 лет, который Бонапарт вынудил подписать Швейцарию. Не были выведены французские войска из Голландии. Напротив, Первый консул принудил ее к вступлению в оборонительный и наступательный союз и навязал голландцам новую конституцию. В 1805 г. он провел изменение конституции в Нидерландах таким образом, что эта страна полностью превращалась в вассальное государство. Фридрих Шлегель еще в 1801 г. писал: «Истина заключается в том, что Франция в нынешней ситуации не признает никаких границ; все окружающие ее территории уже... являются ее собственностью, либо могут быть превращены в ее территорию». Помимо того, Бонапарт вел активную колониальную политику в Вест-Индии, на Ближнем Востоке, в Ост-Индии и какое-то время даже в Луизиане. Впрочем, последнюю он продал еще в 1803 г. Соединенным Штатам. Англия не могла не воспринимать эту политику как угрожающую.

Бонапарт начал заключать со своими европейскими партнерами торговые договоры, направленные против Англии и благоприятствующие развитию французской промышленности. Он старался упрочить ее положение высокими покровительственными пошлинами для английских товаров, составлявших конкуренцию французским. Одним словом, корсиканец уже стал первый шаг на пути к тому, что позднее офор-

милось как континентальная блокада. Не так представляли себе англичане мир с Францией. Пресса развернула кампанию против Наполеона. Англия, заручившись содействием России, отказалась вывести свои войска с Мальты и 15.03.1803 г. потребовала от Франции, чтобы та уступила ей этот остров. Это означало фактически объявление войны. Наполеон тоже ничего не имел против того, чтобы начать войну — только постоянными войнами, в которых расходы его армии несли бы побежденные страны, он мог держать их в страхе; такого мнения придерживался и Жан Тулар.

12.05 английский посланник выехал из Парижа, 16.05 англичане захватили все французские и голландские корабли, стоявшие в английских гаванях, и только 23.05 последовало официальное объявление войны. Вначале это была война льва с китом. Ни одна из сторон не могла схватиться с противником в своей стихии. Англичане господствовали на море. Однако Франция закрыла европейские порты для английских товаров, в июне 1803 г. овладела английским Ганновером, Влиссингеном, голландской частью Брабанта, а в Италии — Отранто, Бриндизи и Таренто. Португалия, Испания и Голландия под давлением Бонапарта обязались бойкотировать английские товары. Наполеон сконцентрировал войска на побережье пролива, в 1804 г. армии в Булони предстояло, наконец, подготовить вторжение. Англичане, со своей стороны, искали союзников на континенте. С помощью роялистского лидера Георга Кадудаль, в августе тайно высадившегося в Нормандии, они ковали заговор с целью убрать Первого консула и добиться реставрации Бурбонов. В заговоре участвовал генерал Пишегрю, один из первых героев революции, ставший теперь роялистом. Моро, вероятнее всего, знал о назревающих событиях. Заговор был раскрыт, зачинщики арестованы, Кадудаль казнен. Пишегрю нашли в своей камере повешенным — вероятнее всего, это было самоубий

ство. В отношении Моро не было никаких доказательств, его популярность в армии была очень велика — он отделался ссылкой. Но Бонапарту нужно было покарать как заговорщика кого-то из Бурбонов. А потому, по его приказу, в ночь с 14 на 15.03.1804 г. из находящейся на нейтральной территории, в Бадене, резиденции был похищен совершенно непричастный к делу герцог Энгиенский — он оказался единственным доступным представителем французской королевской фамилии, — отвезен в Венсен и 21.3 после короткого показательного процесса расстрелян. Теперь между Наполеоном и Бурбонами стояла кровь — Наполеону и в голову не могло прийти, что он когда-либо займется реставрацией. Однако именно те, кто получил от революции больше всего, стремились теперь к наследственной монархии, которая была бы способна защитить завоевания революции. И вот 30.04.1804 г. бывший убийца короля Кюре предложил, чтобы Первый консул Бонапарт был провозглашен «Императором республики», и это достоинство стало бы наследственным для его фамилии. Против предложения выступил только Карно, и резолюцией Сената от 18.05.1804 г., которая получила название Конституции XII года, Наполеон Бонапарт был произведен в императоры Франции. Вопрос о наследственной власти был улажен, образовалась и новая аристократия из шести высших государственных чиновников, шести высших офицеров и чиновников империи, среди них были маршалы, которых Наполеон незадолго до того произвел в это достоинство. Всенародный референдум (на него был вынесен только вопрос о наследственной преемственности, но не об императорском титуле) дал 3 572 329 голосов «за» при 2 579 «против». В ноябре 1804 г. были получены результаты референдума, а 2.12 по желанию Наполеона в соборе Парижской Богоматери состоялась тройная церемония: посвящение Наполеона папой, собствен-

норучная коронация Наполеона в императоры и принятие присяги на конституции. Последнее произошло в отсутствие папы, поскольку конституция содержала не признаваемую им органическую статью. Еще до этой церемонии Наполеон и Жозефина обвенчались в церкви, от чего в свое время отказался якобы нец Наполеон.

Принятие императорского титула «милостью Божией» и «согласно конституции республики» (только с 1.01.1809 г. на монетах надпись «*Empire française*» сменила формулировку «*Republique Française. Napoléon Empereur*») было логическим завершением всей политики Наполеона. Императорство милостью народной выглядело вызовом всем наследственным монархиям. С принятием титула императора Наполеон, как он отныне себя именовал, ясно показал свои притязания на господство в Европе. Православный царь, принадлежавший восточному миру и считавший себя преемником византийского императора, никогда в этом качестве всерьез не воспринимался. Еще император Иосиф II, умерший в 1790 г., в последние годы старого режима отказался считать Екатерину Великую равной себе по рангу.

Наполеон, возводивший свой императорский сан к Карлу Великому и в конечном счете к Риму, ни в коей мере не стремился, как утверждали, к «германской императорской короне». Его не заботил вопрос о преемственности государственных форм, для него в первую очередь речь шла о том, чтобы обеспечить себе высший титул, с прицелом на то, чтобы в будущем стать «императором Запада». Он сам говорил, что мечтает об этом титуле. К одряхлевшей Священной Римской империи германской нации он испытывал только презрение. Зато в сентябре 1804 г. он посетил в Аахене могилу Карла Великого. Когда со-временный историограф (Туллар) выделяет два этапа в существовании империи, каролингский до 1808 г.,

менившийся этапом Великой империи, — это соответствует истине. Но притязания самого Наполеона на мировое господство появились еще до этого. Император Французской республики и президент Итальянской республики — эти два титула сочетались неизбежно. Пришлось преобразовать Италию в королевство и водрузить себе на голову 26.05.1805 г. в Милане железную корону Ломбардии. «Бог дал мне то, горе тому, кто на нее посягнет», — произносимая при этом акте формула не очень-то шла бывшему якобинскому генералу. Его пасынок Эжен Богарне стал вице-королем и регентом Италии. Всякому императору нужен свой двор и штат придворных. И вот Наполеон учредил целый придворный штат, ставившийся все чопорнее и церемоннее. Своих высших сановников он осыпал княжескими титулами и графствами, штамповал новых графов и баронов, не считавшихся, впрочем, вместе с титулом никаких правых или финансовых привилегий. Этими мерами рассчитывал создать новую общественную иерархию, причем надеялся, что новое дворянство сможет слиться в единое целое революционную буржуазию с старым дворянством, которому уже с 1800 г. он позволял вернуться во Францию. В 1806 г., 30 марта, он присвоил всем членам своей семьи титул «принц». Одновременно он велел выделить в Италии 30 крупных ленных поместий и распределить их между своими высшими чиновниками. С 1807 г. маршалы, отличившиеся в бою, награждались титулом герцога или князя. 1 марта 1808 г. решением Государственного совета было учреждено чиновное и личное дворянство — последнее присваивал император. Эти новые звания могли передаваться по наследству только в том случае, если их носители приобретали майорат, позволявший вести подобающий сану образ жизни. Всего Наполеон произвел в дворяне 1509 человек, в большинстве своем солдат.

До 1804 г. на английском фронте наблюдалось затишье, однако с 1805 г. события приняли новый оборот, поскольку Англии удалось сформировать третью коалицию с Австрией и Россией и тем самым обеспечить себе сильных союзников на континенте. Царь Александр I стал основной движущей силой в борьбе с Наполеоном, поскольку ему тоже мерещился новый порядок в Европе. Царь сумел привлечь на свою сторону короля Швеции Густава IV, а также Фердинанда IV, короля Неаполя и Сицилии из дома Бурбонов. Предстояло отвоевать Ганновер, освободить Голландию и обуздать Францию в ее экспансионистских устремлениях.

Реакция Наполеона была молниеносной. Он тут же начал передислокацию армии, с 1804 г. стоявшей лагерем в Булони. От плана вторжения в Англию он отказался, поскольку этот план оставался неосуществимым до тех пор, пока не удавалось каким-нибудь маневром французского флота нейтрализовать английский флот, чтобы оставшиеся у Франции корабли смогли по крайней мере в течение 14 дней чувствовать себя хозяевами в проливе. Однако это было невозможно. А потому император в войне со своими континентальными противниками делал ставку на свою «великую армию» — как она теперь называлась. Поход 1805 г. стал самой большой удачей Наполеона. Для его современников эта кампания выглядела настоящим блицкригом. В какие-то четыре недели, делая в среднем по 50 км в день, он привел двухсоттысячную армию на берег Дуная, окружил армию австрийского генерала Мака, не понявшего, какая опасность ему грозит, и принудил ее к капитуляции. 49 000 австрийцев были выведены из строя. Бавария, Баден и Вюртемберг с самого начала бились на стороне Наполеона, не в последнюю очередь по предложению Пруссии, которая сама оставалась нейтральной страной — даже и потом, когда стоящие в Ганновере армейские части

Бернадотта, совершив бросок на юг, нарушили нейтралитет Пруссии, передвигаясь через Ансбах.

Очень умело и в широких масштабах Наполеон использовал в этой войне оружие пропаганды. Почти ежедневно он выпускал армейский бюллетень, о котором Меттерних говорил, что он стоил трехсоттысячной армии. Действительно, известие, например, о решающей победе адмирала Нельсона у Трафальгара, не оставившее Наполеону никаких надежд на прямой успех в войне с его главнейшим противником, Англией, было представлено в нем как сообщение о заурядном событии на фронте. Европа не сводила с триумфатора, одержавшего победу в Ульме, восхищенных глаз. А он не замедлил дать европейцам еще более существенный повод для восхищения.

Форсированным маршем привел Наполеон свое войско к Вене и 13 ноября вошел в императорский город. Русская армия еще не вступила в бой, австрийские войска все еще стояли в Моравии, а эрцгерцог Карл, дав достойный отпор Массена в Италии под Кальдиеро, спешил на помощь своему брату императору и русским войскам. Положение Наполеона, оторванного от обоза с провиантом и боеприпасами, перед лицом объединенной армии держав-союзниц выглядело очень сомнительным. Многочисленные войска были связаны длинными путями снабжения; всего он имел в распоряжении лишь около 75 000 солдат — против 90 000 русских и австрийцев, стоявших в Моравии — еще до прихода эрцгерцога Карла. Вместе с армией Карла, бывшего единственным генералом в Европе, способным тягаться с Наполеоном, войска коалиции имели подавляющее большинство. В Берлине патриотической партии королевы Луизы удалось убедить короля мобилизовать армию и оказать, по крайней мере, вооруженное содействие. В начале ноября царь Александр посетил Берлин: знаменитая встреча и об-

мен рукопожатиями над гробом Фридриха Великого явились залогом возобновления традиционной русско-прусской дружбы. Впрочем, на вступление в войну осторожный Фридрих-Вильгельм III так и не решился. Уже и вооруженное посредничество представлялось ему довольно рискованной затеей. Его министр Гаугвитц, которого он отправил в качестве представителя в лагерь Наполеона, как человек, симпатизирующий Франции, еще укрепил короля в его сомнениях. Наполеон, хорошо осведомленный о положении при Берлинском дворе, чтобы выиграть время, отослал графа к Талейрану, находившемуся в Вене. Тот продержал Гаугвитца достаточно долго, чтобы это решение провалилось.

Наполеон всеми средствами старался добиться этого до прибытия эрцгерцога. Ему фактически удалось спровоцировать Александра I, исполненного честолюбивых стремлений, проявить свой военный талант — при полном отсутствии такового — начать наступление. Наполеон написал ему письмо с предложением переговоров, постарался создать впечатление, подкрепив его соответствующими маневрами великой армии, что намеревается отступить. Царь планировал обойти французов и поймать Наполеона в ловушку. 2.12.1805 г., лишь только рассеялся предутренний туман и взошло солнце — «солнце Аустерлица» — началась битва. Наполеон заманил союзников подальше, рассчитывая, что из-за неповоротливости они не смогут действовать согласованно. Он делал ставку на лучшую маневренность своих войск. И его расчет оказался верным. Спустившись с Пратценских высот, он прорвал центр врага, окружил сперва одно, а затем другое крыло вражеских войск и одержал блестящую победу. Русские потеряли около 20 000 человек, австрийцы — около 6 000 из оставшихся 15 000. Потери самой великой армии составили «всего лишь» 8 000—9 000 солдат. В одной из своих прокламаций,

тон которых так нравился его войнам, Наполеон заявил: «Солдаты! Я веселюсь вместе с вами... Вы бессмертной славой украсили своих орлов... Если один из вас скажет: «Я был под Аустерлицем», любой сразу же поймет: «Вот отважный человек». Он одержал эту победу в первый же год после своего помазания в Нотр-Дам!

Она решила исход войны. Русские, которых австрийцы обвинили в поражении, повернули на восток. Император Франц просил Наполеона о мире. Несмотря на то, что война с Россией и Англией не была окончена, Наполеон получил возможность навести свой порядок в Европе. Тем более после того как 15 декабря Гаугвич подписал Шенбруннский договор, где Пруссия признавала все завоевания Наполеона в Италии собственностью империи. Ансбах, Клеве и Невшательское графство, находящееся в Швейцарии, она уступала Франции. В качестве компенсации та уступала ей Ганновер, принадлежащий англичанам. Еще одно яблоко раздора, умело подброшенное Англии и Пруссии Талейраном, исключило возможность каких-либо политических контактов между ними. Это наилучшим образом подготовило очередную жертву наполеоновской политики, признававшей существование других государств в Европе только на вассальном положении. Этот договор показал — а Пресбургский мир с Австрией еще раз подтвердил — несогласие Наполеона с планами его министра иностранных дел Талейрана, которые тот излагал ему еще 17 октября в письме, написанном в Страсбурге. Талейран, более не считавший Пруссию великой державой, исходил из наличия в Европе четырех действительно великих держав: Франции, Австрии, России и Англии. Чтобы обеспечить главенствующее положение Франции, необходимо было посорить Австрию с Россией, возместив потери Австрии в Италии и Южной Германии за счет балканских территорий. Талей-

ран собирался отдать австрийцам Молдавию, Валахию, Бессарабию и весь Дунайский бассейн. Угроза Европе исходила теперь от русских — как некогда от турок. Такая мера заставила бы Австрию развернуть свои боевые порядки на восток и стать бастионом против этой опасности. Однако Наполеон не придал должного значения этим планам. Он, напротив, продиктовал Австрии унизительные условия мира, который был заключен в Пресбурге 26.12.1805 г. Австрия теряла все свои владения в Италии и Далмации. Тироль и Форарльберг она уступала Баварии. Это отрезало ее от Адриатики, отъединяло от Швейцарии, выталкивало из империи. И за все свои территориальные потери она не получала равным счетом никакой компенсации. Лишь прежние епископства Зальбургское и Вюрцбургское отходили Габсбургам.

В марте 1806 г. в качестве очередного этапа установления в Европе наполеоновских порядков последовало изгнание Бурбонов из Италии, где был назначен королем брат Наполеона, Жозеф. Только Сицилию, охраняемую английским флотом, корсиканец не смог завоевать. Луи Бонапарт стал новым королем Голландии, тем самым тоже полностью вошедшей в наполеоновскую систему.

Его младший брат, Жером, после победы в 1807 г. получил вновь образованное королевство Вестфалию, а Иоахим Мюрат, зять Наполеона, в том же году стал великим герцогом Берга, объединенного с частью Клеве и Марка. Клеве и Марк были прусской территорией, герцогство Берг, напротив, до этого принадлежало Баварии. Способ, каким Наполеон распределял территории между своими данниками, снова отбирал и заменял другими — если вообще чем-то заменял — говорит сам за себя. Своей сестре Элизе он выделил княжество Лукка. Как истинный представитель итальянской культурной традиции, он ставил превыше всего интересы семьи. Это был единственный институт,

перед которым он после своего разрыва с Корсикой и корсиканцами чувствовал себя действительно обязанным. С помощью своей семьи, членов которой он старался посадить на трон, пользуясь любой возможностью, он надеялся войти на равных в круг европейских царствующих фамилий. Поэтому большой удачей стал для него брак его приемного сына Жюжена Богарнэ с Августой, дочерью короля Баварии Макса I, и брак его падчерицы, Стефани Богарнэ с наследником Баденского трона Карлом. Жером получил в жены вюртембергскую принцессу. Кульминационным пунктом этой политики стал второй брак Наполеона в 1809 г. с дочерью австрийского императора, Марией-Луизой, после его развода с Жозефиной Богарнэ по причине бездетности их брака. Только один из его братьев воспротивился этой политике: Люсьен, тот самый, который в свое время фактически осуществил путч. Он остался республиканцем, отверг все предложенные ему короны, и в 1808 г. уехал в Рим, а оттуда — в Англию. Только в 1815 г. он вновь предложил свои услуги брату.

Но вернемся к Пресбургскому миру. По его условиям самому Наполеону в Германии ничего не отходило. Эту добычу делили между собой его вассалы. Июлем, вновь образованные королевства Бавария и вюртемберг отныне считались суверенными, а конфигурация официально еще существующей империи — действительной на их территории. Наполеоновская политика перекраивания карты Германии, предпринимавшая создание в качестве противовеса Пруссии и Австрии на месте множества мелких княжеств самостоятельных, но зависимых от Франции второстепенных государств, увенчалась 20.07.1806 г. основанием Рейнского союза. Шестнадцать немецких князей заключили союз под протекторатом Наполеона и обязались в случае войны выставить ему в помощь 63 000 солдат. Наполеон за это гарантировал

«немецкую независимость» своей двухсоттысячной армией и таким образом получал хороший предлог, чтобы оставить в Германии значительные военные силы. Председателем совета союза был первый епископ римско-католической церкви в Германии Дальберг великий герцог Франкфуртский, дядя Наполеона, которого кардинал Фэш сделал своим коадьютором 1.08.1806 г. Члены Рейнского союза приняли решение о выходе из состава империи. В ответ на это 6 августа Франц II сложил с себя императорскую корону и отныне стал именоваться просто Францем I Австрийским. Священная Римская империя окончательно испустила дух. В центральной Европе существовало отныне два императора. Относившим себя к более древней традиции, обладавшим большей реальной властью был Наполеон!

В Южной Германии он чувствовал себя полным хозяином, как наглядно свидетельствует случай с книготорговцем Палмом. Этот торговец продавал антинаполеоновский памфлет «Глубочайшее унижение Германии». По приказу Наполеона, он предстал перед французским военным судом и 26.08.1806 г. был расстрелян. «Убийство Палма стало для народа тем же, чем казнь Энгиена для князей» (А.Фурнье).

Пресбургский мир был только передышкой. Переговоры о мире с Англией и Россией провалились, и когда Наполеон на переговорах в Англией предложил вернуть ей Ганновер — «принадлежащий ныне Пруссии!» — это даже для Фридриха-Вильгельма III было уже слишком. Пруссия начала мобилизацию и в ультимативной форме потребовала вывода наполеоновских войск из Южной Германии. Это означало войну. Официальное объявление последовало 9.10.1806 г. Четвертая коалиционная война оказалась двуликой, подобно римскому богу Янусу. Первая фаза войны закончилась поразительно быстро крушением прусской армии и почти что крушением самого Прусского госу-

дарства. Через пять дней после объявления войны 14.10.1806 г. прусское войско, в тактическом и организационном отношении полностью построенное на традициях Фридриха Великого, устаревшее и руководимое старыми, пережившими свой век генералами, была разбито в двойном бою под Йеной и Ауэрштедтом. При этом маршал Даву, самый способный из младших полководцев Наполеона, под Ауэрштедтом разгромил вдвое превосходившие силы противника, тогда как Наполеон под Йеной, имея численное преимущество, победил всего лишь армейское соединение принца Гогенлоэ. Неслыханно жестокое по понятиям того времени преследование врага быстро заставило остатки прусских войск капитулировать. Крепости без всякого сопротивления открывали свои двери перед французами. 27.10. Наполеон вступил в Берлин. Прусская королевская чета бежала в Кенигсберг в Восточной Пруссии. Казалось, Прусскому государству пришел конец, силы сопротивления его войск были полностью сломлены. Однако предстояло еще одолеть Россию. 21.11.1806 г. Наполеон в Берлине объявил континентальную блокаду Англии и объявил, как он представляет себе экономическую войну с островной державой. Все прусские порты отныне должны были закрыться для английских товаров, все английские товары в стране подлежали конфискации. Наполеон принял решение контролировать все германское побережье. Вся Европа, по замыслу Наполеона, должна была, добровольно или в принудительном порядке, принять участие в этом бойкоте. И действительно, континентальная блокада осуществлялась в Голландии, завоеванной Наполеоном части Италии и союзной Франции Испании. Однако объявление континентальной блокады немедленно привело к небывалому росту контрабанды. Англичане вели контрабандную торговлю из Гельгоlanda с Гамбургом и далсе через Тённинген, а также на Средиземном море

через Мальту и Гибралтар. Установление континентальной системы явилось основным содержанием наполеоновской внешней политики на все последующие годы. Россия после Тильзитского мира тоже подключилась к континентальной системе, так же как северные государства и, хотя и не на весь период времени, Португалия. Фактически это привело в 1808 г. к экономическому кризису в Англии и, как следствие, к безработице и волнениям в отдельных районах страны. В августе 1808 г. уже отмечались первые симптомы девальвации фунта стерлингов. Возможно, положение Англии стало бы вскоре критическим, но только в том случае, если бы удалось достаточно долго закрыть континент для английских товаров. Однако такая ситуация не могла продолжаться долго. Начиная с 1809 г., Наполеону пришлось во избежание коллапса французской промышленности прибегнуть к системе лицензий, позволявших ввоз английских товаров во Францию и вывоз французской продукции в Англию.

Впрочем, такие лицензии были только у французов, что вызывало крайнее недовольство государственных деятелей. В конечном счете континентальная система в том виде, как ее задумал 21.11 в Берлине Наполеон, потерпела неудачу.

Но тогда он не мог еще этого предвидеть. Не мог он предвидеть и того, что за быстрой победой над прусской армией последует еще один тяжкий и кровопролитный поход на восток. Зимняя военная кампания в Западной и Восточной Пруссии и в Польше поставила перед Наполеоном новую и доселе неизвестную проблему. Дело в том, что армии впервые пришлось передвигаться по нищей стране, где было очень мало возможностей добыть продовольствие. Дождь, снег, грязь, плохие, тесные квартиры в обширной малонаселенной стране — со всем этим наполеоновские солдаты прежде не сталкивались. Сама земля сопро

тивлялась наполеоновскому методу ведения войны с его быстрыми переходами и мгновенно приводимыми в исполнение замыслами. 8 февраля Наполеон смог наконец-то застигнуть врасплох русские и прусские войска у Прейсиш-Эйлау. Это была кровавая битва, окончившаяся ничейным результатом. 25 000 мертвых русских и прусских солдат, 18 000 французов остались лежать на поле битвы в ледяной пустыне. А после этого война, казалось, застыла в зимней спячке. Армия начинала роптать. Даже маршалы говорили, что такой способ воевать не для них. Но наступила весна, и война возобновилась. 80 000 призывников 1808 г. влили новые силы в Великую армию, и 14.06.1807 г. Наполеон в решающем бою разбил русскую армию при Фридланде. Царь созрел для заключения мира.

В Тильзите 7.07.1807 г. был заключен мир с Россией, и сразу же вслед за этим — договор о союзнничестве. Россия присоединилась к континентальной системе. С Пруссией, чья армия до заключения перемирия отличилась во время доблестной защиты маленькой крепости Кольберг, Наполеон обошелся гораздо жестче. Не помогло даже личное вмешательство королевы Луизы. По условиям заключенного 9.09.1807 г. мира, Пруссия теряла все области на западном берегу Эльбы (на этих землях Наполеон образовал королевство Вестфальское, предназначив его своему брату Жерому) и большую часть своих польских провинций, объединенных в герцогство Варшавское, которое отходило королю Саксонии в личную унию. На Пруссию была наложена непомерная контрибуция. До полной ее выплаты в стране оставались оккупационные войска. Это был один из самых суровых мирных договоров из тех, что заключил когда-либо Наполеон. Он вызвал ненависть и обусловил проведение государственной реформы, последствия которой дали себя знать в 1813—1815 гг.

Тильзитский мир был, вне всякого сомнения, кульминационным пунктом наполеоновской власти. Об этом говорил еще Макс Ленц и такого же мнения придерживается Жан Тулар. С этого момента начался спад. Вначале это было едва заметно, и у современников, ослепленных блеском побед 1808 и 1809 гг., складывалось, пожалуй, прямо противоположное впечатление. В действительности же попытка удержать результаты, достигнутые в Тильзите, оборачивались все новыми сложностями, новыми войнами, а долгожданный мир все не наступал, и недовольство французов усиливалось. С другой стороны, континентальная система со временем все в большей мере оказывалась бумерангом, больно ударявшим по экономике самой Франции. Но что еще мог попытаться предпринять Наполеон в условиях абсолютного господства английского флота?

Высадка в Англии после Трафальгарской битвы была немыслима, в то же время Англия не была готова заключать мир, пока Франция сохраняла господствующее положение на континенте, а главное, пока она контролировала побережье пролива. И в то время как англичане внезапными ударами бросали вызов Наполеону (так, с 2 по 5 сентября 1807 г. было совершено нападение и трехдневный обстрел нейтрального датского города Копенгагена, во время которого погибло 2 000 мирных жителей, а 35 кораблей датского флота попали в руки англичан), он не имел возможности встретиться с ними в открытом бою. Это нападение на до сих пор остававшуюся нейтральной страну расстроило замыслы Наполеона блокировать с помощью датского флота англичанам проход в Балтийское море. Несомненно, сознание того, что не может быть никакого мира с Англией, пока он не уступит завоеванных позиций, подталкивало Наполеона к губительным внешнеполитическим шагам; военные последствия его политики изматывали силы Франции.

вели к катастрофе. Так, император пытался в годы после Тильзитского мира запретить все европейское морское побережье для английского флота. Не желавших ему в этом следовать он принуждал силой.

Не в последнюю очередь именно это заставило его в 1808 г. впутаться в испанскую авантюру, надолго превратившую Иберийский полуостров в театр военных действий. Она стоила наполеоновской армии больших потерь и показала всему миру, что решительный и готовый на любые жертвы народ может успешно противостоять даже наполеоновской армии. Однако Испания показала и то, что «национальный дух может вдохновляться не только революционным вихрем, а это произошло во Франции, но и глубокой завистью от традиционной королевской династии и наследованной от отцов религии» (Ф. Шнабель).

В 1807 г. стараниями министра Годоя Испания предоставила французским войскам проход в Португалию, чтобы принудить ее примкнуть к континентальной системе. Дело в том, что Португалия с XVII века была союзницей Англии и находилась в экономической зависимости от нее. Генералу Андошу Жюно в октябре 1807 г. фактически удалось оккупировать Португалию. Королевская семья бежала в Бразилию. Молодой, возлюбленный испанской королевы, рассчитывавший получить в личную собственность часть добычи. Однако в планы Наполеона это не входило. Опять-таки под влиянием Талейрана он собирался, косвенным способом присоединив Испанию к Франции, приобщить ее к своей системе. Для него Испания была плохо управляемой, отсталой страной, в которой безнадежно погрязшая в раздорах королевская семья и старые суеверные монахи и священники сознательно вывалили от населения преимущества прогресса. Кроме того, он считал эту страну много богаче, чем было в действительности. Как истинное дитя Провидения, он был убежден, что испанцы, благослов-

для достижения революции, которые принесет им е режим, с воодушевлением воспримут его власть. Однако большая часть испанцев его господства признавать не желала, и именно по той причине, что оно разрушило традиционные структуры, подорвало д ставшееся им в наследство от отцов важнейшее место религии в их жизни. Они, как и тирольцы, воспрот вились навязываемым извне нововведениям.

18.03.1808 г. дело дошло до восстания в Мадриде. Карла IV вынудили отречься от престола. На трон взошел Фердинанд VII.

Однако 23 марта Мюрат занял Мадрид. Наполеон не желавший считать Фердинанда королем (хотя тот был даже готов на брак с родственницей императора), пригласил королевскую семью на встречу в Байонне. 25 мая население Мадрида восстало против Годаля и французов. Мюрат потопил восстание в крови. Гойя запечатлел эти и дальнейшие события в незабываемых образах своих картин. 5 мая Наполеон в Байонне принудил обоих испанских королей отречься от престола и 15.07 назначил декретом нового короля Испании своего брата Жозефа. Испания получила демократическую наполеоновскую конституцию.

Однако расчет императора не оправдался. Испанцы не приняли его условий игры. На события в Байонне они ответили восстанием против «собак» французов, «гонителей папы». Руководящей силой этого восстания было духовенство и дворянство.

Характер испанской природы благоприятствовал ведению партизанской войны, герильи — тогда и появилось это слово. Страна стала незаживающей раной на теле империи, впервые Наполеону приходило сражаться с противником, отказавшимся принять его манеру ведения войны. 12.07.1808 г. испанцы заставили под Байленом капитулировать генерала Дюпона с двадцатитысячным отрядом. Солдаты Дюпона были большей частью неопытными новобранцами, все же

такое впервые случилось с наполеоновской армией. Это дало новый толчок народному восстанию. 20 июля Жозеф был вынужден сдать Мадрид. В Португалии на помощь повстанцам высадились английские войска под командованием Артура Веллесли, ставшего скоро герцогом Веллингтоном. В конце августа старому боевому товарищу Наполеона Андошу Жюно с 9 000 солдат тоже пришлось капитулировать. Были разбиты и другие его генералы. Испанская проблема требовала решения, которое мог дать только сам император.

Но был ли он на это способен — перед лицом угрозы со стороны начавшей вооружаться Австрии, где ему еще не простили Пресбургский мир, перед лицом реформ, проводимых Пруссией, хранившей в памяти позор Тильзитского мира. А как поведет себя царь? С ним императору следовало в первую очередь объединиться, прежде чем вмешиваться в испанские события. Через своего посланника Коленкура он сделал царю фантастическое предложение. Речь шла о втором походе на Индию. Фактически он склонял царя к тому, чтобы тот объявил войну Англии и Швеции, которая собиралась отнять у Александра Финляндию. Однако эта война не принесла русским ожидаемых быстрых успехов. Чтобы добиться полного соглашения с Александром, Наполеон встретился с ним в Эрфурте.

Встреча продолжалась с 27 сентября по 14 октября. Талейран, напуганный Наполеоном, умолял царя спасти Европу, дав отпор императору. Предавая своего господина, Талейран раскрыл замыслы корсиканца. Французский император своей манерой обращения с князьями Рейнского союза, собравшимися в Эрфурте в полном составе, слишком ясно дал понять, чего следует ожидать тем, кто попадает от него в зависимость. Все раболепствовали перед ним. Лишь император Франц Австрийский и король Фридрих Вильгельм III не прибыли в Эрфурт. А здесь, на эр-

фуртском собрании князей, Наполеон вел беседу с Гете и Виландом, выступал театр Комеди Франсез, великим Тальма — Наполеон хотел произвести впечатление на немцев, но прежде всего — на царя. Однако в политическом отношении эта встреча ему ничего не принесла. Царь избегал его и отказал ему в руке великой княжны. После романа с графиней Валуевской зимой 1806—1807 гг. Наполеон удостоверился, что способен стать отцом, и теперь искал принцессу, которая родила бы ему законного наследника. Наполеону пришлось уступить царю доходы с Молдавии и Валахии, с Финляндии и взять на себя обязательство вывести войска из Германии. Несмотря на внешний блеск, он оказался в Эрфурте проигравшей стороной. Впрочем, один успех он мог занести себе на счет. 8 сентября он заставил Пруссию выплатить ему 140 миллионов талеров в возмещение военных расходов и снизить численность ее армии до 42 000 человек. Предлог ему дало компрометирующее письмо министра Штайна к князю Витгенштейну. По просьбе царя, Наполеон позволил снизить контрибуцию на 20 миллионов, однако Пруссия оказывалась очень ослабленной и вновь униженной.

На вывод войск из Германии — там должно было остаться 100 000 солдат — Наполеон согласился только потому, что ему было необходимо разобраться с ситуацией в Испании. В октябре 1808 г. он с 180 000 солдат — это были все испытанные кадровые войска из числа хорошо обученного контингента, сражавшегося в Германии, — вторгся в Испанию. В начале декабря он уже был в Мадриде; по пути туда всякое сопротивление было подавлено. Жозеф вновь занял трон. В декабре того же года Наполеон разбил и англичан, которыми командовал сэр Джон Мур, погибший в этом бою. Однако большая часть войска избежала истребления, спасшись на кораблях. Но уже в январе 1809 г. ему пришлось оставить Испанию. Он

получил сообщение об угрожающем положении на востоке. Австрийцы вновь готовились к войне. Испанская проблема оставалась, таким образом, нерешенной. Герилья продолжалась, теперь ее поддерживали войска Веллингтона, стоявшие в Португалии; она изматывала французов и отвлекала много сил вплоть до падения наполеоновской империи.

В апреле 1809 г. Австрия нанесла удар. Фридрих Шлегель написал воззвание к немцам для эрцгерцога Карла, Генрих фон Клейст прославлял эрцгерцога — особенно после его победы над Наполеоном под Асперном — и создал свой «Катехизис для германцев», а также жутковатую, исполненную ненависти поэму «Германия своим сынам», в которой говорится: «Все поля, все села усеяны их белыми костями (Рейн запружен их трупами)... ударь по нему смертельно! (Страшный суд) с тебя не спросит ответа за это». Фихте в то же время опубликовал свою «Речь к германской нации». Одним словом, лучшие умы немецкого романтизма поднялись на борьбу с императором, который угрожал задушить всяческую национальную самобытность в своем универсалистском, в духе просвещения, государстве под французским владычеством.

Эрцгерцог Карл с 1806 по 1809 гг. проводил реформу армии и далеко еще не считал ее законченной. Карл тоже пытался предотвратить войну, которую теперь ему предстояло вести в качестве генералиссимуса. Ход военных действий показал, что Карл был прав в своем пессимизме. Прежде всего ожидаемого большого народного подъема не случилось. Мятеж в Верхнем Дериберге в Вестфалии остался одиночным эпизодом, равно как и посол герцога Брауншвейгского, которого Наполеон загнал вместе с его «черным отрядом» на английские корабли, где им пришлось искать спасения. Эти брауншвейгские войска Веллингтон позднее использовал в Испании. Операция прусского ку

сарского майора Шиля, окончившаяся со смертью Шиля расформированием его войска и последующим расстрелом одиннадцати офицеров, не смогла втянуть в войну Фридриха Вильгельма III, питавшего глубокое отвращение к подобным самовольным выходкам.

Военный поход 1809 г. начался с очень осторожного наступления австрийцев на баварские войска. Карл упустил вполне реальную победу. Маршал Даву — один из самых выдающихся наполеоновских генералов — выполнил решающий маневр, исправивший поначалу довольно опасное положение, в котором находились французы. Подоспевший Наполеон развил успех и одержал победы под Экмюлем и Абенсбергом. 12 мая Наполеон был в Вене. И хотя в Польше и Италии французам приходилось туго, решающее значение имела именно ситуация в Австрии. Однако и тут вначале случилась досадная неудача. Пытаясь переправиться через Дунай и двигаться на Марчфельд, Наполеон в битве под Асперном потерпел поражение. Пал маршал Ланн. В битве под Асперном не было ничего выдающегося, но это был бесспорный успех оборонительной войны эрцгерцога и это было первое безусловное поражение Наполеона на открытой местности. Так он вовсе не непобедим! Вдобавок 10 июня папа, которого Наполеон за это время успел заключить под стражу, отлучил императора от церкви. В Тироле крестьяне под предводительством Андреаса Хоферса уже готовы начать войну — они точно так же отвергают баварское владычество, как испанцы — власть Жозефа Бонапарта, и по тем же самым причинам. Тироляцы добились впечатляющих успехов в боях с баварцами и французами, и почти полностью изгнали их из своей страны.

Но тут наступил перелом. В Италии Макдональд вместе с Эженом Богарно изменили ситуацию в пользу французов, а 5 и 6 июля Наполеону удалось, снова перейдя Дунай, отбросить австрийцев под Ваграмом

Однако Ваграм не стал новым Аустерлицем, а просто кровопролитным сражением, из которого австрийская армия отступила во вполне боеспособном состоянии. Все же 12 июля удалось заключить перемирие в Цнайме. В последующие недели был завоеван Тироль, однако обстановка в этой стране оставалась беспокойной. Шенбруннский мир от 14.10.1809 г. был настоящим диктатом Наполеона. Размеры Австрии сокращались настолько, что она превращалась во второстепенную державу. Она теряла 3,5 миллиона жителей и 2150 квадратных миль земли. Помимо прочего от нее отходили Герц, Фриуль, Каринтия и Триест, составившие теперь Иллирийские провинции. Россия, формально тоже начавшая войну против Австрии, а также княжество Варшавское получали часть земель, прежде принадлежавших Австрии. Тироляцы и после заключения мира продолжали бунтовать, но их выступления были беспощадно подавлены превосходящими силами французов и баварцев. Андреас Хоферс был изменнически выдан властям, брошен в тюрьму и там 20.02.1810 г. расстрелян по личному распоряжению Наполеона.

Казалось, император снова — если не считать Испании, где Веллингтон прогнал из Португалии маршала Султа, — занял в Европе главенствующее положение. Но на этот раз ему стоило большого труда добиться перевеса, и впервые пришлось противостоять силам национального сопротивления широких народных слоев, теперь уже в Германии, Южной Швейцарии и Италии, причем в Калабрии, Апулии и в Северной Италии, а также в Папской области дело дошло до мятежей. И в самой Франции все чаще проявлялись признаки недовольства политикой постоянных войн. 30 июля у Вальхерена высадились англичане. Им удалось временно захватить Влиссингтен. Решительными действиями Фуше, возглавившего национальную гвардию и внавшего после Ваграма в не-

милость Бернадотта, который защищал Антверпен, высадка была отбита; но в департаменте Саар началось восстание.

Одним словом, симптомам кризиса не было видно конца, особенно в области экономики. В то время как Англия, обнаружившая новый рынок сбыта в Южной Америке, а также благодаря тому, что Португалия и Испания остались открытыми для британских товаров и торговлю в Балтийском море тоже не удалось полностью парализовать, наращивала производство, на континенте сказывалась нехватка колониальных товаров, от которых Европа не могла и не хотела отказываться. Те преимущества, которые получала Франция благодаря односторонней таможенной пошлине, и введенная в 1809 г. система лицензий вызывали раздражение у вассальных государств. В 1810 г. брат Наполеона Луи, не одобряя политику Франции в отношении Голландии, отказался от голландского трона. В ответ на это Наполеон присоединил Нидерланды к империи. Создание нового дворянства задевало чувство равенства французов. При этом старое дворянство с Наполеоном несколько не сблизилось, а многие новоиспеченные носители титулов, получавшие огромное жалованье, теперь думали больше о том, как бы защитить свое богатство и положение, которые новые войны снова ставили на карту. Поэтому Наполеон полагал, что для укрепления своей династии ему непременно нужен наследник. Жозефина больше не могла родить, а потому решением сената от 16.12.1809 г. он развелся с ней. Теперь лишь императорская дочь казалась ему ровней. Но его сватовство у русского царя уже встретило отказ в 1807 г., и очень скоро после эрфуртской встречи царь Александр выдал свою сестру Екатерину замуж за наследного принца Ольденбургского. Следующей его сестре было четырнадцать лет. Кроме того, в качестве предварительного условия для возможных переговоров о заключении

брака царь выдвигал ряд политических требований, например, гарантию Наполеона, что он не будет восстаивать в правах королевство Польское.

Поэтому Наполеон вскоре остановил свой выбор на дочери австрийского императора Марии-Луизе. Меттерних использовал в своих политических играх восемнадцатилетнюю принцессу, чтобы разбить русско-французский альянс. Оглашение состоялось 15 марта в церкви августинцев в Вене. Эрцгерцог Карл представлял отсутствующего Наполеона. 2.04.1810 г. в соборе Парижской Богоматери состоялось торжественное венчание. Фактически Наполеон заключил брак еще прежде, и 20.03.1811 г. родился долгожданный наследник престола, «король Рима», как громко титуловали его по распоряжению Наполеона. Действительно ли Наполеон хотел, породнившись со старейшей монархической фамилией, упрочить мир? Во всяком случае, он этой цели не добился, и его политическая деятельность в 1810—1812 гг. не говорит о том, что он серьезно к этому стремился.

Его маршалы не могли положить конец войне против англичан, против испанской армии и португальских войск, против изматывающей герильи. Сам он не появлялся на сцене этого театра военных действий. Но он сознательно стремился к конфликту с Россией: выйдя из него победителем, он становился единоличным повелителем Европы. Во внутренней политике Наполеон к этому времени полностью порвал с революционерами. В этом плане симптоматично увольнение министра полиции Фуше в июне 1810 г.

Его единовластие принимало все более деспотичский характер. После ликвидации трибунала еще в 1807 г. всякое открытое обсуждение его деятельности было невозможным, но и заседания *Corps legislatif* становились все более редкими. Теперь император сам утверждал и вводил в силу новые законы. В 1810 г. были ужесточены наказания, предусматриваемые уго-

ловным кодексом. Правосудие зависело от императорских органов, все сильнее ограничивалась свобода печати. С 1810 г. в каждом департаменте могла существовать только одна газета, и лишь в Париже — «целых» четыре. «Moniteur», официальный информационный орган Наполеона, задавал тон. Только в области религии и экономики царила относительная свобода. Всеобщая усталость от войны нагнетала ситуацию вокруг него, дезертирство возросло до небывалых величин — амнистия после Ваграма касалась более 100 000 человек!

В вассальных государствах дела обстояли так же. Там росло недовольство французским владычеством, которое усиливалось из-за грубого и беспардонного поведения наполеоновских солдат в этих странах. Пышным цветом расцвела контрабанда. Ведь неудобства, связанные с экономической блокадой, никак не возмещались Францией — она лишь требовала снова и снова отдавать детей в распоряжение узурпатора! И было очевидно, что у побежденных и униженных в последней войне все усиливается жажда мести. Как раз в 1807 — 1812 гг. в Пруссии были проведены реформы, связанные в первую очередь с такими именами, как Штейн, Харденберг, Шарнхорст и Гнейзенау. Эти реформы позволили ей в 1813 г. сыграть свою роль в освобождении Европы от ига корсиканца.

Все вело к решительному объяснению с царем. Хотя Александр в Тильзите и Эрфурте и примкнул к континентальной системе, он, естественно, преследовал свои собственные, великодержавные интересы. То, что важнейшим советником царя был ди Борго, корсиканец по происхождению, не предвещало Наполеону ничего хорошего — это был его враг еще с 1789 — 1792 гг. По советам ди Борго, Александр позволял кораблям нейтральных стран, груженных английскими товарами, заходить в русские гавани. Наполеон, чтобы иметь возможность лучше контролировать мор-

кое побережье Германии, к концу 1810 г. включил в состав империи города Ганзы, герцогство Оснабрюк, владения Равенштейна и великое герцогство Ольденбургское, государство зятя русского царя. Это было уже почти равносильно объявлению войны. Он, правда, предложил Александру в возмещение за Ольденбург французский анклав Эрфурт, но от этого резко отказался герцог. Царь выразил протест против грубого попрания Наполеоном прав народов. Когда же царь указом запретил ввоз в Россию французских товаров, относящихся к предметам роскоши, и вновь разрешил торговлю с Англией, Наполеону стало ясно, что войны не избежать.

В Северной Европе дела разворачивались тоже совсем не так, как хотелось бы Наполеону. По желанию бездетного шведского короля 21.08.1810 г. Бернадотт, с которым у Наполеона были довольно напряженные отношения, хотя они и породнились, был назначен кронпринцем Швеции. И хотя 17.11.1810 г. Швеция объявила Англии войну, это не пошло на пользу Наполеону. Поскольку именно Бернадотт вскоре выступил против него.

Обе стороны считали, что русско-французский конфликт неизбежен, и в 1811 г. они тщательно готовились к войне. Царь искал союзников в Берлине, Варшаве и Вене, но безуспешно. Слишком сильно еще было представление о непобедимости Наполеона, слишком напуганы были дворы Вены и Берлина, чтобы повторить опыт 1805 и 1807 гг. Лишь Бернадотт заключил союз с Александром, поскольку хотел создать великую Скандинавскую державу. Наполеон весьма разгневал нового шведского кронпринца, когда в 1812 г. оккупировал шведскую Померанию. Это грозило его положению, поскольку шведы, естественно, выбрав наполеоновского маршала кронпринцем, считали себя застрахованными от таких проявлений насилия.

Пруссия и Австрия заключили союз с Наполеоном с обязательством оказывать друг другу военную помощь. Пруссия ставила 20 000 солдат, Австрия — 30 000. Кроме того, по условиям договора Пруссия предоставляла Великой армии свободный провоз продовольствия боевым позициям.

С огромным тщанием готовился Наполеон к походу. Всего в 1812 г., как утверждает Роже Дюфрэн, у него под ружьем было 1 100 000 человек. Из них 200 000 стояли в Испании, столько же во Франции и Италии, а остальные — в Германии и Польше. Только половина солдат были родом из Франции, а из старой Франции — всего лишь 120—140 тысяч. Наполеон уже имел представление, с какими осложнениями сопряжена военная кампания на востоке — еще были свежи в памяти события 1806/7 гг. Однако он рассчитывал, что сможет преодолеть все трудности, создав большой обоз, построив легкие средства передвижения и т.д. Наполеона ждало разочарование; задача военного похода в глубь России была неразрешима средствами того времени. В процессе подготовки Наполеон перевел находившегося в заключении в Савойе папу в Фонтенбло, чтобы более надежно держать его под контролем. Он опасался, как бы тот не восстановил против него католиков.

24.06.1812 г. Наполеон, отклонив требование русского ультиматума отвести Великую армию за Эльбу, перешел через Неман. Гибельный поход начался. Русские под командованием Барклая де Толли сделали пространство своим союзником и сорвали быструю войну. Не в последнюю очередь из-за ошибок его генералов, прежде всего Нея, брата Наполеона Жерома, Эжена Богарне русским удавалось выскользнуть из французских клещей. Они применили тактику выжженной земли, что очень скоро привело к острой нехватке самого необходимого. Прежде всего, лошади плохо переносили зеленый корм — а только его и

можно было еще достать — и в большом числе выходили из строя. С этой проблемой и в XX в. пришлось столкнуться армиям, воевавшим на территории России. И численность солдат тоже становилась все меньше — из-за потерь на марше, дезертирства, из-за того, что часть соединений пришлось выделить для обеспечения связи с тылом. Русские крестьяне жестоко расправлялись с каждым мародером, которого им удавалось поймать. 12.08 под Смоленском, казалось, вот-вот произойдет сражение, но вновь русским полководцам удалось от него уклониться. Преемник Барклая Кутузов встретил Наполеона, чья армия к тому времени сократилась до 130 000 человек, 7 сентября на заранее подготовленных позициях у Бородино, под Москвой. Русский по национальности, заменивший Барклая по требованию тех, кто не любил иностранцев при дворе Александра, он не хотел сдавать город без боя.

Наполеон из страха, что русские снова ускользнут, отказался от каких-либо искусных маневров. Французы пошли в прямую атаку по всему фронту и были встречены 120 000 русских солдат, сражавшихся с удвоенной доблестью. Победу одержали французы, но армия Кутузова не была уничтожена, а в боевом порядке отступила за Москву. На поле боя остались лежать около 30 000 русских и 20 000 французских солдат. 15.09 Наполеон вошел в Москву. Весь его предшествующий опыт говорил о том, что это событие должно привести к заключению победного мира. Но Восток не подчинился наполеоновскому методу ведения войны. Царь уклонялся от переговоров, русские подожгли Москву, и уже неполные 100 000 наполеоновских солдат начали страдать от нехватки продовольствия. Желанный мир все никак не наступал. Связь с тылом была в угрожающем положении. 19 октября наконец началось отступление. Поскольку Кутузов битвой под Малоярославцем 25 октября бло-

кировал путь на Смоленск через Калугу — он был самый удобный и проходил по местности, еще не затронутой войной, — армии пришлось возвращаться теми же дорогами, какими она пришла. Врагами наполеоновских солдат стали дождь, грязь, а с 5 ноября снег и лед, казаки и вооруженные крестьяне, преследующая противника русская армия. Голод, жажда, слабость и изнурение, а вдобавок ко всему еще и мороз — хотя по русским меркам зима была не особенно суровой — и, как следствие всего этого, болезни сильно сократили численность Великой армии. До Смоленска еще удавалось сохранять какой-то порядок, потом же все пошло вразнос. При переправе через реку Березину разыгрались ужасные сцены (25—29.11.1812 г.). 5 декабря Наполеон оставил войско: он узнал о восстании генерала Мале, с 25 октября распространявшего в Париже слух о смерти Наполеона. Уже была опубликована новая Конституция, главой Временного правительства объявлен генерал Моро. Восстание быстро подавили, Мале 29 октября расстреляли. Однако этот инцидент показал, на сколь непрочной основе зиждется власть императора. Перед его прибытием в Париж 16.12 в «Мониторе» опубликована военная сводка от 3.12, в которой прозрачно намекалось на катастрофу. Зима сильно потрепала армию, однако «здоровье его Величества было хорошо как никогда». Лишь около 10 000 человек относительно организованно подошли через Вильну и Кенигсберг. Более 40 000 отбившихся от своих частей солдат подтягивались поодиночке и небольшими группами. 100 000 человек остались в России в плену, остальные, около 400 000, лежали в русской земле. Французов среди них было не так уж и много. Но из 35 000 баварцев вернулось лишь около 5 000, из 12 000 вюртембержцев к январю 1813 г. осталось ровно 900 человек, и еще 400 — 500 были в русском плену. Из 27 000 итальянцев, приведенных в Россию, при пере-

тичке отзывались 223 человека. Катастрофа произвела на европейцев, в первую очередь, на восточных, северных и центральных немцев чудовищное впечатление. Наполеон окончательно лишился нимба непобедимости. События в Испании, тогда представлявшиеся жителям Центральной Европы очень отдаленной страной, еще усилили это чувство. В конце года была потеряна Андалузия, в ходе войны англичане даже на какое-то время захватили Мадрид, 1813 г. принес почти полное изгнание французов из Испании, а 21.06.1813 г. Веллингтон одержал большую победу у Виттории, которая подстегнула Австрию принять решение примкнуть к коалиции против императора.

«Восстание народов», жертвой которого в 1813 — 1815 гг. пал Наполеон, было очень сложным и совсем не однозначным явлением. Правительственные кабинеты оставались назначаемыми и во многих отношениях свободными от национальных пристрастий. Но всеобщее недовольство французским владычеством делалось все заметнее. Венский историк Аугуст Фурнье, применительно еще к 1809 г. — а в 1813 г. это стало намного актуальнее — говорит: «Это уже не была война государства против государства... а скорее борьба за самостоятельность народов против силы, которая не признавала более государственных границ, но стремилась по возможности смешать и установить революционную систему централизованного равенства наций». Дух Европы, всегда бывший духом культурного и государственного разнообразия, сопротивлялся искусственному уравниванию холодного рационального просветителя, сироте, не имеющему отчизны, кем, по собственному его признанию, был Наполеон. И потому с полным правом говорил Теодор Кернер: «Это не война, которую вели короны, — это крестовый поход, это священная битва!» Национализм, впервые ставший политической силой в ходе Французской революции, которым Наполеон воспользовал-

, не видя всей его опасности, теперь больно ударял призвавшему его.

Король Фридрих Вильгельм III Прусский наконец присоединился к войне против Франции — без жима снизу он на это вряд ли бы решился. Начав с Тауроггенского договора, который заключил едводитель прусского вспомогательного корпуса, генерал Йорк, с русским генералом Дибичем 12.1812 г. Он объявил свой корпус нейтральным и им самым предоставил французского главнокомандующего, маршала Макдональда, с остатками войск на судьбе. Парламент Восточной Пруссии поддержал Йорка.

Барон фон Штейн быстро сумел внушить Александру I мысль о том, что тот должен стать освободителем Европы, и 27.02 был заключен русско-прусский союз в Калише. Король Пруссии, чтобы быть вне досягаемости французов, перебрался из Берлина в Бреслау и 17 февраля опубликовал там воззвание «К моему народу». Это практически означало объявление войны. Создание ландсвера, добровольческой военной милиции, возможность для любого стать офицером, в Пруссии очень долго было привилегией дворянства, учреждение Железного креста 10 марта 1813 г. все это указывало, что даже такой ультраконсервативный монарх, как Вильгельм III, вынужден был дать дань новым идеям. Впрочем, Австрия осторожно держалась в стороне. Зато Бернадотт теперь полностью перешел в лагерь противников Наполеона. В качестве компенсации потерянной для него Финляндии, которую захватила Россия, ему обещали датскую Норвегию, так как Дания осталась союзницей Наполеона.

А Наполеон, ожидая такого развития политических событий, сформировал во Франции войско из 100 000 солдат, с которым собрался покорить Германию. Страны Рейнского союза и король Саксонии пока оставались ему верны. Новое войско Наполеона

состояло большей частью из необученных новобранцев. Не хватало офицеров — тут огромные потери в русском военном походе были не так легко восполнимы. Абсолютная нехватка кавалерии и недостатки той, что имелась в наличии, оказались самым слабым местом армии императора в начинающемся походе. Никогда прежде Наполеон не был так плохо осведомлен о расположении противника, как в этот раз. Народные волнения в городах Ганзы в феврале 1813 г. и в Голландии показали, что дуют совсем другие ветры. В Испании королем Жозефу 17 марта пришлось окончательно оставить Мадрид. Чтобы примириться по крайней мере с католиками, Наполеон попытался теперь достичь компромисса с папой, но Пий VII ему отказал.

Весенний поход в Саксонию в 1813 г. принес Наполеону победы 2 мая под Гроссгершенем и 21 мая под Баутценом. Его молодые солдаты, учившиеся прямо на марше по пути в Германию, сражались доблестно. Однако кавалерию так же быстро вышколить было невозможно — ни лошадей, ни всадников. А потому он не мог упорным преследованием врага извлечь максимум из своих побед. Особенно это почувствовалось под Бауценом, где царь Александр попытался, как и под Аустерлицем, выступить в роли полководца и наделал ошибок, и только благодаря бездарности маршала Нея войска союзников не попали в клещи французской армии. После обеих битв союзники отступали, однако, в боевом порядке. «Эти звери кое-чему учились» — в смешанном с бешенством восхищения восклицал Наполеон. 4 июня он заключил с Пруссией и Россией перемирие на шесть недель. До сих пор считавшая нейтралитет Австрия предложила свои услуги в качестве посредника.

Но 14 июня Пруссия, Англия и Россия подписали Рейхенбахский договор, в котором обязались заключить мир лишь на условии, что Франция вернется к

ницам 1792 г. В итоге, переговоры в Праге, в которых все же оставлял Наполеону границу на левом берегу Рейна и Северную Италию, провалились. В ультиматуме от 2 августа, который австрийцы предъявили Наполеону, выдвигалось требование вернуться к границам 1800 г. Это означало войну, поскольку Наполеон отказывался идти на это. Еще раз на переговорах в Дрездене 26 июня Наполеон сообщил Меттерниху, что он не может позволить себе испытать неудачу.

Осенний поход 1813 г., который предприняли together австрийцы, пруссаки, русские и шведы против Наполеона, показал, что он не в силах устоять против почти вдвое превосходящих сил противника. Там, где не было его личного присутствия, его маршалы терпели поражения. Ему удалось одержать победу 26 августа в битве под Дрезденом над основными силами австрийско-прусской армии под командованием князя Шварценберга. В этой битве пал старый противник Наполеона, Моро. Но когда в сентябре в королевстве Вестфальском, под Касселем неожиданно появился русский передовой отряд, стало ясно, что развязка наступила. Окончательно исход сражения не в пользу Франции решился с 16 по 18 октября на Лейпцигской равнине. Наполеон потерпел сокрушительное поражение от превосходящих сил противника. С большим трудом он спас остатки своей армии от уничтожения, но удерживаться далее в Германии уже не мог. К тому же его вассалы стали покидать его. В битве под Лейпцигом и саксонцы и вюртембергцы, не сговариваясь, оставили французскую линию фронта. 8 октября баварцы и австрийцы подписали Ридский договор. Вюртемберг 2 ноября подписал в Фулде договор с союзниками, которые гарантировали ему, как прежде баварцам, сохранение королевства. В ноябре войска Наполеона отошли за Рейн. Германия, по крайней мере, справа от

Рейна, была свободна. Начинался завершающий этап борьбы на французской территории.

Тем временем от Франции отошла Голландия, Швеция открыла союзникам свои границы, и даже сын Наполеона Мюрат, еще под Лейпцигом водивший конницу в атаку против союзников, тоже предал.

Вместе с австрийцами его войска вытеснили из южной Италии французов под командованием вице-короля Эжена, как раз когда им пришлось сражаться и со взбунтовавшимися баварцами.

Несмотря на впечатляющие успехи, союзники под влиянием Меттерниха, заинтересованного в сохранении равновесия сил в Европе, предложили зимой императору мир на основах «естественных границ», то есть границ по Рейну, Пиренеям и Альпам. При этом Францией оставалась немалая часть ее завоеваний. Однако Наполеон воздержался от ответа на это предложение и пытался затянуть переговоры, одновременно ведя энергичную подготовку к предстоящему походу.

Но и в самой Франции росло недовольство его политикой «все или ничего». Правда, Наполеон проводил мобилизацию призывников 1814 и 1815 гг. и освободивших от военной службы с IX года республики, то 540 000 человек. Однако дезертирство среди мобилизованных приняло массовый характер; часть дезертиров организовалась в банды мародеров. Законодательный корпус требовал гарантии гражданских и политических свобод и просил императора положить конец войне, кроме тех ситуаций, когда это угрожает свободе и безопасности Франции. На западе вновь повелись роялисты. Франция устала от войны. Но Наполеон все еще верил в свою звезду. С объективной точки зрения, его мобилизации держались во вполне приемлемых пределах. С 1800 по 1814 г. они охватили лишь 5,77% общей численности населения по сравнению с 20% в первую мировую войну. Но

для людей, по большей части еще хорошо помнивших времена, когда никакой всеобщей военной обязанности не было вовсе, число призванных на службу было непомерно велико.

Помимо всего Наполеон затратил на это слишком много времени. После отпадения Голландии 17.12.1813 г. Англия уже ни под каким видом не соглашалась смириться с условием естественных границ — поскольку Голландия и Бельгия оставались в таком случае за Францией. Итак, война продолжалась. Меттерних издал манифест, в котором впервые разделялись Наполеон и Франция. Он говорил о войне не с Францией, а с узурпатором, не дающим Европе жить в мире.

В весеннем походе 1814 г. Наполеон еще раз предстал во всем своем величии. В походе 1814 г., как и в итальянском походе 1796 г., военный гений Наполеона проявился наиболее полно. Уступая противнику в численности войска, он сумел вклиниться между двумя армиями союзников и атаковать каждую из них в отдельности. После победы над Блюхером под Бриеном и поражения от него же, получившего подкрепление основной армией, под Ла Рутьер, Наполеон был готов к новым переговорам. Местом конференции служил Шатильон. Вскоре Наполеон предоставил своему парламентару Коленкуру все полномочия. А сам между тем устремился на армию Блюхера, ударил по ее отдельным соединениям и в жаркой битве разбил их одно за другим в Шампобере и Монмирай (10 и 14 февраля). После этого он снова выступил против австрийцев и 18 февраля при Монтре показал им, кто хозяин положения. Его солдатам пришлось совершить маршбросок в немыслимо тяжелых условиях. После этого успеха он сейчас же отобрал у Коленкура все полномочия. Теперь союзные монархи были вынуждены признать, что они согласны на мир на основе

Франфуртских соглашений. Вмешательство Кастле-реага снова нарушило ход событий; военная обстановка вскоре переменялась. 9 марта под Лаоном превосходящие силы Блюхера одержали победу над войсками императора. Основная армия перешла в наступление и 25 марта разгромила их под Арцисом на Аубе. Армия Блюхера между тем выступила на Париж. 30 марта французская столица капитулировала. 31.03 союзные монархи вступили в Париж и 2 апреля наполеоновский сенат был распущен. Самым влиятельным человеком во вновь образованном временном правительстве стал Талейран.

На других фронтах французские войска тоже терпели поражение. 14 марта Веллингтон захватил Бордо, и роялистски настроенный мэр города вместе с герцогом Ангулемским объявил о реставрации Бурбонов. Наполеон все еще не хотел примириться со своим проигрышем. 3 апреля он встал со своей армией в Фонтенбло, готовый биться за Париж. Но его маршалы отказались сражаться. 4 апреля Наполеон отрекся от престола в пользу своего сына. Он хотел служить ему, как простой генерал. И он все еще думал о том, как бы отвоевать столицу. Уход маршала Мармона в ночь с 4 на 5 апреля, который отвел свои войска к союзникам, положил всему конец. Игра была окончена. 6 апреля союзники принудили Наполеона к безоговорочному отречению, и в тот же день сенат возвел на трон Людовика XVIII.

Союзники, однако, оставили Наполеону титул императора и сделали его правителем острова Эльба. К нему была приставлена охрана из 400 человек. Наполеон, должно быть, воспринял это как насмешку. Он очень тяжело перенес отказ Марии-Луизы последовать за ним на Эльбу. Больше он никогда не увидел ни ее, ни своего сына. 29 апреля он попрощался со старой гвардией, и 4 мая высадился в Порто Феррарио.

30.05.1814 г. парижские власти подписали мирный договор, весьма благоприятный для Франции, которая в основном возвращалась к своим прежним границам, однако сохраняла за собой Эльзас, против чего бурно протестовали немецкие патриоты, на нее не было наложено никакой контрибуции. Даже награбленные во время войн произведения искусств она могла оставить за собой. И все же большинство французов восприняли этот мир как тяжкий — ведь он означал конец империи и мечты о мировом господстве. Договор подписал Талейран. Последние формальности должен был выполнить конгресс в Вене. И он отправился туда.

А Наполеон в это время, несмотря на неутомимую деятельность, которую он там развернул, смертельно скучал на своей Эльбе. Из Франции до него дошли сведения, что возвращение к власти Бурбонов вызвало у многих недовольство, раздавались голоса, требовавшие его возвращения. С другой стороны, из Вены до него дошли известия, что союзники не ладят между собой и дело идет к войне, а его самого вроде бы собираются перевести в еще более удаленное от Европы место, чем остров Эльба.

И он решился на попытку вернуть себе власть над Францией. 25.02.1815 г. Наполеон в сопровождении 1100 человек покинул Эльбу. 1 марта он высадился близ Канн, а через 20 дней состоялся его торжественный въезд в Париж. Высланные ему навстречу войска перешли на его сторону. Наполеон выступил в роли защитника достижений революции, которым грозила опасность со стороны вернувшихся Бурбонов. При этом он делал ставку на новое дворянство и с помощью Бенжамена Констана разработал новую, либеральную конституцию, получившую 1 300 000 голосов «за» и лишь 4 000 «против», при 4 750 000 (!) воздержавшихся. В Вандее, Бордо, Тулоне начались роялистские мятежи.

У него не было сомнений в том, что предстоит война, хотя вслух он заявлял о своей готовности к миру. Союзники от имени всей Европы 13.03.1815 г. объявили его вне закона и приступили к военной мобилизации. В создавшихся условиях его еще мог бы, пожалуй, спасти только немедленный успех. Поэтому он постарался перехватить инициативу. С армией в 125 000 человек, состоявшей по большей части из уцелевших в боях ветеранов, он ринулся на самого опасного своего врага — англичан и пруссаков, сосредоточивших свои силы в Бельгии. Он вновь вклинился между двумя армиями, надеясь разбить их по очереди одну за другой. Это ему почти что и удалось. 16 июня он одержал победу над Блюхером под Линьи. Однако армия Блюхера, хотя и изрядно потрепанная, все же уцелела. Наполнен занялся подготовкой к битве с Веллингтоном, предоставив преследовать пруссаков маршалу Груши с относительно небольшим отрядом, к тому же устремившимся в неверном направлении — на восток, куда вроде бы отступили пруссаки. Однако те повернули на север, бросив свои базы, чтобы объединиться с англичанами. Их появление 18.06.1815 г. на фланге императорского войска к вечеру предрешило исход битвы при Ватерлоо. Это был окончательный разгром. Наполеон бежал в Рошфор и сел там на английский военный корабль. Он просил убежища, но ему было в нем отказано. Державы-победительницы сослали его в сопровождении немногочисленной свиты на остров Св. Елены. Покинуть этот остров ему уже не пришлось до конца дней; он прожил там еще шесть лет и 5.05.1821 г. умер от рака желудка.

И все же Наполеон надеялся на перемены, что он сможет вернуться во Францию. На о. Св. Елены родилась легенда, немало послужившая его посмертной славе. В написанных там мемуарах он изобразил себя великим гражданином Европы, желавшим при-

нести на этот континент завоевания революции и тем самым разорвать оковы феодализма. Чтобы достичь этой цели, необходимо оказалось совершить ряд жестоких поступков, ответственность за которые он полностью берет на себя. Подобные «наполеоновские идеи» оставались очень жизнеспособными и опасными на протяжении всего 19 века и привели его племянника Луи-Наполеона III — на императорский трон Франции.

Как генерал Наполеон достиг вершин власти, как генерал он эту власть потерял. Война была его стихией, направляла все его действия. За исключением короткой передышки его правление состояло из одних войн. Невозможно понять Наполеона-императора, не зная Наполеона-полководца. Но с самого начала он был более чем простой генерал, с самого начала он был политический деятель. Именно политик Наполеон за 15 лет своего правления изменил облик значительной части Европы. Буржуазная эпоха, важнейшие принципы которой изложены в Кодексе Наполеона, наступила бы не так скоро и, пожалуй, приняла бы несколько иную форму без Французской революции и проведения в жизнь ее принципов Корсиканцем. Нельзя не признать, что на всей территории бывшей Великой империи и ее вассальных государств возобладали идеи свободы, равенства перед законом, неприкосновенности собственности. Это непреходящая заслуга Наполеона — политического деятеля. Однако насколько сознательно он стремился к этому? И в самом ли деле этот деспот так ценил свободу? Разве он не воспользовался завоеваниями революции, чтобы так усилить государственный аппарат, что в его распоряжении оказались военные ресурсы, каких никогда не знал старый режим? И не было ли движущей силой проводимой им внешней политики стремление к войне и завоеваниям, пока в Европе ему еще противостояла хотя бы одна независимая держа-

ва? Успокоился ли бы он после успешного похода на Россию и создания Великой европейской империи? Удовольствовался ли бы в дальнейшем лишь заботой о благосостоянии и безопасности ее жителей? У Наполеона не было возможности ответить на эти вопросы. Но ясно одно: он был человеком войны, желавшим продолжать войну по крайней мере до полной победы над Англией. Однако в нем жил не только дух-разрушитель — он определил пути, которыми шло развитие Европы в 19, да и в 20 веке, заложил основы, на которых до сих пор зиждется ее развитие.

Ханс-Ульрих Тамер

ЛЮДОВИК XVIII

1814—1824

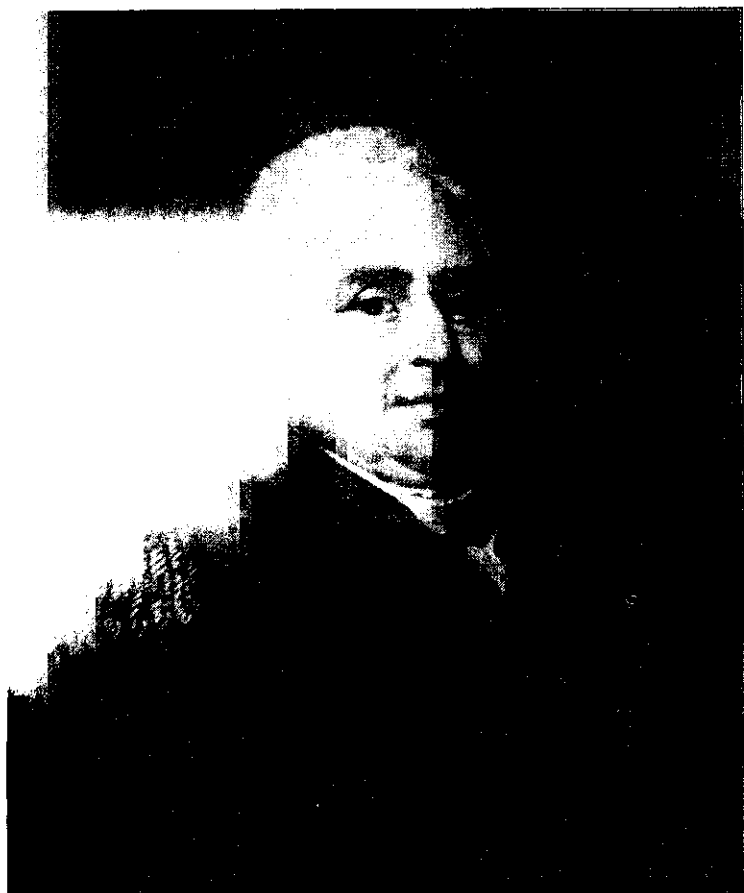
Людовик XVIII (Луи Станислас Ксавье) родился 17 ноября 1755 г. в Версале, граф Прованский, после казни своего старшего брата Людовика XVI в январе 1793 г. провозгласил дофина Людовиком XVII и назначил самого себя регентом, в 1795 г. принял королевский титул. После отречения Наполеона 3 мая 1814 г. как король Франции въехал в Париж. Умер 16 сентября 1824 г. в Париже, погребен в Сен-Дени.

Четвертый сын дофина Людовика, старшего сына Людовика XV. Мать Мария Йозефа Саксонская. Братья: герцог де Берри (Людовик XVI) и граф д'Артуа (Карл X).

Брак с Луизой-Марией-Жозефиной Савойской 14 мая 1771 г., дочерью Виктора-Амадея III, короля Сардинии. Бездетен.

Людовик XVIII, как писал Шатобриан через несколько дней после смерти короля в 1824 г., понимал свой век и был человеком своего времени. Это был переломный и противоречивый век. Жизнь Людовика — это история династических притязаний принца из дома Бурбонов, вначале как графа Прованского, затем как претендента на трон в изгнании и, наконец, как короля Франции. Исторический опыт и полити-

Людовик XVIII (1814—1824)

ческая необходимость привели его к пониманию и снисходительности, которые не были ему свойственны изначально. Выросший при блестящем дворе старой Европы и связанный с европейской католико-монархической средой, под влиянием опыта и поражений более 20 лет революции и изгнания, он установил во Франции конституционный порядок, пытаясь объединить монархический и либеральный принципы. Этот порядок стал образцом для конституционных монархий Европы. Его правление не было ни анахронизмом, ни чужеродным телом в мире начала 19 века. И оно совершенно не было ориентировано на простую реставрацию (дореволюционного положения), хотя в век идеологий и закрепилось это наименование. И еще один парадокс характерен для политической биографии Людовика XVIII. Он был первым французским властителем со времен Людовика XV, который умер на своем троне. И остался последним: его старший брат Людовик XVI во время революции был казнен в 1793 г., младший, наследовавший ему, бежал в 1830 г. перед началом новой революции, и его кузена Орлеанского в 1848 г. постигла та же судьба. Итак, был ли Людовик XVIII «счастливым» монархом?

Принц из дома Бурбонов и его мир

Будущий король Людовик XVIII родился 17.11.1755 г., шесть лет спустя он получил имя Луи Станислас Ксавье. Это соответствовало традиции дома Бурбонов, которые в первые пять лет жизни детей не давали им официального имени. Имя Луи приличествовало французскому принцу; Станислас напоминало о его деде, Станиславе Лещинском, бывшем короле Польши, а Ксавье — святой, особо почитавшийся в семье его матери, Марии-Йозефы Саксонской. При рождении он получил титул графа Прованского и стал членом не только одного из значительнейших семейств

старой Европы, но и частью замкнутой династической системы, охватывающей всю католическую Европу; наряду с Бурбонами дома Габсбургов, Савойский, Виттельсбахский и Веттинский.

С семи лет граф Прованский, как и братья герцог де Берри (позднее Людовик XVI) и граф д'Артуа (позднее Карл X) были переданы на попечение герцога де ла Вогийона, набожного и очень приверженного традициям друга их отца. Под надзором его и епископа Лиможского принцы получили всеохватывающее воспитание и наставления в важнейших областях современной жизни: в религии, математики и истории. Отец и мать юных принцев, известные своей строгостью в религиозных взглядах, вплоть до своей ранней смерти (1765 и 1767 гг.) следили за их воспитанием и радовались интеллигентности юного графа Прованского, намного превосходившего своих братьев в этом отношении.

Еще до своего шестнадцатилетия, в апреле 1771 г. он получил собственный бюджет, а месяц спустя — супругу, Луизу-Марию-Жозефину Савойскую, дочь Виктора Амадея, короля Сардинии. Это означало окончательное вступление в придворное общество с его интригами и развлечениями. Игры, театры и балы почти каждый вечер в Версале или Париже заполнили годы вплоть до смерти деда Людовика XV. Политического влияния или власти принц не имел, хотя его день был заполнен придворными обязанностями и церемониями, приемами, аудиенциями, утренним подъемом и отходом ко сну, домашними делами. Кроме того, к его публичным обязанностям относились поездки в провинцию. Большую часть дня принц проводил в своем кабинете за чтением или ведением своих дел. Он обладал исключительной деловой хваткой, что помогло ему преуспеть в заморской торговле, мануфактурах и спекуляции земельными участками. Наряду со временем, которое он посвящал финансовым

делкам, он немало часов посвящал страсти многих принцев — строительству и коллекционированию. Наряду с этим страстью принца была еда, и о нем уже в 1777 г. говорили, что он толст как бочка. В конечном счете это привело к тому, что принц все меньше посвящал себя охоте и стал одним из немногих Бурбонов, о котором нельзя было сказать, что он полжизни проводит в седле.

Со вступлением на трон Людовика XVI, старшего брата, 10.5.1774 г., политические движения и конфликты затронули также и жизнь принца. Луи и его супруга, которых теперь именовали Месье и Мадам, как подобало старшему брату короля, надеялись, что его назначат членом совета министров. Однако ему была предоставлена лишь возможность участия в решении вопроса о возвращении парламентов. Месье разделял мнение группы герцога Эгийонского и видел в этом акте фатальную уступку короны. В результате принц не приобрел никакой политической власти или возможности влияния. Тот факт, что его брак остался бездетным, еще больше ослабил его положение в патриархальном обществе. Без всякой надежды удовлетворить свои политические амбиции, он только с завистью смотрел на старшего брата, к которому испытывал антипатию.

Революция и эмиграция

С финансовым и государственным кризисом старого режима и предреволюционной ситуацией появился и долгожданный шанс получить, наконец, возможность играть политическую роль и войти в Государственный совет. С созыва собрания знати 22.2.1787 г. он председательствовал на заседании объединенных комитетов знати и был президентом первого бюро, в то время как его младший брат, граф д'Артуа, а также остальные пять принцев крови пред-

седательствовали в других бюро. Казалось, что в момент кризиса вся мужская часть дома Бурбонов завладела правительством. Добились они при этом лишь разрушения абсолютной монархии и ее представителей. Так, Месье при всеобщем одобрении атаковал власть интендантов и внес свой вклад в падение генерального контролера Калонна, который в целях выравнивая бюджетного дефицита попытался покуситься на освобождение привилегированных от налогов. В собрании знати граф Прованский выступал за права дворян, причем он в традиционном смысле воспринимал королевскую семью прежде всего как вершину аристократического общества. Однако то, что он хотел дать третьему сословию право голоса, и то, что на втором собрании знати в ноябре 1788 г. его бюро было единственным, проголосовавшим за удвоение числа депутатов от третьего сословия, создало ему репутацию сторонника умеренных реформ, но не обеспечило политического влияния, поскольку политическое развитие тем временем радикализировалось и поляризовалось.

Луи сидел рядом с королем при открытии Генеральных штатов 3.5.1789 г. и пережил революционное лето 1789 г. в Версале, когда конфликт сословий перерос в конфликт партий и открытую борьбу за власть и ее легитимизацию. В Государственном совете 21 и 22.6.1789 г. с Артуа он выступил против плана министра Неккера объединить три сословия. На королевском совете 23.6 король, поддерживаемый обоими своими братьями, велел зачитать наконец два заявления, выражавших степень его готовности к реформам. Они хотели принять лишь те реформы, которые принимала аристократия. С отказом третьего сословия и после заявления депутата Бейи, что собравшаяся нация не будет принимать никаких приказов, началось новое время. И в течение месяца рухнул блестящий фасад королевского авторитета.

После штурма Бастилии граф д'Артуа и принц Конде покинули страну, а граф Прованский остался. После 17.7 он представил королю письмо, в котором протестовал против всех мер, которые он вынужден был одобрить под давлением, и в котором он — если бы дело дошло до применения силы — назначал своего брата генерал-лейтенантом королевства. Уже после того, как он вместе со всем двором 5.10.1789 г. под давлением революционеров вынужден был вернуться в Париж и жить в Люксембургском дворце под контролем Национальной гвардии, его честолюбие подтолкнуло его к действиям, задевшим короля и компрометировавшим его самого.

Так он вступил в мир политических интриг и заговоров, несбыточных надежд и ужасных снов, определивших его жизнь на последующие 25 лет. Сюда относились планы побега короля, которые он разрабатывал вместе с Мирабо, авантюристический заговор не менее авантюристического маркиза де Фавра в декабре 1789 г., который силами 30 тысяч человек надеялся захватить и казнить Лафайета и Бейи, а короля выволочь и доставить в Перонну. Этот налет должен был осуществиться по договоренности с Месье. Однако 26.12 по совету Мирабо выступив в Парижской ратуше, Месье все опроверг и объявил себя гражданином и сторонником революции, объединивший королевский авторитет с национальной свободой. Это происшествие характеризует принца как неояльного по отношению к брату, трусливого и слабого человека. Такой упрек сделал ему Мирабо, и его повторяли в течение всей его жизни. Луи в первые годы революции все время менял свое мнение и тактические установки, но, несмотря на свои честолюбивые усилия, оставался политически незначительной фигурой.

22.2.1791 г. разъяренная толпа, собравшаяся перед Люксембургским дворцом, предъявила ему обвинение, что он вместе с теткой короля подготовил его

бегство. Он сумел успокоить толпу, заявив, что верен конституции и королю, но вскоре стало очевидно, что это было лишь притворство. В июне 1791 г. он бежал из страны в то же самое время, что и король, но его бегство прошло успешно. Начались годы эмиграции, беспокойной жизни то в одном, то в другом убежище, в которой оставалось мало бывшего великолетия. Тем самым он пересек границу между миром революции и контрреволюции.

В Брюсселе 27.6.1791 г. Луи встретился со своим младшим братом, графом д'Артуа, вождем контрреволюции, и его соратниками. Прием был холодный, и граф Прованский был вынужден примкнуть к политической позиции своего брата д'Артуа. Тем самым он взял назад все торжественно провозглашенное им в декабре 1789 г. в Парижской ратуше. Безусловно, унижение для принца, который так много значения придавал своей гордости и своему достоинству. 7.7 Месье прибыл в Кобленц, штаб-квартиру контрреволюционных политических, дипломатических и военных сил на ближайшие 12 месяцев.

Кобленц во многих отношениях был новым миром. Образ жизни принца изменился; в радикальном отрицании революции объединились разные социальные группы, ранее мало соприкасавшиеся друг с другом, провинциальное и военное дворянство, судебное дворянство и бывшее третье сословие. Они воспринимали себя как солдат и носили форму. Постепенно политические заявления и лояльность, а также военные чины стали важнее социального статуса. Это пришлось почувствовать и графу Прованскому, которого в эмигрантском мире вскоре опередил его младший брат: теперь ценились энергия, самоуверенность и сила убеждения, а не достоинство, сдержанность и образование. Ибо теперь принц был и вождем партии. На политических переговорах, например, при встрече с австрийским императором и прусским ко-

ролем в Пильнице в сентябре 1791 г. и при принятии текущих решений в Кобленце, — всегда и везде Луи чувствовал себя оттесненным на второй план, что и оставалось незамеченным посторонними наблюдателями.

В отличие от царственного брата, который хотел сохранить верность своей стране и ее конституции, братья в Кобленце избрали другое. Они продемонстрировали это в открытом письме в сентябре 1791 г., в котором высказывали традиционные представления о монархической власти и ее легитимности и объявляли о своем непримиримом курсе, невзирая на судьбу королевской семьи. Они считали, что действуют исключительно в интересах французской монархии и представляют своего царствующего брата. Они надеялись создать армию и подвинуть европейские державы к вторжению во Францию. И для того, и для другого нужны были деньги, и все годы эмиграции принцы были заняты тем, что старались получить от европейских монархий финансовую поддержку. Поскольку денег не хватало, несмотря на значительные субсидии (так, в 1791 г. было получено 6,84 млн ливров), они пустили в оборот фальшивые ассигнации и иностранную валюту. Политические цели оправдывали средства, но авторитет монархии значительно пострадал из-за этого.

Оба принца с радостью реагировали на объявление Францией войны «королю Венгрии», ибо давно хотели развязать войну против собственной родины, не хватало лишь средств. Революционеры опередили эмиграцию, которая надеялась покончить с революцией путем этой войны.

Месье участвовал в походе армии принца Конде. В августе 1792 г. он покинул Кобленц во главе 6 тысяч человек, чтобы встретиться с прусской армией. Войска эмигрантов подчинялись ей в военном отношении. Принцы разбили свои новые главные квартиры

ры в Вердене. После битвы при Вальми (в ней эмигрантской армии не разрешили участвовать) прусские войска отступили, и принцы последовали за ними. Им пришлось распрощаться со своими надеждами, а Луи, кроме того, при поспешном отступлении потерял много своих бумаг, и они попали в руки революционеров. Среди них было письмо его брату Людовику XVI, которое вскоре на процессе против короля сыграло роль важного доказательства обвинения.

В конце декабря 1792 г. принцы наконец получили убежище у прусского короля в вестфальском Хамме. Там их ожидало безрадостное существование с небольшой челядью и в почти полном уединении. Вскоре после своего прибытия 26.1.1793 г. они получили известие о казни Людовика XVI в Париже. Обоим принцам пришлось в дальнейшем признать, что они несут определенную долю вины за смерть брата. После трагического известия из Парижа граф Прованский объявил дофина королем Людовиком XVII, на себя возложив звание регента и назначил Артуа генерал-лейтенантом королевства.

Началась новая фаза изгнания, характеризовавшаяся разочарованием, изоляцией и нуждой. Время кочевой жизни с постоянной необходимостью просить чужие правительства о разрешении на жительство и о вспомоществовании. Даже при дворе своего тестя в Турине Луи был нежеланным и компрометирующим гостем. Ему приходилось также постоянно опасаться за свою личную безопасность. Династическая гордость была движущей силой, которая помогла Луи выстоять в мрачные годы изгнания.

После смерти своего племянника Людовика XVII в июне 1795 г. граф Прованский в скромном салоне в Вероне немногими верными сторонниками был провозглашен королем Людовиком XVIII. Отныне он считал себя не принцем или политиком с частными и индивидуальными наклонностями, а королем. Во вся-

ком случае, он располагал теперь большей свитой, имел двух министров и был главой семьи.

К важнейшим занятиям в изгнании относилась выработка политической программы. После возвращения во Францию она должна была стать руководящей линией для действий. А шансов на такое возвращение между 1795 и 1800 гг. было больше, чем до или после этого. Первый манифест Луи выпустил в Хамме, уже в январе 1793 г., затем последовало заявление в Вероне в июле 1795 г. Если первая декларация была полна атак на революцию и характеризовалась весьма общими, но решительными требованиями возвращения к старому порядку или радикальному отказу от всех реформаторских мер, то Верона продемонстрировала прогресс: король в изгнании обещал признать равенство перед законом и право на свободный доступ ко всем должностям, а возмездием он грозил только убийцам короля.

С 1796 г. Людовик XVIII начал постепенно отходить от крайних позиций 1793—1795 гг. и больше склоняться к сдержанности и компромиссу. Постепенно он понял, какое отталкивающее впечатление на общественное мнение во Франции должны были производить его требования возмездия и восстановления старого монархического порядка. Нужно было признать по крайней мере материальные и правовые результаты революции, чтобы привлечь на свою сторону новые социальные группы. В 1797 г. в Бланкенбургском заявлении он полностью отказался от мысли о возмездии, даже в отношении убийц короля, и допускал возможность сотрудничества, правда, все еще в рамках сословий. В 1799 г. он предложил сохранить административные и судебные структуры революции, год спустя он был готов отказаться и от мечты о «старой конституции королевства». Когда он в 1805 г. высмеивал коронацию Наполеона, называя ее фарсом, он обещал признать новые реалии и волю нации при

повторном введении монархии, то есть управление, юстицию и армию, говорил о всеобщей амнистии для всех, кто не будет противиться реставрации.

Каким способом может осуществиться возвращение Бурбонов на трон — на этот счет имелись различные планы и надежды. Людовик принимал каждый из них в зависимости от политической конъюнктуры. С 1793 по 1801 г. Франция почти непрерывно находилась в состоянии войны с другими европейскими державами, но их поддержка дела реставрации Бурбонов была весьма сдержанной. С поражением контрреволюционного восстания в Вандее в конце 1793 г. и полным разгромом высадившихся эмигрантских групп на Кибероне в 1795 г. все надежды на переворот рухнули и Людовик отказался от авантюр подобного рода. Роялистские силы терпели провалы, и никогда не было уверенности, что восставшие действительно хотят реставрации в том смысле, как ее понимали Бурбоны и Людовик.

Итак, оставалась надежда на мирный парламентский путь прихода к власти, и между 1796 и 1797 г. было несколько проблесков надежды, тем более что настроение в стране, казалось, все больше склонялось к возвращению монархии. Это было также причиной более умеренных программ этих лет, с которыми король засылал во Францию своих агентов. Действительно, выборы прошли весьма успешно, но и впредь за Директорией оставалась власть и прежде всего контроль над столицей. В конце 1799 г. победоносный генерал Наполеон Бонапарт захватил власть и объединил достижения революции с потребностью в порядке, авторитете и величии. Это перечеркнуло надежды роялистов, и попытки Людовика обращаться с льстивыми письмами к генералам республики, прежде всего к Наполеону, чтобы убедить их в необходимости реставрации монархии, оставались без результата. Он мог бы пожертвовать собственными

интересами ради покоя и счастья Франции, ответил Первый консул весной 1800 г. несчастному Бурбону в изгнании. Политические неудачи сопровождали обоих принцев в эмиграции, и Наполеон язвительно замечал, что они оба неспособны к добродетели и активности. Спрос на готовность к миру и умеренность появился лишь когда харизматический император вынужденный прибегать к успехам как средству легитимирования, принес нации войну, кровопролитие и тиранию. Тогда вновь был услышан голос Людовика XVIII, заклеившего наполеоновскую империю как систему вероломства, силы и безграничного честолюбия.

Поэтому в 1803 г. он отклонил предложение Наполеона принять в качестве вознаграждения за отречение от престола некую собственную территорию. «Мы потеряли все, — ответил Людовик на это предложение, — кроме нашей чести». Однако его торжественный протест против провозглашения Империи, который он разослал всем европейским властителям, остался не услышанным.

Военные завоевания корсиканца гнали Людовика все дальше от Франции, а Тильзитский мир 1807 г. побудил его отказаться и от убежища в курляндской Митаве. Остался путь в Англию, ставшую центром всех антинаполеоновских сил. Британское правительство разрешило Людовику въезд на остров при условии, что он не выступает как король Франции и его резиденция будет удалена от Лондона не менее чем на 50 километров. Он еще не был предан полному забвению и представлял собой политический фактор. В английском изгнании частная жизнь поневоле занимала больше места, чем официальная, хотя из огромного количества эмигрантов, живших в Англии, и начали вырисовываться контуры персонального состава будущего двора. За семь лет пребывания в Англии Людовик потерял жену, умершую 10.11.1810 г., затем

своего ближайшего сподвижника, герцога д'Аварея, умершего в 1813 г. В Англии Людовик достиг той одородности, которая придавала ему вид настоящего владыки; одновременно преследовали болезни, приковавшие его к инвалидной коляске и сильно мешавшие ему во время и после возвращения во Францию.

Предпосылкой возвращения Бурбонов явились военные поражения Наполеона и продвижение союзников в 1813 г., а также растущее недовольство и пререние французов к Империи, сопровождавшиеся различными манифестациями роялистской направленности. Теперь с восстановлением монархии люди связывали надежды на мир, равновесие и порядок. Именно это провозглашал Людовик в своем заявлении 2.1813 г. Он обещал единство, мир и счастье, а также сохранение всех административных и судебных структур и отказ от мести и преследований. Возвращение Бурбонов поддержало британское правительство, которое Людовик заверил, что власть Бурбонов может быть восстановлена в согласии с волей нации. В январе 1814 г. Людовик, д'Артуа и два его сына говорились о дальнейшем образе действий: реставрацию монархии обосновывали волей нации и просили британское правительство о финансовом обеспечении и поддержке при возвращении д'Артуа и его сыновей, за которыми должен был последовать Людовик.

Первая реставрация

3.2.1814 г. принцы на британских военных кораблях прибыли во Францию и убедились в том, что их появление вызвало мало восторга. Это было явно связано с временными военными успехами Наполеона. Лишь прием герцога Ангулемского в Бордо 12.3 был большим успехом и дал Бурбонам новый импульс. 31.3 союзные войска заняли Париж, было образовано вре-

менное правительство под руководством изворотливого Талейрана с участием аббата де Монтескье, доверенного лица Людовика XVIII, сенат низложил Наполеона и объявил 7.4.1814 г. Луи Станисласа Ксавье королем французов, если он согласен признать конституцию.

Это была идея либеральной монархии 1791/92 г., идея договора о власти между королем и суверенным народом. Русский царь и Талейран выступили за эту конституцию. Все зависело теперь только от Людовика XVIII.

Король из-за подагры вначале не был способен к передвижению и смог покинуть Англию только 24.4. Триумфальный прием в Кале, вероятно, еще больше укрепил его жесткую позицию, во всяком случае, он ничего не хотел слышать о возведении на престол и настаивал на преемственности, которая были лишь прервана внешними обстоятельствами. При своем прибытии он это подтвердил: «После 20 лет отсутствия небо возвращает мне многих детей». Он хотел быть не «Луи Станисласом Ксавье», а «Людовиком XVIII, милостью Божьей королем Франции и Наварры» и рассматривал сенат, который преподнес ему королевское достоинство, как соучастника преступлений Бонапарта. Поэтому знаменем монархии Людовика должно было стать белое знамя легитимности, а не триколор революции и Империи.

Речь шла, таким образом, о характере монархии и, как следствие этого, — о роли конституции и ее органов. В качестве кого должен был править Людовик XVIII: преемника Наполеона, наследника Людовика XVI или уполномоченного временного правительства? Можно ли восстановить старый режим вообще без конституции и так, как будто ничего не произошло? Если же конституция была необходима, — а это Людовик с 1804 г. подтверждал неоднократно, — то она должна гарантироваться авторитетом монархии.

Сенатский проект конституции был отклонен; конституционная комиссия, состоявшая из представителей сената, законодательных органов и трех доверенных лиц короля, выработала проект, который должен был обеспечить примирение обеих Франций. Людовик не принимал личного участия в разработке, но он признал новый конституционный порядок, торжественно возвестив его текст 4.6.1814 г. Теперь речь шла не о конституции, а о «конституционной хартии», которую подписал король. Впрочем, при своей легитимации король не отказался от божественного права, чтобы дистанцироваться от принципов революции. Но он учел политические, правовые, административные и социальные изменения, произведенные революцией и империей.

Первые статьи Хартии о правах французов подтвердили основы гражданского равенства и свободы, признали продажу национального имущества и обещали снисхождение к голосовавшим во время революции, что касалось и так называемых «убийц короля». Король обладал исполнительной властью и правом распускать палату депутатов или дополнять палату пэров. Характерным для конституционного компромисса было оформление национального представительства. Законодательная власть была разделена между двумя палатами. С одной стороны, собрание пэров, которые избирались пожизненно или наследовали свой титул и назначались королем, с другой стороны, палата депутатов, защищенная от радикальных тенденций двойной преградой; непрямым избирательным правом посредством коллегии выборщиков и высоким избирательным цензом, допускавшим к выборам только богатых, плативших более 300 франков прямых налогов. Чтобы быть избранным, нужно было платить не менее 1000 франков прямых налогов и быть старше 40 лет. Министры были ответственны перед королем, но могли представлять обе палаты, что поощряло тен-

денцию парламентаризации решений. Важнейшим правом палат являлось утверждение бюджета.

Умеренность при персонально-политических чистках, которая сопровождала смену режима, также демонстрировала волю к согласию. Большинство префектов остались на службе, и из полиции были уволены только те, кто себя особенно сильно скомпрометировал. Был отправлен в отставку верховный государственный защитник, бонапартистских членов Государственного совета устранили путем институциональных преобразований, без формального отстранения от должности. Политика сглаживания и забвения, как писал Шатобриан, была направлена на то, чтобы не разделять тех, кто служил королю, и тех, кто служил нации. Должны были быть исключены только экстремисты обоих лагерей; армия оставалась бонапартистской, а либеральная буржуазия ориентировалась прежде всего на Хартию, а не на династию.

Хрупкая основа политики примирения была вскоре поставлена под угрозу неловким поведением сторонников короля, не желавших ничего забывать. Ожесточенность из-за решений первого Парижского мира 30.5.1814 г., который вернул Францию в границы 1792 г. и вынудил ее сдать многочисленные укрепления и военное имущество, толкнула многих националистов в армию Бонапарта. Отставка или понижение в должности многих наполеоновских офицеров, а также замена их офицерами из лагеря эмигрантов довершили процесс. В конечном счете покупатели национального достояния почувствовали угрозу со стороны прежних владельцев. Множилось раздражение и недовольство повседневной жизнью, например, налоговой политикой. Новая свобода принесла больше беспокойства и неуверенности, и не было возможности устранить их путем войны и национального подъема. Вместо этого король делал все, чтобы удовлетворить

амбиции вернувшихся эмигрантов и собственную потребность в славе и почестях.

Возвращение Наполеона и «100 дней» его возобновленного господства показали слабости старавшейся выглядеть либерально монархии, но также и ее преимущества. 18/19.3 в полночный час король в страхе перед возможным пленением покинул Париж. Крах его политики, его собственная нерешительность были очевидны, он не имел ни мужества выступить за свое дело, ни представления о том, как и куда отступать. В то же время большая часть населения была сыта империей и теми военными тяготами, которые влекло за собой возвращение императора. Кроме того, много служащих сохранили верность королю. Плебисцит 1815 г. показал большое число воздержавшихся. Восторженное отношение к императору миновало. Буржуазия оставалась недоверчивой. Наполеон мог опереться только на армию, на часть рабочих в городах и крестьян в Восточной Франции. На юге, западе и части севера он натолкнулся на открытое неприятие. Множились роялистские воззвания, наконец, 3.5.1815 г. на западе вспыхнул открытый мятеж. Восстание отвлекло войска, которых не хватало императору для похода против союзников в Бельгии. Союзники разбили Наполеона 18.6 при Ватерлоо.

Сильный человек во временном правительстве, Фуше, был полон решимости вернуть Людовика XVIII и добиться, чтобы Наполеон покинул страну. Будучи для одних «желанным королем», для большей части французов «неизбежным», он все же олицетворял принцип легитимности, и европейские державы, несмотря на все его личные слабости, относились к нему во время «100 дней» именно так.

Вернувшись из своего кратковременного изгнания, он вечером 6.7.1815 г. встретился в Сен-Дени с Талейраном и Фуше, двумя людьми с прошлым; или, как выразился Шатобриан, «с пороком, опирающим-

ся на руку преступления». «100 дней» осложнили попытку примирения (и собственно сохранения власти), к которому оба стремились в союзе с монархом. Теперь на новое начало наложило отпечаток двойное воспоминание, что Шатобриан изобразил так: «Преданный убийца короля на коленях вложил руки, от которых покатилась голова Людовика XVI, в руки брата короля-мученика; епископ-изменник был поручителем клятвы».

Вторая реставрация

Вторая Реставрация повлекла за собой нищету и ужас. Оккупация и разграбление Франции союзными войсками в атмосфере взбудораженных национальных чувств могли быть вменены в вину возвращавшемуся монарху. Король в восприятии населения возвращался на фуражной фуре иностранных солдат — позор, от которого он не смог освободиться. И для самого Людовика было тяжелым политическим ударом то, что его собственные союзники обращались теперь с Францией как с вражеской территорией.

Даже если второй Реставрации удалось ограничить претензии союзников и защитить страну от насилия, то вскоре это достижение, опиравшееся на заинтересованность Англии и России в европейском равновесии, было забыто. Иностранное влияние на политику Людовика возросло, и в ближайшие годы здесь вряд ли можно было что-либо изменить. «100 дней», то есть крах собственной армии и большей части французского населения, значительно уменьшили политический вес Людовика.

Больше последствий для внутренней консолидации имел тот факт, что королю не удалось сдержать призывавших к мщению ультрароялистов. Поэтому Людовик утвердил кабинет с Талейраном во главе, Фуше в качестве министра полиции и другими политиками

империи, что успокоило бюрократию, но вызвало раздражение роялистов. На выборах в августе 1815 г., проводившихся по цензовой системе, которые дали префектам дополнительные возможности для манипуляций, не прошло либеральное большинство. Напротив, утверждение роялистской организации «рыцарей веры», что правительственные кандидаты не являются настоящими кандидатами короля, открыло дорогу «потoku ультрароялизма» (Тулар), и были избраны почти исключительно роялисты. «Несравненной палатой» назвал Людовик XVIII новый роялистский парламент, давший новый импульс страстному желанию мести его приверженцев. Выдающиеся полководцы Наполеона предстали перед судом и были приговорены к длительному заключению, а некоторые (как, например, Ней) и к смерти. На юге Франции свирепствовал дикий «белый террор». Дело дошло до резни, все счета еще со времен революции сводились на свой страх и риск. Начинались чистки в управленческом аппарате: 38 префектов и 115 субпрефектов были уволены, часто привлекались и служащие. В общей сложности это коснулось около 50 тысяч служащих и чиновников. Открытая кампания против убийц короля вынудила Фуше к уходу из политики. Даже Талейран, переживший так много политических режимов, вынужден был по жесткому требованию союзников 19.9.1815 г. уйти в отставку.

Франция раскололась на два лагеря, противоречия между которыми переросли наконец в революцию 1830 г. В то время как ультра требовали усиления королевского авторитета, либералы защищали права парламента и свободу прессы.

24.9.1815 г. было образовано правительство под руководством Фишеля, состоявшее из роялистов, служивших и во времена Империи. Эти умеренные вступили в противоречие с ультрароялистами, более сплоченными, имевшими четкую политическую про-

грамму. Наряду с отменой Хартии и Конкордата 1801 г. они хотели восстановить крупное землевладение и наказать всех революционеров. Возвращение к традиции стало партийной программой, роялизм превратился в политическую идеологию. Свои ожидания ультра обратили на д'Артуа, брата короля, который, кроме того, имел поддержку в национальной гвардии и все больше отдалялся от своего брата. Король и его правительство фундаментально расходились с ультра в вопросе о характере государства и его конституции. В то время как ультра мечтали о твердой руке, Людовик XVIII делал ставку на мирное улаживание, на утихомиривание страстей и обеспечение существования. То, что монарх желал своему королевству, он желал и самому себе. Он испытывал потребность в покое и не хотел деления на партии. Он уважал конституцию, избегал гражданской войны и с успехом играл роль конституционного монарха, передав политическую инициативу своему правительству, которое было ответственно перед ним. Его влияние на политику осуществлялось скорее дискретно, хотя политика и определяла его жизнь.

Противостояние между королевским правительством и «несравненной палатой» обострилось и привело к парадоксальной ситуации, когда именно реакционеры стали передовыми бойцами за парламентские свободы, требуя правительства, соответствовавшего большинству в палате. Они заявили претензии на право законодательной инициативы и изменения законов. Палате удалось в октябре 1815 г. законом о всеобщей безопасности отменить на время личные свободы, а вскоре после этого принять закон против подстрекательских сочинений и закон об учреждении особых судов. В 1816 г. произошел новый конфликт между правительством и палатой по поводу избирательного закона, когда палата потребовала полного обновления вместо ежегодной смены пятой части депутатов, а

также расширения избирательного права. При обсуждении бюджета и вопроса о признании государственных долгов наполеоновского периода дело дошло до скандала. В то время как депутатов-ультра чествовали в их департаментах, король, поддерживаемый своим любимым министром Эли Деказом и иностранными послами, распустил палату и назначил новые выборы.

Либеральные годы: 1816—1820

Насколько сильны были разногласия перед роспуском «несравненной палаты», настолько же оживленно проходила кампания новых выборов. Деказ, шеф министерства полиции, приказал полицейским комиссарам поддерживать тех кандидатов, «которые принесут в новую палату принципы умеренности, что для правительства и его политики является правилом, которые не принадлежат ни к какой партии или тайному обществу, не имеют задних мыслей и открыто уважают Хартию». На этот раз правительству повезло больше. Его сторонники на севере и востоке были в большинстве, но ультра вновь победили на юге. На западе и в Центральной Франции была патовая ситуация. Правительство насчитывало на своей стороне от 110 до 130 депутатов, ультра — от 80 до 90. Это дало королю возможность продолжать политику «средней линии» и вместе с умеренными, которые постепенно организовались в конституционную партию, проводить политику интеграции. Это и было смыслом нового избирательного закона февраля 1817 г., обеспечившего буржуазии преимущество перед землевладельцами-аристократами тем, что выборы должны были проходить через много дней прямо в избирательной коллегии главного города соответствующего департамента. Однако оставляя ежегодную ротацию пятой части депутатов, закон вновь способствовал политической неста-

бильности, в то время как король хотел покоя. Резкую критику ультра вызвал военный закон, который назначение офицером ставил в зависимость от предшествующей двухлетней службы в чине унтер-офицера и от конкурса при окончании военной школы. Это означало для дворянства окончательную потерю привилегий при назначении на высшие военные должности. Когда конституционная партия отклонила проект нового Конкордата, предусматривавшего жертвования в пользу французской церкви, д'Артуа в 1818 г. потребовал от своего брата отставки министра Ришелье. Министр в это время достиг большого политического успеха, когда после выплаты военных репараций в размере 165 млн франков он добился на Аахенском конгрессе 9.10.1818 г. досрочного и полного освобождения Франции от союзных войск. Когда Ришелье возвратился в Париж, его ожидало не ликование страны, а один из самых острых политических кризисов периода правления Людовика XVIII, закончившийся поражением Ришелье. После довыборов в октябре 1818 г., на которых прошло много «независимых», то есть левых, таких как Лафайет, Ришелье из страха перед дальнейшим продвижением «демократических тенденций» пошел на сближение с ультра и пересмотр избирательного закона. При этом произошел конфликт с Деказом, однако вначале одержало верх правое крыло правительственного лагеря, а с ним и Ришелье. На переговорах ультра потребовали отставки Деказа, но он пользовался доверием короля, и тот за него крепко держался. Деказ снискал не только благорасположение короля, который назвал его своим «верным сыном», но и проявил большие способности в деле политической интриги, что в конце концов побудило Ришелье 26.12 просить короля о его отставке.

Хотя новый кабинет не подчинялся Деказу, он находился под его влиянием, после того как тот стал

министром внутренних дел и полиции. Он проводил политику, которая отклонялась влево. Гизо, назначенный генеральным директором управления департаментами, уволил 23 префекта и 30 субпрефектов, склонявшихся к ультра, и заменил их либералами. Ультра были уволены также из Государственного совета, а в Первую палату было призвано 68 новых, либеральных пэров, чтобы обеспечить правительственное большинство. В мае были расширены права печати, и Деказ подготовил большую реформу управления. Даже если Людовик так же мало ценил этот либеральный курс, как и роялисты, он все же доверял своему министру Деказу не только из-за личной симпатии, но и из-за убеждения, что это правильный путь для решения политических проблем Франции. Кроме того, эта политика усиливала симпатии к монархии и вне роялистского лагеря. Постепенно самые умеренные среди ультра отошли от своего кофронтационного курса по отношению к Деказу. Последний сам старался сблизиться с ними по мере того, как либерализм укреплялся и радикализировался, пока на выборах 1819 г. левые не получили 35 мест и избрание бывшего депутата Конвента аббата Грегуара в Гренобле не привело правительство и правых в глубокое волнение. 20.11.1819 г. Деказ занял должность премьер-министра. Правительство теперь опять больше склонялось вправо и даже пытались добиться возвращения Ришелье. Готовился новый избирательный закон, который поддерживал и брат короля, д'Артуа. Однако либеральный эксперимент ждал внезапный конец, когда 14.2.1820 г. герцог Берри, сын графа д'Артуа, был убит на ступенях Оперы подмастерьем по имени Лувель. Своим покушением Лувель хотел пресечь династию, но герцогиня Берри была уже беременна и вскоре произвела на свет герцога Бордо. Роялистская пресса возложила ответственность за убийство на либеральную политику.

Деказа, и его отставка 20.2 обозначила крах политики примирения под покровительством монархии.

этья Реставрация (1820 — 1824)

Покушение Лувеля знаменовало начало фазы политического насилия и нетерпимости. Но в конечном счете выяснилось, что эта нетерпимость для монархии была опаснее, чем либерализм Деказа. Король с тяжелым сердцем был вынужден расстаться с Деказом и уговорить Ришелье еще раз взять на себя руководство кабинетом. Под влиянием своих умеренных друзей Вийеля и Корбьера ультра были теперь готовы поддержать правительство Ришелье. В действительности правительство все больше становилось «защитником ультра», так как приходилось рассчитывать на их помощь при разногласиях с левыми.

Вновь были отменены основные положения либерализма: 31.3 была введена цензура, но прежде всего был оглашен новый избирательный закон, который тысячам самых богатых граждан давал право на полнотный голос. Дебаты в палате протекали жарко, и тон оппозиции становился все резче. Дошло до решительных демонстраций на улице, и оппозиция готова была развернуть агитацию по всей стране. Наступило время тайных обществ и возвышения военных, враждовавших с недовольных бывших офицеров и жандармов. В этой обстановке на выборах 1820 г. — благодаря новому избирательному закону — правым удалось одержать победу и провести своих вождей Вийеля и Корбьера в правительство. Когда вскрылись различные заговоры, руководителей которых предавали с величайшей жестокостью и казнили, тенденция к революционному насилию была заторможена, и умеренная политика Ришелье была обречена на поражение. Он все больше попадал в клещи политических противоречий, причем левые упрекали его в

неправильной внешней политике, а радикальные ультра (так называемые необузданные) — в проявлении слабости. Когда Ришелье хотел распустить палату, он не был поддержан королем, казавшимся все более равнодушным к политическим играм. 13.12.1821 г. Ришелье ушел в отставку — важная веха в правлении Людовика XVIII.

Новое правительство под руководством Вийеля, который определял политическую жизнь Франции между 1822 и 1828 гг., новый сильный человек имел парламентское большинство, а год спустя король своим указом назначил 27 новых пэров, ярко выраженных правых, и среди них главного мыслителя контрреволюции Бональда. С помощью этой надежной политической основы Вийель весьма существенно урезал свободу прессы; закрыл школы, где проводились активно посещаемые студентами лекции «доктринеров» Гизо и Ройе-Койяра; представитель католического традиционализма, монсеньер Фрессину, был назначен гротесмейстером университета.

В конце концов министры, и прежде всего Шатобриан, подвигли Вийеля на интервенцию в Испанию, чтобы посредством военных успехов восстановить авторитет монархии. Военная экспедиция под руководством герцога Ангулемского, окончившаяся 28.1.1823 г., принесла не только военный успех. Оправдались политические ожидания, поскольку после нового роспуска палаты 24.12.1823 г. выборы в марте 1823 г. принесли правым большой успех, что побудило короля назвать новую палату «вновь обретенной палатой». Печать правых праздновала победу, «очищение» парламента от «противоестественной оппозиции», и правительство сразу же постаралось закрепить успех новым законом о выборах, который устанавливал семилетний срок полномочий палаты и отменял ежегодное обновление ее пятой части.

Хотя курс доходных бумаг после этого сильно поднялся, что было выражением возросшего доверия к политической стабильности, и казалось, что либеральная оппозиция ослабла, а династия как конституционная система, напротив, окрепла, все же Людовик XVIII оставался королем двух Франций. Это был неустойчивый триумф монархии, который вскоре был поставлен под угрозу неумной политикой его брата и престолонаследника.

В последний год своего правления Людовик XVIII все больше страдал от болезни. Во время открытия палаты 24.3.1824 г., которое состоялось в Лувре, король заснул во время чтения своей речи. Преобразование кабинета в августе 1824 г. было последним государственным актом обреченного на смерть монарха. Он умер 16.9.1824 г. Людовик XVIII все время старался предотвратить возврат к старому режиму и, несмотря на ужесточение на последнем этапе, его правление было настолько умеренным, что династия и Хартия пользовались широкой поддержкой знати. Со смертью Людовика исчезло последнее препятствие, с которым приходилось считаться ультра. «Дело роялистов не окончено; оно начинается», — так откликнулась одна из их газет на смерть короля.

Ханс-Ульрих Тамер

КАРЛ X

1824—1830

Карл X (Шарль-Филипп), родился 9 октября 1757 г. в Версале, граф д'Артуа; после провозглашения брата, графа Прованского, королем Людовиком XVIII в 1795 г. граф д'Артуа согласно бурбонской традиции стал называться Месье. 16 сентября 1824 г. взошел на престол. 2 августа 1830 г. отрекся от престола из-за Июльской революции. Умер в Герце 6 ноября 1836 г., 11 ноября там же похоронен.

Сын дофина Людовика, старшего сына Людовика XV. Мать Мария Йозефа Саксонская. Братья: герцог де Берри (Людовик XVI) и граф Прованский (Людовик XVIII).

Брак с Марией-Терезой Савойской 16 ноября 1773 г., дочерью Виктора-Амадея III, короля Сардинии. Дети: герцог Ангулемский (1775—1844) и герцог де Берри (1778—1820).

Его имя напоминает о закате целого мира и его противоречиях. Карл X был воплощением придворной элегантности и рыцарственности, одновременно он являлся главой и политическим вождем правых, олицетворением Реставрации. Карл X был полной противоположностью своему брату Людовику XVIII: высокий, стройный и элегантный; с юношеским внешним обликом. Даже мало благосклонные наблюдатели признавали, что никто лучше не олицетворял формы,

ведения и языка двора, чем граф д'Артуа, будущий король Карл X. Однако в отличие от своего брата он чему не научился в эмиграции и не понял изменений, происшедших во Франции после 1789 г.

То, чего он хотел после возвращения во Францию в 14 г., была контрреволюция, т. е. возвращение к старому порядку. Он не скрывал своего отвращения к парламентским обсуждениям: «Лучше пилить дрова, говаривал он не раз, — чем управлять наподобие глиийского короля». Признание Хартии было простой нормальностью, а требование предводительствуемых ультра во времена их парламентского большинства, обы Людовик XVIII считался с ответственностью правительства перед палатами, — чисто тактическим делом. Его приход к власти в 1824 г. окрылил роялистов, это был король на их вкус, но 6 лет спустя один из самых ярких сторонников Реставрации, Шатобриан, разочарованно констатировал: «Меня как борца за старое королевство именно это королевство лишило моего оружия и бросило на произвол судьбы».

Внешние обстоятельства, все этапы и события его жизни, начиная с юности при дворе, затем опыт революции и жизнь в эмиграции вплоть до возвращения в Париж в 1814 г. протекали в четкой параллели к биографии Людовика XVIII; различия между братьями заключались лишь в их личностях, образовании, поведении, политических взглядах и установках. На этих различиях мы и остановимся, поскольку историческая ситуация была подробно обрисована в очерке Людовике XVIII.

Человек старого режима

Граф д'Артуа, как и его старшие братья, воспитывшиеся под руководством добродетельного, но мягкого и беспечного герцога де ла Вогийона, провел первые десятилетия своей жизни в роскоши и безделье.

Карл X (1824—1830)

Charles X.

Вначале он не выказывал честолюбия и не мог и надеяться когда-либо вступить на трон. Духовные усилия и работа, в отличие от его брата, графа Прованского, были ему чужды, и уровень его образованности отражал эту разницу. Тем не менее он охотно окружал себя писателями, которым покровительствовал, и его мыслительные способности были значительно более развиты, чем это иногда за ним признавалось.

16.11.1773 г. д'Артуа женился на Марии-Терезе Савойской, младшей сестре графини Прованской и жены его брата. Сразу же после окончания свадебных торжеств молодой принц покинул Версаль, чтобы встретиться в Париже с одной из своих метресс. Амурные приключения на стороне графа д'Артуа в то время, когда жизнь при дворе все больше становилась предметом общественного обсуждения, постоянно привлекала внимание и становилась предметом насмешек и критики. Его отношение к старшему брату, дофину и будущему королю Людовику XVI, было плохим. Он выказывал меньше уважения королю, чем его юной жене Марии-Антуанетте. Несмотря на это, после вступления брата на престол д'Артуа получал от него огромные суммы, что позволяло ему вести мотовской образ жизни, но одновременно удерживало от претензий на вмешательство в политические дела. Если оба принца и питали надежды на наследование престола, то они рухнули, когда 22.10.1781 г. родился кронпринц. Д'Артуа после этого известия выглядел еще более разочарованным, чем его брат Луи, и еще больше стал предаваться развлечениям. Только страстная любовь, которая привязывала д'Артуа в течение многих лет к графине де Поластрон, придавала его беспутной жизни некоторую устойчивость и серьезность. Участие в неудачной осаде Гибралтара во время англо-французской войны 1782 г. должно было поднять его авторитет в глазах общественности, падение которого не осталось для него незамеченным.

Кризис старого режима и приближающаяся революция дали ему шанс для участия в политике при отсутствии политического опыта. С большим воодушевлением, но малой прозорливостью он приветствовал новый созыв парламентов, чтобы в августе 1787 г. при попытке регистрации в Парижском парламенте налоговых эдиктов короны испытать потерю собственной популярности и уважения к монархии, когда при входе в судебную палату десятитысячная толпа встретила его оскорбительными выкриками. На собрании знати в феврале 1787 г. он сначала голосовал против всех реформаторских мероприятий, которых требовало общественное мнение. Его позиция ужесточилась еще больше, когда речь зашла о созыве Генеральных штатов и их способах баллотировки. На втором собрании знати — в отличие от своего брата, графа Прованского, д'Артуа воспротивился удвоению числа представителей третьего сословия. Это явилось началом разногласий между двумя младшими братьями короля.

Д'Артуа непоколебимо придерживался принципов старой монархии и в меморандуме 12.12.1788 г. заявил о революции, грозящей правящей системе и унаследованному порядку собственности. Когда весной 1789 г. он сказал, что всегда останется аристократом, «Монитор» посоветовал ему лучше признать себя французом и гражданином. Он потерял последние остатки популярности, как и королева Мария-Антуанетта, с которой в драматические недели лета 1789 г. он политически полностью солидаризовался. В докладной записке 21.6.1789 г. он выступал против требований третьего сословия, оказал решающее влияние на позицию монарха, который на королевском совещании 23.6.1789 г. решительно отверг уравнивание в правах третьего сословия, чем только подтолкнул революцию. И в последующие дни и недели д'Артуа был при дворе одним из тех, кто хотел подвигнуть короля на энергичный ответный удар.

Долгие годы эмиграции

Первой остановкой в его эмиграции после того, как он с двумя сыновьями без помех пересек французскую границу в направлении Брюсселя, был Турин, куда затем прибыла графиня д'Артуа. Началась кочевая жизнь, сопровождавшаяся обманутыми ожиданиями и различными невзгодами. Вначале д'Артуа выступал так, как он привык: как принц Бурбон, который не только смотрел на принимающих его в Турине сверху вниз, но и вел себя соответственно — самоуверенно и в осознании своей власти по отношению ко всем европейским дворам. Вскоре ему пришлось понять, что монархическая солидарность других владык немного стоит и что каждый преследует политические интересы.

Д'Артуа с самого начала считал себя главой политизированной части эмиграции и образовал в Турине нечто вроде теневого кабинета; но настоящий политический ум туринского комитета, Калонн, был в Лондоне. Двоякой целью на 1790 г. были организация побега короля и провоцирование вооруженного восстания в провинциях Франции. Но оба плана рухнули, что можно считать доказательством слабости контрреволюции. Когда первые дипломатические шаги оказались неудачными и д'Артуа в мае 1791 г. в Мантуе напрасно пытался добиться от императора Леопольда поддержки французской королевской четы, он отправился в Кобленц, где вступил в спор верховенства в эмиграции со своим братом, графом Прованским. В Кобленце, как и при первой встрече братьев в Брюсселе, различия во мнениях и противоречия между их советниками стали очевидными, что не шло ни пользу делу эмиграции. Беззаботность, с которой в Кобленце на средства трирского курфюрста жил двор и проявлялось стремление сохранить сословные различия, а также безмерные амбиции неприятно пора-

шли посетителей, прибывавших из Франции или из других центров эмиграции.

Несмотря на внутренние противоречия д'Артуа продолжал претендовать на политическое руководство эмиграцией, ему удалось подвигнуть европейские державы на угрожающие дипломатические жесты, как, например, Пильницкую декларацию, что ускорило политическую эскалацию. После похода 1792 г., ког- войска эмигрантов под командованием Артуа были жалованы во вспомогательные войска, дела эми- гии ухудшились. Д'Артуа в разочаровании отпра- ся в вестфальский Хамм, где уже нашел убежище ф Прованский. После казни Людовика XVI братья рались теснее сотрудничать: Прованский взял на я регентство при несовершеннолетнем Людови- XVII и назначил д'Артуа генерал-лейтенантом ко- евских войск. Его путешествие к русской императ- рице Екатерине II в Санкт-Петербург принесло огромную финансовую поддержку и почести, но мало конкретное в политическом плане. Надежды, кото- давало восстание в Вандее, вскоре опять угасли, опытка с помощью англичан и при активном учас- д'Артуа в 1795 г. высадиться в Бретани также ялась неудачной. Отход из бухты Киберона озна- конец восстания в Вандее и вызвал у его вождя Шаретта серьезные сомнения в решимости д'Артуа.

Месье, как он теперь назывался после смерти до- фиша в июне 1795 г., будучи братом теперешнего ко- роля Людовика XVIII, оставался только путь в изгна- ние в Англию. Шотландский замок Холируд стал олицетворением печального положения принца. И сь ничего не могли изменить многочисленные пла- восстаний или заговоров, если не хватало реши- мости к действию. Полный зависти смотрел д'Артуа на своего брата, который, будучи Людовиком XVIII, мог питать надежды на трон. Конфликты между брать- ями не прекращались. В конце концов они поделили

между собой Францию на зоны влияния, чтобы не пересекать друг другу дорогу. К временному соглашению наследники монархии смогли прийти, когда соотношение сил в Европе и настроение измученных войнами французов обратились против потерпевшего неудачу Наполеона и возвращение Бурбонов во Францию, само восстановление монархии в январе 1814 г. стало делом ближайшего будущего.

Реставрация и роялизм

В конце января 1814 г. д'Артуа по договоренности со своим братом двинулся из Англии в направлении Франции, и в Нанси он узнал от Витройя о заявлении Сената от 1.4.1814 г. Оно отменяло верность Наполеону и приветствовало восстановление монархического правления Людовика XVIII и его законных наследников. Д'Артуа сразу же направился в Париж, где 12.4 он был встречен у городских ворот временным правительством с Талейраном во главе. Восторг, с которым он был встречен при въезде в город, был выражением глубокого стремления к миру и стабильности, чего основная часть населения ждала теперь от монархии. От монархии теперь зависело, будет ли уничтожена пропасть, которая разделяла обе Франции. То, что она существовала и углублялась перед лицом национальных заблуждений и многих социальных разочарований, Месье вскоре увидел во время поездок по Франции, поскольку он встретил одобрение лишь в некоторых департаментах на востоке и в центре.

С возвращением своего брата в конце апреля 1814 г. д'Артуа, до сих пор считавший себя политическим вождем эмиграции, признал восстановление старой табели о рангах, после того как за короткие переходные недели апреля он в качестве генерал-лейтенанта стал руководителем Временного правительства, Его

сын, герцог Ангулемский, 12.3 первым вступил в Бордо. Все это обеспечило д'Артуа такое политическое влияние, которого с 1700 г. не имел ни один член королевской семьи: д'Артуа и его сыновья считались парами и в 1814/15 гг. членами Совета министров, что означало участие в делах правления. Совершенно в традициях дома Бурбонов принцы, особенно д'Артуа, жили в павильоне де Марсан дворца Тюильри отдельно и на широкую ногу, окруженные честолюбивыми людьми. Поскольку король был бездетным, все принцы получали шанс на наследование трона.

Политическая позиция д'Артуа в 1814—1815 гг. была неясной. Несмотря на примирительный тон в ней явно чувствовалось дистанцирование от короля и критика его умеренной политики. Так, он остался в стороне от торжественного провозглашения Хартии 4.6.1814 г. и при различных обстоятельствах не допускал сомнения, что считал самого себя наилучшим решением для семьи и страны. Но его влияние в совете оставалось небольшим, и не было восстановлено ни одно из «старых учреждений», о которых он так радел. В долгих дебатах в совете король следил за тем, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним. За это он принимал немало предложений Месье по персоналиям и советовался с ним по внешнеполитическим делам, чтобы его успокоить.

Драма «100 дней» тяжелым грузом легла на умиротворяющую политику короля и дала роялистскому большинству в палате 1815 г. импульс препятствовать любым уступкам противникам монархии, чтобы навеки закрыть кратер революции. Это была позиция д'Артуа, который должен был стать самым действенным представителем ультра, не контролируя при этом их политики. Если непосредственно после «100 дней» он мог оказывать на своего брата определенное влияние в смысле более жесткого курса, то последующие годы были наполнены все новыми конфликтами между

братьями. Умеренный курс Людовика постепенно принес монарху поддержку людей, ранее находившихся в оппозиции, и в то же время привел к разрыву с теми, чьей нетерпимости противостояла его умиротворяющая политика. Это привело в конечном счете к тому, что Месье потерял свою команду из Национальной гвардии, и оба его сына на время были исключены из палаты пэров. В меморандуме 23.1.1818 г. он протестовал против преследований сторонников монархии и ликвидации монархических учреждений, а также предостерегал против проникновения революционного мышления.

Покушение на герцога де Берри 13.2.1820 г. изменило политический климат, и в последовавшей фазе так называемой Третьей Реставрации возросло политическое влияние д'Артуа, который после отставки Ришелье смог ввести одного из своих доверенных лиц, Матье де Монморанси, в 1822 г. в кабинет Вийоля в качестве министра иностранных дел. Если новое правительство победоносным походом в Испанию смогло обеспечить свой престиж и поддержку армии, то оно вновь повредило ему реакционной церковной и культурной политикой, а также введением регистрационных сборов в отношении прессы. Однако результаты выборов в палату в 1824 г. были однозначно в пользу правых, и либералы настолько приблизились к монархии, что после смерти Людовика XVIII в сентябре 1824 г. наследование престола Бурбоном не оспаривалось.

Период правления и ненадежная победа реакции

Графу д'Артуа шел 67-й год, когда 16.9.1824 г. он вступил на престол как Карл X. Первые меры (такие как ослабление цензуры печати), должны были продемонстрировать его добрую волю, но вскоре стало ясно, что в тяжелые времена этого недостаточно, что-

бы быть хорошим королем. Кроме того, у нового короля совершенно отсутствовало понимание того, что мир изменился.

Уже коронация Карла X 29.5.1825 г. по старому ритуалу в Реймском соборе показала направление. Двор и клир определяли политические решения в такой степени, которая была немыслима при Людовике XVIII. Клер снова занял старое место и либералы имели отличные аргументы для разоблачения растущей власти «партии священников». Среди преподавателей школ было много духовных лиц, так что в конце концов треть всех учителей происходила из клира и из 32 директоров школ 22 были священниками. Несмотря на сопротивление главы правительства Вийоля, кабинет решил, следуя настоятельному желанию короля, что вновь разрешаются религиозные конгрегации и в уголовный кодекс вновь вводится статья о наказании за богохульство.

Еще больше споров в палате и обществе, чем эти два законопроекта, вызвали планы правительства о компенсации бывшей собственности из национального достояния. Вопрос о компенсации стал ареной основательного выяснения отношений между революцией и реставрацией. Левые возбудили процесс против эмиграции, правые бичевали революцию — тема, которая определяла политическую культуру Франции еще на целое столетие (и даже дольше).

К тяжелому поражению правительства и монарха должен был в конце концов привести законопроект о праве первородства, который предусматривал ни больше ни меньше как отмену одной из основ гражданского общества, которая до сих пор гарантировалась наследственным правом революции. Предлагалось возродить аристократию и отменить буржуазный принцип равенства. Правда, проект закона касался только земельных владений, налогообложение которых превышало 300 франков, но он был воспринят оппозицией как пре-

людия к последующим мерам, которые должны были потрясти общество.

Когда 7.4.1826 г. проект был отклонен палатой, правительство сразу же возложило вину за оппозиционные настроения на прессу и пригрозило тем, что положит конец «необузданной свободе передвижения» прессы. Предусматривалось представление всех книг и брошюр в министерство внутренних дел, повышение регистрационного сбора для предотвращения их распространения и увеличение ответственности издателя и печатника. Сам Шатобриан заговорил о «вандалском законе», и даже уважаемая Французская академия большинством голосов вынесла протест. Этому последовали также и палаты, когда крайне правые проголосовали вместе с левыми против правительства и под рукоплескания Парижа провалили закон.

Росло отчуждение между королем и столицей. Парад Национальной гвардии 29.4.1827 г. по случаю годовщины возвращения Карла в Париж сопровождался выкриками из толпы: «Долой иезуитов! Долой министров!» Вийоль потребовал роспуска Национальной гвардии. Когда вслед за этим в городе начались беспорядки, он вновь жестко отреагировал и ввел цензуру прессы. Одновременно была распущена палата и назначено 88 новых пэров, чтобы изменить соотношение сил в палате в пользу правительства. Вийоль хотел этими мерами запугать оппозицию, но достиг прямо противоположного эффекта.

Возникали политические клубы в защиту свободы прессы. Вийоль путем назначения раннего срока выборов пытался воспрепятствовать организационному укреплению оппозиции, которая временно объединяла группы левых и правых. Сторонники правительства получили на выборах 17.11.1827 г. только 180 мест, либералы также 180 мест и правая оппозиция — еще 75. Перед лицом такого соотношения сил Вийолю пришлось сдаться.

Итак, в качестве промежуточного решения остался кабинет правой середины, политически очень разнородный, под руководством адвоката из Бордо, Мартиньяка, которого по воле короля со временем должен был сменить Полиньяк. Мартиньян пытался еще раз маленькими шажками привести к согласию династию и либералов, расшатывая законы о прессе, закрыв несколько коллегий иезуитов и произведя персональные замены в полиции. Мартиньян потерпел крушение на реформе управления. Он хотел предоставить гражданам возможность принимать участие в решениях на локальном уровне. В то время как король не очень охотно поддержал этот проект, либералы отклонили его, поскольку он еще слишком сильно ориентировался на централистские основы и предусматривал назначение префектов, субпрефектов, а в конечном счете и бургомистров правительством. Попытка Мартиньяка потерпели неудачу, потому что ни один лагерь не был доволен его политикой середины, и король 8.8.1829 г. отправил его в отставку.

Крах

Карл X собирался поставить во главе нового кабинета де Полиньяка в надежде стабилизировать положение. Фактически же он способствовал этим подъему либерализма и обозначил конец собственного правления и правления династии вообще. Оппозиция сумела использовать непопулярность Полиньяка в пропагандистских целях, а его упрямство обострило политический кризис. Состав нового кабинета начал давать такой крен вправо, какого не было никогда раньше. Конфликт с палатой депутатов был предрешиен и некоторые ведущие чиновники ушли сами в отставку. Оппозиционный либерализм получил усиленную поддержку знатного общества, для которого назначение Полиньяка в августе 1829 г. и, наконец,

его приказы, изменявшие конституцию, в июле 1830 г. являлись открытым объявлением войны нации.

В оппозиции формировались новые группировки, на левом крыле — антидинастическая республиканская партия, на правом — орлеанистская партия. Герцог Орлеанский при новой расстановке сил предлагался как выход после того, как Бурбон покинул путь компромисса, что привело к усилению протеста столичного населения, напоминавшего эксцессы великой революции. В салонах буржуазно-либеральной оппозиции и в их газетах, как, например, в возрожденном «Национале», говорили об английском решении, т. е. о смене персон при сохранении общественных институтов, о парламентской монархии, когда король властвует, но не правит.

То, что дело дошло до такого положения и, более того, до революционной развязки, было вызвано непримиримой политикой Карла X и руководителя его правительства. При открытии парламентской сессии в марте 1830 г. произошел конфликт, когда на тронную речь короля группа депутатов в составе 221 человека ответила адресом. В нем короне предъявлялось обвинение в том, что она отступила от компромисса Хартии и сделала только короля третейским судьей между правительством и палатой. Карл X отверг эту дерзость. Правительство и монарх попытались найти спасение в новом роспуске палаты. Не сбылись надежды двора на то, что на фоне улучшения экономического положения и критической, даже угрожающей внешнеполитической ситуации (3.3 монарх пригрозил карательной экспедицией в Алжир, которая была проведена с 14.6 по 4.7) вновь повторится благоприятный результат выборов, как и на выборах в 1824 г.

Король сам вмешался в предвыборную борьбу открыто заявил 4.6: «Природа правительства была изменена, если бы моим привилегиям был нанесен ущерб. Исполняйте свои обязанности, а свои я сам могу

исполнить». Это было необдуманное выступление, способствовавшее падению правительства Полиньяка. Избиратели не дали себя запугать и избрали 274 депутата оппозиции в новую палату, в то время как сторонники Полиньяка получили только 143 места.

Но пока никто не говорил о революции, и дальнейшее развитие событий зависело от короля, который сам приблизил свой политический конец. Карл X не был готов признать парламентский характер монархии, а в требованиях либералов видел лишь дух революции. Первое же отступление, как он считал, было бы началом падения. Поэтому он хотел не уволить своих министров, а согласно ст. 14 Хартии объявить «меры и распоряжения, необходимые для исполнения законов и безопасности государства».

Полиньяк подготовил текст четырех приказов, имевших далеко идущие последствия. Они, во-первых, ограничивали свободу печати, во-вторых, объявляли о роспуске палаты, хотя она еще не успела собраться, изменяли избирательный закон, чтобы устранить от выборов либеральный деловой мир. Четвертый указ устанавливал дату новых выборов.

Это было открытое объявление войны оппозиции и вступало в противоречие с духом Хартии, на что тутчас же указали ее представители. Когда префект полиции 27.7 приказал конфисковать тираж трех газет оппозиции, в Париже начались демонстрации. Нападение Мармона главнокомандующим парижского гарнизона было воспринято как провокация, появились баррикады, один восставший был убит, было объявлено осадное положение. На следующий день 28.7, восставшие студенты, ремесленники, бывшие солдаты и национальные гвардейцы заняли ратушу. Когда Карл X отменил свои указы, было слишком поздно. Из страха перед революцией Мармон приказал стрелять в восставших. Когда на следующий день восставшие стали отбиваться и много солдат полегло, Та-

лейбран записал, посмотрев на часы: «В 12 часов 5 минут старшая ветвь Бурбонов перестала править». Действительно, город был в руках восставших, но среди оппозиции не было единства и король в Сен-Клу вел себя самоуверенно, во всяком случае, он думал об отречении в пользу герцога Бордоского и о регентском совете с несколькими ведущими либералами. Они между тем предпочитали другое решение — назначение герцога Орлеанского новым королем.

Когда он действительно 31.7 был введен в должность, Карл X, бежавший в Рамбуйе, думал спасти монархию отречением в пользу своего внука и назначением герцога Орлеанского генерал-лейтенантом королевства и регентом. Но герцог Орлеанский хотел получить полномочия от народных представителей, а не из других рук. И Карл выбрал бегство, а не сопротивление, когда демонстранты приблизились к Рамбуйе. Вновь оставался только путь в Англию, куда он отправился 16.8.1830 г. под эскортом двух французских фрегатов. Хотя английское правительство обеспечило ему и его небольшой свите право убежища, но с ним обращались как с частным лицом и не оказывали королевских почестей. Д'Артуа, называвший себя теперь граф де Понтье, вновь отправился в Холируд, где прожил 6 лет, пока в 1836 г. не решился вновь вернуться на континент. В дороге он заразился холерой, от которой спустя шесть дней после появления признаков болезни 6.1.1836 г. умер в габсбургском Герце. 11.11.1831 г. он был погребен там в церкви францисканцев.

Михаэль Эрбе

ЛУИ-ФИЛИПП

1830—1848

Родился 6 октября 1773 г. в Париже, герцог Орлеанский, 9 августа 1830 г. король Франции, 24 февраля 1848 г. отречение от престола в пользу внука Луи-Филиппа, графа Парижского, 3 марта 1848 г. отъезд в Англию. Умер 26 августа 1850 г. в Клермонте (графство Саррей), похоронен в католической церкви Вейбриджа (графство Саррей), в 1876 г. прах перенесен в королевскую капеллу Сен-Луи в Дре (департамент Ор-е-Луар).

Отец: Луи-Филипп, герцог Орлеанский (1747—1793). Мать: Аделаида дочь Луи Жана герцога Бурбон-Пентьеврского (1753—1821). Братья и сестры: Антуан Филипп, герцог Монпансье (1775—1807), Аделаида (1777—1847), Луи Шарль, граф Бодоле (1779—1808).

Брак в 1809 г. с Марией Амелией (1782—1866), дочерью короля Фердинанда I Сицилийского и Каролины Габсбург (сестры Марии-Антуанетты, супруги Людовика XVI). 10 детей, среди них: Фердинанд, герцог Орлеанский (в 1842 г. погиб при покушении), Луиза, супруга Леопольда I, короля Бельгии; Луи, герцог Немурский; Франсуа, принц Жонвиль; Анри, герцог Умальский; Антуан, герцог Монпансье (женат на Луизе, сестре королевы Изабеллы II Испанской).

Он происходил из рода, представители которого, принадлежавшие к младшей боковой ветви Бурбонов, с начала 18 века питали надежду на корону Франции. Надежд уже почти не осталось, когда 56-летний Луи-Филипп вззошел на трон. Почти два десятилетия он носил титул «короля французов» и пытался при этом выработать новые, соответствующие времени формы королевского достоинства. Корона, которую ему подарила буржуазия, была у него снята народом в 1848 г. На этом мечты о царствовании в его семье закончились.

Луи-Филипп, герцог де Валуа, с 1783 г. герцог де Шартр и с 1793 г. герцог Орлеанский, родился 6.10.1773 г. в Пале-Рояль в Париже, резиденции своей семьи, возведенной Ришелье и в 1672 г. подаренной Людовиком XIV своему брату Филиппу Орлеанскому. Он был старшим сыном герцога Луи Филиппа Жозефа Шартра (1747 — 1793 г.), носившего после смерти своего отца в 1783 г. титул герцога Орлеанского, и его жены Марии Луизы Аделаиды Бурбон-Пентьевр (1753 — 1821). Они были женаты с 1789 г.; их брак, давший 4 детей, был несчастлив и закончился в 1793 г. разрывом. Однако для герцога, правнука регента Филиппа Орлеанского, в финансовом отношении он был исключительно выгоден. Ибо его жена была дочерью одного из богатейших людей Франции, Луи Жана Мапри де Бурбона, герцога Пантьевра, внука короля Людовика XIV от его связи с маркизой де Монтеспан, детей которой «король-солнце» узаконил. Сестра графа была замужем за регентом Филиппом Орлеанским, так что в жилах Луи-Филиппа текла кровь не только Людовика XIII, но и его сына «Людовика Великого». После того, как он вступил на престол, льстецы даже поговаривали, что чертами лица он отдаленно напоминает «короля-солнце».

Отец Луи-Филиппа был весьма неоднозначной личностью. Высокообразованный, смелый офицер, одно-

Луи-Филипп (1830 – 1848)

временно прожигатель жизни, он попал в оппозицию к Людовику XV, самым решительным образом боролся против реформ Мопу и в 1771/72 гг. был отлучен от двора. Будучи довольно некритичным сторонником британской системы правления, он при Людовике XVI не упускал возможности выставить себя — в том числе и подчеркнуто не придворным стилем жизни — в качестве альтернативы сравнительно неопытному и политически не слишком хорошо ориентирующемуся монарху. В 1789 г. на собрании Генеральных штатов он относился к тем немногим видным представителям дворянства, кто выступал за сотрудничество с третьим сословием. Он вступил в якобинский клуб и после свержения короля в 1792 г. принял имя Филиппа Эгалите, чтобы подчеркнуть свои революционные настроения. Будучи депутатом партии Горы в Национальном Конвенте, он зашел настолько далеко, что в январе 1793 г. проголосовал за казнь Людовика XVI. Но по подозрению в организации с целью захвата власти он был схвачен, приговорен к смерти и в ноябре 1793 г. казнен.

Во время судебного разбирательства ему было вменено в вину и поведение его сына, который в начале апреля перешел к австрийцам вместе с генералом Дюмурье после его поражения при Неервиндене. Луи-Филипп служил адъютантом у Дюмурье. Перед этим он, воодушевленный революцией, вступил в якобинский клуб. И это было не случайно, потому что для высокородного дворянина того времени он получил необычное воспитание, основанное на идеях Просвещения. Оно кажется тем более необычным, что было доверено его отцом женщине, принадлежавшей к самым значительным фигурам французской духовной жизни рубежа 18—19 веков и известной как своими многочисленными романами, так и педагогическим произведением «Theatre d'Education» (1779): графине Стефании Фелисите де Жанлис (1746—1830). Впе-

чале придворная дама в доме Орлеанских и любовница отца Луи-Филиппа, она в 1782 г. руководила воспитанием юного принца и его братьев и сестер. Будучи восторженной почитательницей Руссо, она такое же внимание уделяла привычке к простой жизни, как и основательному изучению греческого, латыни и важнейших современных языков (Луи-Филипп впоследствии очень хорошо говорил по-английски и весьма бегло на итальянском, испанском и немецком). Внимание уделялось также математике, естественным наукам и музыке, а как молодой дворянин он занимался верховой ездой, фехтованием и танцами. Следует отметить, что не только трое сыновей герцога Орлеанского, но и их сестра Аделаида Евгения Луиза (1777 – 1847) получала это разностороннее образование. Она единственная из всех дожила до восшествия на престол своего старшего брата. Уже в 1792 г. она вместе со своей воспитательницей эмигрировала в Англию. Мадам де Жанлис объездила до 1800 года Центральную Европу, затем вернулась во Францию, где была назначена инспектором начального школьного обучения. Впоследствии Луи-Филипп, до восшествия на престол которого она дожила, выплачивал ей почетную пенсию.

Сам он в 1793 г. перешел к врагам, но в отличие от других эмигрантов отказался бороться против своей страны. Преследуемый властями Франции, в поисках убежища он вдоль и поперек исколесил Швейцарию и в конце концов в граубюнденском Райхенау под именем Шабо-Латура занял место учителя иностранных языков, математики и естественных наук. В 1795 г. он объездил северо-западную Германию и Скандинавию. Осенью 1796 г. уехал в Северную Америку и этим выполнил условие, давно поставленное Директорией, для освобождения своей матери и двоих братьев, которые как члены королевской семьи все еще находились во Франции в заключении. В январе 1800 г.

он отправился в Англию, где граф д'Артуа, младший брат казненного Людовика XVI (позднее король Карл X) и его свита встретили его крайне неприязненно. Но в конце концов произошло примирение, на которое пошел граф Прованский — Людовик XVIII.

Луи-Филипп пережил свержение короля Сицилии, куда он отправился в 1808 г. В ноябре 1809 г. он вступил там в брак с Марией Амелией (1782 — 1866), дочерью своего двоюродного брата Фердинанда IV (который под британской защитой управлял только этой частью Неаполитанского королевства) и подлинной вершительницы политики в Палермо (если ее не предписывали из Лондона) Марии Каролины (сестры Марии-Антуанетты). От этого брака, основанного на глубоком взаимном чувстве, между 1810 и 1824 г. родилось 10 детей, из которых восемь дожили до зрелого возраста. На Сицилии Луи-Филипп играл определенную роль при выполнении политических задач британским послом лордом Уильямом Бентинком (и получил за это от Лондона повышение своей ежегодной пенсии, выплачивавшейся уже с 1810 г., до 4000 фунтов стерлингов), сделал короткую, но безуспешную попытку участия в военных действиях в Испании против наполеоновских войск и, наконец, посвятил себя своей семье. Однако события весны 1814 г. внесли в его жизнь резкие изменения.

Так как у Людовика XVIII не было детей, то после графа д'Артуа и двух его также бездетных сыновей Луи-Филипп являлся непосредственным наследником трона. Поэтому, когда во Франции произошла Реставрация Бурбонов, он не смог оставаться далеко от Парижа. 3.5 состоялось прибытие туда Людовика XVIII, а уже две недели спустя во французскую столицу приехал Луи-Филипп. Король тотчас возвратил ему прежние владения семьи, так что в конце сентября он смог вместе с женой и детьми въехать в Пале-Рояль. Как принцу крови ему принадлежало

наследственное место в палате пэров, «палате лордов» французского парламента. Особенностью палаты пэров было то, что она скорее концентрировала либеральную оппозицию, в то время как в палате депутатов долгое время заседали в основном консервативные, если вообще не «ультрароялистские» депутаты. Луи-Филипп, который во время «100 дней» Наполеона отбыл в Англию, в политическом плане был весьма сдержанным. Во время так называемого «белого террора», который он, исходя из своих установок, мог только осуждать, основной его резиденцией был Твикенхем, расположенный западнее Лондона на Темзе. Здесь он находился до лета 1817 г. Людовик XVIII, который был очень раздражен тем, что даже среди европейских монархов его двоюродный брат считался лучшей кандидатурой на французский престол, так как смог бы предотвратить возвращение Наполеона, наказывал его за это явным пренебрежением, насколько это допускалось в рамках вновь введенного строгого придворного церемониала. Все это вызвало у Луи-Филиппа глубокую горечь.

Герцог Орлеанский, либеральные наклонности которого король связывал с трагедией 1820 г., вплоть до смерти Людовика XVIII в сентябре 1824 г. сторонился двора. После прихода к власти Карла X отношения между Тюильри и Пале-Рояль улучшилось. Тем не менее герцог посвящал себя не столько придворной жизни и политике, сколько приумножению своего состояния. Консультируемый банкирами типа Жака Лафита, находившимися в оппозиции бурбонскому режиму, он привел в порядок свои пошатнувшиеся, несмотря на возвращение семейной собственности, имущественные дела и улучшил их — в первую очередь после получения в 1821 г. наследства от матери — умелым ведением дел до такой степени, что стал одним из самых крупных землевладельцев и владель-

цев недвижимости во Франции, даже без учета производившегося с 1825 г. возмещения ущерба бывшим эмигрантом. При этом он вел нерасточительный, подчеркнуто буржуазный образ жизни, когда вопросы церемониала не играли никакой роли. Показательно, что только спустя год после восшествия на престол он решился переехать из Пале-Рояль в Тюильри. Своих сыновей он определил в общественную школу, лицей Генриха IV. Вообще, его дети, как некогда он сам, получили разностороннее образование, в которое он время от времени вмешивался, преподавая им историю. Это делало его все в большей степени воплощением надежд части либеральной оппозиции, однако он не давал двору поводов для сомнений в своей политической лояльности. Такое поведение — выжидать и одновременно зарекомендовать себя как альтернативу при грядущих изменениях — в 1830 г. было вознаграждено.

Уже в конце мая (за 14 дней до этого Карл X распустил палату депутатов, и все напряженно ждали результатов новых выборов) состоялись громкие демонстрации в пользу герцога Орлеанского. Когда Карл X 25.7 выпустил свои знаменитые указы, которые привели к восстанию народа Парижа, Луи-Филипп с семьей находился в своей летней резиденции в Неки.

Большая часть бойцов на баррикадах хотела провозгласить республику и назначить президентом престарелого Лафайета, штаб которого был захвачен восставшими в Отель де Вий. Большинство оппозиционных парламентариев настаивали на продолжении королевского правления главой Орлеанского дома. Они сгруппировались прежде всего вокруг Лафитта, из парижского дома которого предпринимались соответствующие меры. Так произошло, что молодой журналист и основатель оппозиционной газеты «Le national» Адольф Тьер 29.7 в Неки, как раз когда Луи-Филипп отсутствовал, сделал его сестре предло-

жение, чтобы герцог вначале стал регентом (именно регентом назначил его 2.9 и Карл X, уехавший в Рамбуйе и в этот день отказавшийся в пользу своего внука). Луи-Филипп принял предложение, которое фактически исходило от большинства палаты депутатов, после некоторого колебания. 31.7 он заявил в прокламации, адресованной народу Парижа, что он твердо опирается на конституцию и в сопровождении нескольких видных депутатов (среди них Лафитт и Бенжамен Констан) отправился в Отель де Вий, чтобы засвидетельствовать свое почтение Лафайету. Оба демонстративно обнялись на балконе ратуши, и присутствовавший народ с ликованием встретил своего нового владыку или, как с горечью метко сформулировал Шатобриан: «Le baiser republicain de La Fayette fit un roi».

3.8 собрались обе палаты парламента. Впрочем, из 430 депутатов присутствовало только 252, а из 365 пэров — 114, но более 4/5 проголосовало за пересмотр «Конституционной Хартии». Он касался прежде всего отмены преамбулы Людовика XVIII и статьи 14, составлявшей правовую основу июльских указов, далее, разработки концепции решительных изменений в составе палаты пэров, которые, впрочем, были произведены лишь в декабре 1831 г. С тех пор больше не было наследственного пэрства, а король жаловал места пожизненно заслуженным чиновникам и представителям крупной буржуазии. После того как Луи-Филипп заявил о своей согласии с этим, 7.8 престол был объявлен свободным и предложен герцогу Орлеанскому, присягнувшему на новой Хартии. Официально возведение на престол произошло два дня спустя в Бурбонском дворце, месте заседаний палаты депутатов. Луи-Филипп назвал себя — в отличие от обоих своих предшественников — не «король Франции и Наварры», а «Roi des Français», т. е. подчеркивал связь нового режима с народом, что также долж-

но было подтвердить приверженность монархии одному из требований нового времени, как и то, что бурбонский флаг с лилиями был заменен триколором.

«Орлеанистское» решение было тогда для Франции наверняка самым верным путем, чтобы выйти из государственного кризиса, развязанного Карлом X, — внутриполитического, потому что к рычагам власти вновь приходили те круги буржуазии, с которыми уже сотрудничал Наполеон I и которые являлись в экономическом отношении решающей силой; внешнеполитического, так как свержение «легитимного» властителя и создание республики вновь призвало бы к действию Священный союз (ведь из-за этого Франция сама осуществила интервенцию в Испанию в 20-е годы). Внутри страны Луи-Филипп олицетворял примирение старого королевского дома с принципами 1789 г. В нем видели гаранта как против реакции сил старого режима, так и против радикализма якобинства. А за границей он считался отпрыском законно призванной к владычеству французской династии, от которого можно было ожидать политики в духе идеи равновесия Венского конгресса, т. е. направленной против желаемой многими французами ревизии границ. Поэтому еще до сентября 1830 г. он был официально признан всеми великими державами. Тем не менее, именно в это время бельгийский кризис подверг испытанию на честность его внешнюю политику.

Под влиянием событий в Париже в конце августа 1830 г. в Брюсселе произошло восстание против господства нидерландского короля, которое в конечном счете привело к отделению Бельгии от созданного в 1815 г., по желанию Англии, королевства Объединенных Нидерландов. Собравшийся в ноября в Брюсселе бельгийский Национальный конгресс решил, что страна должна стать парламентской монархией. В начале февраля 1831 г. второй сын Луи-Филиппа, герцог Людвиг Немурский (1814 — 1896) был избран

королем, впрочем, весьма незначительным большинством (97 из 192 голосов). С одной стороны, французский король был этому рад, потому что иначе королем бельгийцев был бы избран сводный внук Наполеона, юный герцог Лихтенбергский, а «наполеонид» на троне в Брюсселе — несмотря на то, что он, возможно, вызвал бы интервенцию великих держав и это привело бы к напряженности на северной границе Франции — вполне мог стать со временем угрозой внутренней стабильности Франции. С другой стороны, принятие избрания 16-летнего французского принца могло бы рассматриваться как французская экспансия в Бельгии, что противоречило в первую очередь интересам Лондона. Поэтому Луи-Филипп 17.2.1831 г. отверг сделанное делегацией бельгийского конгресса предложение. После этого был избран тесно связанный родственными узами с британским королевским домом Леопольд фон Саксен-Кобург-Гота, который в августе 1832 г. вступил в брак со старшей дочерью Луи-Филиппа Луизой (1812 — 1850). Таким образом, были удовлетворены британские интересы в нидерландском регионе и тесно породнены новый бельгийский и орлеанский королевские дома. Кроме того, летом 1831 г. Франции удалось сорвать силовую попытку Ден Хаага восстановить единство Нидерландов и Бельгии, при этом у правительств других великих держав не возникло подозрения, что она хочет вновь сдвинуть свою границу на север.

Такая осмотрительная политика проводилась не в последнюю очередь благодаря советам старого Талейрана, который в начале 1830 г. прибыл в Лондон в качестве французского посла и оставался там до 1834 г. В значительной степени по его инициативе, в ноябре 1830 г. состоялась Лондонская конференция великих держав, на которой они признали независимость Бельгии и в то же время предусмотрели нейтрализацию страны, далее, в октябре 1831 г. были провозглашены

так называемые 24 статьи, урегулировавшие спорные вопросы между Брюсселем и Ден Хаагом. Это явилось началом англо-французского сотрудничества, осуществлявшегося Талейраном и министром иностранных дел с октября 1832 по февраль 1836 г., причем и Париж и Лондон преследовали общие интересы в своей восточной политике и в покровительстве либеральным движениям в Германии, Италии и Испании. Такая кооперация привела к трениям с консервативными великими державами Австрией, Пруссией и Россией, которые, со своей стороны, подтвердили принципы, основывавшиеся на идеях Священного союза, и свою готовность к интервенции в случае смут и угрозы легитимным монархиям в богемском Мюнхенгретце в 1833 г.

В противоположность этому Лондон, Мадрид, Лиссабон и Париж в августе 1834 г. договорились не потерпеть вмешательства во внутренние дела Португалии и Испании, где «легитимисты» во главе с доном Мигелем и, соответственно, доном Карлосом и «конституционалисты» во главе с королевой Марией и, соответственно, королевой Изабеллой как раз вели борьбу. Однако эта политика принесла преимущества в основном британцам, так как обе стороны все больше опирались на Лондон и открывали путь прежде всего английскому экспорту, в то время как французское влияние ослабевало. Сближение с Австрией с 1835 г. должно было давать новую ориентацию французской внешней политике. Но поскольку планы брака между кронпринцем Фердинандом Филиппом (1810—1842) и габсбургской принцессой рухнули из-за вето Меттерниха, соглашения с Веной не состоялось, в то время как отношения с Лондоном стали более прохладными, не в последнюю очередь из-за взаимных претензий в торговой политике. Когда в 1839 г. в ходе так называемого восточного кризиса Европа шла к всеобщей войне, Франция осталась одна. Причиной

кризиса на Ближнем Востоке послужили прежде всего внутренние противоречия в Османской империи между султаном и его египетским вице-королем Мухаммадом-Али, склонным к европейской модернизации. Уже в 1832 г. он дошел до Стамбула и только после интервенции европейских великих держав отступил. Перед лицом растущей слабости «больного человека на Босфоре» Великой Порте в 1832 г. пришлось стать под защиту царя и в июле 1833 г. подписать договор, запрещающий всем иностранным судам проход через проливы Босфор и Дарданеллы. Мухаммед-Али планировал создание империи, включавшей Египет, Судан, святые места Аравии, Палестину и Сирию. Эту политику Париж поддерживал из-за экономических интересов Франции на Ближнем Востоке. Когда Мухаммед-Али в 1839 г. вновь двинулся против Сирии и наголову разбил османские войска, Порта прибегла к поддержке Лондона и прочих великих держав, которые решили взять под совместную защиту Османское государство. Но так как Мухаммаду-Али приходилось очистить почти всю Сирию, Париж воспротивился тому, что его подопечный лишится почти всех завоеваний. Линия Парижа еще больше ужесточилась, когда в марте 1840 г. министерство иностранных дел перешло от бывшего наполеоновского маршала Сульта к Адольфу Тьеру, которого — в надежде, что коалиция четырех великих держав против Франции долго не удержится — не пугала даже всеобщая война, чтобы решить восточный вопрос в интересах Франции.

Вершина «восточного кризиса» была достигнута, когда британский министр иностранных дел лорд Пальмерстон, не поставив об этом в известность французского посла, 15.7.1840 г. заключил с представителями других великих держав в Лондоне конвенцию, в которой Мухаммаду-Али в ультимативной форме выдвигалось требование освободить завоеванные области. Этот

афронт вызвал во Франции большое возмущение. Все громче звучал призыв к войне, на этот раз в целях ревизии границ на севере и востоке, что, в свою очередь, вело к вспышкам национализма с немецкой стороны. Тогда появились знаменитые «Рейнские песни» Николауса Бекера, Макса Шнекенбургера, Альфреда де Мюссе и др. На гребне общественного возмущения Тьер был готов рискнуть восвать, тем более что египетских союзников считали непобедимыми. Однако в сентябре 1840 г. он был вынужден отступить вследствие интервенции британского флота (правда, в 1841 г. было официально признано его владычество над Египтом, в то время как Порта по Дарданелльскому договору вновь получила суверенитет над проливами). Луи-Филипп отступил перед риском войны, в которой Франции пришлось бы сражаться одной, и в октябре заменил Тьера на бывшего посланника в Лондоне, Франсуа Гизо. Угрозу войны удалось предотвратить, но ценой этой рискованной политики стало то, что Франция на Средиземном море — кроме расширения ее приобретений в Алжире — больше не играла роли. Она оказалась в международной изоляции и вновь выступала как помеха всеобщему миру. Эта изоляция продлилась до Крымской войны 1854/55 г. Остальное время правления Луи-Филиппа протекало без значительных внешнеполитических событий.

Постоянное движение во внешней политике в какой-то степени соответствовало внутренним разногласиям и спорам о курсе. К началу 30-х г. они шли между двумя большими партийными группами «Сопротивление» и «Движение». В движение Франция пришла благодаря Июльской революции. В Париже, как и в провинции, многие надеялись на начало новой эпохи свободы, процветания, которое помнили по временам Наполеона. Однако не было видно конца экономическому кризису. Кроме того, различные волнения и революции 1830 г. привели в движение политические силы в Европе. Во Франции многие надеялись на

то, что дан сигнал к ломке окостеневших структур меттерниховской системы государств, а также авторитарных конституционных отношений в различных странах без подлинного парламентского представительства или участия в обсуждении. Первым, кто заговорил о «партии движения» во Франции, был в ноябре 1830 г. депутат Одилон Барро. Наряду с Лафайетом, который, впрочем, вследствие своего возраста больше не мог играть значительной политической роли и в 1833 г. ушел с поста верховного главнокомандующего Национально гвардии, к ней относился прежде всего Как Лаффитт. Когда Луи-Филипп в начале ноября назначил его министром без портфеля и одновременно премьер-министром, он тем самым учел ожидание несомненных изменений в стране, хотя с внешнеполитической точки зрения самым разумным было бы работать с более умеренными политиками. Так как Лаффитт активно вмешивался в волнения в Бельгии и Италии в интересах распространения французского влияния, король был вынужден отправить его в отставку в марте 1831 г.

С тех пор, не считая восточного кризиса 1839/40 г., «партия сопротивления» в значительной степени вернула судьбы Франции. 13.3 Луи-Филипп назначил премьер-министром банкира Казимира Перье, программа которого звучала кратко: «Il faut que la securite et la tranquillite renaissent». Перье был политиком несгибаемой силы воли, которую он проявил сначала в том, чтобы король больше не председательствовал на заседаниях кабинета, что должно было доказать независимость правительства от монарха. Чтобы утихомирить брожение внутри страны, он в марте и апреле провел через парламент три закона, подготовленных еще его предшественником. Первый вводил выборы муниципалитетов и тем самым шел навстречу желанию буржуазии о большей автономности коммун. Второй открыл Национальную гвардию, офицеры которой должны были избираться, всем налогоплательщикам. Третий

снизил ценз для активного избирательного права на треть (с 300 до 200 франков годовых налогов), а для пассивного — наполовину (с 1000 до 500 франков), т.е. настолько, что правом избрания в палату депутатов обладали не 90 000, а 166 000 избирателей, число которых к 1848 г. возросло до 250 000. Все это отвечало интересам в первую очередь крупной, но также и части средней буржуазии, вместе с полицией участвовавшей в подавлении протестов рабочих. Такие восстания проходили в Париже и в ноябре 1831 г. в Лионе, где первое настоящее рабочее восстание в истории Франции удалось подавить только с помощью войсковых соединений. Следствием этого было образование все более крепнувшей оппозиции, в которой социалисты начинали играть все большую роль.

Перье умер в мае 1832 г. от свирепствовавшей во Франции холеры. Эпидемия больше усугубила чувство всеобщего горя. В начале июня в Париже в связи с церемонией погребения очень популярного, республикански настроенного генерала Ламарка — бывшего сторонника Наполеона, подвергшегося при Реставрации репрессиям, — произошло восстание. Оно было подавлено Национальной гвардией, пролилась кровь. 30 лет спустя это событие описал Виктор Гюго в романе «Отверженные». Общая политическая ситуация осложнялась еще и тем, что невестка Карла X, герцогиня Берри, в конце апреля высадилась в Марселе и попыталась поднять восстание в пользу своего сына, герцога Бордоского. Когда это не удалось, она отправилась в традиционно роялистски настроенную Вандею. Но и здесь ей не удалось поднять всеобщего мятежа. По доносу одного из доверенных лиц она была в начале ноября схвачена в Нанте. Ее дело было дискредитировано и у легитимистов тем, что в тюрьме она родила внебрачного ребенка. Потому после родов правительство освободило ее, не опасаясь дальнейший эксцессов. Это заставило замолчать легитимистскую оппозицию. Однако интегрировать ее в новый режим

все же не удалось. Счастливым обстоятельством для Июльской монархии явилось смерть единственного законного сына Наполеона I, герцога Рейхштадтского, что лишило сторонников прежней императорской власти необходимой для них фигуры.

Луи-Филипп в октябре создал новый кабинет министров, в котором герцог Брогли стал министром иностранных дел, относительно популярный Тьер — министром внутренних дел, Сульт — военным министром, а историк Гизо — министром образования. Они вновь крепко взяли бразды правления в свои руки и отвели королю в соответствии с конституцией скорее репрезентативную роль. Но и этому кабинету пришлось прибегать к силовым методам в обстановке всеобщего недовольства, приводившего к мятежам.

Повод для этого давало объединение «Друзей народа», из которого в 1832 г. вышел «Союз прав человека и гражданина», разделившийся на многочисленные секции с количеством членов до 20 человек. Он казался правительству опасным из-за того, что вступал в противоречие с ним, пользуясь правами прессы, в то время как правительство готовило закон о запрете даже небольших союзов. Это привело 13.4.1834 г. к сооружению в квартале на улице Бобур баррикад и убийству невиновных. Ситуация была и так напряженной, потому что с февраля, когда состоялась всеобщая забастовка лионских ткачей, переросшая в восстание, буря казалась неминуемой. Политическими процессами против руководства республиканцев, затянувшимися до 1836 г., это движение было в конце концов полностью подавлено.

Итак, поскольку лагерь противников — социалистов, республиканцев и легитимистов — был расколот, Июльская монархия одерживала победы по всем направлениям. Однако результатом явилось падение популярности нового короля, на готовность которого к реформам вследствие его «революционного» прошлого рассчитывали в широких кругах общественности

и которого даже считали исполнителем политическо-го завещания Наполеона. За несколько лет правления были совершены многочисленные покушения на короля — среди них исключительно тяжелое с помощью так называемой адской машины в июле 1835 г. — но Луи-Филипп оставался невредимым.

Растущим долгом Июльской монархии стало то, что не произошло интеграции тех кругов, которые совершили революцию 1830 г. и пролили за нее кровь. Итак, орлеанистское правление превратилось в чисто плутократический режим либо господство так называемых благородных, т. е. политической элиты, которая была тесно связана с высшим чиновничеством, миром банкиров, крупных торговцев и промышленников, к которой относилась и горстка интеллектуалов, породнившихся с этими кругами. Короче говоря, речь шла о плутократической олигархии, обсуждавшей только себя и рассматривавшей государство в какой-то мере как свою собственность.

Луи-Филипп хорошо вписался в этот режим, поскольку по своей сущности вполне соответствовал его склонностям. На всем пути своего становления он скорее был сторонником именно тех слоев крупной буржуазии, которые способствовали изменениям непосредственно после 1789 г. и принесли как Директорию, так и консулат в наполеоновскую военную диктатуру. Уже во время Реставрации он установил связи с кругами крупных банкиров. В качестве короля ему пришлось довольствоваться содержанием лишь в 12 млн франков (в отличие от Карла X с его 40 млн франков). Из страха, что с ним может произойти то же, что и с Бурбоном, и он окажется в изгнании почти без средств к существованию, он передал детям свое состояние. К концу 1830 г. оно резко увеличилось благодаря наследованию имений Конде. Сам он продолжал жить сравнительно скромно, что теперь скорее вызывало насмешку. Он стал излюбленным объектом ядовитых карикатур — самой известной (и послужив-

шей примером для остальных) была карикатура Шарля Филиппа 1831 г., на которой голова и физиономия короля благодаря трансформации некоторых черт постепенно превращается в грушу. Луи-Филипп старался подчеркнуть преемственность французского престола. В 1832 г. на средства своего личного королевского бюджета он восстановил сильно запущенный со времен Великой революции Версальский дворец, украсил его произведениями искусства и сделал национальным музеем. В 1836 г. была закончена начатая еще во времена Империи Триумфальная арка Наполеона. В 1840 г. король охотно согласился со своим министром Тьером и с британского согласия поручил своему сыну Франсуа де Жуанвиллю перевезти останки императора с о. Св. Елены в Париж, где поместил их в Дом инвалидов. Надгробие, спроектированное Эннио Квирино Висконти, было украшено 12 статуями победы Жан-Жака Прадье, который выполнил рельефы на Триумфальной арке. Однако ему не удалось использовать в своих интересах преклонение перед Наполеоном: на всплеске этой волны племянник великого императора, Луи-Наполеон Бонапарт, попытался устроить путч в 1840 г.

Последние восемь лет правления Луи-Филиппа отмечены влиянием Франсуа Гизо (1787—1874). Протестант, родом из Нима, со своими доходившими до твердолобости принципами все больше завоевывал доверие монарха, с тех пор как в октябре 1840 г. он принял должность министра иностранных дел. В сентябре 1847 г. Гизо стал премьер-министром. Что касается Великобритании, то он находился в полном согласии с Луи-Филиппом, которого связывали особенно хорошие личные отношения с молодой королевой Викторией. Успешное сотрудничество между Парижем и Лондоном (после первой мировой войны его даже называли первым Сердечным согласием) было необходимо уже потому, что французская экономика, прежде всего для строительства железных дорог в 40-х г.,

срочно нуждалась в английском капитале. Поэтому пришлось отказаться от планов таможенного союза с Бельгией и Нидерландами в противовес руководимому Пруссией Германскому таможенному союзу. Британия после унижения Франции во время Восточного кризиса не препятствовала французской экспансии в Алжире. Подчинение Атласского региона и примыкающих к нему территорий после тяжелых кровопролитных боев, в которых многократно отличались сыновья Луи-Филиппа, закончилось наконец в октябре 1847 г., когда ставший почти легендарным предводитель арабов Абд эль Кадир сдался младшему из принцев, герцогу Анри д'Омалю и вручил ему свою любимую кобылу. Лишь поздним летом 1846 г. между Парижем и Лондоном еще раз произошли недоразумения, когда Гизо попытался заключить брак между одним из сыновей короля и сестрой испанской королевы Изабеллы. Но и этот конфликт был улажен.

Однако Июльская монархия вновь попала во внутренний кризис. Если выборы 1831, 1834, 1837, 1839 и 1842 г. редко приносили явное большинство сторонникам монархии, то в августе 1846 г. Гизо все же удалось одержать убедительную победу. Казалось, что его жесткая антиреформистская линия и режим цензуры были поддержаны. И действительно, Июльская монархия стала несколько популярнее из-за высокой конъюнктуры в 1840 г. Однако ни король, ни его главный министр не разглядели, что тем временем даже в кругах буржуазии росло недовольство, которое нельзя было недооценивать. Дело было не только в том, что накапливалось все больше социально взрывоопасного материала, так как значительно увеличился разрыв между нищетой и богатством, но повсеместно распространялось убеждение, что избирательная система должна быть изменена.

Сигналом послужил успех на довыборах в палату депутатов в 1841 г. отъявленного противника режима адвоката Александра-Августа Ледрю-Роллена. В па-

лате все чаще звучало требование изменения избирательного права — вплоть до его распространения на всех налогоплательщиков. В самой королевской семье его поддерживал исключительно популярный кронпринц, герцог Фердинанд Орлеанский. Однако после того, как в середине июля 1842 г. он погиб, в непосредственном окружении Луи-Филиппа не осталось защитников реформ, чей голос был бы услышан. В 1847 г. умерла «Мадам Аделаида», чьими разумными советами Луи-Филипп редко пренебрегал. С тех пор король был больше озабочен сохранением власти для себя и своей династии и отвергал всякую мысль о политических изменениях. При этом он упускал из виду, что победа на выборах 1846 г. была только кажущимся триумфом, система все в большей степени характеризовалась финансовыми скандалами, взяточничеством как в парламентах, так и в правительственных кругах. Показательна в этом отношении карикатура конца 40-х г.: на ней изображены депутаты, вооруженные толстыми шлангами, по которым перекачиваются деньги.

На требование о снижении избирательного ценза Гизо не нашел ничего лучше, как ответить циничным замечанием. Премьер министр не хотел говорить даже о снижении избирательного ценза до 100 франков, чего Дюверже весной 1847 г. безуспешно пытался добиться в парламенте.

Политический кризис Июльской монархии обострился из-за разразившегося зимой 1846/47 г. экономического кризиса. Сначала его можно было отнести, как и оба предыдущих 1826—1829 и 1837—39 г., на счет тяжелых потерь в урожае пшеницы и картофеля. Из-за государственного импорта зерна из Восточной Европы рынок капиталов был оченьотягощен, что усугублялось строительством железных дорог в предшествующие годы. Многие краткосрочные кредиты лопнули и не были продлены. Следствием явились банкротства, массовые увольнения и рост безработицы. Недовольство бедствующих

низших классов увеличилось настолько, что у господствующих классов появился страх, что при возникновении беспорядков правительство не сможет держать ситуацию под контролем. Единственным выходом казалось расширение избирательной базы режима. Лето 1847 г. началось движением так называемых банкетов: чтобы пропагандировать реформы, прежде всего избирательного права, и при этом обойти строгие запреты союзов и собраний, сначала в Париже, а затем и в самых больших городах провинции организовывались обеды, на которые нужно было вносить такие значительные суммы, что это могли позволить себе только состоятельные люди, т. е. простой народ исключался. В произносившихся за столом речах выдвигались требования реформ, в необходимости которых уже было убеждено большинство, но иногда слышались и резкие нападки на правительство. В общей сложности состоялось около 50 таких банкетов, в них приняло участие не более 20 000 гостей. Они наверняка не представляли настолько большой угрозы, чтобы король счел необходимым в своей тронной речи по случаю открытия новой парламентской сессии обеих палат в конце декабря 1847 г. реагировать так резко. Как сигнал тревоги следовало расценить то, что смягчавший взволнованные высказывания проект изменений, представленный консервативным депутатом, 12.2.1848 г. был отклонен со сравнительно малым перевесом 222 против 189 голосов. Это был последний политический успех Гизо. Во всяком случае, он чувствовал себя достаточно сильным, чтобы запретить назначенный на 22.2.1848 г. в Париже банкет.

Этот запрет 22.2 привел к первым беспорядкам и сооружению баррикад. Когда Гизо на следующий день попытался мобилизовать Национальную гвардию, она отказалась подчиняться. Лишь теперь Луи-Филипп понял, насколько непопулярен его первый министр, и во второй половине того же дня отправил его в отставку. Однако революцию уже нельзя было сдержать. Когда Гизо покидал министерство иностранных дел

на Бульваре Капуцинов, он был освистан собравшейся толпой. В ответ на это члены Национальной гвардии открыли огонь и убили 16 демонстрантов, которых как мучеников повезли по улицам на повозках. Луи-Филипп попытался сформировать новый кабинет, чтобы спасти положение, но даже из тех политиков, которые последние годы ратовали за реформы, чтобы сохранить режим, никто не был готов прийти на помощь королю перед лицом все обостряющейся ситуации. Поэтому 24.2 он отрекся от престола в пользу своего внука, 9-летнего графа Луи-Филиппа Парижского. Однако его заявление, что он не хочет напрасно проливать французскую кровь, как бы гуманно оно ни звучало, никого не убедило. Во всяком случае, в последний момент он побоялся использовать против народа регулярные войска.

Надежда сохранить трон для Орлеанского дома с помощью отречения не оправдалась. В Париже была провозглашена Республика и с одобрения палаты депутатов создано Временное правительство. Луи-Филипп вначале отправился в Дре, а 3.3 с согласия английского правительства отплыл из Гавра в Англию и поселился южнее Лондона, под Эшером, в расположенном в графстве Сореи замке Клермон. Не оправдались надежды на то, что законодательное Национальное собрание, избранное в конце апреля и в основном состоявшее из умеренных депутатов, в условиях уже разразившихся в молодой Республике внутренних конфликтов вновь призовет на трон Орлеанский дом. Воля к жизни у 75-летнего короля была сломлена. Хотя он еще принимал визиты политиков, стоявших на его стороне во времена его правления, в том числе дважды Гизо, но его силы заметно убывали. К началу 1850 г. стало ясно, что он страдает неизлечимым заболеванием печени. Утром 26.8.1850 г. он умер.

Луи-Филипп был похоронен в склепе католической церкви Вейбриджа (Соррей), где нашла вечный покой и его жена, пережившая его на 16 лет. В 1876 г. — когда

еще серьезно обсуждался вопрос о восстановлении королевского правления во Франции, — останки королевской четы были перенесены в усыпальницу в Дре.

С крахом Луи-Филиппа во Франции был упущен исторический шанс примирить старый режим с его глубоко укоренившимися традициями и новую парламентско-демократическую форму правления. Вначале Луи-Филипп казался для этого вполне подходящей кандидатурой. Монарх, который охотно выходил на балкон к народным собраниям и вместе с ними пел «Марсельезу», в конечном счете все-таки не увидел несоответствия своего понимания королевской власти духу времени. Однако он понял, что эрзац-дворянство, с помощью которого он правил — крупнобуржуазные «благородные» — представляет собой столь же ненавидимую народом олигархию, как и дворянство 1789 г. В блестящем описании характера Луи-Филиппа, которое ввел Виктор Гюго в свой роман «Отверженные», метко сказано: «Признанный поверхностно, но мало созвучный Франции, он ловко умел выпутываться из трудностей, слишком много управлял, недостаточно властвовал и сам был своим премьер-министром. (...) Луи-Филиппа можно было бы отнести к сиятельнейшим властителям истории, если бы он только хоть немного любил славу и имел чутье на великое и на полезное».

Он не сумел своевременно превратить буржуазную королевскую власть в народную королевскую власть и одновременно подняться над партиями в стране как интегрирующий фактор государственной жизни, т. е. действовать примирительно, а не поляризующе. Однако поскольку он в сущности был «партией», как и оба его предшественника, он вместе с ними нанес смертельный удар королевской власти во Франции.

Михаель Эрбе

НАПОЛЕОН III

1848/52—1870

Шарль Луи Наполеон Бонапарт, родился 20 апреля 1808 г. в Париже; 10 декабря 1848 г. Президент Французской республики, 2 декабря 1852 г. император французов (Наполеон III), взят в плен под Седаном 2 сентября, потерял трон 4 сентября 1870 г. (официальное решение Национального собрания 1 марта 1871 г.), плен до 19 марта 1871 г., умер 9 января 1873 г. в поместье Кемдэн в Чизлехерсте (графство Кент), похоронен на местном кладбище, останки перенесены в 1888 г. в церковь Св. Михаила в Фарнборо (Хэмпшир).

Отец: Луи, брат Наполеона I, король Голландии (1778—1846). Мать: Гортензия Богарнэ, падчерица Наполеона I (1783—1837). Сводный брат Шарль-Август Луи Жозеф, граф, позднее герцог де Мори (1811—1865).

Брак в 1853 г. с Евгенией-Марией Монтье де Гузман, графиней Теба (1826—1920); сын Луи Наполеон (1856—1879).

В исторической памяти он с легкого слова Виктора Гюго остался «Наполеоном Малым». Один из его биографов писал в 1934 г.: «Если бы он умер к началу 1870 г., он, без сомнения, мог быть отнесен к величайшим правителям Франции...» Фактически он не только долго правил страной, но на фазе ее внутреннего развития дал

существенные импульсы для модернизации, как и его дядя. Иначе, чем корсиканский полководец, он вывел Францию из крупной, кровавой дорогостоящей войны и утвердил ее как решительную силу на континенте. При нем Франция была по крайней мере такой же, как и при первом императоре. Наполеон III все же является одной из заметных фигур новой истории, с другой точки зрения. Его режим обладал почти всеми чертами тех современных диктатур, которые определили развитие нашего века. В то же время он единственный диктатор современного толка, который создавал свой режим на демократически-парламентской основе.

Будущий французский президент и император родился 20.4.1808 г. в Париже. Он был сыном младшего брата Наполеона Луи (1778—1846), короля Голландии (с 1806 г.) и падчерицы императора Гортензии (урожд. Богарнэ, 1783—1837). Он был крещен как Шарль Луи Наполеон. Со смертью юного Наполеона (сына императора) и кончиной старшего брата Шарль Луи Наполеон подвинулся на место главы дома Бонапарте, которое не хотели или не могли занять братья императора. Он называл себя не иначе как Луи Наполеон и рассматривал себя как претендента на трон в обновленной французской Империи. То, что его мечты осуществились, хотя и с опозданием на два десятилетия, объясняется рядом политических случайностей и планомерной и умной политикой. Едва ли кто-нибудь до 1848 г. отважился бы предсказать восхождение представителя прежнего императорского дома до могущественнейшего государственного деятеля Европы. В 1815 г. Бонапарты были полностью изгнаны из Франции, Они жили в изгнании в различных странах, и именно Луи Наполеон едва ли подходил для того, чтобы пойти по следам великого императора. В то время как его старший брат рос у отца во Флоренции, Луи Наполеон воспитывался матерью. Сначала он занимался с частными французскими учителями, а

Наполеон III (1848/52—1870)

с 1821 г. три года ходил в гимназию в Аугсбурге, где получил основательные знания древних языков, и прежде всего латыни, которые отразились в опубликованной им «Истории Юлия Цезаря» (1865/66 г.).

В 1825 г. его мать переехала в Швейцарию. Там семья провела лето, а зимние месяцы — в Италии, преимущественно в Риме и Флоренции. В тосканской столице Луи Наполеон узнал лучше своего брата, почувствовал к нему глубокое расположение и сблизился с ним. Наполеон Луи рассказал ему об идеях молодого итальянского национального движения и познакомил с карбонариями. Луи Наполеон, который с детства поклонялся культу Наполеона и стремился к тому, чтобы стать императором, этим восхитился. Планы действовать совместно под русским командованием в освобождении Греции от османского гнета привели к тому, что оба брата участвовали в 1831 г. в авантюрном походе карбонариев из Флоренции в Рим, но прекратили свою деятельность по настоятельной просьбе семьи. На пути домой Наполеон Луи, получивший кинжальную рану, заболел корью и умер 17.3. Луи Наполеон бежал с фальшивым британским паспортом во Францию, а потом в Англию. Французский посол позаботился о его возвращении в Швейцарию.

Эти события подтолкнули его к созданию политической программы, которую он написал в 1832 г., озаглавив «Политические мечты». В ней отразилась идея, заимствованная частично из «Исторической хроники Св. Елены» Наполеона. Но здесь уже было вчерне представлена конституционная система, введенная позднее во Франции: три власти, поддерживающие равновесие, должны стать основой государства — народ как узаконенная власть через выборы или плебисциты, законодатели как законодательная власть и император как исполнительная. Интересной является мысль, что международный мир был бы лучше всего сохранен, если бы правители дали своим народам под-

ходящие конституции, т. е. демократические права. С этой программой и их последующей легитимизацией в качестве претендента на французское императорство Луи Наполеон намеревался заняться внутренними отношениями.

Его советчиком был молодой экс-республиканец Жан Виктор Фиален (1808—1872). Когда его удалили из армии, он прибил к дому Бонапарте. Прежде всего его влиянию следует приписать то, что Луи Наполеон в конце октября 1836 г. в Страсбурге попытался поднять и провести на Париж артиллерийский полк, надеясь на захват власти по примеру Наполеона в 1815 г. Предприятие потерпело крах, французское правительство взятого в плен Луи Наполеона не отдало под суд, а эвакуировало в США. Оттуда он вернулся в Европу в 1837 г. и поселился в Англии, чьи внутренние отношения обстоятельно изучал. Здесь же он опубликовал в 1848 г. книгу «Идеи наполеонизма». Эта книга имела оглушительный успех. Распространение недовольства во Франции побудило Луи Наполеона еще к одной попытке государственного переворота, которая в начале августа 1840 г., как и первая, была подавлена. На этот раз к Луи Наполеону отнеслись менее снисходительно: он был приговорен к пожизненному заключению за государственную измену и помещен в крепость Хам, восточнее Амьена, где, впрочем, содержался с большим почетом. В 1845 г. во время ремонтных работ в крепости он бежал, переодетый каменщиком, и попал в Англию. Во время бегства он использовал для интенсивных занятий естественных научных экспериментов. Кроме того, появились его следующие работы — руководство по разведению сахарной свеклы и социально-политическое эссе «Распространение пауперизма», которое опубликовалось в 1844 г. в газете «Прогресс дю Падде-Кале», а потом вышло отдельной книгой. До 1848 г. она выдержала семь изданий и нашла понимание за

рубежом. В ней он требовал от государства больше финансовой поддержки рабочих, чьи организации он хотел признать. Выход из нужды многочисленного рабочего класса он видел в переселении людей в деревню, где они должны будут обрабатывать пустующие земельные участки. Кроме того, он думал на широким рабочим представительством с так называемыми *prudhommes*, которые с одной стороны служили как бы «прослойкой» между массами и государством, а с другой — должны дисциплинировать рабочих. Часть из них управляет рабочими колониями, из которых промышленность по мере необходимости могла бы брать силы. Совместная жизнь в поселках-общинах вне городов должна быть автономной, пенсионные фонды и сберегательные кассы в крайнем случае оказывали бы помощь. Руководители, выбранные *prudhommes*, образуют собрание, которое дает советы социального и хозяйственного свойства министру внутренних дел. Этот документ основан на подробных расчетах. Он с одной стороны отражал вес аграрного сектора в экономике Франции, а с другой — современные идеи о занятости с позиций досоциалистических утопий того времени. В любом случае книга Луи Наполеона призывала политиков быть социально активными. Через четыре года это способствовало огромному успеху его на выборах.

Когда Луи Наполеон снова появился в Англии в 1845 г., едва ли можно было подумывать, что он сделает еще одну попытку взять власть во Франции. Тяжелый кризис 1846—47 гг. и всеобщая неудовлетворенность избирательным правом все же привели 22.2.1848 г. к революции, свергшей короля Луи-Филиппа и провозгласившей республику. Сначала ею управляли известный поэт Альфонс Ламартин, республиканец Александр Август Лендрю-Ролан и социалист Луи Бланк. Луи Наполеон прибыл в Париж через шесть дней после революции. Но новое прави-

тельство вынудило его вернуться в Лондон. Вернувшийся в Париж Персиньи мобилизовал приверженцев дома Бонапарте на выборы конституционного национального собрания, которое 23.4 впервые с 1792 г. состоялись на основе всеобщего, равного тайного избирательного права. Был избран младший брат императора, бывший король Вестфалии Жером, а также два других члена дома Бонапарте, и в начале мая большинство национального собрания провозгласило республику.

На довыборах в Национальное собрание 4.6 Луи Наполеон отказался баллотироваться. Однако Персиньи вставил его имя в списки отдельных департаментов, он победил в департаменте Сены (т.е. в Париже, в ближайших окрестностях и в трех провинциальных департаментах, в том числе на Корсике). Однако Луи Наполеон отказался от депутатского мандата и в открытом письме президенту Собрания через три дня сообщил, что он делает это для сохранения порядка и республики.

Такая выжидательная позиция была оправдана. Ибо десять дней спустя выступили недовольные рабочие города, и наделенный чрезвычайными полномочиями военный министр Луи Эжен де Кавеньяк подавил их восстание с никогда еще не виданной Парижем жестокостью. Так была дискредитирована приветствовавшаяся городом и деревней республика: консервативные крестьяне, в значительной степени ориентированные на церковь, боялись «левого», революционного Парижа и искали спасения в дурном, а левые видели теперь в новом режиме систему предательства, в то время как буржуазия испытывала страх одновременно перед пролетарской революцией и клерикально-консервативной реакцией. С военной точки зрения, республика, казалось, была спасена, но нация, к которой она апеллировала, была расколота глубже, чем прежде. Пришло время «сильного человека», и в этой

роли можно было представить себе только одного: Луи Наполеона Бонапарта. На следующих довыборах 18. он победил в шести департаментах в провинции, также вновь на Сене — и здесь с преимуществом более чем в 100 тыс. голосов.

На этот раз он принял избрание, но не появился на политической сцене, а в середине октября объявил о своей готовности принять пост президента республики. Выборы 10.12.1848 г. принесли ему прямо-таки триумфальную победу: при участии около трех четвертей электората он получил с 5,4 млн. голосов почти 75%, в то время как его противник Кавеньяк — лишь 1,4 млн, а прочие кандидаты, вместе взятые, менее 500 тыс. голосов.

Причины такой победы на выборах многообразны. Уже современники признавали, что победил, собственно говоря, миф о Наполеоне. Легенда о народном императоре, который заботился о бедных, с течением времени все больше укреплялась. Кроме того, Бонапарт стоял над партиями. Официальный кандидат правительства, премьер-министр Кавеньяк, верный принципам республиканец, был неприемлем всеми теми, кто был возмущен июльской резней в Париже. Решающее влияние на исход выборов оказала позиция «орлеанистской» буржуазии, а также консервативных сторонников дома Бурбонов, дворянских и клерикальных кругов «легитимности». Ни одна из этих группировок не располагала политиком, который мог бы рассчитывать на успех в борьбе за президентское кресло. Адольф Тьер, бывший министр Луи-Филиппа, а в последние годы лидер так называемой династической оппозиции, добился того, что самые влиятельные лица обеих партий выступили в поддержку Луи Наполеона. Считалось, что он легко поддается влияниям и, кроме того, будет препятствовать установлению республики. По окончании его срока они надеялись провести собственного, монархически на

строенного кандидата, и с его помощью вернуть королевское правление. При всем том самые проникательные наблюдатели вполне отдавали себе отчет, что в лице Луи Наполеона Бонапарта на высшую государственную должность пришел человек, стремившийся к восстановлению наполеоновской империи.

Казалось, что принятая 4.11.1848 г. конституция явится для этого препятствием. Хотя она наделила президента республики большими полномочиями и дополнительно усилила его позиции благодаря прямым выборам, так что он обладал той же легитимностью, что и Национальное собрание, все же срок его полномочий был ограничен четырьмя годами и исключались его пере выборы. 9.10 Национальное собрание отклонило статью, запрещающую избрание члена тех семей, которые прежде правили страной, в уверенности, что республика достаточно сильна. Были поставлены большие препятствия для изменения конституции. Чтобы осуществить его, Национальное собрание вначале должно было тремя четвертями голосов вынести решение о необходимости этого и затем принять поправку на им самим избранном собрании двумя третями голосов. Со стороны республиканцев нескрываемые устремления нового главы государства воспринимались весьма серьезно, и не верилось, что президент решится на государственный переворот и откажется покинуть свой пост в конце четвертого года новой республики.

Лидерами кабинета, созданного Луи Наполеоном, были «левый орлеанист» Одилон Барро в качестве премьер-министра и министра юстиции, а также легитимист Альбер Фаллу в качестве министра образования (по его инициативе был разработан знаменитый закон о свободе преподавания, принятый в марте 1850 г., который сделал возможным основание профессиональных школ и высших учебных заведений и этим восстановил влияние католической церкви на

систему образования). Этим президент в какой-то степени передал политическую инициативу на улицу Пуатье. С большим трудом ему удалось добиться, чтобы его информировали о важнейших политических мероприятиях. Только в области внешней политики ему была предоставлена некоторая свобода действий, но его инициатива тесного союза с Великобританией вначале не очень продвинулась. Она не в последнюю очередь касалась совместных действий в пользу либеральных движений в Италии, которые в течение года пришли там к власти и поддерживать которые против австрийского влияния на Апеннинском полуострове Париж и Лондон считали необходимым. Войска, посланные в ноябре 1848 г. в Рим, ликвидировали основанную там республику и вернули на престол папу. С тех пор французская воинская часть заботилась о том, чтобы он находился у власти в своем клерикальном государстве, в своей области.

Изменение политических целевых установок в Италии совпало с внутривнутриполитическим поворотом, который произошел в середине мая вследствие выборов первого законодательного Национального собрания. На них приближенные к улице Пуатье группировки, выступавшие под собирательным наименованием *Parti de l'Ordre*, получили подавляющее большинство — 450 из 750 мест. Выборы стали тяжелым поражением для умеренных республиканцев, как и для «бонапартистов», в то время как на другой стороне радикалов — левые республиканцы и социалисты, назвавшие себя новой «партией Горы» (*Montagne*), со 180 мандатами образовали не решающий, но все же серьезный противовес. Их вождь Ледрю-Роллен пытался в Национальном собрании выступить против итальянской политики правительства, ссылаясь на ст. V преамбулы конституции, которая провозглашала уважение суверенитета других наций. Одновременно инициированные левыми в середине июня беспорядки остави-

лись ограниченными и были подавлены в зародыше, Ледрю-Роллен бежал в Лондон. Все эти разбирательства пошли на пользу президенту, хотя ему приходилось опираться на партию порядка. Он совершал поездки по провинциям, чтобы повысить свою популярность и зарекомендовать себя государственным деятелем, стоящим над внутривластными спорами. В конце октября 1849 г. он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы отправить в отставку правительство Барро/Фаллу и сформировать кабинет из независимых, по большей части им самим избранных специалистов, без премьер-министра. Выдающимся умом нового правительства был банкир Ашилл Фульд, возглавлявший финансовое министерство. Приверженец Сен-Симона, сторонник либеральной экономической политики, он способствовал развитию современного финансово-кредитного дела, без чего был бы немыслим экономический подъем Второй империи. Тем временем Луи Наполеон использовал положение главы государства, чтобы занять своими приближенными как можно больше офицерских постов, а также важных чиновничьих постов, прежде всего префектов департаментов и парижского префекта полиции.

Национальное собрание могло лишь более или менее безучастно наблюдать за всем этим. Орлеанисты и легитимисты думали о том, что после восстановления монархии вначале станет королем внук Карла X, граф Анри де Шамбор, а затем, поскольку он был и мог остаться бездетным, внук Луи-Филиппа, и они на следующих президентских выборах должны провести переходного кандидата. Республиканцы, как и раньше, являлись яркими противниками президента и восстановления монархии. Но их сторонников, как и сторонников монархистов, в стране становилось все меньше. Заслуга в подъеме экономики приписывалась прежде всего главе государства, и Луи Наполеон не уставал повторять во время своих поездок по стране, что он

является гарантом этого, но ему необходима большая политическая свобода и продление срока правления.

Весной 1850 г. на довыборах левые добились такого успеха, что большинство решило изменить избирательный закон: в будущем правом голоса обладали лишь те, кто жил в данной общине не менее 3 лет. Это отняло право голоса почти у 1/3 имевших его — в основном у ремесленников, промышленных и сельских рабочих, которым приходилось передвигаться по стране в поисках работы. Скрепя сердце согласился подписать этот закон Луи Наполеон. В будущем он мог завоевать симпатии левых, согласившись на восстановление старого избирательного закона.

Политическое положение 1851 г. характеризовалось, с одной стороны, увеличивающейся раздробленностью основных политических группировок и вследствие этого застоєм в Национальном собрании, с другой — тем, что президент настолько укрепил свои позиции, что получил без особых хлопот подавляющее большинство при избрании на второй срок. Напротив, большинству депутатов Национального собрания на проходивших весной 1852 года парламентских выборах приходилось опасаться потери своего места. Луи Наполеон начал ревизию конституции с той целью, чтобы сделать возможным переизбрание главы государства. Соответствующий запрос 12.7 получил подавляющее большинство в 446 голосов против 278, но не требовавшееся по конституции большинство 3/4 из 543. Поэтому ему можно было остаться у власти только путем государственного переворота.

Он был подготовлен Огюстеном де Морни (1811–1865), сводным братом Наполеона, сделавшим карьеру уже во время Июльской монархии как депутат, финансист и связавшим свою судьбу с восходящей звездой младшего Бонапарта только после 1848. Момент для государственного переворота был нарочно выбран во время новой сессии Национального

собрания, чтобы держать депутатов под контролем в столице. После неоднократного откладывания установили срок — ранние утренние часы 2.12, в годовщину коронации Наполеона I и его победы под Аустерлицем. Морни, назначенный новым министром иностранных дел, координировал процесс, в то время как около 50 тысяч войск окружили Париж. Стратегически важные пункты, а также национальная типография, откуда исходили соответствующие прокламации, были заняты надежными полицейскими силами, а около 80 депутатов, от которых можно было ожидать активного сопротивления, арестованы. Национальное собрание было распущено, конституция 1848 г. потеряла силу. Тем не менее в ночь с 3 на 4.12 в Фобурж Сент-Антуан дошло до сооружения баррикад и кровавых столкновений. В 27 департаментах войскам пришлось усмирять возмущение. В конце концов в 32 департаментах было объявлено осадное положение. В общей сложности было арестовано 30 тыс. человек, из которых около 3 000 получили тюремное заключение и около 10 000 были депортированы из Франции. Из них около 250 на пресловутый дьявольский остров Гвиана. Многие оппозиционеры отправились в эмиграцию, среди них знаменитый писатель Виктор Гюго, который впоследствии резко выступал против «Наполеона Малого».

Хотя государственный переворот ни в коем случае не являлся «победоносной» революцией, как переворот он не был непопулярен. В высших финансовых кругах были прямо-таки счастливы из-за стабилизации политических отношений, а всенародное голосование, состоявшееся, согласно действовавшему с 1850 г. избирательному закону, 14 и 21.12.1851 г., принесло 7 млн голосов «за» и 700 тысяч «против», при 2 млн воздержавшихся — вполне убедительный результат, даже учитывая тот факт, что более чем в трети департаментов и в столице было введено военное положение.

Конституция, которую Луи Наполеон провозгласил 14.1.1852 г., была полностью приспособлена к нему. Он сам назначался президентом на 10 лет с возможностью неограниченных перевыборов. Каждый министр мог общаться с главой государства, но все они не обладали правом заседаний в качестве кабинета и над ними не было премьер-министра.

Государственный совет состоял из 40—50 специалистов, в компетенции его находилась подготовка законопроектов и представление их парламенту. Министры и государственные советники назначались исключительно президентом. Он был к тому же главнокомандующим вооруженными силами. Он даже обладал правом, которое было предоставлено его дяде как «первому консулу» в 1802 г., назначать себе преемника. «Законодательный корпус» как парламентское представительство прямо избирался народом, причем и здесь действовало неограниченное всеобщее избирательное право (для мужчин старше 21 года). Законодательный корпус был существенно уменьшен по сравнению с Национальным собранием: так как на 35 000 избирателей приходился только один депутат, в народном представительстве было всего 216 мест (в 1869 г. на последних выборах Второй империи — 292). Такое собрание легче контролировать, чем почти в три раза большее. Парламент был почти бесправен: он не обладал ни законодательной инициативой, ни правом посылать правительству запросы. Бюджетное право было ограничено тем, что парламент по отдельным статьям представленного президентом бюджета был уполномочен либо принять, либо отвергнуть его. Президиум назначался президентом государства. Дебаты не публиковались, а их итог отражался в протоколе, представляемом президентом прессе. Таким образом, прессе, и так жестоко контролируемой, было крайне трудно следить за работой парламента.

Наряду с бесправным парламентом существовало учреждение, которое действительно являлось фактором власти, — сенат. Он состоял из 150 членов, прямо или косвенно назначавшихся президентом (речь шла о высших офицерах армии и флота или о кардиналах католической церкви Франции, которые автоматически туда попадали), но тот факт, что они получали свой мандат пожизненно, давал им все же определенную независимость. Сенат был своего рода верхней палатой парламента, прежде всего контрольным органом, который должен был проверять все законы на соответствие конституции и мог сам вносить изменения в конституцию. Однако прежде они должны были быть одобрены президентом. Тем не менее сенат принимал большое участие в конституционных реформах последней фазы Второй империи.

Из всех институтов, которые управляли Второй республикой в последний год ее существования, институт президентства был важнейшим. В сущности, это был глава государства с диктаторскими полномочиями. Объяснялось это тем, что он был избран, т. е. зависел от воли народа, к которой он всегда мог прямо обратиться посредством референдума по вопросам особой важности и каждые 6 лет должен был проводить выборы законодательного органа. Впрочем, правительство поддерживало только официальных кандидатов, и избирательные округа были нарезаны таким образом, что оппозиционно настроенные части страны не имели шансов посылать в Париж депутатов, настроенных против режима. Тем не менее в конце концов оказалось, что эта сконструированная Луи Наполеоном тесная связь между главой государства и народом была ахиллесовой пятой режима.

Когда провозгласили новую конституцию, стал ясно, что она будет способствовать переходу к империи по образцу наполеоновской. 1852 г. прошел под знаком агитации за установление новой Империи, внешнепо-

литически и прежде всего внутривластически. Внешнеполитически следовало разъяснить, что восстановление империи во Франции не означает возврата к экспансионистской политике Наполеона I и ни в коем случае не приведет к силовой ревизии границ. Словами «Империя — это мир» президент закончил 9.10 свою речь в Бордо. О ней подробно сообщалось в прессе как в стране, так и за границей. В то время он находился в длительной поездке по стране, во время которой на тщательно организованных новым министром внутренних дел Персиньи митингах специально назначенные люди все время выкрикивали: «Да здравствует император!». Возобновление империи было весьма популярным. 21—22.11 состоялся всенародный референдум по соответствующему конституционному закону, который сенат принял за две недели до этого: он показал 7,8 млн голосов «за» и только 253 тысячи «против» (большинство противников воздержалось, и число таких воздержавшихся, как в декабре предыдущего года, было около 2 млн). 27.12.1852 г. для главы государства было восстановлено императорское достоинство и бывший президент принял имя Наполеон III.

18 лет он правил Францией как император.

Его трудно характеризовать. Даже современникам, желавшим ему добра, этот среднего роста, слегка флегматичный и с возрастом все более рыхлый человек казался непроницаемым как сфинкс (его так часто называли), он не смотрел собеседнику в глаза, что усиливало впечатление загадочности и замкнутости. Тем не менее он казался хорошим слушателем, и мог, например, беседуя у камина, просто очаровать своего собеседника. Это касалось и прекрасного пола: всю свою жизнь, пока болезнь почек не отравила ее радость, он пускался в любовные авантюры — даже после женитьбы в 1853 г. на дочери испанского графа Евгении де Монтихо (1826—1920), родившей ему в 1856 г. наследника трона Луи Наполеона (ум. в 1879 г.).

Примечательными чертами его натуры были ярко выраженное чувство семьи и неколебимая благодарность по отношению к тем, кто помогал ему в его политическом возвышении. Привлечение «наполеонидов» к управлению государством свидетельствует о прямо-таки средиземноморском клановом духе: наряду с его сводным братом Морни сын Наполеона I от польской графини Марии Валевской граф Александр Флориан Иозеф Валевский (1810—1868), а также его дядя Жером, бывший король Вестфалии (1784—1860), во время его президентства получили важные функции в Corps Legislatif и сенате; сын Жерома Наполеон-Жером, как он себя называл (1822—1891), стал министром по делам колоний и тем не менее мог безнаказанно критиковать императора и демонстрировать свои республиканские наклонности. Так же крепко Наполеон III был привязан к своему старому соратнику Персиньи: он произвел его в герцоги, после того как ему пришлось в 1863 г. в ходе постепенной либерализации режима отправить его в отставку.

Что касается способностей императора как государственного деятеля, то он был особенно силен в области дипломатии. Здесь он достиг наибольших политических успехов, пока не столкнулся с намного превосходящим его в этой области Бисмарком. Характерной для его политической воли была раздвоенность, часто даже противоречивость убеждений и целеполаганий. Так, с одной стороны, как глава государства он был авторитарен и полон сознания власти, благоволил к зажиточным слоям и сам купался в роскоши. С другой — он считал себя демократом в прямом смысле и заботился об улучшении судьбы бедных классов. То же касалось и внешней политики. Он был настоящим французом, глубоко проникнутым идеей величия Франции. Это побудило его последовательно бороться против национальных движений в Италии и Германии, так как они могли стать мощными конкурентами для его страны.

Но он слишком долго жил в Германии и Италии, чтобы не считаться с их правом на существование в качестве национальных государств. Он считал, что, поддерживая национально-государственные устремления в обеих странах, он в виде благодарности имеет право на получение территориальных уступок и, таким образом, мирное расширение границ Франции. Ибо племянник великого Наполеона был кем угодно, только не человеком войны: одним из самых кошмарных переживаний в его жизни были страдания раненых и умирающих, которых он видел в июне 1859 г. после битвы при Сольферино. Бисмарк, вероятно, правильно заметил, что разум императора, видимо, переоценивают за счет его сердца.

Такое суждение прусский премьер-министр вынес после 1866 г., когда звезда Наполеона уже клонилась к закату. Однако 50-е годы как во внешней, так и во внутренней политике были для него успешными. Во внутренней политике его режим извлекал выгоду из всеобщего улучшения экономической конъюнктуры и невиданного экономического роста, который, впрочем, прежде всего обогащал и без того богатых, но кое-что перепало крестьянам и рабочим. Поэтому система правления фактически не оспаривалась, и любая оппозиция попадала в меньшинство, если сразу же не подавлялась полицейскими мерами. Во внешней политике император делал ставку на тесное сотрудничество с Великобританией, прежде всего в Крымской войне против России. Тот факт, что конгресс, восстановивший мир в Европе, в 1856 г. состоялся в Париже и был не только знаком явного роста престижа Наполеона, но и доказал, что Франция вновь в кругу великих держав решает судьбы европейской системы государств и что не только на Темзе, но и на Сене определяются основные линии европейской политики. Участие в конфликте между Австрией и королевством Сардиния-Пьемонт в 1859 г. сделало Францию

третейским судьей на Апеннинском полуострове. 1860 г. во многих отношениях стал поворотным пунктом в истории Второй империи. Возникновение итальянского национального государства, объединившего различные княжества между Альпами и Сицилией, к которому была присоединена также большая часть клерикального государства, стоило императору симпатий койсервативно настроенных кругов избирателей Франции. Они рассматривали ограничение светской власти папы как непростительное умаление прав главы католической церкви. А когда император в конце января 1860 г. заключил с Великобританией так называемый Кобденский договор, упразднивший таможенные пошлины между двумя странами, то этот шаг (с экономической точки зрения весьма разумный — с него в Европе началась длившаяся до 70-х г. эра свободной торговли) отнял у него симпатии значительной части тех предпринимателей, которые наживались на высоких французских пошлинах. Наполеон вынужден был искать благоволения новых слоев избирателей. Этого не могло произойти без либерализации системы правления. Она осуществлялась с 1861 г. отдельными шагами и в 1869/70 г. вызвала к жизни либеральную империю. Всенародный референдум по новой конституции в мае 1870 г. принес Наполеону веские подтверждения: казалось, что император вновь находится в согласии с народом...

Правление Наполеона III уже в его время называли «бонапартистским». Под «бонапартизмом» понимали и понимают прежде всего особую, ориентированную на народ и постоянно ссылающуюся на «волю народа» форму диктатуры в монархическом одеянии, так называемый «демократический цезаризм», в какой-то степени практиковавшийся Наполеоном I. В конечном счете император ответствен перед избирающим его народом — как бы он ни манипулировал его настроениями. Это уменьшает вес собственного народного пра-

вительства. Ограничения, которые предусматривала конституция для прав и деятельности законодательного корпуса, вытекали из особых отношений, существующих между главой государства и народом. Но это была только конституционная сторона бонапартизма. Кроме всего этого, он считал себя системой правления, которая должна способствовать экономическому подъему на благо всех. Это основное положение, по мнению Наполеона, ни в коем случае не противоречило тому, что во Второй империи экономическая политика правительства благоприятствовала преимущественно богатым, т. е. предпринимателям и рантье, жившим на проценты с государственных бумаг. Ибо от общественного вспомоществования должны были бы извлекать выгоду и самые бедные, в особенности рабочие. В любом случае бонапартизм нельзя считать замкнутым в самом себе государственным, общественным и экономическим учением, а лишь широким практическим использованием названных принципов.

Счастливым обстоятельством для возрожденной монархии было то, что к началу 50-х гг. мировая экономика двигалась навстречу новому подъему, длившемуся до конца правления Наполеона. Этот подъем был обусловлен, кроме прочего, открытием новых месторождений золота в Калифорнии и Австралии, вследствие чего увеличился оборот денег, которые в те времена делались из благородных металлов. Примерно половина вновь добытого золота текла во Францию, и это положило конец хронической нехватке капиталов в последние десятилетия, потому что теперь запас серебряных монет мог быть дополнен запасом золотых. Экономическая жизнь получила сильный толчок, тем более что император сделал ставку на экспансивную экономическую политику. На его стороне находился ряд «сен-симонистски» настроенных советников — наряду с уже упоминавшимся Фулдом братья Эмиль и Исаак Перейра, основатели банков-

ского дома Credit mobilier (в 1867 г. скандально обанкротился), экономист Мишель Шевалье, который в 1860 г. добился договора о свободной торговле с Великобританией, инженер Полен Талабо, прославившийся строительством железных дорог не только в самой Франции, но и в Алжире и Италии, а также не в последнюю очередь Жорж Хаусман — с 1853 г. префект департамента Сены, отвечавший за строительные преобразования в Париже.

Решающим было то, что денежное обращение благодаря новым видам банковского и кредитного дела могло приносить пользу и тем, кто нуждался в капитале для широкомасштабных инвестиций. Это стало возможным после учреждения с 1852 г. банков. Появились и другие учреждения в больших городах и регионах. С их помощью можно было приступить к модернизации сельского хозяйства, промышленности и транспорта. Только теперь начало по-настоящему развиваться строительство железных дорог. Почти все известные и сегодня железнодорожные магистрали появились во время Второй империи, среди них магистраль Париж — Лион — Марсель. В области промышленности новая кредитная система способствовала больше всего развитию производства железа и стали, а также машин и локомотивов. На Парижской всемирной выставке 1855 и 1867 гг. Франция наряду с Великобританией показала себя как ведущая индустриальная держава, и это послужило одновременно впечатляющей презентацией Второй империи. Но в 1867 г. и французская столица предстала перед миром как один из самых значительных современных городов.

Париж после Восточного кризиса 1840 г. получил пояс укреплений, которые далеко отстояли от густонаселенной части. Незастроенные площади в 1861 г. были включены в состав городской общины, по почти безлюдным до сих пор районам были проложены новые улицы и завершены проходившей в пределах укреп-

ленного пояса кольцевой дорогой. Все городское пространство пронизали заложенные в 50 — 60-е гг. авеню и бульвары, обсаженные деревьями и иногда прерываемые площадями. Благодаря им стала более четкой система улиц. Это обеспечивало также более быструю переброску войск из одной части города в другую в случае восстаний. Бедняки были вытеснены из центра и переселены в окрестности. Началась спекуляция земельными участками. Этим занимались как многочисленные выскочки, так и представители крупной буржуазии, среди них сам префект Сены Хаусман. Из-за этого в 1869 г. он вынужден был оставить свой пост. Напряженную ситуацию в Париже в дикие годы преобразований впечатляюще описал Эмиль Золя в романах своей эпопеи «Ругон-Маккары. Естественная и социальная история одной семьи в период Второй империи» (1871 — 1893). Постепенно становилось ясно, что — во всяком случае в Париже — начала разгораться классовая борьба, чему император пытался противопоставить различные предупредительные меры: в 1864 г. он поддержал поездку делегации французских социалистов на конференцию I Интернационала в Лондон, в 1862 г. отменил датировавшийся еще первыми годами Великой революции закон, запрещавший объединения рабочих. Но обе эти меры не смогли привлечь рабочий класс полностью на сторону Второй империи. Так же мало это удалось в отношении части либеральной буржуазии, для которой Адольф Тьер (теперь оппозиционер) уже в 1863 г. требовал «необходимых свобод». Император пошел на встречу этому лишь в конце 70-х гг., начав постепенную либерализацию.

Она была вызвана пониманием того, что без внутренней реформы существование империи рано или поздно окажется под угрозой. Причем все в большей степени не хватало внешних успехов, чтобы предстать в стране гарантом величия Франции в духе Наполеона I. В 50-е годы все было иначе. Когда в 1854 г.

разногласия о судьбе Османской империи между Санкт-Петербургом и Лондоном привели к военным осложнениям, Наполеон III вмешался, чтобы разорвать существовавший против его страны фронт великих европейских держав и подвергнуть ревизии мировой порядок, установленный Венским конгрессом. Использование французского флота, который тогда находился на более высоком уровне, чем британский, сделало возможной транспортировку войск к месту военных действий на Черном море. Без участия Франции наверняка не удалось бы взять крымскую крепость Севастополь после 350-дневной осады в сентябре 1855 г. силами 80 тысяч французов и 50 тысяч британцев (кроме того, 15 тысяч человек направило королевство Сардиния). Несмотря на ужасающие потери (35 тысяч убитых и раненых только на французской стороне), победа западных держав в Крымской войне, которая продолжала удерживать царя вдали от Средиземного моря, была прежде всего триумфом Наполеона III. Так что само собой разумеется — последующий мирный конгресс пройдет во французской столице.

Парижский конгресс (26.2 — 30.3.1856 г.) под председательством графа Валуевского, на котором наряду с представителями стран-участниц присутствовали также оставшиеся нейтральными Австрия и Пруссия, подчеркнул, что Франция опять стала на континенте первой великой державой. Теперь в Вене и Берлине должны были внимательнее прислушиваться к слову из Парижа. Русское влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе ослабело. Император достиг этого (в отличие от своего дяди, потерпевшего поражение в британско-французском противостоянии) в согласии с Лондоном, решающая всемирно-политическая роль которого Парижем больше не оспаривалась, невзирая на предостережение своего министра иностранных дел о растущей и начале проявлявшейся только в экономической области силе Пруссии и единой Италии.

Наполеон III не хотел тесного сотрудничества с Веной. Австрия была и оставалась для него оплотом европейского порядка 1815 г., который так долго изолировал Францию. Он считал, что сможет ограничить ее влияние, поддерживая национальные движения в Германии и Италии, надежды которых все больше и больше направлялись на Турин и Берлин. Он поддерживал стремления к созданию национальных государств на Балканах, прежде всего в Румынии и Сербии, которым при господстве Высокой Порты был предоставлен статус автономии. Одновременно Франция стала на несколько лет третейским судьей на Ближнем Востоке как страж религиозной свободы христиан в Ливии и благодаря традиционно хорошим отношениям с египетским королевским домом. Таким образом стало также возможно осуществить план, о котором мечтали уже долгое время, — проложить сухоходный путь между Красным и Средиземным морями. Под подозрительным взглядом Лондона, недоверчиво наблюдавшим за французской сделкой на Ближнем Востоке, в 1859 г. под руководством Фердинанда де Лессепса было начато строительство 160-километрового Суэцкого канала. В 1869 г. он был торжественно открыт в присутствии императрицы Евгении, а также австрийского императора и прусского кронпринца. Празднества отметили последний большой внешнеполитический успех Второй империи.

Когда началось строительство Суэцкого канала, Наполеон III позволил вовлечь себя в конфликт по поводу объединения Италии, который сильно усложнил французскую внутреннюю и внешнюю политику в 60-е г. 14.1.1858 г. группа итальянских мятежников под руководством сторонника Мадзини Феличе Орсини совершила покушение на императора, вместе с семьей направлявшегося в Оперу. Наполеон не пострадал, но 8 человек были убиты и 130 ранены. Мотив, который Орсини перед казнью еще раз изложил

в письме императору, заключался в том, чтобы привлечь французских политиков на сторону итальянского национального движения. Наполеон III был глубоко потрясен происшедшим и действительно начал больше способствовать объединению Италии. Не проинформировав своего министра иностранных дел, он встретился с Пломбьере, курорте в Вогезах (он находился там в июле 1858 г. из-за начинающейся болезни почек) с премьер-министром королевства Сардиния, графом Каилло Кавуром. Оба решили спровоцировать Австрию на войну, в которой Франция примет сторону Сардинии. Цель войны заключалась, с одной стороны, в том, чтобы отнять у австрийского императора итальянские области — Ломбардию и Венецию, которые должны были отойти к Сардинии, а с другой — создать федерацию итальянских государств по образцу Германского союза. На Апеннинском полуострове должно было существовать четыре государства: наряду с королевством Сардиния-Пьемонт на севере, увеличенная за счет среднеитальянских государств и большей части клерикального государства также ставшая королевством Тоскана, королевство обеих Сицилий и само клерикальное государство, глава которого в виде компенсаций за территориальные потери назначался на почетный пост президента нового союза. За свою помощь Франция должна была получить Савойю и Ниццу, где предварительно были предусмотрены референдумы.

Действительно, в феврале 1859 г. удалось спровоцировать Вену на войну против Турина. Так как этим был нарушен союзный договор, французские войска вошли в Северную Италию. Под командованием самого императора, правда, всего лишь формальным, 4 и 24.6. австрияки потерпели поражение у Магенты и Сольферино. Однако уже 11.7 Наполеон III заключил перемирие с австрийским императором Францем Иосифом в Виллафранка. Для этого было много при-

чин: снабжение французского войска было затруднительным и началась эпидемия. В Центральной Италии начались восстания, целью которых было присоединение государств к Сардинскому королевству (Пьемонт). Пруссия, опасаясь нападения Наполеона на Италию, мобилизовала войска на Рейне. К тому же в самой Франции росло недовольство тем, что папе угрожала потеря большей части Папской области. Поэтому два императора договорились о том, чтобы организовать в измененной форме итальянский союз, во главе которого, как и раньше, должен был стоять папа; Ломбардия должна была отойти Сардинскому королевству, остальные итальянские государства оставались бы в прежних границах, а Австрия и Венеция вступили бы в новую федерацию. Однако этого не произошло. Вильяфранкские договоренности вызвали у большинства итальянцев большое негодование. Еще когда в ноябре 1859 г. воюющие стороны заключили мир в Цюрихе, полным ходом велись приготовления к присоединению княжеств центральной Италии, а также относящейся к Папской области Романьи к Сардинскому королевству. Наполеон предоставил события их собственному течению, а между тем на переговорах в Савойе и Ницце был вынесен вердикт о присоединении к Франции. В 1860 г. Центральная Италия присоединилась к Сардинии, и было провозглашено новое Итальянское королевство, в следующем году произошло объединение Королевства обеих Сицилий и провинции Марке, что означало дальнейшее ущемление Папской области.

Однако французский император не мог выполнить требований итальянцев присоединить Рим как будущую столицу. Папа Пий IX упорно отказывался от любого компромисса с новым государством и с помощью французских войск вынужден был защищать от аннексии оставшуюся у него область вокруг Вечного города, провинцию Лаци. Католическим кругам во Франции

этого было недостаточно, а итальянскому правительству слишком мало. Все же оно в так называемой Сентябрьской конвенции 1864 г. согласилось на то, чтобы не вторгаться в оставшуюся часть Папской области, после чего Наполеон вывел свои войска. Два года спустя, когда Пруссия и Австрия разрешили свой конфликт по поводу господства в Германии, а Новая Италия тщетно пыталась в союзе с победоносной Пруссией завоевать Венецию, в Риме тоже произошли столкновения. Вена наконец уступила Венецию Наполеону III, к которому обратились с просьбой о посредничестве в спорах с Италией, и он передал провинцию Итальянскому королевству. Однако в римском вопросе он оставался твердым; снова французские войска высадились на побережье Лаци и еще раз спасли Папскую область от аннексии. Только когда в начале сентября 1870 г. после свержения императора они были направлены против Пруссии, Итальянское королевство смогло присоединить оставшуюся часть Папской области и перенести столицу в Рим.

Позже, с 1866 г. итальянский вопрос соединился с немецким, решение которого еще больше затрагивало французские интересы. Если в Сардинском королевстве Наполеон имел дело с крупным политическим деятелем Кавуром, то в лице прусского премьер-министра Отто фон Бисмарка он получил превосходящего противника. Они знали друг друга со времени короткого пребывания Бисмарка послом в Париже летом 1862 г.; позже они тоже имели личные встречи, и от их совместных бесед у французского императора осталось впечатление, что в лице главы прусского кабинета он получил надежного партнера в осуществлении собственных планов в Центральной Европе. Целью этих планов было использовать немецкие национальные движения в качестве рычага для территориального расширения западнее Рейна. При этом для него речь шла о том, чтобы натравить друг на друга оба

немецких государств. В 1864 г. в конфликте вокруг герцогств Шлезвиг и Гольштейния этого сделать не удалось, однако Наполеон предотвратил вооруженную интервенцию западных держав в пользу Дании, отказав в участии Франции. Все же он настоял, чтобы в Пражский мирный договор между Австрией и Пруссией в августе 1866 г. был включен пункт, по которому датское меньшинство в Шлезвиге после всенародного голосования должно было вернуться в датскую федерацию. Правда, это постановление было реализовано только в 1920 г. Ввиду обострившихся с того времени столкновений между Германией и Веной из-за господства в Германии французский император был расположен скорее к Пруссии, однако не отказывался полностью и от Австрии. В октябре 1865 г. в Биаррице его посетил Бисмарк и намекнул ему, что в случае войны нейтралитет Франции может послужить поводом для территориальной компенсации. В феврале 1866 г. Наполеон III посредничал в заключении прусско-итальянского союза, который должен был вступить в силу, если в течение трех месяцев прекратится война между двумя немецкими государствами, и который должен был принести Итальянскому королевству австрийскую Венецию. Только тогда французский император, кроме создания французского вассального государства слева от Рейна, получил в случае своего нейтралитета обещания и от Вены.

Когда в июне началась война, он рассчитывал на длительные военные действия, в которые он думал вмешаться в качестве третейского судьи. Совершенно неожиданно война закончилась через семь недель: в начале июня прусские войска одержали победу над Австрией недалеко от чешского города Кениггрец (это сражение во Франции было названо «Садовским» по деревне, вокруг которой велись особенно ожесточенные бои) и быстро продвигались на Вену. Опасения Бисмарка, что мог вмешаться еще и Наполеон и вой-

ти в лишенную войск рейнскую область, привели к быстрому заключению Николосбургского предварительного мира (26.7), и, наконец, к Пражскому миру (23.8); в то время как Пруссия аннексировала целый ряд северонемецких государств, Австрия уцелела без территориальных потерь и существенного морального ущерба (не считая Венеции, которую, несмотря на успешную борьбу с Италией, пришлось уступить). Наполеон III предъявил свой счет уже 5.8: он потребовал восстановления установленной в Первом Пражском мирном соглашении 1814 г. франко-немецкой границы (то есть получение Ландау и Саарбрюккена) и, кроме того, был не прочь присоединить баварский Пфальц и Рейнгессен в качестве замены присоединения Великого герцогства Люксембургского. Одновременно его посол граф Бенедетти 16.8. в Берлине достиг договоренности, по которой Франция получала Бельгию и впредь не чинила бы препятствий объединению южнонемецких государств с будущим Северонемецким союзом под руководством Пруссии. Однако Бисмарк и не думал придерживаться этих договоренностей. Он затягивал ратификацию и одновременно взял на вооружение южнонемецкие страхи перед французской экспансией — таким образом, это привело к «оборонительно-наступательным союзам» между Баварией, Вюртембергом, Баденом с одной стороны, а также с Пруссией — с другой, которые должны были вступить в силу в 1870 г. Приобретение Люксембурга, о котором Наполеон с помощью подкупа договорился с нидерландским королем Вильгельмом III, несмотря на большие симпатии населения Великого герцогства, натолкнулось на сопротивление парламента, а также на умело манипулируемое Бисмарком общественное мнение Северонемецкого союза: в мае 1876 г. конференция европейских держав в Лондоне приняла решение о нейтрализации страны, которая осталась в немецком таможенном союзе, и из ее столицы, до 1866 г.

союзной крепости Немецкого Союза, были выведены прусский войска. Таким образом, вместо того, чтобы получить выгоду от внутринемецких разногласий, Наполеон в глазах международной общественности выглядел нарушителем спокойствия и опозоренным. Бисмарк в 1870 г. сообщил наконец Лондону французский план 1866 г. получить Бельгию. Так как аннексия нейтрального с 1831 г. государства чувствительно затрагивала британские интересы, это способствовало тому, что Объединенное королевство осталось нейтральным в франко-прусской войне. То, что французские интересы были отодвинуты в сторону событиями 1866 г., крайне взбудоражило общественное мнение во Франции. «Месть за Садову!» — был лозунг прессы. Император тем более не мог позволить себе этого поражения и унижения в люксембургском вопросе, что тогда он угодил в большую неприятность на другой территории. В 1867 г. он потерпел большую неудачу при попытках превратить Мексику во французское вассальное государство.

Активность Франции в Мексике датируется началом 60-х гг. Там после некоторых внутренних распрей к власти пришел президент Бенито Хуарес. Он для приведения в порядок финансов страны ликвидировал внешние долги, что привело к большому беспокойству в финансовых кругах крупных стран-кредиторов — Великобритании, Франции и Испании. Во Франции на вооруженном вторжении настаивали прежде всего императрица, которая была связана с богатыми мексиканскими эмигрантами, и Морни, который в свою очередь со времен Июльской монархии был тесно связан с интересами банкиров и купцов. Вторжение произошло в конце 1861 г. в союзе с британскими и испанскими войсками. Но тогда как Лондон и Мадрид быстро отзывали войска, Наполеон III решил воспользоваться удобной возможностью для образования из Центральной Америки зависимого от

Франции государства, которое в какой-то степени должно было служить воротами для экономического проникновения в Латинскую Америку. При этом прежние мечты объединились с конкретными экономическими интересами. Еще во время своего заключения в Хэме Луи Наполеон составил памятную записку о строительстве канала между Тихим и Атлантическим океанами, который должен был проходить через Никарагуа. Теперь он мечтал о приобретении больших территорий, которое сделало бы возможным осуществление этого плана и создало бы процветающую страну с романским языком под руководством ведущей латинской нации. Этим, кроме всего прочего, должен был быть остановлен все более ощутимый экономический перевес США в Центральной Америке. В 1863 г. посредством введения в бой крупных войсковых соединений удалось взять город Мехико. Страна получила «императора» милостями Наполеона в лице эрцгерцога Максимилиана Австрийского, который смог добиться столь же малого, как и французские войска в своей попытке одержать верх над становящейся все более интенсивной партизанской войной мексиканского президента. За ним стояла мощь превратившихся в великую державу США, которые после окончания в 1867 г. Гражданской войны стали снова дееспособны во внешнеполитическом отношении. На рубеже 1865/66 г. положение французов в Мексике стало невыносимым: в феврале 1867 г. французские войска покинули страну. Однако Максимилиан Габсбургский отказался уйти с ними, был арестован и в июне расстрелян по приговору военно-полевого суда. Мексиканская авантюра принесла Франции потерю более 6000 солдат, материальный ущерб в сумме 336 млн франков и потерю международного престижа.

Он ударил по Наполеону III в тот момент, когда его престиж в собственном лагере был более чем спорным внутриполитически. Один сатирик написал тог-

да, что из всех Бонапартов ему нравится больше всего «Наполеон II», который никогда не взошел на трон. К тому же император сдал физически и был сильно ограничен в своей дееспособности. Во второй половине 60-х гг. ему много хлопот доставляла почечно-каменная болезнь, которая из-за коллик время от времени выводила его из строя. В 1869 г. установили, что камень застрял, и до самых почечных лоханок загноились мочевой пузырь и мочеточник. Предполагалось, что дни его сочтены. Императрица, которая все больше и больше вмешивалась в государственные дела и при этом отстаивала антиреформаторскую линию, для того чтобы продемонстрировать его дееспособность, 7.9 распорядилась отнести его на заседание Государственного совета, где он сразу же упал в обморок. Тем не менее, он выздоровел. Если он с 1866 г. предоставил больше прав Законодательному корпусу — запросы в парламенте, согласование отдельных статей государственного бюджета, самостоятельное ведение протоколов заседаний, то результат выборов конца мая 1869 года вынудил его к решительным реформаторским шагам. Кандидаты от правительства, правда, получили большинство, 4,4 млн голосов против 3,4 млн за оппозицию (2,3 млн воздержавшихся), однако даже в правительственном лагере теперь преобладали те, кто выступал за либерализацию конституции. После этого Наполеон назначил главой кабинета противника режима Эмиля Оливье (1825—1913), который в последние годы показал себя способным к компромиссам. Первый раз за время Второй Империи было образовано правительство, пользующееся доверием парламента. К тому же приступили к радикальной конституционной реформе, по которой Сенат был превращен в своего рода верхнюю палату, а Законодательный корпус вместе с ним и императором получил законодательную инициативу. Правда, правительство, как и раньше, назначалось императором, однако от-

ныне требовалось одобрение выборного органа. Даже если Наполеон III сохранил право в казавшихся ему важными вопросах обращаться напрямую к народу, на месте прежней диктатуры фактически образовался парламентско-демократический режим. Состоявшееся 8.5.1870 г. всенародное голосование большинством в 7,5 млн против 1,6 млн голосов (при 1,9 млн воздержавшихся) принесло полное одобрение новой конституции, и переполненный ликованием император сказал своему сыну, что этим плебисцитом он до некоторой степени коронован.

Установление либеральной империи рассматривалось как тактический маневр, с помощью которого Наполеон III хотел выиграть время и выбраться из внутри- и внешнеполитической пропасти. Даже если это и так, конституционную реформу трудно было бы повернуть вспять, так как оппозиция в стране сильно возросла. Поэтому изменение конституции, возникшее из-за слабости положения императора, даже если оно и не было задумано всерьез, считалось потенциально прочным. Однако дальнейший ход истории Второй империи не позволяет сделать об этом окончательного вывода.

К несчастью, влиятельные французские политики, не считая Оливье, соблазнились на то, чтобы взять на себя затеянное Пруссией военное столкновение по поводу образования малонемецкого национального государства. Так как Бисмарк знал, что объединение южнонемецких государств с северонемецким союзом могло осуществиться только при ожесточенном сопротивлении Франции, он сознательно решил на войну. Эта война застала Вторую империю в самый неблагоприятный для нее момент.

Сам Наполеон III извлек правильный урок из внутринемецкой войны 1866 г. и сделал его достоянием общественности. Всеобщая воинская повинность в Пруссии и организация войска сделали страну пре-

восходящей в военном отношении более богатую населением, более экономически и финансово сильную Францию. Инициированная императором военная реформа была выхолощена: основным ее принципом осталась возможность, что в случае призыва богатые люди кунят себе рекрута, из-за чего состав войска должен был быть значительно меньше, чем у Пруссии. К тому же, как раз в 1869 г. умер ответственный за реорганизацию армии военный министр маршал Адольф Ньель, и таким образом энергичные в начале меры застопорились. Когда в 1870 г. критически обострились отношения между Парижем и Берлином, во Франции психологически, но отнюдь не практически и даже дипломатически, были готовы к военным столкновениям. Ни Лондон не собирался дальше играть на руку гегемонии Наполеона III на континенте, ни установление контактов с Веной и Флоренцией, где тогда находилось итальянское правительство, не принесли перспектив на то, что Берлин в случае вооруженного конфликта останется в изоляции.

Остальное довершил дипломатический талант Бисмарка. В качестве рычага ему послужило сделанное испанцами в начале июля 1870 г. предложение наследному принцу Гогенцоллерн-Зигмаринген выставить свою кандидатуру на мадридский трон. В Париже хорошо помнили о травме габсбургских тисков, и в правительстве, как и в прессе, разразилась буря негодования. Король Вильгельм I как глава династии запретил своему дальнему родственнику выступить кандидатом на трон, однако французское правительство потребовало от императора дальнейших шагов; сначала он колебался, но потом уступил давлению жены. Французский посол Бенедетти лично явился к прусскому королю, находившемуся тогда на лечении в Эмсе, с требованием, чтобы Гогенцоллерны навсегда отказались от этой кандидатуры. 13.7. Вильгельм принял его довольно сдержанно, его телеграфированное

в Берлин сообщение о беседе было отредактировано Бисмарком для прессы так, что создавалось впечатление, что посол грубо и невежливо обошелся с королем и что Вильгельм отказался впредь вообще принимать его. Последнее было воспринято как неслыханное оскорбление Франции. Публикация «эмской депеши» настолько разожгла страсти в Париже, что 15.7.1870 г. последовало объявление войны Берлину.

Франция вместо того чтобы спокойно записать себе в актив успех после отказа от гогенцоллерновской кандидатуры, этим поступком полностью изолировала себя в международном плане. Большой император равнодушно взял на себя командование своими войсками и 28.7. отправился в Мец, во французскую штаб-квартиру. Неожиданно для него по Германии прокатилась сильная волна солидарности: южнонемецкие государства выступили на северонемецко-прусской стороне, из франко-прусского столкновения выросла «немецко-французская» война. Несмотря на некоторое превосходство в вооружении, французские войска быстро потеряли инициативу, тогда как немцы от пфальцско-эльзасской границы продвинулись в глубь страны. 9.8. пал кабинет Оливье, и доверенное лицо назначенной регентшей императрицы бонапартист граф Паликао возглавил правительство. Измученный колитами и наполовину одурманенный болеутоляющими средствами император был лишь тенью самого себя и фактически передал командование маршалу Базену. Императорские войска в конце августа были окружены в Меце и Седане, где находился сам Наполеон III. 1.9 император, который неоднократно пытался найти смерть в бою, прекратил ставшее бессмысленным сопротивление и дал приказ о капитуляции. Днем позже город был сдан, а сам Наполеон стал военнопленным. 4.9 мятеж в Париже смел Вторую империю; когда там была провозглашена республика, императрица Евгения отбыла в Англию.

Бисмарк в письме к жене от 3.9 (которое с другой немецкой фельдпочтой попало в руки французов и никогда не дошло до адресата, через два года было опубликовано во французской печати) в трогательных словах описал свою встречу с побежденным императором, с которым он имел часовую беседу в простом доме одного рабочего, «в каморке площадью в десять футов с одним еловым столом и двумя плетеными стульями. Какой контраст с нашей последней встречей в Тюильри в 1876 г.». И продолжает: «Наша беседа была тяжелой, так как я не хотел касаться тем, которые болезненно затронули бы сраженного могущественной рукой Господа человека». Наполеон был доставлен в Вильгельмсгое, у Касселя, откуда он в марте 1871 г. уехал в Англию, после того как вновь избранное французское Национальное собрание подтвердило его низложение. В Англию его доставила яхта бельгийского короля.

Он вместе с императрицей и юным принцем обосновался в Кэдмен-Хаусе, имении в Чизлхерсте, недалеко от Лондона. Так как он почти не имел состояния за границей, жизнь семьи была очень скромной. После того как Наполеон получил временную передышку от болезни почек, в конце 1872 г. боли снова возобновились. В начале января была сделана безуспешная попытка с помощью операционного вмешательства раздробить камень в мочевом пузыре. Но распад почек зашел так далеко, что у императора началась уремия. В утренние часы 9.1.1873 г. он от нее умер. Его жена, с которой он более или менее помирился после натянутых отношений последних лет его жизни, пережила его почти на полвека. Их единственный сын погиб в 1879 г. в Африке, где он служил офицером британских колониальных войск. Его тело обрело последнее пристанище рядом с императором, в воздвигнутом в 1888 г. мавзолее церкви Фарнборо в Хэмпшире. Порядок наследования и претензии на

французский императорский титул перешли к потомкам принца Наполеона-Жерома.

Правда, бонапартизм, как идея, продолжал жить во Франции, даже если ни один из членов династии Бонапартов не был в состоянии ее воплотить. Третья республика, просуществовавшая до 1875 г., разумелась как компромисс между традициями Июльской монархии, республики 1848 г. и Второй империей, то есть скорее как консервативно ориентированный режим. В конце 80-х гг. страна возложила напрасные надежды на генерала Буланже, как на «нового Бонапарта». Ввиду постоянных правительственных кризисов Третьей и Четвертой республик возникла тоска по новой, демократически легитимированной «сильной личности». В конечной фазе первой мировой войны эту роль взял на себя республиканец Жорж Клемансо, в 1940 г. монархически настроенный маршал Филипп Петен, наконец, в 1958 г. консервативный, но демократически ориентированный генерал Шарль де Голль, который, как и его преемники, осуществлял стиль руководства, которым после мая 1870 г. вполне мог бы воспользоваться Наполеон III. Без шума, лишенный власти, император влиял на французскую историю гораздо дольше, чем он мог мечтать во время короткого отрезка жизни, который был ему уготован в британском изгнании.

АВТОРЫ

Райнер Бабель, род. в 1955 г., изучение истории, политических наук и германистики; государственный экзамен в 1982 г., присуждение ученой степени в Мюнхене в 1989 г. С тех пор является научным сотрудником и референтом в области истории Нового времени в Немецком историческом институте Парижа, кроме того, преподавательская деятельность по предмету «Новейшая история» в Боннском университете.

Важнейшие публикации: «Между Габсбургом и Бурбоном», «Внешняя политика и европейское положение герцога Карла IV Лотарингского и Барского от прихода к власти до ссылки» (1624 — 1634). Как издатель: «Франция в европейской государственной системе в эпоху Нового времени».

Нейтхард Булет, род. в 1941 г. Образование: история, романистика, политические науки в Гейдельберге, Киле, Лионе и Гиссене, государственный экзамен в 1965 г., присуждение научной степени в Гиссене в 1968 г. Университетский профессор общей истории со специализацией по общественной и конституционной истории позднего средневековья и нового времени в Билефельде с 1978 г.

Публикации: «Этюды о монастырской реформе Вильгельма Дижонского /1973. «Французские Генеральные штаты от 1468 по 1484 г.» (1992), «Средневековая жизнь и история» // 1968/, «Болезни и общество» /XII — XVIII в. /1989/, «Между види-

мостью и действительностью. Одежда и идентификация в сословном обществе» /1993/.

Альберт Кремер, род. в 1941 г., с 1976 г. научный референт по истории в Институте Макса Планка в Геттингене.

Публикация: «Дворянство при королевском режиме во Франции», Бонн, 1981 г.

Михаель Эрбе, доктор философии, профессор новой истории в университете Мангейма. Присуждение научной степени в 1967 г., получение доцентуры в Берлинском университете в 1974, там же профессор с 1975 — 1989 гг.

Публикации: «История Франции от Великой революции до Третьей Республики, 1789 — 1884 г.г. /1982/, «От Консульства до либеральной Империи». Текст к французской истории 1799 — 1870 г. /1985/, «Бельгия — Нидерланды — Люксембург. История нидерландского пространства» /1993/, статьи по истории французской конституции 19 и 20 вв.

Петер Клаус Гартманн, род. в 1940 г. в Мюнхене. Образование: история и романистика, присуждение ученой степени в 1967 г. в Мюнхене, получение доцентуры в 1967 г. в Мюнхене, степень доктора Социальных наук в 1969 г., 1970 — 1981 гг. научный сотрудник в Германском историческом институте в Париже, преподавал в университетах Парижа, Майнца, Мюнхена, Регенсбурга, с 1988 г. профессор общей и новой истории в Майнцком университете.

Важнейшие публикации: «Карл Альбрехт Карл VII. Счастливый курфюрст и несчастливый император», Регенсбург, 1985 г.; «Французская история нового времени /1450 — 1980 г.г./», Дармштадт, 1985; «Бавария в настоящем. От династического герцогства до вольного государства сегодня», Регенсбург, 1989 г.

Внимание! Файл скачан с портала – <http://natahaus.ru/>
This file was downloaded from natahaus.ru portal

Файл взят с сайта <http://www.natahaus.ru/>

где есть ещё множество интересных и редких книг,
Данный файл представлен исключительно в
ознакомительных целях.

Уважаемый читатель!

Если вы копируете данный файл,
Вы должны незамедлительно удалить его
сразу после ознакомления с содержанием.
Копируя и сохраняя его Вы принимаете на себя всю
ответственность, согласно действующему
международному законодательству .
Все авторские права на данный файл
сохраняются за правообладателем.
Любое коммерческое и иное использование
кроме предварительного ознакомления запрещено.

Публикация данного документа не преследует
никакой коммерческой выгоды. Но такие документы
способствуют быстрейшему профессиональному и
духовному росту читателей и являются рекламой
бумажных изданий таких документов.

Все авторские права сохраняются за правообладателем.
Если Вы являетесь автором данного документа и хотите
дополнить его или изменить, уточнить реквизиты автора
или опубликовать другие документы, пожалуйста,
свяжитесь с нами по e-mail - мы будем рады услышать ваши
пожелания.